

— TIME OF LEGENDS —

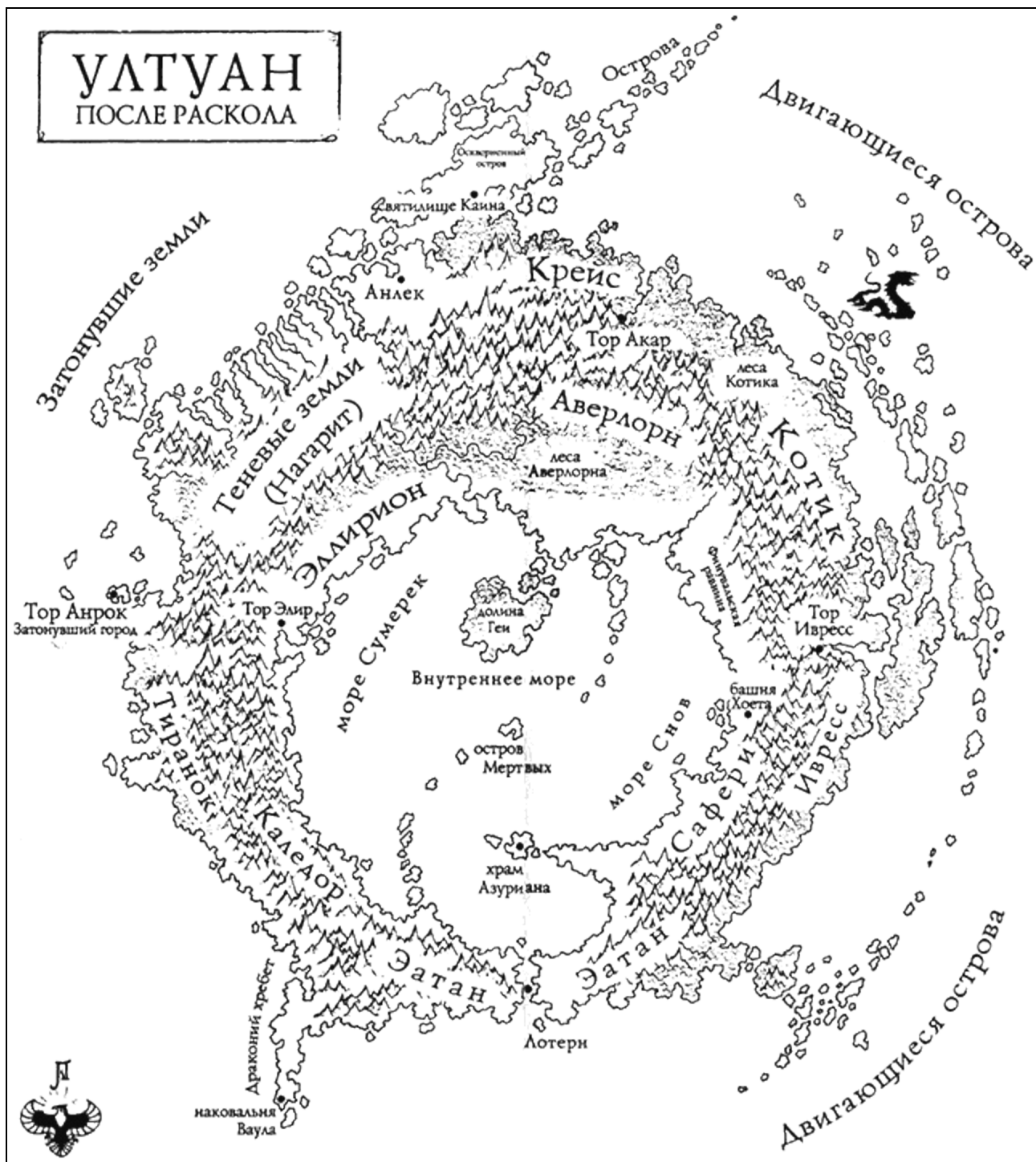
КОРОЛЬ ТЕНЕЙ

История Раскола

ГЭВ ТОРП

Annotation

Некогда прекрасный остров Ултуан зажат в тисках гражданской войны. Дом Анар предали, а его членов убили. Уцелел только юный Алит. Теперь молодой князь вынужден ступить на темный путь, принять свою судьбу и стать Королем Теней. Во мраке он настигнет врагов, но его жажда мести никогда не будет утолена.

Гэв Торп

КОРОЛЬ ТЕНЕЙ

Самая трагическая история Времени Легенд повествует о падении великих эльфийских домов и вознесении трех королей: Феникса, Колдуна и Тени.

Когда-то в мире царил порядок, но было это так давно, что никто из смертных уже не помнит о нем. С незапамятных времен эльфы жили на островах Ултуана. Там от своих создателей, загадочных Древних, узнали они тайны магии. Эльфы долго процветали на своем прекрасном острове под правлением Вечной Королевы, и беды обходили их стороной.

Но нашествие Хаоса уничтожило цивилизацию Древних, и эльфы лишились своих покровителей. Демоны Хаоса разоряли Ултуан и истребляли его жителей.

Тьме и ужасу противостоял Аэнарион, первый Король-Феникс, Защитник Эльфов.

Жизнь Аэнариона протекала среди войн и раздоров, и только благодаря принесенной им и его соратниками жертве демонов удалось победить, и народ выжил. После него эльфы какое-то время наслаждались эпохой процветания, но однажды все великие свершения пошли прахом.

Воинственные эльфы Нагарита не находили покоя в мирном существовании; со временем они начали сражаться друг с другом и с эльфами из соседних княжеств.

Там, где когда-то царила гармония, начались раздоры. На смену миру пришла горькая война.

Слушайте же предание о Расколе.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Дитя Курноуса

Смута в Нагарите

Неотступная Тень

Предательство Малекита

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Юный охотник

В эпоху своего правления первый Король-Феникс, Аэнарион-Защитник, основал в суровой северной области Ултуана княжество Нагарит. Там нагаротты — так называли подданных Аэнариона — изучали искусство войны и создали внушительную армию для защиты от демонов Хаоса.

Оплотом Аэнариону служила неприступная крепость Анлек — там он жил со своей королевой Морати и держал двор. Там они произвели на свет сына, Малекита. На пике своей власти, когда до победы над демонами оставалось совсем немного, Аэнарион погиб, и правление Нагаритом перешло в руки его сына. Малекит исполнил обещания отца и защитил земли и состояние князей, которые сражались бок о бок с Аэнарионом. Но затем его увлек дух войны и приключений, и Малекит отправился сражаться в колонии.

Вторым после великого Каледора Укротителя Драконов король Аэнарион почитал Эолорана из дома Анар, который был знаменосцем Короля-Феникса. Ему Малекит отдал лежащие среди холмов и подножий Кольцевых гор земли на востоке Нагарита. Эолоран правил от имени Аэнариона и Малекита, и его подданные наслаждались покоем и благополучием.

Он был мудрым князем и расширял влияние своего дома, не вступая в конфликты, хоть и отправил сына Эотлира ненадолго в колонии, чтобы тот узнал, что такое война. Княгиня погибла во время войны с демонами, после ее смерти Эолоран стал замкнутым, но тем не менее никогда не отказывал в помощи низкородным дворянам Нагарита. Шли годы, и стремящиеся к свершениям князья обретали известность — деяния Эолорана начали стираться из памяти эльфов за пределами Эланардриса.

Когда Малекит покинул Нагарит и отправился на завоевание новых земель, в его княжестве стали прорастать всходы раздора. Морати завидовала дарованной Эолорану власти, к которой тот прибегал лишь изредка, и плела интриги, чтобы поссорить дом Анар с остальными княжествами Ултуана. В то же время вдовствующая княгиня все больше прибирала к рукам власть над Анлеком и Нагаритом. Эолоран не желал говорить о заговорах даже со своей семьей, так что родным оставалось только догадываться, какие планы строит старый эльф для возрождения семейной славы и строит ли вообще. Эолоран запретил всем жителям Эланардриса посещать Анлек и довольствовался тем, что рассылал другим князьям письма, напоминая о полученной столетия назад помощи и принесенных дому Анар клятвах верности. Сын Эолорана, Эотлир, пытался поддерживать былой статус княжества, но его не отпускало чувство, что грядут перемены. Он не мог объяснить, что именно его настораживало: какие-то видения на краю зрения, звуки за пределами слуха, неуловимый запах в воздухе.

Стоял сезон холодов тысяча сорок второго года правления Короля-Феникса Бел Шанаара. На родине анарцев гулял северный ветер и нес с гор зимний холод. С высоких вершин, неторопливо вихрясь, летел снег. Дальние опушки сосновых лесов накрылись белыми шапками, и суровая зима с каждым днем подбиралась все ближе. Майет плотнее завернулась в длинную шаль из темно-синей шерсти — они с мужем Эотлиром стояли в саду особняка Эланардриса. Князь обнял ее за плечи и улыбнулся.

— Внутри ждет тепло очага, зачем ты стоишь на холоде? — спросил он.

— Слушай, — ответила женщина.

Оба замолчали, и какое-то время тишину нарушал только шелест ветра. Затем до них донеслось отдаленное карканье.

— Одинокая ворона зимой, — произнес Эотлир. — Думаешь, это плохой знак?

— Да. Хотя вряд ли он сулит что-то худшее, чем полный дом неожиданных гостей из Анлека, которые ищут у нас убежища.

— Это временно. Когда-нибудь князь Малекит вернется и положит конец выходкам Морати. Нам нужно набраться терпения.

— Выходкам? — Майет горько рассмеялась. — Ты называешь убийства и разврат «выходками»?!

— В Анлеке много ее сторонников. Но хватает и тех, кто считает правление княгини незаконным и готов сопротивляться.

— Когда? — требовательно спросила Майет. Она высвободилась из объятий мужа и устала на него. — Уже много лет они ничего не делают, и мы тоже бездействуем.

— Морати — мать князя Нагарита, вдова Аэнариона; откровенный бунт против нее будет считаться предательством. На данный момент достаточно того, что мы правим своими землями и не пускаем сюда охватившую Анлек проказу. Если Морати попытается открыто посягнуть на нашу власть, то ее ждет гораздо более сильное сопротивление, чем она предполагает.

— А как же Тарион, Фаергиль, Лохстет и прочие, которые сейчас живут в нашем доме и боятся вернуться в Анлек? — спросила Майет. — Разве они не князя Нагарита? Они тоже когда-то считали, что Морати не посмеет открыто выступить против них.

— Ты хочешь, чтобы я стал предателем и узурпатором? — резко спросил Эотлир. — Или, что еще хуже, остаться вдовой и лишиться нашего сына отца? В Анлеке Морати имеет власть, но тут, в горах, у нее руки коротки. Она может попробовать разделаться с нами по одному, но пока мы держимся вместе, она не решится выступить против нас. Треть нагаритского войска находится за границей вместе с Малекитом. Еще одна треть в свое время приносила клятву верности отцу и его союзникам. Морати не умеет создавать солдат из воздуха, тут ей не поможет колдовство и предсказания.

— Твой отец имеет в своем распоряжении половину военных сил Нагарита — и что он делает? — презрительно бросила Майет. — Он прячется здесь и пишет письма. Разве все мы не сыновья и дочери Нагарита? Наше войско должно встать под воротами Анлека и потребовать отречения Морати. Достаточно бед она причинила народу.

— А как насчет Малекита, наследника Аэнариона, нашего законного правителя? — Эотлир взял жену за плечи. — Ты думаешь, ему понравится, что кто-то штурмует Анлек без его ведома? И как он отнесется к тем, кто угрожает его матери? Скажу тебе сразу, мой отец умрет от стыда, если его станут считать предателем. Вот почему он собирает сторонников единственным доступным ему способом.

— Тихо, — вдруг быстро проговорила Майет и обняла мужа.

Эотлир повернулся и заметил юного эльфа, лет тридцати от роду, который спускался по широким ступеням особняка. На нем был кожаный охотничий костюм, отороченный пятнистым мехом и перетянутый ремешками, а в руках он держал тонкий черный лук и колчан со стрелами.

— Снова тренировка, Алит? — спросил Эотлир и высвободился из рук жены. — Ты же

и так знаешь, что ни один князь в горах не сравнится с тобой в меткости и никто не может похвастаться такой твердой рукой.

— Ты преувеличиваешь, отец, — серьезно ответил юноша. — Хурион говорит, что его кузен из Крейса, Менхион, может попасть на лету в куропатку с сотни шагов.

— Хурион много чего говорит, сынок, — улыбнулась Майет. — Если верить его рассказам, то четверо его кузенов зададут жару любому войску.

— Я знаю, что он преувеличивает. Тем не менее, я с ним поспорил и докажу, что он врёт. Весной я буду соревноваться с Менхионом. Я должен поддержать честь дома Анар. А сейчас мне нужно практиковаться, пока не лег снег.

— Ладно, но возвращайся до темноты, — разрешил Эотлир.

Алит кивнул, закинул колчан за плечо и зашагал прочь. Он знал, что родители считают его замкнутым, даже нелюдимым. Они часто перешептывались и замолкали, стоило ему оказаться рядом, но юноша отличался наблюдательностью и острым слухом и прекрасно понимал, что дела в Нагарите идут плохо. Дом был полон беглых князей, которые отказались поддерживать Морати и ее жуткие культы.

Он также знал, в отличие от отца и деда, что подобные дела улаживаются не дипломатией, а силой. Молодой князь очень ценил, что его семья избегает прямого конфликта с правителями Нагарита, но понимал, что однажды наступит и его черед возглавить дом Анар, и его переполняла решимость за время своего правления сделать мир лучше того, в котором они жили сейчас. Пусть за ним следуют из уважения, а не из страха — а завоевывать уважение надо как можно раньше, иначе потом окажется поздно.

Алит оставил позади ухоженные сады и через серебряные ворота в высокой ограде вышел к холмам — они громоздились у подножья Сурил Анарисы, Лунной горы, вздымаясь все выше и выше. Гора и ее окрестности тоже считались землями анарцев и были подарены им самим Аэнарионом. Неприветливая зимой, эта местность в теплое время года изобиловала дичью, а на лежащих ниже лугах располагались отличные пастбища для овец и коз. Когда-нибудь здешние земли перейдут ему, поэтому юный князь выбирался на прогулки по ним как можно чаще, чтобы знать их не хуже родного дома.

Сегодня он направился на северо-восток, вдоль русла Инна Вариты. Холодная река начинала свой путь в скрытых на склоне Сурил Анарисы пещерах и питала холмы Эланардриса чистой водой, а потом исчезала под землей в Хайметских водопадах далеко на юге.

Алит шел по извилистому берегу и наблюдал, как сверкает в прозрачной воде серебристая чешуя — это рыба прыжками преодолевала каменистые протоки. Юноша решил перебраться на северный берег и ловко запрыгал с камня на камень, не обращая внимания на скользкую поверхность и омывающий подошвы бурный поток.

На другом берегу он нашел старую, ведущую к холмам тропинку и зашагал среди темных валунов и облетевших кустарников. Через некоторое время он вошел под полог соснового леса, где под ногами хрустела прихваченная инеем хвоя. Легкая походка эльфа почти не оставляла следов, и вскоре он перешел на бег, быстро пробираясь под переплетенными раскидистыми лапами сосен.

Алита вело внутреннее чутье, подпитываемое теплом солнца, выглядывавшего из-за высоких облаков, омывающим лицо ветром и легким наклоном почвы под ногами. Он продвигался на восток вдоль подножия гор так уверенно, будто держал перед собой карту. В

ветвях хлопали крыльями птицы, а в подлеске шмыгали мелкие четвероногие охотники, даже не догадываясь о близости эльфа. Наконец князь вышел к каменному откосу, могучим уступом рассекающему лес в глубину на несколько сотен футов. У подножия пряталась пещера с низким сводом. По горному склону спустилось облако и затянуло поляну полупрозрачной серой дымкой, в которой растворялись цвета и звуки.

Алит нырнул в каменный проем и оказался в широкой пещере, освещаемой лишь льющей через вход полоской солнечного света. Эльф протянул руку вправо и нашарил скобу на стене, а в ней связанный из веток факел. Князь произнес нужное слово, по веткам пробежала искра, и вспыхнул огонь. Освещая себе дорогу факелом, Алит углубился в пещеру.

Она расширялась во внушительных размеров подземный зал, выточенный природой. Слившиеся за века сверкающие сталактиты и сталагмиты образовывали колоннаду под стать величественному собору. Зал не случайно походил на храм, ведь Алит вошел в одно из тайных святилищ Курноуса, бога-охотника. Свет мигающего факела заплясал по дюжинам черепов, размещенных в стенных нишах: волчьих и лисьих, медвежьих и оленьих, ястребиных и кроличьих. Некоторые украшала позолота, на других были вырезаны тонкие руны с просьбами и благодарностями.

Все черепа были подношениями Курноусу.

Хотя больше всего его почитали в Крейсе, который славился своими охотниками по всему Ултуану, Курноуса не забывали и в тех уголках острова, где население еще не перебралось в постоянно растущие города. В Эланардрисе тоже поклонялись богу-охотнику, ведь тут близкий к природе образ жизни еще не вытеснился чопорностью и формальностью Азуриана и прочих богов.

Земляной пол дикого храма покрывали мертвые листья. Стены украшали нарисованные краской сцены охоты, где хищники преследовали добычу. Самые древние изображения потускнели и стерлись, но они перемежались более яркими, недавними рисунками. Алит знал, что приходит сюда не он один, однако он никогда не встречал в святилище других охотников.

Сегодня у юноши не нашлось богатого подношения, хотя раньше он всегда радовал Небесного Волка великолепными жертвами. Молодой эльф преклонил колени перед алтарем — каменной колонной, усыпанной ветками, пеплом и прочим мусором. Факел он воткнул в выдолбленную в камне дыру, затем взял пригоршню наломанных заранее веточек и сухих листьев, вытащил из факела один горящий прут и принялся раздувать пламя. Со словами благодарности Алит бросил объятую огнем ветку в миниатюрный жертвенный костер. Затем вытащил из прикрепленного к поясу мешочка тонкую полоску вяленого мяса оленя, убитого им дюжину дней назад. Насадил приношение на похожий на вилку сучок и положил на костер — мясо тут же принялось шипеть и плеваться жиром.

Алит присел со скрещенными ногами перед алтарем и положил на колени лук. Прикрыл его руками и прошептал обращенные к Курноусу слова; он благодарил божество за подаренную добычу и просил удачи в следующих охотах.

Некоторое время он молча просидел в раздумье со склоненной головой. Юноша пытался отвлечься от своих тревог и сосредоточиться на грядущей охоте. Он представлял, как стоит на вершине Сурил Анарисы: горное солнце обжигает его лицо, и перед ним простираются дикие земли. Затем нарисовал в голове звериные тропы, источники, куда звери приходят на водопой, места их охоты. Перед внутренним взором возникла карта Сурил Анарисы, хотя ее там и сям прерывали темные пятна — те места, куда он еще не забредал.

Когда Алит почувствовал, что воздал богу достаточное почтение, он встал и направился к выходу; карта гор еще держалась перед мысленным взглядом. При помощи очередного известного охотникам слова он погасил факел и воткнул его на место, для следующего посетителя; кто им окажется, сам князь или кто-то другой, значения не имело. Пригнувшись, Алит вышел из пещеры и застыл на месте.

Прямо перед ним в сгущающемся тумане стоял олень. Великолепный самец, в холке выше его самого, с ветвистыми рогами шире, чем размах рук молодого князя. Абсолютную белизну шкуры нарушало лишь черное пятно на груди. Олень смотрел на Алита карими глазами, не боялся и не делал попыток напасть.

Юноша медленно выпрямился и уставился на зверя. Олень пригнул голову и встряхнул рогами, провел по земле копытом. Алит уверился, что перед ним посланное Курноусом знамение, но не мог разгадать его смысл. Олень начал тревожиться, закинул голову и издал трубный звук. Алит сделал шаг ему навстречу, успокаивающим жестом вытянул перед собой руку, но олень посмотрел на восток и умчался в лес.

Алит проследил за направлением его взгляда и увидел спрятавшегося за деревьями эльфа. Закутанный в плащ из черных перьев незнакомец сидел на вороном коне, а его лицо и волосы полностью скрывал капюшон.

Князь невольно потянулся к своему луку, и ему пришлось отвернуться, чтобы вытащить его из чехла. За это ничтожное мгновение всадник исчез. Алит наложил стрелу на тетиву и метнулся к опушке. Следов на земле не осталось — ни нога эльфа, ни копыто лошади даже не примяли присыпанную инеем хвою.

Два непонятных явления одно за другим сильно встревожили Алита; он внимательно оглядел поляну, но больше ничего не заметил. Князь убрал стрелу с тетивы и бегом бросился обратно к особняку. Все мысли об охоте мигом вылетели у него из головы.

Наследник дома Анар решил не рассказывать семье о странных встречах, ведь у родных и так достаточно было хлопот помимо приключений сына. За зиму воспоминание поблекло, в конце концов, Алит и сам уверовал, что ему привиделся сон наяву. Мысли о странных знамениях и таинственных всадниках сменились более насущными волнениями: к юноше пришла любовь.

Накануне дня середины лета Алит наслаждался солнцем. Он лежал на траве, одетый в короткую, без рукавов, тунику из белого шелка и смотрел в безоблачное небо, а лицо, руки и ноги омывало приятным теплом.

— Какое редкое зрелище, — произнесла Майет и присела на склоне поросшего травой холма рядом с сыном. За ее спиной на откосе горы сверкал белоснежными стенами особняк дома Анар, столица Эланардриса. В садах группками собирались эльфы; они пили вино и разговаривали, а одетые в серебристо-серые ливреи слуги разносили подносы с деликатесами.

— Что? — Алит повернулся на бок и приподнялся на локте.

— Улыбка, — в свою очередь улыбнулась мать.

— Я не могу грустить в такой чудесный день, — провозгласил Алит. — Голубое небо и сияние лета — тьма не в силах омрачить его.

— И?.. — Майет пристально взглянула на сына. — В этом году было много подобных дней, но я не видела тебя таким счастливым с того момента, как ты выпустил свою первую стрелу.

— Тебе мало того, что я счастлив? И почему бы мне не радоваться лету?

— Не пытайся меня перехитрить, упрямец, — игриво продолжала Майет. — Может, есть причины твоей безудержной радости? Может, дело в завтрашнем празднике середины лета?

Алит прищурился и сел.

— Ты что-то слышала, — сказал он и встретился с матерью взглядом.

— Немного тут, немного там, — небрежно махнула рукой она. — По дороге сюда я встретила Каентраса. Ты, наверное, его знаешь — это отец Ашниели.

При упоминании молодой эльфийки Алит отвернулся, и Майет рассмеялась при виде его внезапного смятения.

— Значит, это правда! — триумфально улыбнулась она. — Если судить по счастливому настроению и влюбленному выражению лица, которое появляется у тебя при виде Ашниели, она согласилась пойти с тобой на танцы?

— Да, — с крайним смущением ответил Алит. — Если отец разрешит, конечно. А что именно он тебе сказал?

— Только то, что ты бегаешь по лесам как заяц и одеваешься как пастух, — ответила Майет.

Расстроенный Алит собрался встать, но мать положила ладонь ему на руку и остановила его.

— И он очень рад, что за его дочерью ухаживает сын дома Анар, — быстро добавила она.

— Он разрешил?

— Разрешил. Надеюсь, ты занимался танцами, а не бегал все время с луком в руках.

— Калабрет учил меня, — заверил мать Алит.

— Пошли. — Майет встала и протянула сыну руку. — Ты должен поздороваться с Каентрасом и поблагодарить его.

Она помогла сыну подняться с земли, и тот неуверенно выпрямился, оглядывая собравшихся эльфов будто стаю голодных снежных волков.

— Он уже дал согласие, — напомнила Майет. — Просто не забывай о вежливости.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Тьма Анлека

Для эльфов, чья жизнь измеряется веками, время летит быстро. Год для них равняется дню в исчислении обычных людей, поэтому интриги и отношения у них всегда развиваются медленно. Юный и нетерпеливый Алит Анар завоевывал сердце Ашниели два года, от середины лета до середины лета, письмами и ухаживаниями, танцами и охотами. Зачарованный холодной красотой нагаритской девушки, наследник дома Анар отложил в сторону все свои заботы и какое-то время просто предавался счастью — или, по крайней мере, мечтам о будущем счастье. Так и получилось, что он почти не прислушивался к тревожному перешептыванию родителей и проводил гораздо меньше времени в лесах; вместо этого он поселился в своем кабинете и библиотеке Эланардриса, где изучал поэзию, чтобы произвести впечатление на возлюбленную, или слушал мать, когда та пересказывала ему древние легенды о двух божественных влюбленных, Лилеат и Курноусе.

Чтобы доказать Ашниели свою любовь, юный анарец заказал лучшим мастерам плащ из ткани цвета полуночи, расшитый бриллиантовыми звездами. Тонкие серебряные нити связывали их в созвездия. Алит просмотрел астрономические записи семьи и сам выбрал узор — тот показывал расположение созвездий на небе Ултуана в день рождения Ашниели. Все это он проделал втайне от семьи, потому что хотел порадовать Ашниель подарком на грядущий праздник середины лета и не желал, чтобы до ушей девушки дошли слухи о нем.

Наступил долгожданный вечер, и слуги принялись развешивать на деревьях волшебные фонари. Их желтый свет растворялся в бронзовых лучах заката, но когда солнце скрылось за горизонтом и небо замигало первыми звездами, сияние фонарей разлилось по саду золотистыми озерами. В воздухе висела беззаботная болтовня, по дворикам и дорожкам ухоженных садов Эланардриса под звон хрустальных бокалов и журчание фонтанов прохаживались гости.

Алит торопливо пробирался сквозь толпу, выискивая Ашниель. Завернутый в шелковую бумагу из восточных колоний плащ он держал под мышкой. Сверток получился легким, как перышко, но юноше он казался свинцовым. В душе бушевали радость и страх. Алит обогнул очередную пышно украшенную лужайку и направился обратно к вымощенной камнем площадке, где подавали угощение.

Гости на мгновение расступились, и Алит заметил Ашниель. В свете фонарей она казалась прекрасной: серые глаза блестели, на лице застыло выражение спокойного достоинства. Алит начал пробираться через толпу к девушке, но в нескольких шагах от нее путь юноше преградил высокий эльф, вынудив того резко остановиться. Алит поднял глаза, собираясь уже обойти помеху, и увидел Каентраса, на лице которого застыло подозрительное выражение.

— Алит, — произнес князь Каентрас. — Я тебя искал.

— Искал? — Алит растерялся и заволновался. — Зачем? То есть, чем я могу служить?

Каентрас улыбнулся и положил руку ему на плечо.

— Не надо так пугаться, Алит, — покровительственно сказал эльф. — Я принес приглашение, а не плохие новости.

— О. — Лицо юноши просветлело. — На охоту?

Каентрас вздохнул и покачал головой.

— Далеко не вся наша жизнь проходит в лесах, Алит. Нет, меня посетили гости из Анлека, и я хочу тебя с ними познакомить: это жрицы, которые предскажут судьбу тебе и Ашниели. Я думаю, если пророчества окажутся благоприятными, можно будет обсудить союз между нашими домами.

Алит открыл рот и понял, что не знает, что ответить. Юноше пришлось сжать челюсти, чтобы удержаться от какой-нибудь глупости, поэтому он просто кивнул и постарался выглядеть мудрым. Каентрас нахмурился.

— Я думал, ты обрадуешься.

— Я рад! — запаниковал Алит. — Очень рад! Все просто чудесно. Хотя... А если жрицы предскажут что-то плохое?

— Не волнуйся, Алит. Я уверен, что знамение будет к нам благосклонно.

Каентрас оглянулся на Ашниель, затем бросил взгляд на пакет в руках Алита. Князь кивнул и притянул юношу к себе, ведя его через окружающую Ашниель толпу.

— Дочь моя, свет зимних небес, — произнес Каентрас. — Взгляни, кого я нашел — он прятался тут, как мышонок в норе! Мне кажется, он хочет тебе что-то сказать.

Каентрас подтолкнул Алита, тот споткнулся и встал перед Ашниелью. Юный князь взглянул в серые глаза и растаял; поэма, которую он много раз повторял в библиотеке, вылетела из памяти. Алит сглотнул, пытаясь собраться с мыслями.

— Здравствуй, любовь моя, — сказала Ашниель, наклонилась и поцеловала Алита в лоб. — Я ждала тебя весь вечер.

Запах ее духов, настоянных на осенних полевых цветах, наполнил ноздри Алита, и у юноши закружилась голова.

— Я принес тебе подарок, — выпалил он, отступил на шаг и протянул перед собой сверток.

Ашниель взяла у него подарок, провела рукой по мягкой упаковке и бросила восхищенный взгляд на искусно завязанную ленточку. При помощи Алита она развязала ее, и шелковая бумага бабочкой порхнула на пол. Алит взял плащ за ворот и встряхнул, развернув во всей его сияющей красе. Из толпы раздались восхищенные вздохи, а на губах Ашниели заиграла довольная улыбка.

Юноша оглянулся и увидел, что, оказывается, во дворике собралось много народу, и за разворачивающейся сценой наблюдало уже несколько дюжин эльфов, в том числе его мать, отец и дед. Он внезапно осознал, что, возможно, его тайный план не был таким уж хитроумным.

— Позволь мне, — произнес Каентрас.

Он выступил вперед и взял у Алита плащ. Затем набросил его на Ашниель и ловко застегнул пряжку в виде полумесяца на ее правом плече. Когда Алит увидел свой подарок на возлюбленной, к нему вернулся дар речи.

— Ты сияешь в моей жизни подобно прекрасной звезде. — Юноша стиснул перед собой руки и поднял глаза к небесам. — Твой мимолетный взгляд способен перевернуть мир, а я расцветаю в твоей тени ночным цветком. Даже когда яркая Лилеат изливает с неба свою красоту, ее сияние не сравнится с тем светом, что исходит от тебя.

Снова послышались вздохи из толпы и перешептывания — многие сочли, что Алиту не следует сравнивать красоту смертной с Богиней Луны. Алит не удостоил их вниманием — пусть себе ворчат.

— Мое сердце пылает горячим солнцем, и только твоя душа способна отразить его

свет, — закончил он.

Ашниель с кокетливый улыбкой оглядела собравшихся девушек — ей льстила их зависть. Затем положила ладони на щеки Алита и улыбнулась.

— Лилеат отвергла Курноуса, но я не последую ее примеру, — сказала она. — Охотник поймал свою добычу в сверкающую ловушку, и ей не убежать.

Раздались радостные возгласы, им вторило все больше голосов, и Алит с Ашниелью обнаружили себя в середине веселой толпы, которая с удовольствием их поздравляла и осматривала прекрасный плащ. Юный князь почувствовал спокойствие, которого он не ощущал нигде, кроме как стоя на вершине горы с натянутой тетивой, и он позволил событиям просто течь вокруг него. Довольный, он взял у слуги бокал вина и поднял его, благодаря Каентраса, который одобрительно кивнул и исчез среди гостей.

Две луны только поднялись над горами, когда появился канцлер дома Анар Геритон — он желал поговорить с Эолораном и Эотлиром о чем-то, не терпящем отлагательства. Алит извинился перед Ашниелью и присоединился к отцу и деду.

— Он настаивает на разговоре с вами, — сказал Геритон.

— Тогда проводи его к нам, — ответил Эолоран. — Послушаем, что он скажет.

— Да, пусть выскажется перед всеми, — поддержал Эотлир.

С покорным вздохом Геритон зашагал обратно к особняку. На какой-то момент Алиту подумалось, что их посетил темный всадник, которого он видел в лесу несколько лет назад. С той встречи Алит замечал загадочного эльфа — по крайней мере, он предполагал, что это тот самый эльф, хотя и без особой уверенности, — еще несколько раз: тот наблюдал за юным князем то с горного перевала, то из-под раскидистых ветвей дерева. И всегда всадник исчезал прежде, чем Алит успевал до него добраться, и не оставлял за собой никаких следов.

Алит никому не говорил о странном наблюдателе; он опасался, что напрасно взбудоражит родных и все равно не получит ответов. Но эльф, который следовал от особняка за Геритоном, совсем не походил на таинственного всадника. Либо же он надел маскарадную личину, потому что на незнакомце красовался наряд, достойный ярого поклонника культа удовольствий.

Странного эльфа облаком окутывало несколько слоев прозрачной фиолетовой ткани, задрапированной так искусно, что складки скрывали срам и даже придавали его фигуре некое подобие достоинства. В правой брови сверкало серебряное кольцо с овальным рубином, и похожее украшение свисало из левой ноздри. Кончики темных, до плеч, волос были вытравлены до белизны, а в пряди вплетены бусины красного и голубого стекла. Алит заметил, что, несмотря на холеный и изнеженный вид, пришелец носил на поясе длинный, узкий меч с крестовой рукоятью, выполненной в виде двух сжимающих клинок ладоней.

— Почтенные князья, — низко поклонился незнакомец. — Позвольте представиться. Я Гелиокоран Хайтар. Я приехал из Анлека, чтобы поговорить с вами.

— Мы не желаем слушать послания из Анлека, — ответил Эолоран.

Вокруг уже собралось большинство празднующих и несколько слуг, и в воздухе повисла ощутимая враждебность. Гелиокоран, казалось, ничего не замечал и безмятежно продолжил:

— Ее величество королева Морати желает предоставить дому Анар аудиенцию, — сказал он и оглядел гостей. — И от своего имени я передаю приглашение также всем присутствующим здесь князьям.

— Королева Морати? — выпалил Эотлир. — По моим сведениям, Нагаритом правит

князь Малекит. У нас нет королевы.

— Как прискорбно, что даже здесь прихлебатели Бел Шанаара чувствуют себя как дома, — гладко парировал Гелиокоран.

При близком рассмотрении Алит заметил, что у посла очень странные глаза — с крошечным зрачком, а зеленая радужка практически полностью закрывает белок. Тонкая черная подводка только подчеркивала их необычный вид и создавала неприятный контраст.

— Мы сами разберемся, где правда, а где ложь, — произнес Эолоран. — Говори, зачем тебя послали, и покинь наш дом.

— Как пожелаете, — с преувеличенно церемонным поклоном ответил герольд. — Все княжества едины в глубокой неприязни к Нагариту, и желают сделать Малекита своей марионеткой. Поэтому сейчас он боится возвращаться на Ултуан. Чтобы обеспечить покорность князя, его близких друзей держат заложниками. Вот ваша правда. Бел Шанаар, обманом перехвативший у наследника Аэнариона трон Короля-Феникса, предал наггароттов. За минувшие несколько лет Бел Шанаар все громче выражает протест против наших традиций и обычаев, и королева Морати устала от его двуличия. Она созывает всех князей, капитанов и лейтенантов, которые еще хранят верность Нагариту, и приказывает им прибыть в Анлек, чтобы держать совет с величайшими правителями наших земель.

К концу тирады его голос посуровел, но тут же снова опустился до мягкого шелеста, а манеры скорее подходили умоляющему просителю, чем высокопарному послу.

— Приспешники Бел Шанаара, Феникса-узурпатора, убивают и держат в заточении невинных эльфов; их наказывают за развлечения и веру, за следование древним ритуалам нашего народа. Если вы позволите заговору безнаказанно разрастаться, Нагарит падет, и низкородные князья поделят его силу, как грызущиеся собаки. Если вы хотите увидеть, как отнимают ваши земли, забирают в плен детей, а слуг превращают в трясущихся от порки рабов, тогда оставайтесь здесь и ничего не делайте. Но если вы хотите, чтобы Морати сохранила земли и народ Малекита, чтобы он смог вернуть принадлежащий ему по праву трон наследника Аэнариона и короля Ултуана, возвращайтесь со мной в Анлек.

— Я не питаю особой любви к Морати, но я не питаю ее и к Бел Шанаару, — выступил из окружающей посла толпы Каентрас. — Если воины Короля-Феникса двинутся на мои земли, Анлек мне поможет?

— Это будет обсуждаться на совете, — ответил посланник.

— Какие у нас гарантии, что это не ловушка? — спросил Квелор, один из союзных с Анаром князей. — Откуда нам знать, может, в Анлеке нас ждут темница и цепи?

— Подобный раскол подарит преимущество нашим врагам, — ответил Гелиокоран. — Они мечтают стравить наггароттов друг с другом. Королева Морати не в состоянии дать гарантии, которые полностью развеют посеянные шпионами сомнения. Поэтому она взывает к чувству долга и текущей в ваших жилах силе. Вы все исконные сыновья и дочери Нагарита, и каждый знает, что поддерживать честь нашего княжества — это его право и обязанность. Если вы не хотите запутаться в чарах трусливых колдунов из Сафери и смотреть, как наши владения за морем захватывают торговцы из Лотерна и Котика, прислушайтесь к предостережениям королевы Морати.

— Ты искусно изложил свою позицию, — произнес Эолоран. — Мне еще никогда не доводилось слышать столько желчи, смешанной с медом. А сейчас ты передал, что хотел, и убирайся из моих земель.

— Ты не сможешь остаться в стороне в этой битве, Эолоран, — искренне возвал

посланник. — Уже много лет дом Анар отказывается выбирать, кому он служит, и вы собрали здесь своих друзей в попытке защитить их от грядущего конфликта. Но настало время открыто заявить о своей позиции. Ты можешь выбрать правильный путь и защитить свои земли от захватчиков из других княжеств, и твой род будет вознагражден властью и благосклонностью. У тебя еще есть время, чтобы отвернуться от Бел Шанаара и его приспешников. Но если ты решишь поддержать узурпатора, долго тебе не выстоять. Королева Морати сурова, ее гнев не минует предателей Нагарита. Ты лишишься власти, тебя начнут презирать все, на чье уважение ты привык рассчитывать, и твоя семья проведет остаток своих дней нищими кочевниками.

— Итак, угроза выдвинута, — сказал Эотлир. — Ты пытаешься представить дело так, будто мы зажаты между скалами и прибоем, и должны либо броситься на камни, либо утонуть.

— Тогда скажи мне, Эотлир, что подсказывает тебе сердце? — спросил Гелиокоран. — Что из сказанного мной является ложью? Неужели ты настолько доверяешь Бел Шанаару, что готов доверить ему судьбу своих владений?

Взволнованный Геритон снова торопился к ним от особняка.

— Снаружи вооруженные солдаты, мой князь, — сообщил он. — По меньшей мере три дюжины, насколько я разглядел. Их предводитель спорит с часовыми у ворот.

— И почему же посол прибывает к нам с оружием и готовым к схватке? — спросил Эотлир и указал на меч у пояса Гелиокорана. — И зачем воины у наших дверей?

— Стоят беспокойные времена, — ответил Гелиокоран. — Приспешники Бел Шанаара рыскают по лесам, как волки. Кому, как не тебе, знать, что надо быть начеку. Ведь как прискорбно даже представить, что враги подстерегут кого-то из твоей семьи.

— Убирайся! — прогремел Эолоран. — Забирай свои посулы и угрозы — и уходи!

Гелиокоран дернулся, будто на него замахнулись оружием, и метнулся к дому. Напоследок развернулся, наградил всех злобным оскалом и побежал, проталкиваясь сквозь толпу. С подноса упавшей служанки со звоном посыпались хрустальные бокалы. Не успел посол добежать до особняка, как Эотлир ринулся за ним.

— За мной! — крикнул князь. — Он откроет двери и впустит своих солдат!

Алит не побежал следом за остальными, а понесся к восточному крылу, где находились его покои. Высокие окна стояли открытыми, он без труда запрыгнул внутрь и откинул крышку сундука в ногах кровати, где держал лук и стрелы. С натужным вздохом он ловко натянул тетиву и подхватил колчан.

Рывком распахнув дверь, Алит побежал по коридору и отделанному деревянными панелями проходу к обеденному залу в середине особняка. По дому разносились крики и звуки сражения. Алит подобрался к окну и увидел, как группа затянутых в черные доспехи солдат силой пробивается через внешние ворота и собирается во внутреннем дворе с колоннами. Они прорывались к дому и напирала на дерущихся в проходе товарищей.

Алит распахнул широкие двойные двери, что вели в вестибюль — там бок о бок сражались отец и дед, размахивая отнятыми у врагов мечами. Минтир и Лестран истекали кровью на полу — он не мог сказать, живы они или нет — а рядом лежали три мертвых вражеских солдата.

Алит вскинул лук и прострелил одному из нападающих бедро. Выстрел спас деда от направленного в плечо удара. На освободившееся место тут же прыгнул Эолоран и воткнул клинок в руку второго воина. Из противоположного крыла здания торопились вооруженные

снятыми со стен парадного зала мечами и кинжалами гости. Подбежал Каентрас с длинным копьём и воткнул его в спину одного из атакующих Эотлира солдат.

В столовой раздался оглушительный звон стекла. Алит повернулся и увидел, что в зал через высокие окна прыгают воины в черных доспехах с обнаженными мечами. Он выстрелил в первого, но еще двое успели запрыгнуть в то же окно за спиной падающего товарища. Алит выпустил следующую стрелу — она лишь скользнула с глухим звоном по золотистому шлему. Не успел юный князь выхватить еще одну стрелу из колчана, как его цель развернулась и бросилась к нему.

Юноша отпрыгнул от выставленного вперед меча, плавным движением натянул тетиву и выстрелил. Стрела пронзила нагрудную пластину доспеха. Раненый, но не смертельно, эльф издал хриплый крик и рубанул мечом по шее Алита. Алит отшатнулся, кончик лезвия скользнул по тунике, и по ткани на груди расплзлась красная полоса. Чтобы не закричать от боли, он стиснул зубы и хлестнул луком по лицу противника. Тот отшатнулся с прижатой к глазу рукой.

В дверях появился Тарион с двуручным мечом, подсек им ноги эльфа и вдруг издал тревожный крик. Алит повернулся и увидел, что на него надвигаются еще три солдата, а четвертый бежит к пылающему в огромном очаге огню. Он подхватил оттуда полено и сделал шаг к висящим на противоположной от окон стене гобеленам.

Не долго думая, князь натянул тетиву и прицелился в поджигателя. С медленным выдохом отпустил стрелу, та вонзилась в шею эльфа; пылающая головня выскользнула из мертвой руки и мирно покатилась по каменному полу.

Наследник дома Анар успел пробить стрелой плечо следующего солдата, и тут перед ним прыжком оказались Каентрас и Тарион, потрясающие обнаженным оружием и выкрикивающие боевой клич. Алита поразила ярость двух эльфов почтенного возраста, ветеранов армии Аэнариона и закаленных воинов.

Копье Каентраса пронзило горло одного из одетых в черное эльфов, и тот задергался, как марионетка с обрезанными нитями, а потом неопытной кучей тряпья осел на пол. Тарион отбил удар по ногам, затем поворотом обоих запястий с силой опустил меч и отсек в локте руку неприятелю. Последовавший замах отбросил назад с разрубленной нагрудной пластиной доспеха — его черная одежда насквозь пропиталась кровью.

Топот копыт по камням двора привлек внимание Алита, и юноша бросился к окну. Гелиокоран боролся с коричневым жеребцом, пытаясь запрыгнуть в седло. Пока Алит пролезал в окно, стараясь не порезаться о торчащие осколки, Гелиокоран справился с лошастью, хлестнул ее поводьями и направил к главным воротам.

Прицел заслонял ряд обрамляющих подъездную дорожку елей, поэтому князь ринулся к крыльцу. Там он ухватился за резной верх колонны и мигом взобрался на крышу. Оттуда прекрасно просматривался двор до самых ворот.

Из сторожки перед воротами с трудом выбрался одетый в цвета дома Анар солдат, из раны у него на ноге текла кровь. Гелиокоран пригнулся в седле и на скаку стегнул мечом по груди солдата.

Алит припал на колени и прицелился. Звон мечей и крики битвы внизу перестали занимать его мысли; он полностью сосредоточился на удаляющейся фигуре Гелиокорана.

Он представил, что преследует в лесу кабана или оленя. Чуть сместил прицел с учетом поглаживающего левую щеку ветра и немного приподнял лук, чтобы пущенная навесом стрела догнала быстро убегающую добычу.

Сад освещали лишь мигающие огоньки фонарей, и герольда почти полностью поглотила тьма — еще чуть-чуть, и он спасется, — но мысленным взором Алит четко его видел.

С произнесенной шепотом молитвой Курноусу юноша отпустил тетиву. Украшенная черным опереньем стрела понеслась в темноту; ее наконечник блеснул в свете развешанных на стенах внутреннего двора факелов. Алит узнал, что она попала в цель, по донесшему до него вскрику. Гелиокоран распластался на спине лошади, но не упал, и вскоре скрылся за воротами.

Из дверей, пошатываясь, выскочили трое солдат герольда, и Алит одну за другой выпустил еще три стрелы. Каждая попала в цель. Эолоран, Эотлир, Каентрас и прочие выбежали следом, но остановились, когда увидели, что враги мертвы. Эолоран оглянулся на внука.

— Кто-нибудь сбежал? — напряженно спросил он.

— Я подстрелил Гелиокорана, но не знаю, выжил он или нет, — признался Алит.

Эолоран выругался и знаком приказал внуку спуститься с его насеста.

— Это последний из анлекцев, но придут и следующие, — произнес Эотлир. — Когда они явятся, я не знаю. Думается мне, что дом Анар все же выбрал свою сторону.

Хотя на лице отца застыло угрюмое выражение, его заявление наполнило Алита гордостью. С самого его рождения дом Анар отказывался вмешиваться в большую политику Нагарита. Но сейчас все изменилось. По сути, Морати объявила дому Анар войну, и Алит радовался, что томившее его безделье скоро закончится.

В конце концов, он тоже родился нагароттом, и в его крови пела битва, а сердце томила жажда признания.

Теперь ему должен был представиться шанс доказать свои способности и вернуть семье прежнюю славу; до нынешней ночи ему казалось, что он еще не заслужил своей доли в этой славе.

Алит спрятал улыбку и спустился в вымощенный плитами дворик.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Возвращение князя

После нападения на особняк прошел почти год — он запомнился анарцам бешеной суетой и напряжением. Эолоран и Эотлир боялись, что воины Анлека могут выступить в любой момент и нападут на Эланардрис раньше, чем будет подготовлена оборона. Всадники скакали из одного уголка анарского княжества в другой; их отправляли к младшим князьям и командирам с приказами привести в родовое гнездо войска и подготовиться к битве. Некоторые князья, например, главы домов Атриаф и Ценеборн, давние союзники дома Анар, открыто выбрали Эланардрис, что ясно демонстрировало их сопротивление Анлеку.

Несмотря на висящую над княжеством Анар тревогу, угрозы Гелиокорана не перешли в действие. Все лето, осень и весну к особняку подходили верные Эолорану отряды и разбивали лагерь на окрестных холмах. Их численность доходила уже до десяти тысяч. На крыше дома развевался анарский флаг — белое полотнище с золотым крылом грифона; этот же символ красовался на штандартах пришедших по зову властителя земель отрядов.

И все же Алита одолевало разочарование. Почти половина войск не откликнулась на призыв. Многие повернулись к гонцам спиной и отправили их обратно, отказавшись выступить против Анлека. Эотлира тоже печалил подобный поворот дел — Алит видел, как вытягивалось лицо отца, когда ему передавали такие сообщения.

Юный князь, как и его отец, догадывался, что отказавшиеся купились на посулы и угрозы Морати. Никто не знал, потребует ли она от них просто забыть о своем долге, либо самозваная королева замыслила более темную интригу. Неужели люди Эолорана повернутся против него? Поднимут оружие на своего правителя? На всех советах анарцев лежала тень неуверенности. Откуда ждать основной угрозы — от легионов Анлека или от предателей под собственной крышей?

В Большом зале Эланардриса столпились эльфийские князья и лорды, и все пытались говорить одновременно. Алит сидел в углу рядом с холодным камином и пропускал их болтовню мимо ушей. Но громкий голос деда, призывающий к тишине, сразу привлек его внимание.

— Я просил вас приехать сюда не для того, чтобы вы ссорились друг с другом, — провозгласил Эолоран.

Он сидел за столом в противоположном конце зала, между Эотлиром и Каентрасом, а за их спинами стояло несколько нагаритских князей.

— В Нагарите и так царит раздор, не стоит подливать масла в огонь.

— Мы требуем, чтобы ты принял меры! — выкрикнул один из малых князей южного Нагарита по имени Юртриан. — Морати отобрала наши земли и выгнала нас из дома!

— И кто эти «мы», которые выдвигают требования? — строго спросил Каентрас. — Кто позволил культам спокойно расти у себя под носом? Кто стоял в стороне, пока агенты Морати подрывали нашу власть? Где были призывы к справедливости год назад, когда Морати объявила анарцев предателями Анлека?

— У нас нет возможности защитить себя, — сказал Халион — его земли граничили с Эланардрисом с запада. — Мы вверяем свою судьбу великим домам и поддерживаем их налогами и войском уже много столетий. Сейчас же настало время отплатить нам за нашу

поддержку.

— Войска и налоги? — засмеялся Эолоран, отчего замолчали все. — Вы хотите отправиться в Анлек и свергнуть правление Морати?

Раздалось несколько выкриков в поддержку такого предложения, но Эолоран поднял руку, призывая к молчанию.

— Вашим войскам не сравниться с воинами Анлека, — произнес глава дома Анар. — Во всяком случае, в княжестве, которое кишит враждебными нам еретиками и верными слугами Морати. Я был готов предоставить вам убежище, мое предложение остается в силе, и я ничего не потребую взамен. Но я не могу дать вам гарантий. Уже год Морати довольствуется тем, что ничего не предпринимает и перекладывает на великие дома груз заботы о малых семействах — ведь она знает, что пока ее сила растет, наша способность действовать ослабевает.

Эотлир встал и зло улыбнулся собравшимся дворянам.

— Если Морати выступит против нас открыто, мы будем сражаться, — заявил он. — Несмотря на это, мы не можем — и не станем — начинать войну с Анлеком. Горы способны укрыть всех, кто бежит от тирании Морати, и тут мы не уступим ни шагу. Не пристало анарцам рушить поспешными действиями надежду на будущее. Мы верим в Малекита и ожидаем его возвращения. Под его правлением вы восстановите свои земли и титулы и будете благодарны за полученную защиту.

— И когда это случится? — спросил Юртриан. — За последние годы до кого-нибудь доходили известия от князя Малекита? Его не заботят наши трудности, если он вообще о них знает.

Снова поднялся шум, посыпались упреки, и Алит со вздохом встал и выскользнул из зала. Подобные перепалки велись весь год после стычки с Гелиокораном. Анарцы ожидали первого удара, но его так и не последовало. Целый год они патрулировали границы и принимали под свое крыло всех, кто бежал от охватившего Нагарит бедствия. Начинало создаваться впечатление, будто самозваную королеву Анлека устраивает, что ее враги прячутся в горах. Алита раздражало бездействие, но даже он понимал, что анарцам не под силу выступить против прочной власти Морати.

Следуя приобретенной за последнее время привычке, юноша оставил князей с их спорами и вернулся в свои покои за луком и стрелами. В поиске уединения он покинул особняк и направился к горам. Алит сам не знал, чего ищет, поэтому шагал по старым звериным тропам, повинувшись прихоти, — а она вела его на восток, вглубь гор.

Самым большим горем для юноши стало то, что за последний год он очень мало виделся с Ашниелью. Каентрас опасался выпускать ее из надежных стен своего особняка, и Алиту редко выпадала возможность навестить девушку, ведь и сам он исполнял долг наследника дома Анар. В его спальне хранился сундучок с ее письмами, но содержащаяся в них вежливая симпатия мало утешала юношу.

Разрываемый между отчаянием и злостью, Алит присел на валун рядом с бурлящим ручейком и положил лук на землю. Он взглянул в летнее небо, где по солнцу скользили прозрачные белые облака. За один-единственный год все изменилось, и он не знал, как разорвать текущее противостояние — ни один из вариантов не сулил анарцам хорошего исхода.

Внимание молодого князя привлек белый всполох, он быстро подхватил свой лук и встал. Среди покосившихся камней и кустов чуть ниже по течению ручья он заметил

склонившуюся к воде рогающую голову. Это был тот самый белый олень, которого он видел рядом с храмом Курноуса. Неслышно ступая по гальке, Алит начал красться между валунами к величественному зверю. Тот замер на краю воды, высоко поднял голову. Потом скосил глаз в сторону князя, и Алит вжался в тень нависающего утеса. Олень не подавал признаков тревоги и неторопливо зашагал по склону к лесным зарослям.

Алит проследовал за ним на расстоянии — он тщательно следил за тем, чтобы не подходить слишком близко и не испугнуть зверя, но в то же время не хотел потерять его из вида. Тропинка увела их под кроны сосен и дальше на восток, в места, куда юноша еще не забредал. Во время преследования Алит внезапно осознал, что вокруг не так много примет, и испугался, что заблудится в бесконечном лесу. Но когда они вышли на небольшую, залитую лучами солнца поляну, страх испарился. Что бы ни случилось, он сумеет добраться до Эланардриса.

Олень замер в солнечном свете, наслаждаясь теплом. Эльф подкрался ближе и заметил, что черное пятно на груди зверя имеет отнюдь не случайную форму — оно походило на грубое изображение руны Курноуса. Совершенно очевидно было, что олень является знаменем свыше или посланным богом охотников проводником.

Как и раньше, белый олень внезапно испугался и помчался в лес, на север. Алит вскочил и бросился следом, но не успел он выбежать на поляну, как олень скрылся из вида среди протянувшихся вечерних теней.

Юноша остановился и оглядел поляну; его взгляд привлекла тень под деревьями на восточной опушке. Недолго думая, Алит натянул тетиву и выпустил туда стрелу. Тень качнулась, втянулась в темноту, и стрела улетела в лес. Затем тень появилась снова, и теперь она походила на фигуру эльфа. В мгновение ока Алит натянул и выпустил еще одну стрелу, но цель снова ускользнула от него. Темный силуэт просто-напросто слился с окружением, и стрела просвистела сквозь пустоту.

— Пстой! — по-эльфийски воскликнул низкий голос с акцентом северного Нагарита. — Я не хочу, чтобы ты зря тратил такие славные стрелы.

Алит все равно наложил на лук следующую стрелу и настороженно наблюдал, как таинственный незнакомец выходит на солнечный свет. Он был одет в черные одежды, а плащ из перьев и капюшон полностью скрывали очертания тела и лицо. Незнакомец показал пустые ладони, а затем откинул капюшон.

Кожа эльфа поражала снежной белизной. На ее фоне ярко блестели изумрудного цвета глаза, а лицо обрамляли длинные черные, ничем не перехваченные волосы. Незнакомец медленно двигался вперед, храня серьезное выражение и подняв руки в знак мира. Острый взгляд Алита заметил висящие у пояса пустые ножны; князь не ослаблял натяга тетивы.

— Алит, сын Эотлира, наследник дома Анар, — тихим, низким голосом произнес эльф. — Меня зовут Эльтириор, и я принес важные новости.

— Почему я должен слушать шпиона, который прячется в тени и выслеживает меня, как добычу? — требовательно спросил Алит.

— Я могу лишь принести извинения и надеяться на прощение. — Эльтириор опустил руки. — Я следил за тобой не со злыми намерениями, а чтобы наблюдать и охранять.

— Охранять от чего? Кто ты?

— Я уже сказал, меня зовут Эльтириор. Я один из вороньих герольдов, и я получил приказ наблюдать за тобой от своей госпожи.

— Госпожи? Если ты один из убийц Морати, нападай — и покончим с этим.

— Я храню верность Морай-хег, а не королеве-ведьме, которая сидит сейчас на узурпированном троне Анлека. Много лет назад, еще до твоего рождения, во сне ко мне явилась богиня ворон. Она послала меня в горы, искать дитя луны и волка, наследника Курноуса. Того, кто станет Королем Теней — и будет держать в руках грядущее Нагарита.

Алит задумался над словами незнакомца, но ничего не понял. В известной ему легенде не говорилось о детях луны и волка, потому что Лилеат и Курноус расстались, так и не родив наследников. И он не знал других королей, кроме Бел Шанаара.

— Я не понимаю, почему ты считаешь, что нашел того, за кем тебя посылали. Какое сообщение оставила для меня воронья богиня? Какое будущее она увидела для моего рода?

Эльтириор молча, призрачной неслышной походкой подошел ближе, пока не оказался в двух шагах от наконечника стрелы.

— Я принес послание не от Морай-хег, а от князя Малекита.

Над вершинами гор начали собираться облака; когда они закрывали солнце, холодными порывами налетал ветер. Алит не спускал с Эльтириора глаз, пытаясь обнаружить в выражении его лица злые намерения. Вороний герольд встретил его взгляд без враждебности и терпеливо ожидал ответа. Они довольно долго стояли молча, пока юноша настороженно разглядывал Эльтириора.

— Где ты говорил с князем Малекитом?

— Прошлой ночью, на северной границе Тиранока у реки Наганат, — ответил герольд.

— Я думаю, мы бы услышали о возвращении князя, — нахмурился Алит.

— Он вернулся втайне, по крайней мере, он сам так считает. Сейчас он продвигается на север, чтобы вернуть себе власть над Анлеком.

— Тогда анарцы и наши союзники выступят вместе с ним!

— Нет, — горестно покачал головой Эльтириор. — Морай-хег показала мне кое-что из будущего. Малекит не дойдет до Анлека. Он еще не готов свергнуть правление матери и вернуть свои земли.

— Может, с нашей помощью... — начал Алит.

— Нет. Время еще не пришло. Все нагаротты, которые хотят видеть на троне князя Малекита, скрываются в Эланардрисе. Если они выступят сейчас, питающая их силы надежда испарится.

— Я не могу принимать такие решения. Почему ты пришел ко мне?

Эльтириор повернулся, чтобы уйти, но затем остановился и пристально уставился на юного князя.

— Я иду туда, куда приказывает богиня, хотя причины не всегда мне известны, — мягко произнес вороний герольд. — Тебе отведена роль в грядущих событиях, но я пока не знаю, какая именно. Возможно, даже судьба еще не знает наших ролей или оставляет выбор за тобой. Я не могу просить тебя слепо довериться мне, потому что ты совсем меня не знаешь. Все, что в моих силах — это передать предупреждение: не выступайте вместе с Малекитом. Только никому не говори, что услышал его от меня.

— Ты поделился со мной этими сведениями и ожидаешь, что я буду хранить их в секрете? Отцу и деду необходимо их знать.

— Твой дед не особо жалуется мой орден, а меня тем более, — ответил Эльтириор. — Все, что я скажу, прозвучит для него ядом, поскольку он все еще винит меня в смерти твоей бабушки.

— Моей бабушки?

— Не важно, — опустил голову Эльтириор. — Тебе достаточно знать, что в Эланардрисе мне не рады, и там не прислушаются к моим словам. Анарцы не должны покидать родину. Время еще не пришло.

Эльтириор заметил, что юного князя разрывают противоречия, и с искренним выражением наклонился к нему.

— Ты можешь поклясться, что всем, кто сейчас живет под крышей дома Анар, можно доверять? — спросил вороний герольд.

Алит задумался. Осознание принесло ему боль, но он действительно не мог с чистой совестью утверждать, что в Эланардрисе нет шпионов Анлека. Там собралось слишком много князей и их челяди. Эльтириор прочитал смущение на лице юноши.

— Если тебя не убедили мои доводы, тогда молчи хотя бы ради князя Малекита. Он тоже желает сохранить свое возвращение в тайне. Известия о нем и так скоро дойдут до твоей семьи, но пусть их принесет кто-то другой. Если князь хочет прибыть в Нагарит неожиданно, нам остается только подчиниться его желанию. Любые просочившиеся к врагам слухи могут обернуться против нас. Я говорю это для того, чтобы ты смог подтолкнуть отца и деда к верному решению.

Алит потряс головой, и уставился себе под ноги, собираясь с мыслями.

— Когда... — начал было юноша, но стоило ему поднять голову, как он обнаружил, что Эльтириор исчез.

От вороньего герольда не осталось ни следа. Только тени под деревьями да кружащая над соснами одинокая ворона.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Герольд Каина

И снова Алит возвращался в Эланардрис с тайной, только теперь она жгла его изнутри. Откровения Эльтириора и возвращение Малекита раздули огонь в сердце юноши, и ему не терпелось объявить семейству, что война за Нагарит началась. И все же, несмотря на желание поделиться новостями, Алиту не давала покоя искренность голоса и лица Эльтириора. Вороний герольд оставил о себе тяжелое воспоминание. Он принес плохие известия, его появление не было поводом для праздника, поэтому юноша продолжал хранить молчание.

Довольно скоро Алит с облегчением услышал, что в Эланардрис приехал гонец с запада с сообщением о возвращении князя. В особняке закипела бурная деятельность, и вскоре новости дошли до Каентраса и других союзных дому Анар князей.

Через три дня после встречи с Эльтириором Эолоран созвал всех князей и дворян в большой зал Эланардриса, чтобы обсудить план действий. На сей раз Алит сидел за высоким столом вместе с отцом и дедом, хотя его и снедала неуверенность, какую роль он играет на совете. Предупреждение Эльтириора о том, что Эланардрис покидать нельзя, затмевало все его мысли. В то же время Алит понимал, что остальным анарцам не терпится выступить навстречу вернувшемуся правителю.

— Это радостные новости, — провозгласил Каентрас. — Настал день, которого мы так долго ждали, и вскоре мы сбросим жестокие оковы правления Морати. Мы достаточно страдали от наложенных ради собственной безопасности ограничений, пришло время дать свободу своему духу и сражаться!

Собравшиеся, в том числе Эотлир, встретили его слова одобрением. Отец Алита встал и обвел взглядом зал.

— Мы долго испытывали страх перед Морати и ее культами, — заявил он. — Мы стали рабами этого страха, но хватит! До нас дошло известие, что Малекит движется к крепости Эалит, и оттуда он планирует наступать на Анлек. Помочь ему — наш долг. Грядет битва не только за наши земли, но и за весь Нагарит.

И снова князья разразились криками, соглашаясь, а Алит изо всех сил старался держать рот на замке. В зале царило воинственное настроение, наггаротты наконец-то, впервые за долгие годы разочарований, видели какой-то выход. Алиту не шли в голову слова, способные повернуть вздымающуюся волну гнева вспять, — особенно потому, что гнев накрыл и его самого. Юношу разрывало между собственными желаниями и предупреждением Эльтириора.

Молодой князь внезапно понял, что все глаза устремлены на него — оказалось, он встал. Алит посмотрел на деда, а затем обвел взглядом обращенные к нему лица. Если он выступит против отца, то навлечет на себя презрение или жалость. Его все равно не послушают и сочтут за труса. Он наследник дома Анар, и все ожидают, что его голос присоединится к протестам против Анлека.

Какой-то миг он стоял и молча страдал. По залу пробежал встревоженный шепоток, и лица начали хмуриться. Алит с трудом сглотнул, его сердце билось часто-часто.

— Я тоже жажду возмездия, — провозгласил Алит. Толпа одобрительно закивала, и он поднял руку, чтобы остановить нарастающий гул голосов. — Настали тяжелые времена, и

они требуют холодных голов, а не горячих сердец. Я многому научился от своего мудрого деда, в том числе и терпению.

Раздалось несколько насмешливых замечаний, но Алит продолжал:

— Если бы сам князь Малекит попросил нашей помощи, я бы с гордостью выступил с его войском. Но он ни о чем не просил. С нашей стороны станет дерзостью поднять оружие на сородичей-наггароттов без приказа законного правителя. Если мы самовольно решим отомстить за причиненные нам обиды, в чем будет разница между теми, кто верен идеалу свободы, и теми, кто насаждает тиранию на остриях мечей?

Ворчание сменилось презрительными выкриками. Алит не осмеливался поднять глаза на отца и уставился на одного из эльфов в переднем ряду.

— Халион. — Юноша вытянул перед собой руку. — Что изменилось по сравнению со вчерашним днем? Ты больше не веришь в то, что князь вернет твои земли и восстановит законное правление, о котором мы все мечтаем? Почему мы готовы развязать войну сегодня, когда вчерашнее солнце видело только стремление к миру? Нас поглотило горе, оно разъедает наш дух, но мы не должны подкармливать его кровью сородичей. Мы правим на землях Эланардриса только благодаря воле князя Малекита, и мы обязаны уважать его власть. Стоит пролить кровь, и начнется война, которой мы так долго пытались избежать. Нужно усмирить пыл, иначе наши действия приведут к непредвиденным последствиям.

На лицах князей явно читалось недовольство, многие пренебрежительно махали руками и насмешливо скалились, глядя на Алита.

— Не обращай внимания на их презрение, Алит, — провозгласил Каентрас и встал рядом с юношей. Почтенный князь вызывающе оглядел собравшихся, отчего их уверенность несколько поутихла. — Я ценю твое мнение и восхищаюсь честностью и смелостью. Я не согласен с твоими доводами, но не стану думать о тебе хуже из-за того, что ты их высказал.

Алит глубоко выдохнул, сел и прикрыл глаза. На его плечо опустилась чья-то рука, юноша поднял голову и встретился взглядом с отцом.

— Голос самого молодого из нас оказался самым мудрым, — произнес Эотлир. — Я знаю, что каждый из присутствующих здесь выступит на войну только под знаменем Анар, так что перед нами стоит трудное решение. Мы долго гадали, что произойдет с нами в эти темные времена. Что касается меня, я бы гораздо охотнее отправился напрямик навстречу судьбе, нежели остался здесь, ожидая, пока она сама не настигнет нас. Тем не менее не я правитель Анара.

Все лица повернулись к Эолорану, который в задумчивости положил подбородок на согнутую руку. Князь обвел взглядом комнату, причем на Алите он задержался дольше, чем на остальных. Эолоран выпрямился, прочистил горло, положил ладони на стол.

— Как вы все знаете, инстинкт всегда подсказывал мне избегать конфликтов, — сказал глава дома Анар. — Мы долго терпели тьму и смуту, а сейчас начинает казаться, что в нашу жизнь вернулись свет и уверенность. Я выслушал твою речь, Алит, но меня снедает единственный страх. Малекит сделал ставку, и я не могу допустить, чтобы анарцы стояли в стороне и смотрели, как он проигрывает эту игру. Именно нам выпала честь принести успех кампании князя во имя мира и благополучия всех наших подданных. Мы долго наблюдали, ожидая возвращения князя. Время пришло. Если ни у кого нет более убедительных доводов, тогда я принял решение.

Алит открыл было рот, но понял, что ему нечего больше сказать, нечем убедить анарцев, что лучше им остаться в безопасности Эланардриса. Поэтому он покачал головой и

откинулся на спинку стула. Эолоран кивнул и посмотрел на сына и внука.

— Анарцы выступают на рассвете!

С плохим предчувствием Алит шагал в рядах анарского войска. Оно собиралось со всех окрестных холмов и гор по зову разосланных Эолораном быстроногих гонцов. Войско насчитывало около двадцати тысяч воинов и продвигалось на восток, к древней цитадели Эалит.

Анарцы выступили пешком, здешний ландшафт плохо подходил для кавалерии; еще со времен Аэнариона они сражались при помощи луков и копий, а не верхом, с пиками наперевес. Тем не менее войско двигалось быстро и должно было добраться до Эалита за четыре дня. Алит шел рядом с отцом во главе отряда лучников, почетной гвардии дома Анар. Большую часть пути они проделали в тишине: Эотлира одолевали тревожные мысли, и такое же настроение было у большинства солдат. Еще ни разу эльфы не выходили на войну против сородичей.

Когда первые сумерки растеклись тенями по холмам, Алит заметил в небе на западе ворону. Юноша проследил за ее полетом и на мгновение углядел на вершине одного из холмов закутанного в черное всадника. Тот быстро растворился в тенях, но Алит не сомневался, что видел Эльтириора.

Войско остановилось на привал, и Алит извинился перед отцом и пообещал принести к ужину дичи. С луком в руках он быстро миновал растущие на глазах ряды палаток и направился на запад.

Огни лагеря остались позади, и его путь освещали лишь звезды. Через какое-то время юноша достиг седловины, где ранее видел темного всадника, и быстро, прыгая с валуна на валун, взобрался по крутому склону на вершину. Над горизонтом поднималась белая луна, Сариюур, и в ее свете князь разглядел черного жеребца, послушно стоящего в каменистом распадке. Алит сделал шаг вперед и тут же остановился, поскольку услышал скрежет оселка по металлу.

Алит повернулся и увидел сидящего на камне Эльтириора. Тот точил кинжал с раздвоенным лезвием. Как и прежде, герольда укутывал плащ из вороньих перьев, а капюшон почти полностью скрывал лицо. Только светлые глаза блестели в лунном свете, и они не отрывались от юноши, когда тот подошел и присел рядом.

— Прости, — произнес Алит.

— Вполне возможно, что некоторые вещи нельзя изменить, — ответил вороний герольд. — Морай-хег плетет нити наших жизней, и нам приходится извлекать лучшее из тех узоров, что она составляет. Никто не может обвинить тебя в принятых другими решениях.

— Я пытался, — вздохнул юноша.

— Не важно. Путь выбран. Мы не можем отыграть все назад, но твоё войско должно вернуться домой.

— Слишком поздно, дед решительно настроен на поход к Эалиту.

— Он не дойдет до цитадели, — сказал Эльтириор. — Малекит возьмет Эалит, но Морати приготовила ему ловушку. Сейчас к крепости приближаются десятки тысяч воинов и еретиков. Если вы отправитесь на помощь князю, попадете в ту же западню. Я предупреждал, что час еще не пришел, и все равно анарцы разожгли гнев Морати.

Какое-то время Алит сидел в полном недоумении и пытался понять сказанное Эльтириором.

— Малекит в ловушке? — наконец выдавил он.

— Еще нет, и князь достаточно изворотлив, чтобы выскользнуть из нее, — улыбнулся Эльтириор. — Сейчас я поеду к нему, чтобы предупредить об опасности. До завтрашнего вечера к вам придут другие гонцы из Эалита, посланные Малекитом. Проследи, чтобы твой дед прислушался к их словам. Поддержи их при необходимости. Анарцы должны повернуть назад, или вы никогда больше не увидите Эланардрис.

Алит склонил голову и сжал руками щеки, пытаясь найти выход. Когда юноша выпрямился, он ожидал, что Эльтириора уже не будет рядом, но вороний герольд не сдвинулся с места.

— Ты еще тут? — спросил юный анарец.

Эльтириор передернул плечами.

— У меня резвый конь, и мне хватит времени, чтобы немного насладиться ночным воздухом.

Алит принял его слова на веру и поднялся. Затем начал спускаться по склону, но обернулся на оклик герольда.

— Я подарю тебе немного времени, — сказал тот и бросил юноше какой-то предмет.

Алит инстинктивно поймал завернутый в широкие листья, перетянутый лозой сверток. Когда он поднял взгляд, то увидел, что на сей раз Эльтириор исчез.

По дороге вниз князь раскрыл сверток: в нем оказались тушки двух связанных за лапы белых зайцев.

Пока Алит спускался по склону, его внимание привлекло движение на севере. Вглядевшись, он различил на горизонте мигание множества костров. Юноша не знал, насколько важно увиденное, поэтому заторопился к лагерю и вбежал в палатку отца. Эотлир был погружен в разговор с Каентрасом, Эолораном, Тарионом и Фаергилем. Когда запыхавшийся Алит ворвался под полог, они сердито подняли головы.

— Враги близко, — выпалил Алит и бросил зайцев на пол. — На севере много костров.

— И как так получилось, что наши патрули их не заметили? — недовольно уставился на сына Эотлир.

— Они находятся за западным склоном, — поспешил сгладить неловкость юноша. — Я сам увидел их лишь благодаря случаю.

— Сколько костров? — спросил Каентрас.

— Точно не знаю. Несколько дюжин.

Эолоран кивнул и жестом приказал Тариону подать сделанный из выдубленной кожи тубус. Из него он достал нарисованную на широком листе пергамента карту и разложил на столе.

— Где примерно ты видел их лагерь? — спросил он, подозревая Алита поближе.

Алит оглядел карту и нашел, где расположен лагерь анарцев. Затем проследил путь на восток до холма, где встречался с Эльтириором. Оттуда пальцем он прочертил приблизительную линию в направлении замеченных костров. Линия остановилась на невысокой, протянувшейся с северо-востока на юго-запад гряде.

— Они разбили лагерь у подножия этих холмов, — сказал юный князь. — Не думаю, что они заметили наши костры, разве что волей случая.

— Тогда у нас преимущество неожиданности, — прорычал Эотлир. — К восходу солнца нужно подготовиться к нападению.

— А что если мы встретим врага, с которым не сможем справиться? — спросил Алит. Ему на ум снова пришли страшные предупреждения Эльтириора.

— Сначала мы оценим их силы, — кивнул Эолоран, который обладал большей осторожностью, чем его сын. Он сурово поглядел на Тариона и Эотлира. — Соберите небольшой отряд разведчиков и узнайте расположение и количество солдат противника.

— Алит, ты проведешь нас туда, где видел эти костры, — произнес Эотлир, и юноша с готовностью закивал: его обрадовало, что отец не забыл о нем. — Тарион, выбери самых зорких воинов из своего отряда и пришли их ко мне. Затем убедись, что все готовы выступить с первыми лучами солнца.

Тарион кивнул, взял со столика свой высокий шлем, ухмыльнулся и вышел.

— Остерегайтесь часовых, — предупредил Эолоран. — Если враги еще не знают о нашем присутствии, пусть и дальше остаются в неведении. Оцените размер их войска и понаблюдайте за ними, но без моего приказа ничего не предпринимайте.

Он пристально уставился на Эотлира, чтобы убедиться, что тот его понял, и отец Алита согласно кивнул.

— Не волнуйся, князь, — сказал он. — Я не вспугну их и не лишу тебя возможности снова повести анарцев в битву.

Эотлир собрал свой небольшой отряд на краю лагеря. Они закутались в темные плащи и выступили незадолго до полуночи. Алит указывал дорогу. Он провел отряд по западному склону, но взял немного севернее того места, где встретился с Эльтириором. Хотя князь и сомневался, что вороный герольд все еще прячется где-то поблизости — или что анарцы сумеют его заметить, если тот этого сам не захочет. — Алит решил не рисковать.

С вершины склона огни виднелись отчетливо. Юноша задержался и пересчитал их: перед ними лежало более тридцати костров, причем два из них были просто огромными. Из-за неровной линии холмов анарцы не могли разглядеть лагерь, не приближаясь к нему вплотную, поэтому Эотлир засек их расположение по звездам на ясном небе и свернул на северо-восток.

Довольно скоро на западе ярким зеленым серпом поднялась вторая луна и залила Кольцевые горы болезненным призрачным светом. Эльфы быстро передвигались по ребристым склонам — они полностью сливались с тенями от камней и деревьев вокруг. К тому времени, как ветер донес до них первые звуки, раздающиеся из вражеского лагеря, Сариюр уже закатилась, и тени вытянулись.

Враги не пытались соблюдать осторожность: из лагеря время от времени доносились пронзительные крики, которым вторил одобрительный рев. До разведчиков долетел грубый смех, и Алит бросил на отца взволнованный взгляд — его тревожило, какие извращения и жестокости они могут увидеть в лагере.

Отряд ползком перевалил через седловину между невысокими холмами, и перед анарцами раскинулась стоянка наггароттов.

Огромный костер окружало скопище черных, конической формы шатров. В свете огня Алит разглядел беснующиеся силуэты, тени от них метались по скользкой от крови земле. На костре извивались и кричали агонизирующие жертвы. Алит увидел группу эльфов, скованных вместе шипастыми цепями — проходившие мимо еретики пинали и мучили их.

На его глазах из группы выбрали одну из плачущих пленниц и потащили к огню. Там ее швырнули на землю у ног обнаженного эльфа в железной маске демона и потрепанной

набедренной повязке из кожи. Алит сразу признал в нем верховного жреца Каина, повелителя убийств. Жрец держал в руке длинный клинок, очень похожий на тот, который точил прошлой ночью Эльтириор, и на мгновение Алит испугался, что вороний герольд ввел его в заблуждение. Но эльф в маске казался выше Эльтириора, его волосы были вытравлены добела и украшены вплетенными в них костями.

Алит против воли наблюдал за тем, как жертву силой поставили на ноги. Каинит полоснул лезвием по ее рукам и груди, и еретики заторопились к нему с выдолбленными из черепов чашами, чтобы наполнить их плещущей из ран кровью. В попытках набрать как можно больше крови они царапали и кусали друг друга, а затем подносили омерзительные сосуды к губам и жадно заглатывали содержимое. Жертва ослабела и упала на колени. Жрец ухватил ее за волосы и срезал скальп, затем отбросил трофей в накопившуюся за его спиной кучу. Кричащую от боли девушку снова поставили на ноги; ее слабые попытки вырваться не произвели на мучителей никакого эффекта. Полумертвую эльфийку насадили на кол и засунули в костер. Над лагерем снова разнесся одобрителный рев — от звучащей в нем радости пробирали мурашки.

— Мы не сможем разглядеть отсюда всех, — произнесла Анадриель.

Алит помнил ее столько же, сколько себя. Много лет она помогала тем, кто вызвал гнев Морати, избежать жадных лап культов и провожала их в Эланардрис. Ее лицо с острыми, резкими чертами было безучастным, и Алиту оставалось только догадываться, сколько раз она уже наблюдала подобные сцены.

— Надо подобраться ближе.

Эотлир кивнул и знаком предложил Анадриели идти впереди отряда. Они спустились по извивающейся тропинке в небольшую рощу у подножия склона. Анадриель уверенно вела их между тонкими стволами на свет костров.

Внезапно она остановилась и вскинула лук с наложенной стрелой. Алит взгляделся в темноту впереди и заметил две подсвеченных огнем костра фигуры. Он медленно наложил стрелу на тетиву и встал рядом с эльфийкой, затем бросил быстрый взгляд по сторонам в поисках других врагов.

— Твой тот, что слева, — произнесла Анадриель, не отрывая глаз от бредущих неровной походкой еретиков — мужчины и женщины.

Их намерения были очевидны, и при виде удаляющейся рука об руку перемазанной кровью пары Алита захлестнуло отвращение.

— Давай, — выдохнула Анадриель, и юный князь отпустил натянутую тетиву.

Стрела уверенно пролетела между стволов и вонзилась в горло мужчины. Наконечник стрелы Анадриели вошел в глазницу его подруги. Оба упали без единого звука. По-прежнему не замеченные никем, анарцы перебежали под укрытие шатров, в отбрасываемую ими глубокую тень.

Алит повернулся на визг металла и короткий влажный всхлип. Отец одной рукой поддерживал тело еретика, а в другой сжимал окровавленный кинжал.

— Быстрее, церемония не может длиться бесконечно, — сказал Эотлир, опустил труп на землю и оттащил его подальше в темноту.

Анарцы ловко пробирались между шатрами, пока слова высшего жреца не начали доноситься до них совершенно отчетливо. Эотлир отправил Анадриель направо, а Лотерина налево, чтобы сосчитать вражеские силы.

Алит почувствовал на своем локте чью-то ладонь и понял, что сам уже собрался было

встать, крепко сжимая в руке древко лука. Эотлир молча покачал головой.

— Завтра, — прошептал он. — Завтра они заплатят за все.

— А те, кого принесут в жертву? — спросил юноша.

При мысли о том, что должно произойти, его пронзила физическая боль.

Эотлир снова покачал головой и опустил глаза.

Алит заставил себя вслушаться в изливаемую верховным жрецом тираду ненависти.

— Слушайте меня, вестника Каина. Помните, что мы купаемся в возлияниях Кровавому Королю, и не забывайте, каких деяний он ожидает от нас. Отрекитесь от неверных и докажите их слабость, подарите нашему господину их плоть. Восславляйте их гибель, и властелин смерти наделит вас великой силой! Тогда и только тогда вы сможете уничтожить всех, кто посмел презирать нашего бога!

Толпа еретиков разразилась яростными криками и воем. Верховный жрец поднял над головой левую руку — по ней стекала кровь из зажатого в кулаке сердца.

— Великий Каин, взгляни на наши подношения с милостью! Подари нам свою силу, чтобы мы смогли принести голову отрекшегося от тебя предателя и его заблудших последователей на костры твоей славы!

Снова раздался вой и крики, толпа начала превращаться в визжащую звериную стаю.

— Пусть тот, кто повернулся к тебе спиной, будет порезан на куски, а его внутренности мы швырнем на костер во искупление его деяний. Пусть недостойный наследник твоего любимого сына рассыплется пеплом мести. Пусть его труп истекает кровью, и только она смоет скверну его постыдных деяний.

Жрец кинул сердце в толпу, где тут же завязалась схватка как в стае голодных собак. Голос вестника Каина стал тише, хотя по-прежнему разносился по лагерю.

— Нас много, а их мало, — сказал он каинитам. — Даже сейчас ненавистный враг думает, что он на пороге победы. И не подозревает о поджидающих его муках. Его победа ничего не стоит, ведь она одержана без благословения Каина. И пока он радуется ей, он даже не ведает, что стоит над распахнутым капканом. Никто не выйдет из Эалита живым. Смерть Малекиту!

— Смерть Малекиту! — отозвалась толпа.

Охваченные безумием, эльфы рассекали себе грудь и руки кинжалами и обмазывали кровью волосы.

Толпа набросилась на оставшихся пленников. Алит отвернулся; его переполняла смесь отвращения и страха. По лагерю разносились жуткие крики каинитов, и от издаваемых тысячами потоков кровожадных хвалебных возгласов по коже бежали мурашки. Порыв ветра донес из-за шатров запах горячей плоти, от которого юношу затошнило.

Слева заколыхались тени, из них с угрюмым видом появился Лотерин. Алит заметил порез на его щеке и кровь на руках.

— Десять тысяч каинитов, а возможно, и больше, — сообщил разведчик Эотлиру. — Дальше на западе есть еще один лагерь, там разместилось войско Анлека — около пяти тысяч хорошо вооруженных копейщиков и лучников.

Эотлир кивнул с отрешенным выражением на лице. Вскоре к ним присоединилась Анадриель и подтвердила подсчеты Лотерина. На ритуал собралось несколько тысяч еретиков, еще больше разбрелось по лагерю в состоянии транса.

— Я видел достаточно, — сказал Эотлир и жестом велел уходить. — Завтра нас ждет битва.

Алит расхаживал по палатке деда, словно пойманный волк, и слушал, как командиры обсуждают тактику сражения. Ему не давали покоя слова Эльтириора, заключенное в них туманное, но явно зловещее предупреждение. Когда Эолоран принялся обрисовывать позиции отрядов анарцев, раздражение в душе юного князя взяло верх.

— Пойдите! — воскликнул Алит, и внезапно все глаза уставились на него. Он заставил себя успокоиться и продолжил, глядя только на отца: — Ты слышал слова герольда Каина. Малекит попал в ловушку в Эалите, и у нас нет надежды добраться до него вовремя. Зачем тогда мы собираемся ринуться в гущу врагов?

— А какой путь предложишь ты? — холодным презрительным тоном спросил Каентрас. — Прощмыгнуть обратно в горы и ожидать там гнева Морати? Мы должны прорваться через это войско и объединить наши силы с князем Малекитом.

— А что если мы потеряем все силы в одном бессмысленном походе? — возразил Алит. Он пытался выглядеть рассудительным, а не испуганным, хотя гнев князя сильно задел его. — На охоте иногда удается сделать один-единственный выстрел, чтобы убить дичь. Охотник должен научиться терпению, он должен знать, когда стрелять, а когда выжидать. Если мы выстрелим с излишней поспешностью, мы спугнем добычу, и она может ускользнуть.

— А если медлить, мы упустим возможность нанести удар, — прорычал Каентрас. Он сделал глубокий вдох, покосился на Эолорана, который выглядел недовольным его вспышкой, и снова повернулся к Алиту. — Прости мой гнев, Алит. Многие годы мы ничего не делали, выжидая момент, когда можно будет перейти в наступление. Промедление сейчас равно катастрофе. Я не смогу сидеть в своем особняке и смотреть, как мы упускаем единственную возможность — ведь потом нас станут преследовать угрызения совести, что мы прохлаждались, когда надо было действовать. И к тому же, на чем ты предлагаешь основывать тактику? На хвастливых речах одурманенного жреца? Мы не можем сказать с уверенностью, что положение Малекита настолько печально, насколько внушил своим последователям герольд Каина.

Алита неприятно задел намек в словах Каентраса, но он сдержал ответный выпад — ведь он не мог признаться, что речи герольда Каина предшествовало предупреждение Эльтириора. Каентрас повернулся к Эолорану и уперся кулаками в разложенную на столе карту.

— Хотя мы не можем помочь князю Малекиту в открытом бою, мы все же сумеем принести ему пользу. Наша атака отвлечет врага, и князь ускользнет из-под колпака. Если мы не предпримем ничего, тысячи солдат из северного лагеря отправятся к Эалиту и захлопнут ловушку. Разве мы не должны вмешаться? Разве мы не должны сделать все, что в наших силах, чтобы ослабить петлю?

— Твоя тактика имеет свои преимущества, — произнес Эолоран. — Чем меньше будут силы, с которыми придется встретиться Малекиту, тем больше у него останется шансов на спасение.

— Меня тревожит и кое-что еще, — добавил Алит. — Кто будет охранять Эланардрис, пока мы сражаемся здесь? Кто может поручиться, что следующий удар Морати обрушится на нас, а не на наши дома? Какая победа ждет нас завтра, если потом мы вернемся домой и обнаружим, что наши земли захвачены?

Этот довод пришелся к месту, и лицо Эолорана исказила мучительная гримаса. Какое-

то время он переводил взгляд с Алита на Каентраса и обратно, и наконец посмотрел на Эотлира.

— Сын мой, это не только мое решение, — размеренно произнес Эолоран. — Да, пока я возглавляю анарцев, но я лишь служу их будущему, которое пройдет под твоим правлением. Ты долго молчал. Я бы хотел услышать твое мнение.

— Дай мне немного подумать, — ответил Эотлир.

Он медленно вышел из палатки, оставив остальных в тишине дожидаться его. Каентрас разглядывал карты на столе, не встречаясь ни с кем глазами, а Алит придвинул стул и сел в стороне. Тишину заполнила давящая тревога, и юному князю захотелось уйти, поскольку он все равно уже высказал все, что было у него на уме. Но он заставил себя остаться, хотя и ощущал кожей презрение некоторых эльфов, в том числе Каентраса.

Он очень боялся разгневаться отца своей возлюбленной и в душе даже надеялся, что Эотлир примет сторону Каентраса, что потом позволит Алиту загладить вину. Ранее Каентрас поддерживал его, но юный князь не знал, как поступит гордый эльф, если Эотлир присоединится к мнению сына.

Полог палатки распахнулся, и все подняли головы. На лице Эотлира застыло решительное выражение.

— Мы будем сражаться, — провозгласил он. — Я не могу оставаться в стороне, пока творятся подобные извращения, хотя только боги судьбы знают, какую цену нам придется заплатить за вмешательство. Преступления еретиков нельзя оставлять безнаказанными, к чему бы это ни привело. Есть времена, когда мы обязаны думать о других, и времена, когда необходимо думать о своем народе. Ради будущего Нагарита князь Малекит должен вернуть свой трон, и мы обязаны помочь ему всем, что в наших силах.

— Я согласен, — объявил Эолоран. — Завтра мы уничтожим каинитов, а затем подумаем, по какому пути нам двигаться дальше. Вы согласны?

Каентрас тотчас же кивнул. Алит медленно поднялся со стула и посмотрел на отца и деда.

— Никто не будет сражаться яростнее меня, — заявил он. — Мы отомстим.

Доспехи и наконечники копий блестели в свете восходящего солнца — армия анарцев свернула лагерь и выступила на север. В планы Эолорана входило напасть на еретиков как можно быстрее, прежде чем они двинутся на запад, к запертому в Эалите Малекиту.

Каиниты плохо подчинялись приказам и рвались устроить бойню, поэтому властитель Анара разделил свое войско на три части. Впереди двигались быстрые разведчики — им предстояло незаметно окружить врага и оставаться в укрытии до начала битвы. Алиту поручили возглавить правый фланг, а Анадриель командовала левым. Эолоран особо подчеркнул, что они должны напасть на тренированных воинов Анлека и выманить их из лагеря. Необходимо было оттянуть их от основного сражения, но в то же время не позволить подобраться вплотную к разведчикам. Алит получил приказ отступить, как только враг подойдет достаточно близко, и увести солдат от каинитов.

В то же время Эотлир с отрядами копейщиков должен был вести основную линию нападения и занять оборонительную позицию на холмах над лагерем противника. Оставшиеся лучники под командованием Эолорана получили приказ обстреливать еретиков и загнать их на склоны, где те окажутся в невыгодном положении.

Пока Алит шагал на север во главе пяти сотен эльфов, его переполняли тревога и

возбуждение. Неровная местность и слабый рассветный свет успешно скрывали отряд, и вскоре основная часть анарского войска потеряла их из вида. Алит внезапно осознал, что все происходит по-настоящему, а не в легенде о древних героях; он ведет отряд эльфов в битву. В отличие от отца и деда ему еще никогда не доводилось командовать войском, и все происходящее было очень непохоже на его любимую одиночную охоту. Впервые в жизни юноша почувствовал себя правителем Анара, и его в равной степени наполняли гордость и чувство тяжелой ответственности.

Он подумал об Эланардрисе и оставшейся там матери: как она сидит в особняке и тревожится за семью. Алит твердо решил вернуться домой со славой. Затем его мысли переметнулись к Ашниели. Станет ли она гордиться им? Алит надеялся, что да. Девушка боготворила своего отца-воина, и военный опыт непременно должен был вознести молодого князя в ее глазах.

Солнце встало, разведчики быстро двигались на север, и Алит позволил себе немного помечтать, представляя сцену триумфального возвращения. Вот Ашниель встречает его на ступенях особняка, свободное платье развевается на ветру, по плечам разметались распущенные волосы. Алит бежит к ней по длинной дорожке, они обнимаются. Девушка проливает горячие слезы радости, и они остывают на его щеках. Юношу настолько захватила фантазия, что он споткнулся о камень, и вспышка боли тотчас вернула его в настоящее. Он мысленно обругал себя за детское поведение и быстро оглядел воинов: вроде никто не заметил его промашки или все из вежливости не подавали вида. Князь знал, что вскоре ему понадобится все возможное внимание и сноровка, поэтому сжал зубы, крепче перехватил лук и зашагал вперед.

Отца Алита одолевали совсем другие мысли. Он уже бывал в сражениях, так как провел несколько сотен лет в колониях, перед тем как вернуться в Эланардрис и обзавестись семьей. Но сейчас все происходило по-другому. Его войско ожидали не дикие орки, гоблины или звероподобные создания из темных лесов Элтин Арвана; ему предстояло сразиться с врагом, которого он не думал встретить. Даже в самые темные времена, что окутывали последние годы правления Морати, Эотлир никогда не помышлял о гражданской войне. Схватка в особняке случилась внезапно, и там его вел инстинкт выживания. Сейчас князь возглавлял несколько тысяч подданных, которым предстояло пролить кровь сородичей.

Подобные мысли тревожили его еще и потому, что князь не считал предстоящее сражение неотвратимым. Он мог бы убедить отца вернуться в Эланардрис, так и не обнажив оружия, но выбрал другой путь. Вокруг гулким эхом отдавался топот обутых в сапоги ног, а Эотлиру не давала покоя мысль, что он хочет этой битвы. Его пугала догадка, что где-то в темных закоулках его души жила такая же жажда крови, что толкала каинитов на совершение жутких преступлений.

Тревоги напомнили ему о рассказанной некогда отцом истории. Эолоран заговорил о тех событиях только однажды, и потом отказывался снова вспоминать о них. Это произошло вскоре после того, как Король-Феникс выгащил Сеятель Вдов, в котором по легендам заключалась необходимая для убийства богов и уничтожения целых армий сила, из алтаря Каина. Эолоран отказывался называть меч Каина по имени и часто говорил о нем как о Проклятии или о «том жутком клинке». И каждый раз, когда отец заговаривал о нем, его взгляд становился загнанным — возвращались давние воспоминания о сценах, которые Эотлиру не суждено увидеть никогда, даже в кошмарном сне.

История, что вспомнил Эотлир, относилась к сражению в Эалите, той самой крепости, что держал сейчас Малекит. В горах появилось огромное войско демонов и бесконечным потоком хлынуло по холмам и равнинам, которые позже стали принадлежать анарцам. Вороньи герольды, стремительные глаза и уши Аэнариона, принесли Королю-Фениксу новости, и тот выступил из Анлека навстречу легионам Хаоса.

В Эалите Аэнарион укрепился и в течение бесконечной ночи, когда небо вспыхивало призрачными огнями, а земля горела под ногами, демоны без устали бросались на стены цитадели. Хотя большую часть войска Хаоса удалось разбить, Аэнарион настаивал на полном уничтожении противника. Верхом на великом драконе Индраугнире Король-Феникс вывел свою армию из крепости; рядом с ним шагал маг Каледор, а Эолоран и сотня эльфийских князей выступили в арьергарде. Эолоран описывал лихорадочную жажду битвы, которая его охватила, звенящие в ушах восторженные песнопения Каина, исходящие от «того жуткого клинка». Больше он не запомнил ничего, кроме непрерывных взмахов меча, выпадов копья и радостного наслаждения смертью.

Эолоран вспоминал о том сражении со стыдом, хотя дело, ради которого он убивал с остервенением и чувством счастья, было самое что ни на есть правое: спасение своего народа. Эотлир так и не смог до конца понять, что значила война против демонов для целого поколения эльфов, но если то отвращение к себе, что он испытывал сейчас, составляло хоть десятую часть их бед, он мог представить мучающие их во снах кошмары.

К нему пришло другое воспоминание, совсем недавнее: гнусная служба герольда Каина и сваленные на костре тела принесенных в жертву. Пока Эотлир будет видеть, что на Ултуане творятся подобные мерзости, он не прекратит сражаться за то, чтобы остановить эту проказу. Она поглотила Нагарит, и князь не сомневался, что оставленное на произвол судьбы варварство продолжит расползаться и дальше. Эта мысль укрепила его решимость, и Эотлир отбросил тревоги до тех времен, когда сможет позволить себе роскошь сомнений и сочувствия. Он знал, что нельзя сражаться с радостью и злостью, поскольку такие искушения могут пробудить древний зов Каина, который все еще доносится через прошедшие со времен Аэнариона века.

Сегодня ему предстоит убивать эльфов; оплакивать их он станет завтра.

Алит во главе небольшого отряда пробирался по окружающим каинитский лагерь холмам, остерегаясь часовых. Осторожность оказалась излишней, поскольку никто не стоял на страже, и когда Алит поднялся на вершину холма, он увидел, что лагерь тих — разврат предыдущей ночи утомил и насытил еретиков.

На севере и западе, в лагере анлекских воинов, наблюдалось гораздо большее оживление. Капитаны прохаживались между палатками и выкрикивали приказы, выстраивая лучников и копейщиков. Сперва Алит решил, что они обнаружили разведчиков Анадриели и принимают ответные меры. Но после недолгого наблюдения его страхи улеглись, поскольку солдаты Анлека выстраивались ровными рядами на большом расстоянии друг от друга, маршировали и выполняли упражнения под присмотром офицеров. Это были всего лишь обычные лагерные учения.

Алит сделал полукруг на восток, двигаясь, пока лагерь каинитов не скрылся из вида, — только дым от костров помогал лучникам не потерять из виду его расположение. Яркое светило вставало над горами на востоке, по холмам растекался утренний свет. Несмотря на солнце, в воздухе еще стоял холодок, и дыхание поднималось легкими облачками пара.

Алит рассудил, что уже достаточно обогнул стоянку каинитов, поэтому снова свернул на запад, к анлекцам. По мере приближения к лагерю к нему вернулась осторожность. Анарские воины небольшими группками перебегали между кустами, камнями и деревьями, чтобы оставаться незамеченными. Довольно скоро они собрались у почти отвесного склона, готовые занять позицию над палатками врага.

Алит подал сигнал паре своих воинов, Анранейру и Хиллраллиону, а сам взобрался на вершину холма и оглядел построение анлекской армии. Солдаты все еще выполняли упражнения с копьем и луком, по точности и быстроте их движения походили на хорошо отрепетированный спектакль.

Князь замер в тревожном ожидании — он не знал, успела ли Андриель занять свою позицию. С равным вниманием он наблюдал как за врагами, так и за небом, и вздохнул с облегчением, когда заметил на западном горизонте силуэт ястреба. Ястреб немного покружил над вражеским лагерем, а затем полетел низко над землей, задевая кончиками крыльев траву на склоне. С резким криком птица уселась на голой ветке куста у правой руки Алита. Юноша поднял руку, и хищник перепрыгнул к нему на запястье; когти обхватили кожу крепко, но бережно, не оставляя царапин.

— Мы начинаем атаку, — прошептал Алит птице.

Ястреб кивнул, расправил крылья и снова поднялся в воздух.

Князь наблюдал, как тот облетел лагерь и исчез в маленькой хвойной рощице на западе от них.

Алит кивнул Анранейру и Хиллраллиону. Те повернулись и спустились ползком, чтобы передать приказ другим лучникам. Вскоре отряд спрятался в высокой траве на вершине холма, наложив стрелы на тетивы луков. Алит приподнялся на четвереньки и бросил последний взгляд на врагов.

Их укрытие располагалось в сотне шагов от окраины лагеря; несколько часовых с копьями и луками обводили взглядом холмистый горизонт.

— Начали! — рявкнул Алит и выпустил стрелу в ближайшего врага.

Она пронзила посеребренную пластину доспеха на груди, и воин с криком упал. Одновременно в воздухе свистнуло еще несколько стрел, нацеленных в других часовых.

Воины Анлека не зря считались лучшими на Ултуане и быстро ответили на атаку. Они перестроились в колонны с лучниками впереди и разбились по отрядам. Авангард из тысячи солдат наступал на анарцев быстрым маршем по широким проходам, специально оставленным между рядами палаток. По мере их приближения анарцы пускали стрелы высоко, с навесом, чтобы те падали в ряды противника. Хотя выстрелы поразили уже несколько дюжин врагов, колонна продолжала безупречное наступление.

За авангардом из лагеря выступили остальные отряды. В рядах наггароттов гудели медные рога, и от трубного звука по коже пробегали мурашки. Когда-то те же ноты предупреждали о нападении демонов и звали в бой верных последователей Аэнариона. Алиту казалось насмешкой то, что их сочли предателями, которые сражаются против власти Анлека. Топот сапог тяжело разносился в утренней тишине, ему вторил звон кольчуг и лязг металла.

С дальней стороны лагеря донеслись крики, и Алит увидел, как замелькали в воздухе стрелы лучников Анадриели. Авангард Анлека продолжал свой марш, в то время как под окриками командира другие отряды замешкались. Капитан наггароттов не мог понять, какая атака является отвлекающим маневром, а какая нет.

— Продолжайте стрелять! — приказал Алит и сам встал с луком наготове.

На противника посыпался новый град стрел.

Авангард подошел к краю лагеря, и лучники отделились от копейщиков. Вскоре над головами анарских разведчиков засвистели стрелы с черным опереньем. Алит услышал вскрики боли и бросил взгляд налево — несколько его эльфов упали в густую траву с торчащими из тел стрелами. Двое не двигались, а еще двое быстро выдернули стрелы и перетянули раны.

Копейщики находились уже в семидесяти шагах, и шторм стрел со стороны защитников лагеря казался бесконечным. В их облаке анарцы потеряли еще дюжину ранеными.

— Подбирайте мертвых, помогите раненым! — закричал Алит и выпустил последнюю стрелу в надвигающихся копейщиков. — Уходите на северо-восток, оттяните их от лагеря каинитов.

Под непрерывным обстрелом разведчики соскользнули с вершины и побежали направо. Они выбежали из-под прикрытия холма, промчались следом за князем по ложине и поднялись на противоположный склон. Там Алит приказал остановиться, поскольку стрелы оставшихся в лагере лучников не могли их достать, и анарцы снова направили луки на поднимающихся на холм копейщиков.

Те отступили было вниз, но вскоре снова появились, уже с поддержкой стрелков. Алит опять приказал своему отряду отходить. Он беспокоился, как обстоят дела у Анадриели и удалось ли выманить каинитов. Потом он перевел взгляд на врага впереди и понял, что их всех ждет долгое утро.

Кружащий высоко в небе ястреб дал Эотлиру понять, что Алит и Анадриель вот-вот начнут нападение. Воины на позиции над лагерем каинитов тоже были готовы к бою. Князь стоял рядом с отцом и рассматривал еретиков. В левой руке Эотлир держал свернутое знамя дома Анар, а в правой — золотистый клинок Циарит, Меч Утренней Мести. Оружие было теплым на ощупь, его подпитывали лучи утреннего солнца, в этот момент встающего над горами, а острое лезвие блестело магической энергией.

За Эолораном стоял Каентрас с изогнутым бараньим рогом, перетянутым серебряными полосами. Когда князь кивнул, Каентрас поднес рог к губам, и тот издал долгий, высокий, жалобный звук. Воин повторил его трижды, зов эхом раскатился по холмам и пронесся по лагерю вниз.

Эотлир выждал несколько мгновений, глядя, как ошеломленные звуком рога каиниты просыпаются и приходят в себя. Он увидел, как из шатра с заляпанной кровью стеной вышел вестник Каина в блестящей полированной маске. Жрец бурно размахивал руками, созывая последователей. Когда вокруг него собралась толпа еретиков, Эотлир распустил удерживающий знамя узел и высоко поднял огромное полотнище в воздух, чтобы его видели отовсюду.

Затем он воткнул древко флага в мягкую землю и сделал шаг вперед. Каентрас взял еще одну высокую ноту, и все глаза обратились к вершине холма.

— Встречайте великого Эолорана Анара, хозяина этих земель, — прокричал Эотлир. — Вы нарушили границы нашего княжества. Правитель Анара приказывает вашей оборванной шайке немедленно убратся отсюда и забиться по тем темным дырам, откуда вы вылезли. Он не хочет, чтобы его обвинили в трусости и нападении на тех, кто не в состоянии защитить себя, и вызывает недостойных врагов скрестить клинки с истинными воинами. Ему не чуждо

милосердие, поэтому он выслушает мольбы тех, кто раскается в совершенных преступлениях. Всех, кто отречется от ложной веры, ждет прощение Иши.

Каентрас снова подул в рог, и Эотлир сделал шаг назад, чтобы показать, что закончил свою речь.

— Должно привлечь их внимание, — с мрачной улыбкой заметил Эолоран. — Я думаю, что «прощение Иши» особенно их задело.

Эотлир и сам поневоле улыбнулся, он знал, что подначки приведут к желаемому результату. Он оглянулся через плечо на тысячи анарских воинов, которые стояли наготове. Лучники выстроились чуть ниже линии окружающих холмов, за ними встали отряды копейщиков. В утреннем воздухе развевались знамена, на острых наконечниках копий и стрел блестело солнце. Одетое в темно-синие цвета войско в ярком солнечном свете выглядело глубоким горным озером.

— Вот и они, — пробормотал Каентрас.

Эотлир повернулся к лагерю и увидел, как от палаток к ним несется несколько сотен каинитов. Он слегка покачал головой — великого князя немного смущало, что его ловушка сработала так просто. Воистину, эти враги давно потеряли право называться разумным цивилизованным народом.

Эолоран развернулся, подал лучникам сигнал выступить и сам начал спускаться по холму. Он взял немного в сторону и добежал до правого фланга как раз вовремя — когда первый каинит подошел к подножию склона.

Фанатиков с испещренной кровавыми отпечатками пальцев кожей и склеенными в острые сосульки волосами совершенно не заботила собственная жизнь, и они оголтело рвались вперед с ножами и мечами в руках. Их бег не замедлился, когда на вершине холма внезапно возникли тысячи лучников.

Эотлир услышал, как отец отдал команду, и равнодушно проследил взглядом за черным облаком взвившихся в воздух стрел. Темный шторм накрыл поднимающихся по склону еретиков. Никто из наступающих не пережил первого залпа. Вторую волну воинов верховный жрец собирал более осмысленно. Ветер доносил его хриплые крики, пока вестник и его помощники прохаживались вдоль неровной линии каинитов, опрыскивали их жертвенной кровью и призывали уничтожить обидчиков бога убийств. Как и во время вчерашней церемонии, еретики визжали и выли, восхваляли Каина или без слов давали выход кипящей внутри ярости.

К какофонии криков присоединились барабаны — они выбивали частый ритм, который гулко отдавался среди холмов. Даже у Эотлира сердце забилось быстрее, а в ушах застучала кровь. Он не сомневался, что в ритм вплетено какое-то волшебство, потому что князь чувствовал, как закипает внутри гнев, и ему пришлось подавить желание ринуться вперед. Взгляд по сторонам показал, что Каентрас и остальные испытывают такое же искушение.

— Стоять! — крикнул Эотлир. — Ждать моей команды!

Он вскинул правую руку и поднял Циарит на уровень плеча, будто преградил дорогу тысячам копейщиков за своей спиной. На миг рука дрогнула, рукоять налилась жаром, поскольку возбуждение хозяина подпитывало силы древнего меча. Эотлир чувствовал, как клинок вбирает энергию из окружающего воздуха, и облизнул сухие губы.

Вестник Каина шагал во главе своих последователей. Стук барабанов не умолкал, к нему присоединился топот босых ног по пересохшей земле. Беспорядочные вопли еретиков слились в монотонный крик: «Каин! Каин! Каин!», от которого по коже Эотлира побежали

мурашки. В небе над головой забурлила темная энергия. Хотя воздух оставался прозрачным, розовый утренний свет потемнел и превратился в окутывающий фанатиков алый саван. Магические чувства Эотлира гудели от незримой пульсации в одном ритме с частым биением сердца.

Жрец вырвался вперед и остановился в дюжине шагов от своих воинов. Он вытащил из-за пояса два кинжала, и Эотлира передернуло при виде жертвенных ножей. Хотя даже зоркие глаза эльфа не могли различить детали на таком расстоянии, князь чувствовал выгравированные на лезвиях руны Каина — перед внутренним взглядом они светились горящими метками.

Вестник скрестил руки так, что лезвия легли ему на плечи, и одним плавным движением провел ими по груди. Из ран потекла кровь, и он раскинул руки в стороны. Алые капли слетали с кончиков ножей и повисали в воздухе.

С подступающей к горлу тошнотой Эотлир наблюдал, как капли растворяются в облаке красного тумана, которое все росло, пока не поглотило жреца окончательно. И даже после этого оно продолжало разбухать, расползаясь по склону вверх, к Эотлиру, и вниз, к каинитам.

— Стреляйте! — крикнул Эотлир отцу.

Он понял, что враги скоро полностью скроются в алом тумане.

Эолоран не стал спорить с приказом сына и подал сигнал лучникам. Те навесом пустили стрелы в кричащую толпу внизу. Многие каиниты покатались по земле, но выживших вскоре укутал красный туман. Лучники продолжали стрелять в кипящее облако, которое катилось на них, без особой надежды попасть в цель.

Эотлир осознал, что вскоре заклинание накроет весь холм, и стрелки окажутся беспомощными. Не дожидаясь приказа отца, он повернулся к выстроенным позади копейщикам.

— Выступайте на позиции, живо! — прокричал он и взмахнул над головой мечом, будто одним движением мог передвинуть свое войско.

Горны подали сигнал к наступлению, и через несколько мгновений по холму затопали тысячи обутых в тяжелые сапоги ног.

Алый туман докатился до середины склона, и Эотлир сперва почувствовал на языке привкус крови, а через миг облако поглотило его. По лицу побежали красные струйки, они пачкали серебряную кольчугу и собирались между тонкими кольцами. Рукоять Циарита стала скользкой, и Эотлир неожиданно понял, что сжал кулак так сильно, что ногти впились в ладонь. Его кровь смешивалась с бурлящим облаком.

В тумане вокруг него появились темные фигуры, восходящее солнце подсвечивало багровые силуэты. Со вздохом облегчения Эотлир различил знакомые лица — Торинана, Касадира, Лирунейна и прочих верных анарцев. С выставленными перед собой изящными белыми щитами и опущенными черными копьями воины дома Анар собирались вокруг своих командиров.

Сотни стрелков выстроились по окружающим анлекский лагерь холмам; их было не меньше, чем луков под началом Алита. Разведчики растянулись вдоль откоса на западе и, как смогли, укрылись среди редких кустов и высокой травы.

Анранейр похлопал князя по плечу, чтобы привлечь его внимание, и указал на юг. Алит заметил странный свет в той стороне: красное сияние окутало холмы вокруг лагеря

каинитов. Он не знал, что там происходит, но не сомневался, что видит плохой знак.

В тот же миг князь услышал топот сапог у подножия холма напротив. Хотя он и не видел, кто это идет, через какое-то время стало ясно, что звук перемещается на юг. С нарастающим страхом Алит осознал, что копейщики Анлека вышли из лагеря и направляются к основной армии Анара в полной уверенности, что засевшие сверху лучники прикроют их отход.

— Кажется, наша добыча больше не хочет глотать наживку, — произнес Анранейр.

Алит кивнул и задумчиво свел брови. План заключался в том, чтобы оттянуть воинов Анлека, но он провалился. Несколько сотен стрелков не смогут задержать целую армию, особенно если враг не больно-то и хочет тратить на них время.

— Надо их отвлечь, — произнес князь. Он начал спускаться по склону и жестом приказал Анранейру следовать за ним. — Когда добыча убегает от охотника, охотник обращается к Курноусу.

Анранейр удивленно смотрел на то, как Алит вытащил из колчана за спиной стрелу. Юный князь задумчиво погладил ее от оперенья до острого наконечника, в каких-то местах его палец задерживался.

Затем он произнес слово огня, которое использовалось в святилищах Курноуса, и наконечник вспыхнул ярко-желтым пламенем. Алит нацелил лук высоко в небо и выпустил горящую стрелу в направлении вражеского лагеря. Мигающий огонек взлетел в воздух и пропал из виду.

— Передай всем, — велел князь, — пусть поливают лагерь огнем.

Анранейр одобрительно хмыкнул и поспешил к редкому ряду лучников, чтобы передать им приказ Алита. Князь вытащил еще одну стрелу, повторил ритуал зажигания и снова выстрелил. Вскоре холм осветился огненными дугами, которые спускались к лагерю позади вражеских лучников. Алит не знал, как много выстрелов попало в цель, но после нескольких залпов над лагерем начал подниматься густой черный дым.

— Получается, — засмеялся рядом Анранейр.

Алит подполз к краю седловины и увидел, что стрелки Анлека натянули луки и перешли в наступление. Если разведчики убегут от надвигающихся врагов, вскоре их стрелы перестанут долетать до палаток.

— Забирайте на север, не попадайтесь им на глаза, — приказал Алит, убрал лук и пополз обратно к Анранейру. — Хотя я лишь недавно научился танцевать, я знаю, кто должен вести в танце.

— И что за веселый танец нас ждет, — поддержал князя Анранейр.

Красный туман затягивал все на двадцать шагов вокруг, и Эотлир напряженно вглядывался в бурлящие глубины в поисках врагов. Их вой и крики становились ближе, но колдовское облако растворяло и искажало звуки.

— Тихо! — проревел Эотлир, и ряды копейщиков замерли. Тишину не нарушал ни лязг доспехов, ни шепот.

Эотлир внимательно вслушался в приближающийся шум каинитов. Вроде слева звуки доносились громче.

— Следите за западными подступами! — предупредил он.

Не успели слова слететь с его губ, как тьма сгустилась и распалась на бегущие фигуры. Тысячи каинитов, тяжело дыша, с воплями поднимались по склону и размахивали

страшными на вид кинжалами с зазубренными лезвиями. Их лица искажала гримаса ненависти и ярости, затмивших все остальные чувства.

Фанатики бросились на анарских копейщиков; они высоко подпрыгивали и опускались с занесенными над головой ножами. Анарцы подняли щиты, чтобы отразить удары, и туман наполнился глухим звоном металла. Боевой клич дома Анар и восхваления Каина вторили лязгу клинков.

Эотлир не мог четко разглядеть происходящее, но вскоре его внимание переключилось на склон, по которому взбегало все больше каинитов.

— Берите пленников, — прорычал Эотлир. — Мой отец допросит тех, кто помогает Морати строить заговоры. Жреца по возможности взять живым!

Каиниты находились уже в дюжине шагов и продолжали бежать к анарцам. Эотлир поднял Циарит в одной руке, а второй вытащил из-за пояса кинжал. Когда до врагов оставалось всего шесть шагов, анарский князь бросился в атаку; Циарит снес голову одному каиниту, в то время как нож полоснул по голой груди другого.

Князь увернулся от нацеленного в лицо удара, отбил второй и воткнул меч в горло еще одного противника. Через миг линия копейщиков врезалась в неровные ряды фанатиков. Закипел хаос битвы.

Стена копий скосила передний ряд каинитов, и анарцы продолжали теснить врагов; они кололи копьями и отбрасывали щитами раненых. Продуманная жестокость фаланги пересилила животную ярость, и контратака отбросила еретиков назад.

— Не спускайтесь ниже! — выкрикнул Эотлир.

Он беспокоился, что воины увлекутся и сойдут с холма.

Сохраняя строй, отряд анлекцев попятился обратно к вершине. Каиниты возобновили натиск; теперь они подныривали под копья, чтобы добраться до ног противника. Эотлир отбивал удары, размахивал и наотмашь рубил Циаритом, и любой, кто подходил к нему слишком близко, падал мертвым. Раненых у обеих сторон становилось все больше: тут и там в траву со стонами падали эльфы. Каиниты не обращали внимания на свои потери и продолжали напирать, их вела только жажда крови. Копейщики перед лицом безумных убийц держались мужественно, и занимали место упавших товарищей, чтобы закрыть пробоины в первом ряду.

Запертому в гуще клинков Эотлиру ничего не оставалось, кроме как сражаться за свою жизнь. Он отрубил руку одному врагу и вонзил кинжал в пах другого. По его доспеху с визгом скользнул клинок, и князь ударил следующего каинита в лицо с такой силой, что кольчужная перчатка раздробила кости. Широкий взмах Циарита оставил еще одного противника без ноги, и тот покатился вниз по склону, выкрикивая грубые ругательства.

Эотлира накрыла волна отчаяния, почти осязаемая, похожая на холодный порыв ветра. Она налетела справа, ее сопровождали резкие крики боли и плач. Князь срубил еще нескольких фанатиков и пробился к источнику звуков. Ему пришлось оттолкнуть плечом одного из своих солдат, но наконец он увидел вестника Каина.

Жреца, облитого с головы до ног кровью, окружала куча трупов. Он широко раскинул в стороны руки с длинными кинжалами. Выжженные на теле руны горели темным пламенем, а демоническая волшебная маска извивалась и рычала сама по себе. Жрец прыгнул вперед — за ним потянулись призрачные красные тени — и рубанул ножом, зажатым в правой руке. Клинок без труда пробил щит, а сжимавшая его рука копейщика полетела в воздух. Ни один доспех или оружие не могли выдержать удар заклятых Каином кинжалов, и все больше

анарцев падало на землю.

Позади вестника Каина один из раненых копейщиков с трудом поднялся на ноги; для этого ему пришлось опереться на свое оружие. С заметным усилием он воткнул копье в спину жреца и давил, пока наконечник не вышел у того из живота.

Жрец упал на колени, но в следующий момент он взвился на ноги, повернулся и вырвал копье у эльфа. Один взмах руки, и в лицо копейщика воткнулся кинжал, от чего эльф с криком упал на землю. Жрец переломил древко копья, вырвал из раны наконечник и швырнул оба обломка в траву. Из раны хлестала кровь и собиралась лужицей у ног вестника.

— Прими это подношение, мой любимый господин! — выкрикнул он и поднял окровавленные руки в воздух.

Из кончиков его пальцев вырвалось черное пламя, оно растеклось по рукам и охватило все тело жреца. Плоть горела и потрескивала, но когда чешуйки сажи опали, кожа выглядела нетронутой, а от страшной раны не осталось и следа.

Магический огонь потух в треске последних вспышек, и жрец наклонился к мертвому копейщику, чтобы вытащить свой нож. Затем вестник снова бросился в битву, прорубая в рядах анарцев кровавую просеку.

Эотлир раскидывал ринувшихся за предводителем еретиков. Он отсекал конечности, Циарит в его руке вертелся в бесконечном танце и ломал ребра и шеи.

— Сразись с истинным сыном Нагарита! — Анарский князь с ревом прорвался сквозь падающие тела.

Вестник Каина вихрем повернулся на голос — в глазных прорезях его маски пылало белое пламя. Жар этого взгляда пригвоздил Эотлира к земле: ему в ужасе показалось, что он смотрит в глаза самого Кроваворукого Бога.

— Твои мучения порадуют моего господина больше, чем страдания других, — возликовал жрец. Хриплый голос лязгал металлом. — Никто не может одержать победу в битве без его благословения, так что ты обречен.

Жрец ринулся вперед, и цепь их взглядов разорвалась. Скорее повинаясь инстинкту, чем разуму, князь пригнулся и отпрыгнул вправо — и тем самым едва избежал свистнувших в воздухе кинжалов.

Эотлир перекатился на ноги, парировал следующий удар Циаритом и сделал выпад ножом. Вестник отшатнулся от атаки и быстро попятился. Он выписывал кончиками ножей сложные узоры, их отточенные движения завораживали. Эотлир не сводил глаз с маски противника и старался не обращать внимания на то, как от нарисованного в воздухе знака вверх по спине бегут мурашки ужаса.

Князь опустил левое плечо и сделал резкий финт вправо. Циарит метнулся к запястью жреца. Все еще сжимающая зловещий кинжал кисть руки полетела в сторону. Быстрый как змея вестник ответил выпадом; Эотлиру пришлось отпрыгнуть, чтобы избежать мелькнувшего у горла ножа. Он обходил противника сбоку и выискивал возможность ударить по второй руке каинита, чтобы лишить его таящейся в заколдованном оружии силы.

Стоило князю увидеть слабину в обороне врага, как мимо него с гневным боевым кличем пронесся Каентрас, обеими руками сжимающий свое копье Хиратот, Коготь Смерти. Он с размаха вонзил острый наконечник в грудь жреца. Хиратот полыхнул синим пламенем. Оно разорвало герольда Каина на части, оставив от тела лишь дымящиеся ошметки. Не глядя на поверженного противника, Каентрас прошел по тлеющим останкам жреца и бросился на фанатиков. Те замерли, с отчаянием оплакивая кончину своего предводителя.

Атака друга застала Эотлира врасплох, и он на миг остановился, ожидая, пока прояснится голова. Некоторые еретики побежали прочь от Каентраса, но многие другие с рычанием и воем продолжали напирать, желая мести. Эотлир собрался с мыслями, копейщики вокруг сомкнули ряды, готовясь встретить свежую волну нападающих.

Несмотря на усилия Алита, войско Анлека отеснило его разведчиков за пределы выстрела. Враги расположились на границе досягаемости — на противоположном холме блестяли доспехи выстроенных рядами копейщиков. Солнце шло к полудню. Два войска стояли друг напротив друга, их командиры выжидали следующего хода противника.

— Итак, мы привлекли их внимание. Что будем делать дальше? — спросил Анранейр.

— Меня кое-что беспокоит, — ответил Алит. Он решился наконец дать голос тому, что глодало его изнутри. — Я вижу луки и копья, но я не вижу лошадей. Армия Анлека состоит из лучников, копейщиков и рыцарей.

— И где же рыцари? — спросил Анранейр. Он оглянулся через плечо, будто ожидал увидеть приближение вражеской кавалерии.

— Возможно, каиниты съели их лошадей, — рассмеялся Хиллраллион.

— Я бы скорее предположил, что они заранее выдвинулись к Эалиту, чтобы припугнуть Малекита, — сказал Алит.

— А что если они вернуться? — поморщился Хиллраллион. — Мы не сможем убежать от всадников.

— Мы должны оставаться здесь, чтобы каиниты не получили подкрепления, — ответил юный князь. — Нет смысла гадать, все равно сейчас мы ничего не можем сделать. Если мы отступим, солдаты двинутся на юг и нападут на войско деда.

— Неплохо бы придумать план на тот случай, если в битву вступит кавалерия, — возразил Анранейр.

Алит огляделся, но увидел лишь редкие заросли кустарника и деревьев, характерные для подножия Кольцевых гор. Хотя эти земли тоже принадлежали его семье, он знал их намного хуже, чем родные горы. С таким же успехом он мог находиться в Сафери или Крейсе.

— Вот что, вероятно, способно помочь. — Анранейр протянул свернутый пергамент.

Алит принял свиток у него из рук и развернул: это оказалась одна из карт Эолорана.

— Где мы сейчас? — спросил князь. Теперь он жалел, что уделил картам так мало внимания на совете.

Со вздохом Анранейр указал на северо-запад, а затем на карту.

— Там Эалит, мы на краю гряды холмов, вот тут, — объяснил разведчик. — Если нам потребуется укрыться от кавалерии, я предложил бы долину Атриан на северо-востоке отсюда. Если подойдут рыцари, мы добежим до деревьев раньше, чем они достигнут нас.

— При условии, что мы узнаем об их приближении заранее, — вставил Хиллраллион.

— Хорошее замечание, — согласился Алит. Он кивнул Анранейру и передал ему обратно карту. — Возьми пятерых разведчиков и отправляйся на север, будешь высматривать неприятные сюрпризы.

Анранейр засунул карту в свой мешок и рысцой пустился вдоль ряда стрелков, на ходу выкрикивая имена. Алит в глубоком раздумье постукивал пальцами по крупной серебряной пряжке пояса. Копейщики напротив не двигались с места и не подавали признаков, что готовят атаку.

Внезапно князь повернулся к Хиллраллиону.

— Есть предложения, чем нам сейчас заняться? — спросил он.

Хиллраллион немного задумался, затем его рот растянулся в улыбке.

— Я знаю неплохие песни...

Кто бы ни командовал войском Анлека, Алит восхищался его терпением. Наступил и прошел полдень, воздух становился все горячее, а солдаты в черных доспехах стояли безмолвными рядами и ждали атаки разведчиков. С их стороны стало бы глупостью гоняться за лучниками в легких доспехах, потому что закованные в тяжелую броню копейщики все равно не догнали бы их. Поэтому анлекского командира устраивало ожидание. Но Алита спокойное неподвижное противостояние как раз беспокоило. Он волновался, что пропустил какую-то ловушку, и его противник знает нечто, о чем неизвестно ему, — например, когда вернется кавалерия.

Время от времени Алит передвигал своих лучников, они выпускали по вражеским рядам несколько стрел, а затем переходили на новую позицию. Князь занимался этим в основном от скуки, хотя убеждал себя, что подобные вылазки ослабляют боевой дух анлекцев. Но, по правде говоря, даже у самых запасливых стрелков оставалось в лучшем случае по полдюжины стрел, и если противник решит перейти в наступление, им придется бежать.

Полдень клонился к раннему вечеру, и Алит то и дело поглядывал на юг в поисках каких-нибудь сигналов от отца и деда, после чего поворачивался на север, откуда ждал предупреждения о приближающейся кавалерии. Он не сомневался, что основное войско разобьет каинитов, но чем дальше, тем больше хотел увидеть над холмами флаги дома Анар.

— Смотри, — произнес Хиллраллион и кивком указал на юг.

— Наконец-то, — выдохнул Алит, когда увидел за дальним холмом характерное серебристое сияние доспехов.

Вражеский командир тоже заметил подкрепление. Не обращая более внимания на лучников, его отряды быстро развернулись на юг и зашагали навстречу новому врагу. Алит собирался отдать приказ преследовать колонну анлекцев, когда крик привлек его внимание к северному горизонту.

— Всадники! — кричал Анранейр. Он бежал вдоль гребня холма к северу. — Сотни всадников!

— На северо-восток! — прокричал Алит, поднимаясь на ноги. — Бежим!

Ловко перепрыгивая через кусты и камни, стрелки понеслись вниз по склону. Быстро, но уверенно они направлялись к лесам Атрианской лощины. На бегу многие бросали взгляды на север. Алит заметил на горизонте облако пыли, которое довольно быстро приближалось, хотя отдельных всадников ему разглядеть не удалось.

— Быстрее! — крикнул он, подгоняя свой отряд, и сам прибавил скорости.

Алит взбежал на вершину высокого холма, впереди показались деревья лощины Атриан. В долине внизу блестел стекающий с далеких гор ручей. Стройные сосны густо росли по его берегам и дальше, в глубокой лощине, где ручей расширялся, — достаточно густо, чтобы укрыть бегущий отряд.

Земля под ногами дрожала от топота тысяч копыт, он становился все громче, но Алит уже сделал последний рывок к деревьям на опушке леса. Теперь он мог различить крики и звон упряжи. Алит поднырнул под ветки и рискнул бросить быстрый взгляд налево — там,

на вершине холма всего в двух сотнях шагов, вытягивались длинные ряды всадников.

Но странно: всадники, окутанные летящей из-под копыт резвых коней пылью, оказались вовсе не зловещими рыцарями Анлека в черных доспехах. На них оказались голубые и белые одежды, прикрытые кольчугами серебристого плетения. Развеваящиеся флаги несли изображения белых лошадей и лошадиных голов, а шлемы украшали яркие разноцветные перья.

— Эллирионцы! — рассмеялся Алит.

Он опустил на мягкий ковер из сосновых иголок под темными ветвями деревьев. Князь не знал, каким образом эллирионцы забрели так далеко от родного княжества, но широко улыбался, глядя на них. Он повернулся и побежал обратно к лесной опушке, чтобы не упустить из виду рыцарей-налетчиков Эллириона, которые волной спускались по склону. Остальные стрелки стояли рядом и наблюдали за разворачивающейся сценой.

Всадники сжимали в руках копьё с листовидными наконечниками, а начищенная упряжь их лошадей блестела на солнце. Когда они подъехали ближе, Алит смог разглядеть отдельные лица, и от их выражения по телу пробежала дрожь. Мрачные рыцари опустили копьё для атаки. Другие натянули луки и сделали первый залп в отряд анарцев.

— Под деревья! — закричал Алит, ринувшись к ближайшему стволу; на ветку он взлетел не хуже кота.

Юноша взобрался повыше, перебежал к концу толстой ветки и присел на корточки.

— Мы друзья! — закричал он, приложив руки ко рту, чтобы его услышали поверх фыркания лошадей и топота копыт. — Опустите оружие!

Дюжина налетчиков окружила дерево с натянутыми луками. К ним подъехала группка рыцарей под длинным, отороченным белым конским волосом флагом с гарцующей серебряной лошадьёю на синем кругу.

— Дом Анар! — выкрикнул Алит, хотя и не знал, говорит ли это имя о чем-то эллирионцам.

Всадник в золотом шлеме с плюмажем из конской гривы выехал из круга эльфов. В одной руке он держал копьё, а в другой золотой щит с изображением взвившегося на дыбы жеребца.

— Я князь Анельгайн из Эллириона, — выкрикнул эльф. Он прикрыл глаза ладонью, чтобы лучше разглядеть Алита.

— Алит Анар, — представился юноша и осторожно приподнялся. — Кому ты служишь и что делаешь в наших землях?

— Я служу Королю-Фениксу, и прошлой ночью сражался бок о бок с князем Малекитом, законным правителем Нагарита. Сейчас я направляюсь к перевалу Единорога, чтобы доставить новости моему господину, князю Финуделу.

Алит ловко спрыгнул с ветки и приземлился в высокую траву рядом с Анельгайном. Всадники угрожающе сомкнули круг, и юноша поднял в приветствии руку.

— Я сын Эотлира, внук Эолорана Анара, — представился он. — Мы сражаемся с тем же врагом, что и вы.

Он повернулся и указал на юг.

— Сейчас воины дома Анар бьются с предателями Анлека. Мой дед будет очень рад вашей помощи. А позже вы сможете рассказать нам, как обстоят дела у князя Малекита в Эалите.

Анельган наклонился и сказал что-то одному из своих рыцарей. Тот перекинул со

спины изогнутый золотой рог и выдул протяжный сигнал. По его команде эллирионцы отошли от деревьев и выстроились длинной колонной, а Алит остался наедине с Анельтайном. Эллирионский князь подъехал поближе и пригнулся в седле.

Теперь Алит разглядел свежий порез на его щеке и дорожную грязь на плаще.

— Эалит оказался ловушкой, — горестно покачал головой Анельтайн. — Малекит отступает на запад, чтобы сесть в Гальтире на корабль. Вам лучше вернуться домой. Мы поговорим обстоятельнее, когда ваши враги будут уничтожены.

Не успел Алит ничего ответить, как Анельтайн послал лошадь в галоп и направился к своему войску. Снова загудел рог, и рыцари тронулись на юг — туда, где сражалась анарская армия.

Палатку Эолорана наполнял смех; Алит не слышал его уже довольно давно. Анельтайн и его капитаны поднимали серебряные чаши с вином за победу. Эотлир тоже улыбался, а вот лицо Эолорана было задумчивым.

— Дом Анар выражает вам свою признательность. — Эолоран поднял перед Анельтайном свой золотой бокал.

— Ты говорил это дюжину раз, Эолоран! — ответил эллирионский князь. — Ты ничем нам не обязан. Не окажись здесь твоего войска, нам бы пришлось сражаться с каинитами в одиночку. Будем благодарить судьбу или сети Морай-хег за то, что князь Малекит попросил меня отвести часть моих сил на юг. Иначе тот отряд рыцарей, что мы уничтожили неподалеку от Эалита, составил бы немалую угрозу для твоей армии.

Алит снова задумался: он уже слышал рассказ о том, как Малекит разыскал после битвы при Эалите эллирионского князя и приказал ему отправляться домой через перевал Единорога. Юноша не считал просьбу Малекита совпадением, ведь Эльтириор обещал, что найдет способ доказать, что князь попал в ловушку. Он также не сомневался, что законный правитель Нагарита прекрасно осведомлен о делах анарцев, поэтому и послал в их сторону помощь. Как и раньше, Алита смущало, что ему приходится скрывать то, что было известно ему одному, поскольку если он сообщит об этом семье, то нарушит заключенное с Эльтириором соглашение.

— Как думаете, Малекит доберется до Гальтира? — спросил Каентрас, поднимая взгляд от карты, лежавшей на столе. Он не отрывался от нее с того момента, как в палатке появился Алит. — Какой дорогой он направляется к порту? В чьих руках сейчас город?

Анельтайн пожал плечами.

— На эти вопросы я могу ответить не лучше вас, — сказал он. — Несколько дней назад я впервые переступил границу Нагарита. Тут не мои земли, я ничего не знаю о здешнем населении. Но я хочу сказать, что если кому-то и удастся ускользнуть из лап еретиков, так это Малекиту. У него сильное войско, а переход до Гальтира не особо долгий. Сам князь — великий воин и командир такой опытный, каких мне еще не доводилось видеть. В Гальтире его ожидает верный флот, и я надеюсь, что правители города не служат Морати.

— В наши времена не стоит на это надеяться, — посерьезнел Эотлир. — И все же меня обнадеживает, что не только анарцы сопротивляются власти Анлека.

— Малекит собирается возвращаться? — спросил Каентрас. Он пристально разглядывал эллирионцев.

— Я думаю, что до весны он не вернется, — ответил Эолоран. — Нельзя сказать, что он потерпел решительное поражение, но его выступление было... поспешным. Невозможно

просто подойти к Анлеку и постучать в ворота, ожидая, что они распахнутся перед тобой.

— Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы подготовиться к его возвращению, — откликнулся Эотлир. — Теперь Морати известно о намерениях Малекита, и преимущество неожиданности потеряно. Мы сами подняли оружие против Анлека и пока не знаем, что за ответный удар нас ждет.

— Нам следует напасть на войска Морати, отвлечь ее, пока Малекит собирается с силами, — возразил Каентрас. — Когда Малекит вернется, он не должен встретиться с единым, хорошо подготовленным врагом.

Алита взволновали его слова и задумчивый взгляд Эолорана. Анарцы почти не пострадали в битве; значит, предупреждение Эльтириора относилось к событиям, о которых юноша еще не знал.

— Это будет неразумно, — к великому облегчению юного князя произнес Эотлир. — Сейчас мы растревожили осиное гнездо, так что следует на время укрыться в Эланардрисе.

— По тем немногим сведениям, что мне довелось услышать от вороньих герольдов, такое решение представляется наилучшим, — вставил Анельтайн.

Упоминание вороньих герольдов немедленно привлекло внимание Алита, впрочем, как и его деда.

— От вороньих герольдов? — переспросил с подозрительным прищуром Эолоран. — Что за дела у тебя с темными всадниками?

Анельтан в замешательстве передернул плечами.

— Они служат князю Малекиту разведчиками и провели нас в Эалит по тайным проходам, — ответил эллирионец. — В цитадели до нас дошли известия, что на севере, на востоке и на юге собираются войска, чтобы запереть князя в крепости и уничтожить его армию. Боюсь, что дом Анар постигнет та же судьба, если вы останетесь тут, на открытом месте.

— Мы уже помогли Малекиту, — произнес Алит. Он обращался к отцу и деду. — То войско, которое мы сокрушили сегодня, уже ничем не угрожает князю, и мы подарили ему время для отступления, как и предлагал Каентрас. Пока что мы несем сравнительно малые потери, но если останемся тут, все может измениться. И кто знает, какие силы двинутся на наши дома, когда Малекит ускользнет от погони?

Эолоран сел за стол перед разложенной картой и потер переносицу — обычно он делал это в минуты глубокого раздумья. Затем он прикрыл глаза, чтобы окружающие не помешали ему вынести взвешенное решение.

— Мы возвращаемся в Эланардрис, — объявил он, не открывая глаз.

Алит подавил вскрик облегчения. Тревожная энергия, что переполняла его с момента встречи с Эльтириором, испарилась, и внезапно юноша ощутил чудовищную усталость. Он не стал участвовать в дальнейших обсуждениях, извинился и, утомленный, но счастливый, направился к своей палатке. Эланардрис был в безопасности, и скоро ему предстояло снова увидеть Ашниель.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Окутанный тьмой

Зимний ветер казался Алиту суровее, чем когда-либо раньше. Он приносил с гор кружащиеся хлопья снега, но князя беспокоил не холод, а неотступное ощущение, что он попал в западню.

С тропинки на перевале высоко в горах юный анарец оглядывал северо-восточную область Эланардриса. Он видел особняк, укрытые саваном снега сады. Из трех труб на крыше дома поднимался дым, и порывистый ветер уносил его на юг. Позади особняка темными заплатами плетней по белому одеялу раскинулись огороды. Дворовые постройки с белеными стенами и сторожевые башни едва проглядывали в густой пелене — их выдавали яркие черепичные крыши и струйки дыма. И вдалеке, почти у горизонта, холмы Эланардриса уступали место волнистым равнинам центрального Нагарита. Там затянутое облаками небо окутывал темный дым — костры огромного лагеря. Войско Анлека уселось мрачным черным зверем на границе Анарского княжества и ждало окончания снегопадов. С такого расстояния да сквозь мельтешение приносимых с севера снежинок даже острый взгляд Алита не мог ничего разобрать. Вражеский лагерь кляксой растекся по белым холмам, черные ряды его строений протянулись с севера на юг.

Дед называл их «друкаи» — темные эльфы. Они отвернулись от света Аэнариона и от повелителя богов, Азуриана. Эолоран отказывался считать их наггароттами. Они изменили трону Феникса и предали Малекита, своего законного князя.

Враги думали то же самое об анарцах. Они рассматривали отказ Эолорана признать власть Анлека как оскорбление памяти Аэнариона. Алит знал это из допросов захваченных в последней битве пленников — друкаи тогда попытались силой пробиться на холмы. Глупая, продиктованная отчаянием попытка как раз перед тем, как Энагруир сковала Нагарит своей ледяной хваткой. Эотлир и Эолоран остановили друкаев — причем не в первый раз, потому что после возвращения Малекита уже три подобных нападения было совершено на анарцев — и теперь темные эльфы ждали благоприятной погоды и подкрепления.

Одинокество князя только усугублялось невозможностью увидеться с Ашниелью. Триумфальной встречи, о которой он мечтал во время похода, так и не произошло, — отец увез девушку в один из горных замков подальше от опасности.

Иногда Алит получал от нее коротенькие письма, в которых она выражала сожаление о расставании и говорила, что надеется на скорую встречу. Юноша редко отвечал ей, поскольку проводил большую часть дней в горах, наблюдая за войском друкаев. Вопреки собственному желанию, он не мог найти времени для сложения стихов и признаний в любви и понимал, что его ответные послания звучат сухо и неуклюже.

Однажды, когда князь стоял, погруженный в печальные мысли, из горных облаков с пронзительным криком спикировал львиный ястреб с белым плюмажем. Его перья были как снег. Алит прислушался к клекоту птицы и с пониманием кивнул: ястреб принес послание от Анадриели. Юноша, благодаря, погладил его по голове, поднял руку и отпустил в полет, к родному гнезду. Когда ястреб понадобится снова — по зову князя он вернется.

— Всадник, на перевале Эйтрин, — сообщил Алит сопровождающим его двум десяткам эльфов.

Все они носили белые, отороченные темным медвежьим мехом мантии с наложенным

заклинанием скрытности. Его знали лишь посвященные Курноуса. Даже вблизи Алит с трудом различал своих подчиненных на фоне снега.

— Анадриель двигается на юго-запад. Нам следует перехватить шпиона на северо-востоке. Быстрее, иначе вся слава достанется ей!

Не в первый раз разведчики перехватывали друкайских воинов, которых посылали наблюдать за войском и обороной Анара. Насколько было известно юноше, ни один из них не вернулся к своим командирам. Но сейчас их ждала встреча с необычным шпионом. Считалось, что никто не сумеет пересечь перевал Эйтрин незамеченным, тем более верхом, именно поэтому друкаи сосредоточили свои силы на северо-западе. Внутренний голос твердил Алиту, что незванный всадник вовсе не из числа врагов, — неужели ему посчастливится наконец-то застать врасплох Эльтириора?

Тем не менее у Алита не было веских причин подозревать, что всадник окажется вороньим герольдом. Юноша ничего не слышал об Эльтириоре после сражения с каинитами. Да, он предполагал, что тот благополучно добрался до Эалита и уговорил Малекита послать отряд Анельтайна на юг. Однако на самом деле Эльтириор мог погибнуть в битве, попасть в плен к Морати или спрятаться в тайном логове вороньих герольдов, где они обычно скрывались от врагов.

Подобно зимним призракам, разведчики скользили по заснеженному каменистому склону к перевалу Эйтрин. Они прятались за редкими деревьями и ловко перебежали по снегу, не теряя равновесия даже на проплешинах блестящего под солнцем льда. На спуске их накрыла тень Анил Нартайна, и воздух стал заметно холоднее. Алит на бегу согревал пальцы дыханием — ведь ему надо будет уверенно держать в руках лук, если окажется, что незванный гость представляет угрозу. Под ногами похрустывал снег. Князь и его лучники двигались на юг, внимательно высматривая нарушителя границы.

Ближе к полудню отряд пересек взгорок, снова вышел на согреваемую зимним солнцем седловину, и, наконец, они увидели всадника. Им оказался не Эльтириор. Хотя до эльфа оставалось еще далеко, Алит разглядел, что тот ниже вороньего герольда, да и одет он был в серый плащ, из-под которого проглядывали золотая кольчуга и белая мантия. Незнакомец вел свою лошадь под уздцы по длинной полосе нанесенного вдоль перевала снега. Алит подал беззвучный сигнал своим лучникам, и те веером растянулись к востоку, чтобы окружить пришельца полукольцом.

Путь князю преградила впадина, где каменистый склон резко нырял вниз и поднимался почти отвесно. На какое-то время он потерял добычу из виду. Алит бегом взобрался по крутой стене заполненной снегом чаши и снова увидел незнакомца — тот стоял в трех сотнях шагов. Почему-то он остановился и торопливо оглядывался; Алит заподозрил, что пришелец заметил кого-то из лучников.

Резкий крик над головой дал знать о приближении львиного ястреба Анадриели, и на снегу возникло шестеро невидимых до сих пор эльфов. Они образовали полукруг в паре сотен шагов от незнакомца; от нежеланных глаз их скрывала такая же одежда, что носили разведчики Алита, в руках они держали натянутые луки. Князь поднялся на ноги и побежал по снежному склону, на ходу натягивая тетиву.

Незнакомец поднял руки и откинул в сторону плащ, чтобы показать, что у него на поясе нет ножен, только длинный нож — вполне уместный в путешествии по диким местам. Он обратился к Анадриели, и до Алита донесся обрывок его фразы:

— ...нужно поговорить с Эолораном и Эотлиром.

Анадриель заметила, что с противоположной стороны приближаются Алит и его разведчики, и вскинула в кратком приветствии руку. Незнакомец медленно повернулся и оглядел князя. Его лицо привлекало спокойным, уверенным выражением. Затем нарочито неторопливо он откинул капюшон, из-под которого показались рыжеватые волосы, перетянутые золотистой нитью. Сразу становилось ясно, что пришелец родом не из Нагарита.

— Назови себя, — крикнул Алит и остановился в полусотне шагов. Стрела на его луке нацелилась в грудь эльфа.

— Я Калабриан из Тор Андриса, — ответил тот. — У меня послание правителю Анара.

— Мы знаем, каких посланий ждать от Морати, — ответил Алит. Он натянул тетиву. — А ты знаешь, какого ждать ответа.

— Я приехал не из Анлека, а из Тор Анрока, — терпеливо пояснил Калабриан. — И мое послание исходит от князя Малекита.

— И какие доказательства ты можешь предоставить? — требовательно спросил Алит.

— Если вы позволите мне подойти, я покажу их.

Алит снял с тетивы стрелу и жестом приказал Калабриану приблизиться. Посланник опустил руки и шагнул к своей лошади. Он вытащил что-то из притороченной к седлу сумки и поднял предмет вверх. Это оказался круглый чехол-тубус для свитков. Затем, поглядывая на других стрелков, Калабриан зашагал к князю — чехол он держал на виду. Когда гонец приблизился, Алит жестом остановил его и протянул руку. Калабриан передал ему чехол и отступил на несколько шагов, не спуская глаз с лица князя.

Печать на пергаменте совершенно точно принадлежала Малекиту и была целой. На вес чехол оказался легким, так что Алит сомневался, что в нем припрятано оружие. Но для уверенности он не стал возвращать чехол, а заткнул его за пояс.

— Это послание предназначено только для глаз Эолорана Анара, — сказал Калабриан и отступил назад. В тот же миг Алит вскинул лук, и наконечник стрелы снова нацелился в сердце гонца. Тот остановился. — У меня есть и другие гарантии, но их поймет только Эолоран.

— Я Алит Анар, внук правителя, которого ты ищешь, — заверил его Алит. — Я отведу тебя в особняк, и там ты встретишься с Эолораном. Но знай, если твои заверения окажутся лживыми, тебе не стоит ждать хорошего обращения. Если хочешь, мы сейчас проводим тебя до границы Эланардриса, и ты вернешься к своему господину живым и невредимым.

— Князь сказал, что мое задание очень важно, — ответил Калабриан. — Мне придется положиться на вашу милость и благоразумие.

Алит долго выискивал на лице Калабриана признаки обмана, но не увидел их. Быстрый взгляд через плечо посланника подтвердил, что Анадриель не теряет времени и осматривает его дорожные сумки.

— Там нет ничего необычного, — не оборачиваясь, произнес Калабриан. — Несколько личных вещей и необходимые для путешествия зимой припасы, вот и все.

Алит молча ждал, пока Анадриель закончит обыск.

— Все в порядке, — наконец сказала она. — Оружия нет.

— Сейчас опасно путешествовать по Нагариту безоружным. — На князя с новой силой накатило подозрение. — Как ты не побоялся проскользнуть мимо анлекского войска, которое расселось у нас на пороге?

— Я пришел не с юга. Я вышел из Эллириона и пересек горы.

Ответ посланника не убедил князя.

— Опасное путешествие, — процедил он.

— Тем не менее мне пришлось его совершить. Мне неизвестны заключенные в послании князя Малекита подробности, но он не оставил сомнений в срочности и важности поручения. Когда я получу ответ князя Эолорана, мне придется вернуться тем же путем.

Искренность незнакомца наконец-то убедила Алита.

— Хорошо. — Юный князь опустил лук и засунул стрелу в колчан. — Добро пожаловать в Эланардрис, Калабриан из Тор Андриса.

Юноша не удивился, когда Калабриан настоял на том, чтобы послание князя Малекита увидели лишь Эолоран, Эотлир и сам Алит. Гонец попросил, чтобы его провели в особняк втайне, и четко дал понять, что никому не доверяет и опасается, что в Эланардрисе скрываются агенты Морати. Алит оставил его с Анадриелью на горном склоне к северу от особняка, а сам отправился на совет к отцу и деду.

Вот почему Алит вел Калабриана к летнему домику в восточной части сада в кромешной темноте укутанной облаками ночи. В помещении горела одинокая лампа. Князь знаком пригласил посланника внутрь. На низком столике в единственной комнате стоял дымящийся кувшин с пряным чаем в окружении узких кубков. От кувшина поднимался ароматный пар, и юный князь тут же подошел к столу, налил себе горячего напитка и обхватил изящный кубок замерзшими руками.

Эолоран в темно-синей, отороченной мехом мантии и перчатках из кожи ягненка стоял у окна и смотрел на юг; его дыхание паром поднималось в воздухе. Эотлир сидел на одной из скамей у выбеленной стены и вертел в руках чехол с посланием.

— Ты говорил, что предоставишь доказательства искренности своих намерений, — произнес Эолоран, не отрывая взгляда от темноты за окном. — Настало время выполнить обещание.

Калабриан бросил на Алита вопросительный взгляд, и тот налил ему чая. Посланник сделал осторожный глоток и повернулся к Эолорану.

— Малекит велел мне передать следующее: «Отсветы пламени ярче всего горят по ночам». — Калабриан произнес пароль с выражением крайней серьезности.

Эолоран резко развернулся и испытующе уставился на посланника.

— Что это значит? — Эотлира поразила реакция отца.

Эолоран ответил тихим, отрешенным голосом.

— Слова принадлежат Аэнариону. Это случилось еще до возведения Анлека, как раз после того, как демоны разорили Авелорн и убили Вечную Королеву. Я хорошо помню то время. Князь поклялся отомстить за смерть жены и детей и, объятый горем, решился вытащить тот проклятый меч. Я спорил с ним. Я предупреждал Аэнариона, что... подобное оружие не предназначено для руки смертного. Я предвидел, что отчаяние поглотит его, и так и сказал ему. В ответ я услышал эти слова. Той ночью он сел на Индраугнира и улетел на Оскверненный остров. Когда он вернулся, прежний Аэнарион исчез, и началась жизнь полная кровопролитий. Где ты услышал эту фразу?

— Тебе придется спросить князя Малекита, — ответил Калабриан и поставил на стол пустой бокал. — Он приказал мне выучить эти слова наизусть, но не объяснил, зачем. Теперь вы верите мне?

Эолоран кивнул и жестом приказал Эотлиру передать ему чехол.

— Их слышали только Аэнарион и я, но мне кажется вполне достоверным, что Аэнарион сказал их сыну, — произнес старый князь.

Он взял чехол, осмотрел печать и, удостоверившись, что она цела, сломал большим пальцем кружок из черного воска. Затем откинул крышку и вытряхнул лист пергамента. Бережно отложил чехол на стол и развернул свиток.

— Это письмо. — Эолоран просмотрел исписанный элегантным почерком лист и начал читать вслух. Его голос прерывался от волнения.

«Предназначено для глаз Эолорана Анара, любимца Аэнариона, истинного защитника Нагарита. Сначала я должен поблагодарить тебя, хотя слова не способны выразить ту признательность, которую я испытываю к тебе за твою поддержку. Я знаю, что ты шел мне на помощь в Эалите, и, хотя тот поход оказался обречен на поражение, мне удалось сбежать, в немалой степени благодаря действиям твоего войска. Я понимаю, что ты подверг себя риску, открыто выступив на моей стороне. Позволь заверить, что, когда я верну себе трон Нагарита, тебя ждут почести и награда. Ты был верным другом моему отцу и, надеюсь, станешь моим союзником».

Эолоран остановился, чтобы прочистить горло — на глаза старика навернулись слезы. Он с усилием сглотнул и потер лоб, будто хотел избавиться от воспоминаний. Когда к нему вернулось спокойствие, князь твердым голосом продолжил:

«Увы, но сейчас мне снова приходится просить тебя о помощи. Моя просьба связана с большим риском, поэтому я не буду держать обиду, если ты решишь, что не в силах справишься с нею. Пришли ответ с моим посланником, Калабрианом, ему можно доверить любые тайны. Тем не менее я прошу посвятить в суть моей просьбы только тех, кого ты сам сочтешь нужным, иначе слухи могут достигнуть ушей Морати — обычными либо мистическими путями. С приходом весны я выступаю к Анлеку. Сейчас мое войско стоит в Эллирионе, подальше от острых глаз моей матери и ее шпионов. Верные Королю-Фениксу отряды отвлекают ее внимание на себя. Я уверен, что сумею пробиться к Анлеку, но оборона города практически неприступна.

Я прошу тебя взять воинов, которым ты полностью доверяешь, тайно проникнуть в Анлек и там ожидать моей атаки. Не могу точно сказать, когда она последует, так что тебе придется отправиться в город с первым весенним солнцем. Ни одно войско не сумеет пробить ворота Анлека, но если они откроются передо мной, я буду стоять наготове с армией таких солдат, каких не видали на берегах Ултуана уже много столетий. С нетерпением ожидаю твоего ответа, и да помогут тебе все благосклонные к нам боги.

Остаюсь твоим верным союзником и благодарным князем».

— В конце стоит руна и печать Малекита, — закончил Эолоран.

— Вполне законная просьба, — произнес Эотлир, когда отец передал ему пергамент.

— Мы же поможем князю, правда? — спросил Алит.

— Конечно, — сказал Эолоран. Алита удивил его немедленный ответ. Эолоран никогда не принимал таких важных решений поспешно. — Даже если князь попросит броситься на стены Анлека, я подчинюсь его приказу. Нам следует покончить с правлением Морати ради Нагарита и всего Ултуана. Если мы хотим снова жить в мире, князь Малекит должен вернуться на трон.

Эолоран задумчиво постоял, потирая подбородок. Затем взглянул на Калабриана; тот смиренно прослушал содержимое послания, ради которого совершил столь опасное

путешествие, и сейчас ожидал решения.

— Что тебе известно о намерениях Малекита? — спросил Эолоран.

— Не больше, чем вам, — ответил посланник. — Я оставил Малекита в Тор Анроке, я ничего не знал о его плане переправить войска в Эллирион — и тем более о намерении штурмовать Анлек.

— Тогда я напишу ответ твоему господину, и тебя отведут через горы в Эллирион. Думаю, что с анарскими проводниками обратное путешествие пройдет легче, чем дорога сюда.

— Кого послать с ним? — спросил Эотлир. — И, что еще важнее, кого взять с собой в Анлек? Каким способом мы можем проникнуть туда, не привлекая внимания?

— Анадриель и ее стрелки уже знают о прибытии Калабриана, — вставил Алит. — Им можно доверять, все они связаны с домом Анар родством в той или иной степени. Анадриель исходила горы не хуже меня, а возможно, и лучше. Не могу представить более подходящего проводника и более опытного воина.

— Я бы хотел, чтобы ты проводил Калабриана, а затем вернулся в особняк — охранять земли, пока нас не будет, — сказал Эотлир. — Рисковать всеми анарскими князьями в одном походе кажется мне безрассудным, а бросить Эланардрис на произвол судьбы немислимо.

— Нет, — произнес Эолоран, оборвав протесты Алита. — Алит показал себя в битве, и во всем Эланардрисе не найти более меткого стрелка. Если он собирается править анарцами, он должен сражаться вместе с нами. Один из командиров присмотрит за защитой Эланардриса. К тому же, если Малекит пойдет на Анлек, цели наших врагов быстро поменяются!

Алит почувствовал огромную благодарность к деду за то, что он вмешался, но сидел молча, чтобы радостным возгласом не испортить мнение о себе.

— А сейчас, — Эолоран бросил на внука лукавый взгляд, — он может сбегать в дом и принести мне пергамент, перо и чернила.

— Конечно. — Алит благодарно склонил голову.

Когда он вышел из летнего домика, до него донесся тихий, гневный голос отца, но слов он не разобрал, так как уже бежал со всех ног по дорожке к особняку.

Зимние дни тянулись как никогда; на вершинах гор разлеглось тяжелое облако, и из него то летели бурные метели, то неспешно сыпали хрупкие снежинки. Анадриель провела Калабриана по горам туда, где пролегалла граница Нагарита, Крейса и Эллириона, и направила на юг к Малекиту.

Перемещаясь по тайным тропам и неизвестным никому, кроме них, наблюдательным пунктам, анарские разведчики находили лагеря друкаев и пересчитывали количество солдат. Эти сведения поступали Эолорану — тот составлял карту расположения вражеских войск. При помощи Алита и Анадриели правитель дома Анар выбирал маршрут, по которому небольшая группа воинов сумеет обойти врагов и покинуть Эланардрис незамеченной. Дважды Калабриан проделывал опасное путешествие через горы, чтобы посоветоваться с анарцами, донести заверения Малекита, что его силы готовы, и подтвердить обещание Эолорана. Затем зима туго стянула свою хватку, горные пики замели снежные бури, и новости от князя перестали доходить до Эланардриса.

Эотлир выбрал тридцать воинов — самых верных и самых опытных. Все они служили

анарскому княжеству уже несколько столетий, а некоторые приходились Алиту дальними родственниками.

Среди них оказались Анадриель, Касадир и Хиллраллион. Эотлир начал называть выбранных воинов Тенями, поскольку им предстояло полагаться скорее на скрытность, чем на силу.

Тени часто собирались, чтобы обсудить путь из Эланардриса в Анлек. Хиллраллион проверял выходы из Эланардриса и возвращался к особняку. Его задачей было убедиться, что за время похода там не появлялся ни один эльф. Пока шла подготовка, Эолоран занялся уловками: он начал создавать легенду, чтобы объяснить союзникам их грядущее отсутствие.

При помощи Каентраса правитель дома Анар распространил слух, что ему удалось связаться с князем Дуринном из Гальтира, портового города на западе Нагарита. Эолоран якобы нечаянно дал просочиться сведениям, что собирается весной встретиться с князем, заново подтвердить договор о союзе и обоюдной поддержке. Каентрас с энтузиазмом встретил новости и часто говорил о том, что ждет возвращения Малекита. Эолоран предпочитал отмалчиваться, поскольку не знал, как Каентрас отнесется к правде. Старого воина воодушевило сражение с каинитами, и сейчас он явно тяготился сидением в осажденном княжестве. Эолоран опасался, что, узнав Каентрас об истинном положении дел, он отправится бы навстречу Малекиту и оставил Эланардрис без защиты, хотя вынужденная ложь другу и причиняла старому князю боль.

Каждый день Алит просыпался и глядел на небо в надежде увидеть первое весеннее солнце. В Нагарите зимы стояли холодные и суровые, но стоило ветру с севера повернуть на запад, как облака расходились, и весна и лето наступали быстро. Знак, что Малекит выступил, приближался с каждым днем.

Алит свернулся на лежанке из листьев в задней части пещеры, на одном из наблюдательных постов Теней. От тихого шороха юноша мгновенно проснулся и потянулся за лежащим рядом обнаженным мечом. На фоне чуть более светлого, чем окружающие стены, круглого входа в пещеру виднелся силуэт эльфа. Загорелся бездымный фонарь и осветил лицо Анранейра. Тот широко улыбался.

— Вставай, засоня, и погляди вокруг, — сказал он и отступил от входа.

Алит вскочил и направился наружу; он уже догадался о причине радости Анранейра. Ветер дул на запад, в нем чувствовалось едва заметное тепло. На востоке над Анулир Эрайной, Белой Матерью, самой высокой горой к югу от особняка, сияли розовые лучи восхода.

— Первое весеннее солнце! — засмеялся Алит.

Анранейр на радостях обнял его; юный князь полностью разделял его душевный подъем. Пусть весеннее солнце и означало наступление опасного периода в их жизни, но возможность приступить к делу после скучной зимы не могла не радовать.

— Надо вернуться в особняк, — сказал Анранейр. — Готов поспорить, что твой дед захочет выступить уже сегодня вечером.

— Мне придется дожидаться, когда Митастир сменит меня на посту, — возразил Алит. — Кто-то должен наблюдать за врагами. Ты отправляйся прямо сейчас. Я не хочу, чтобы наше исчезновение вызвало подозрения.

— Как скажешь. — Практичный подход князя поуменьшил радость Анранейра.

Он махнул рукой, погасил фонарь, прошептал волшебное слово, и исчез в сумраке.

Алит присел на пороге пещеры, поджал под себя ноги и уставился на булабочные головки огня в лагере внизу. В ожидании Митастира он шепотом повторял благодарность Курноусу за раннюю весну. Князь считал ее приход хорошим знаком от своего покровителя, Властелина Охоты.

По одиночке и парами Тени собирались в небольшой рощице под названием Ателин Эмейн недалеко от южной границы Эланардриса. Алит прибыл одним из первых и в темноте ждал остальных. Когда за тонкими облаками тускло засияли обе луны, наконец-то появились Эолоран и Эотлир — как и все Тени, они укутались в темные плащи. Впервые в жизни Алит видел на отце и деде подобную одежду, совсем не похожую на величавые мантии и сияющие доспехи, к которым он привык. Правитель дома Анар собрал своих воинов в тени огромного дерева. Льющийся сквозь голые ветки лунный свет испещрял землю причудливыми тенями.

— Мы должны пересечь линию осады до рассвета, — сказал Эолоран, пристально оглядывая тридцать избранных воинов. — Все мы знаем, на какой путь ступили и какая опасность ожидает нас в случае разоблачения. Я предлагаю вам последнюю возможность вернуться домой. Как только мы взойдем под сень этих деревьев, начнется путешествие, которое мы должны будем пройти до конца, до самого Анлека и до той судьбы, что приготовила нам Морай-хег. Некоторые из нас не вернутся из этой битвы, и вполне может оказаться, что все усилия пропадут впустую.

Отряд ответил тишиной. Алиту не терпелось положить конец совещаниям и ожиданию и отправиться в путь.

— Хорошо, — с мрачной улыбкой произнес Эолоран. — Значит, наши мысли сходятся. Имена тех, кто сегодня идет со мной, прославятся; их ждет великая благодарность дома Анар и князя Малекита.

С этими словами Эолоран повернулся на юг, и Тени выступили навстречу опасности.

Довольно скоро Тени столкнулись с первым препятствием. Касадир, как самый опытный разведчик, ушел вперед и вернулся, когда Эолоран с остальными покидали прикрытие Ателин Эмейна. Они планировали направиться на запад, а затем свернуть на север, но Касадир принес тревожные новости.

— Друкаи передвинули северную границу лагеря, — доложил он столпившимся при его неожиданном возвращении эльфам. — А еретики переместились к югу от дороги.

— Мы сможем обогнуть их? — спросила Анадриель.

— Конечно, — ответил Касадир. — Хотя нам придется пройти по болотам Энниун Морейр, чтобы избежать часовых. Места там опасные, обход займет несколько дней.

— Сложный выбор: добраться до Анлека слишком поздно или рискнуть разоблачением, — произнес Эотлир и взглянул на отца. — Я бы предпочел скорость и прямой путь. Если нас заметят, мы сумеем справиться с друкаями, а вот опоздание может стать роковым.

— Согласен, — кивнул Эолоран. — Если мы прибудем слишком поздно, то окажемся вне городских стен, вместе с Малекитом, и наш поход потеряет смысл.

— Возможно, нам даже повезло, — предположил Алит. Он повернулся к Касадиру. — Какого размера лагерь еретиков? Насколько он близок к остальным?

— Две сотни фанатиков, может, чуть меньше, — ответил разведчик. — Они стоят на подветренной стороне холмов, на берегу Эрандафа, рядом с мостом у Анул Тирана.

— Что ты задумал? — спросил у примолкшего сына Эотлир.

— Мы можем одним выстрелом убить двух зайцев, — ответил Алит. — Я бы предложил перебить еретиков в лагере и проникнуть в город под их личиной. Если мы оденемся как фанатики, то сможем свободно передвигаться по дорогам, и не придется идти в обход: время пути сократится на много дней.

— А если они поднимут тревогу? — спросил Эолоран. — Ты предлагаешь рискнуть и вступить в заведомо неравную битву. Наш поход может прерваться в самом начале.

— Еретики не готовы к сражению, нашим основным оружием станет скрытность, — возразил юноша. План полностью сложился у него в голове, и он кивнул. — Мы достаточно наблюдали за каинитами и знаем — у них нет военной дисциплины. Они не ожидают нападения и, скорее всего, лежат в палатках, одурманенные наркотиками.

— Я видел очень мало движения в лагере, — подтвердил КасаDIR. — Если мы решим напасть, будет несложно подобраться к ним незамеченными.

— Перебить их во сне? — переспросил Эотлир. — Я даже думать не хочу о подобном предложении, оно отвратительно. Мы не убийцы, мы воины.

— Тогда подумай о тех, кто погиб от их ножей, и о тех, кого они принесут в жертву в будущем, если Малекит потерпит поражение, — прорычал Алит. — Правосудие давно оставило Нагарит. Чудесно, когда удается вступить в бой под развевающимися знаменами, под звуки горнов, но в этой войне большинство сражений ведется исподтишка. Или мы назвали себя Тенями просто так?

На лице Эотлира по-прежнему застыла гримаса недовольства, но он смолчал и вопросительно повернулся к отцу. Эолоран медленно покачал головой; его тоже смущал вставший перед ними выбор.

— Ты не видел того, что видели мы в лагере каинитов, — продолжал Алит. — Я не спорю, что мой план может показаться хладнокровным убийством, но, по крайней мере, мы подарим жертвам достойную, быструю смерть. Их не будут швырять на костер под крики ужаса и боли и раздирать живьем на куски! Охотник не сожалеет о каждой отнятой жизни. Он знает, что так устроен мир — кто-то должен умереть, чтобы выжили остальные. Он не будет оплакивать оленя или медведя, и я тоже не собираюсь щадить тех, кто решил поохотиться на своих собратьев.

— Ты приводишь сильные доводы, Алит, — произнес Эолоран. — Если мы выдадим себя за друкаев, то получим огромное преимущество, особенно когда доберемся до Анлека.

— Вот именно, мы долго строили планы, как добраться до города, а что потом? Личина еретиков даст нам возможность войти в него у всех на виду и не вызвать подозрений. Придется смириться с тем, что в каждой тени есть доля тьмы. Будем черпать силы из осознания, что совершаем это преступление лишь для того, чтобы другим не пришлось идти на подобные жертвы.

Решение о нападении было принято, Тени разделились на группки по трое и окружили вражеский лагерь. Когда все вышли на позиции, наступила полночь, и над палатками повисла полная тишина. Не было ничего похожего на оргию, которую видел Алит ранее, но сделанные из костей жаровни еще дымились наркотическими смесями. Скорее всего, фанатики действительно погрузились в опьяняющий сон.

Алит подкрался к ближайшему высокому шатру из фиолетовой ткани и присел перед входом на корточки, сжимая в руке кинжал. Внутри никто не двигался, доносились лишь звуки медленного дыхания. Князь огляделся, чтобы убедиться, что его никто не заметил,

откинул полог и проскользнул внутрь.

Там, на сшитом из пушистых шкур огромном ковре, переплелись во сне семеро нагих эльфов. В углу горел фонарь с красным стеклом и заливал все вокруг алым светом. Двое из спящих были мужчинами, остальные — женщинами; их тела украшали нарисованные синей краской руны. В переплетении завитков и линий Алит распознал руны Атарты, богини удовольствий.

Когда Алит присел над ближайшим эльфом, никто не шевельнулся. Князь чуял запах черного лотоса, мощного наркотика, — если вдыхать дым его разогретых лепестков, тебя посетят красочные сны. Князь обмотал лицо и рот шарфом, наклонился и приставил лезвие к шее лежавшей перед ним эльфийки. Кинжал засиял красными отблесками, и Алит замешкался.

Он уже убивал в пылу битвы, но хладнокровно резать беспомощную жертву юному князю еще не приходилось. От одной мысли задрожала рука, и внезапно его охватил страх. Затем в голове всплыли воспоминания о церемонии каинитов, и ненависть к фанатикам пересилила отвращение.

Уверенным, почти нежным движением Алит провел ножом по шее эльфийки и перерезал артерию. Из раны хлынула кровь; алый фонтан насквозь пропитал мех ковра и собрался лужицей у черных сапог Алита. Князь поборол омерзение и двинулся к следующему, а затем еще к одному.

Вскоре все было кончено и, не оглядываясь на дело своих рук, Алит с окровавленным кинжалом вышел из палатки.

— По чьему дозволению вы путешествуете? — требовательно спросил анлекский капитан и потянул из ножен меч.

За ним стояло несколько дюжин воинов с шипастыми пиками. С шеи до колен их прикрывали длинные черные кольчуги, а лица прятались за тяжелыми накладками шлемов, которые защищали нос и рот.

По дороге в Анлек Тени встречали уже не первый патруль, и каждая проверка становилась тяжелым испытанием для Алита и остальных. Они переоделись в одежду поклонников Атарты, Каина и прочих культов, спрятали оружие в тюках и стали совершенно беззащитными перед внезапным нападением.

Все путешествие прошло в изматывающей тревоге. Маскарад служил единственной хлипкой защитой против любых вопросов. Маленькая группа эльфов шагала по главной дороге в столицу уже семь дней. Внешне они не отличались от фанатиков культов, но ничего не знали о ритуалах и внутренних отношениях, поэтому по возможности избегали себе подобных. Несколько раз Теням приходилось сворачивать с тракта и проводить ночь в лесу — так было проще избегать назойливых приглашений переночевать в лагере поблизости.

Также их сильно задерживало большое количество солдат на дорогах. Становилось очевидно, что план Малекита оттянуть войска на юг сработал, и навстречу Теням, к границе Тиранока, маршировали десятки тысяч солдат. В большинстве случаев отряды не лезли в чужие дела и не обращали внимания на бредущих куда-то поклонников культов, но несколько раз, как сейчас, скучающие офицеры затевали дознание.

— Я не знал, что дороги закрыты для тех, кто идет отдать дань уважения королеве Морати, — ответил Эолоран и смущенно поклонился.

Алит прекрасно представлял, какой стыд переполнял деда от необходимости лгать и

лебезить, но гордость давно стала самой малой жертвой их маскарада.

— Ты сам знаешь, что идет война, — прорычал капитан. — Дороги должны быть свободны для армий королевы.

— Мы никак не задерживаем вас, мой благородный друг. — Эолоран не поднимал глаз от земли. — Наоборот, мы идем в храмы Анлека, чтобы просить богов подарить удачу досточтимым воинам Морати. Мы не умеем воевать и полагаемся на великих бойцов Нагарита: только они сумеют защитить нас от притеснений Бел Шанаара.

Эолоран тщательно продумывал и репетировал эту льстивую фразу, и она произвела на капитана впечатление.

— В городе нет места для бродяг и нищих, — проворчал тот. — И я тебя сразу предупреждаю, все жители Анлека обязаны поставлять солдат для нашей армии. Не знаю, что получится из вашего сброда, но королева приказала, чтобы все готовились защищать княжество.

— Ты прав, мы ничего не знаем о войне и сражениях, — ответил Эолоран. — Но если враги станут угрожать Нагариту, я буду сражаться за наши традиции яростнее всех!

Игра слов, да еще из уст деда, заставила Алита отвернуться и подавить смехок. Конечно, анарцы будут сражаться до последней капли крови — только они будут сражаться за то, чтобы вернуть трон Малекиту.

Капитан долго обдумывал ответ. Покорность Эолорана его явно утомила, поэтому он взмахом руки приказал Теням посторониться. Тем пришлось сойти на грязную траву на обочине дороги. Солдаты построились и затопали дальше, бросая на Теней недовольные взгляды и корча гримасы.

Эолоран тоже подгонял своих воинов — ему не терпелось оторваться от друкаев. Заговорил старый князь довольно нескоро.

— По моим расчетам, до Анлека остался день пути. Надо держаться начеку, — предупредил он. — Пока обман Малекита работает. Если бы друкаи подозревали, что Анлеку угрожает опасность, ни по одной дороге было бы не пройти. Мы должны попасть в город до того, как они узнают о готовящейся осаде, иначе ворота наглухо закроют для всех. Я чувствую, что события начнут развиваться очень быстро. Придется пожертвовать осторожностью ради скорости. Мы должны подойти к Анлеку завтра вечером.

Анлек представлял собой скорее крепость, чем город, хотя в нем жили десятки тысяч эльфов. Он считался самой великой цитаделью мира; его построили Аэнарион и Каледор Укротитель Драконов для противостояния осаждающей Ултуан орде демонов. Город окружали высокие толстые стены, на всем их протяжении стояли двадцать башен, причем каждая была укреплена не хуже небольшого замка. На весеннем ветру на многочисленных флагштоках развевались серебристо-черные знамена, и даже издалека путник мог заметить блеск оружия — это сотни часовых прохаживались по укреплениям на стенах.

У ворот стояло три сторожевых здания, каждое размером с особняк в Эланардрисе. Их защищали военные машины и несколько дюжин солдат.

Сами ворота из черной стали походили на гигантский портал, оплетенный могущественными защитными заклинаниями Каледора. Стены по бокам выдавались мощными контрфорсами. Пространство перед воротами называли «площадкой смерти», потому что оно простреливалось болтами, стрелами и магией со всех сторон. Круг внешних башен, с гарнизоном по сотне воинов на каждой, защищал подходы к воротам. Но наиболее

ужасным выглядел широкий огненный ров. Кольцом зеленого магического пламени он окружал весь город, а пересечь его можно было по трем огромным подвесным мостам.

По одному из этих мостов и шли сейчас Тени. Жар от потрескивающих внизу языков огня окутывал их с обеих сторон. За Анлеком садилось солнце; город высился в сумерках огромным черным чудовищем, а шпили и башни казались рогами и когтями.

Когда-то Анлек считался маяком надежды, крепостью Аэнариона Защитника. Сейчас от одного вида черных гранитных зданий Алита пробирала дрожь, и он все время искал глазами отца и деда. Уже много столетий, с тех самых пор, как Морати вырвала власть из рук оставленного Малекитом совета, они не посещали столицу. От рассказов о черных церемониях и кровавых ритуалах по коже бежали мурашки, и при виде города лица Эолорана и Эотлира вытянулись и побледнели.

Анарцы быстро перешли опасный участок. Алит бросал взгляды на высокие стены по обеим сторонам моста и мысленно причитал — его охватывала жуть, стоило подумать о воинах, которым выпало несчастье штурмовать Анлек. Не оставалось сомнений, что многие тысячи верных Малекиту эльфов сложат здесь голову, когда князь начнет осаду. Юноша отгонял мрачные мысли и утешал себя тем, что Тени прибыли вовремя. В их задачу входило открыть ворота и спасти воинов от напрасной гибели. Теперь, когда Алит своими глазами увидел Анлек, его решимость только укрепилась. Юного князя переполняла гордость от сознания важности той роли, которую Малекит отвел анарцам в войне за Нагарит.

Сквозь зев открытых ворот виднелись огни — они мигали на темных камнях осадных башен и огромной арки прохода. Когда Тени вошли в привратный зал, по телу Алита пробежал холодок, будто весь свет в мире погас. Князь подавил желание бросить последний взгляд через плечо, и город поглотил его.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Возрождение Анлека

Ночь разрывали крики приносимых в жертву и пронзительные молитвы обезумевших фанатиков. Алит стоял у окна заброшенной гарнизонной башни и глядел на Анлек. В темноте сияли разноцветные огни, жаждущие крови толпы творили бесчинства на улицах внизу: они дрались между собой и хватали неосторожных прохожих, чтобы принести их в жертву темным богам китараев.

Тени устроились в пустом здании недалеко от северного угла городской стены. Когда-то там обитали сотни солдат, но их перевели на юг страны, чтобы отразить надвигающуюся из Тиранока угрозу. Как и во многих районах Анлека, там царила жутковатая тишина; еретики предпочитали центр города, где стояли огромные храмы. Поскольку культы боролись между собой за власть, их последователи старались держаться вместе.

В подвале располагались комнаты, куда Алит не заходил после первого обследования башни, настолько напугали его покрытые пятнами крови полы, шипастые оковы, кривые лезвия и жуткие клейма. Тени содрогнулись от одной мысли о мучениях, которым подвергаются их сородичи-эльфы, заперли ведущие вниз двери и не покидали верхних этажей.

— Я не знал, что мы можем пасть так низко, — произнес Эолоран. Старый князь внезапно появился за плечом Алита. — Когда-то здесь процветали доблесть и честь, а сейчас мне больно видеть, во что мы превратились.

— Мы не такие, — ответил Алит. — Морати купается в слабости и пороке, но Малекит вернет Анлеку силу и решительность. У нас еще осталось будущее, за которое стоит бороться.

Эолоран не ответил. Алит повернулся к деду и обнаружил, что тот смотрит на него с улыбкой.

— Ты внушаешь мне гордость за то, что я анарец. — Эолоран коснулся плеча внука. — Твой отец станет мудрым главой нашего дома, а ты будешь достойным князем Нагарита. Когда я гляжу на тебя, то воспоминания о давно прошедших днях улечиваются и боль уходит. Мы сражались и проливали кровь во имя таких, как ты, а не ради тех отбросов, что шастают сейчас по городу Аэнариона.

Слова Эолорана согрели юному князю сердце, и он ухватил деда за руку.

— Я вырос таким потому, что у меня перед глазами был твой пример, — ответил он. — Меня ведет твое наследие, и когда я называю себя анарцем, меня охватывает гордость, которую я не могу передать словами. Многие запутались и погрязли во тьме, но ты продолжаешь держаться своих принципов. Ты стал для нас путеводным лучом света.

На глазах Эолорана заблестели слезы, и дед с внуком обнялись. Они нашли утешение в чувстве любви друг к другу — она на время помогла забыть о происходящих снаружи ужасах.

Потом Эолоран отодвинулся, отвернулся к окну, и его лицо снова посуровело.

— Тех, кто совершает подобные зверства, ждет наказание, — тихо произнес он. — Но не надо путать наказание с мезтью. Культы питаются страхом и злостью, завистью и ненавистью. Они взывают к темным чувствам, что таятся в глубине души у каждого из нас. Если мы не предадим своих идеалов, победа будет за нами.

Девять дней Тени прятались в самом сердце враждебного города. Большую часть времени они старались не попадаться горожанам на глаза, но иногда осмеливались выйти на улицы по одиночке и парами за свежей информацией и едой. При свете дня город был менее опасен, чем в темноте, поскольку после ночных оргий и жертвоприношений еретики ненадолго насыщались, и улицы становились спокойнее.

Ночь принадлежала культам, а днем Анлеком правил военный гарнизон: солдаты патрулировали улицы и сурово поддерживали порядок, иначе город давно погряз бы в полной анархии. Становилось ясно, что Морати старается соблюдать равновесие между своими сторонниками; она делала поблажки культам, но все же сдерживала их излишества и сохраняла какое-то подобие порядка.

К вечеру девятого дня настала очередь Алита и Касадира идти в город за новостями. Они оделись в элегантные мантии, спрятали в складках одежды мечи и отправились на главную площадь рядом с дворцом. На ступенях, ведущих к огромным дверям цитадели, стояла стража, по мостовой прогуливалась толпа эльфов.

Вокруг слышался гул разговоров, но внимание Алита привлекли витавшие в воздухе отголоски страха.

— Давай поделимся и посмотрим, что удастся услышать, — сказал он Касадиру. — Потом встретимся здесь.

Касадир кивнул и зашагал направо, вдоль ступеней дворца. Алит повернул налево, к рыночным прилавкам на краю площади. Он пошел вдоль ряда палаток, будто рассматривая, что продается, но на самом деле внимательно прислушивался к разговорам в толпе вокруг.

Среди обычных рыночных товаров встречались на редкость зловещие предметы. Ритуальные кинжалы со страшными рунами, посвященные китараям талисманы и свитки с молитвами подземным богам. Пока Алит разглядывал серебряный амулет в виде символа Эрета Кхиали, он услышал упоминание о Малеките. Князь тут же развернулся и проследовал через площадь за небольшой группкой. Пятеро эльфов выделялись среди неспешно прогуливающихся горожан тем, что быстро шагали к храмовой улице, лежащей на западе города.

— Ранним утром показались всадники, — говорила одна из женщин.

Хотя в воздухе еще стоял зимний холодок, ее единственную одежду составляло лишь просторное, полупрозрачное платье, которое открывало бледную плоть на всеобщее обозрение. По спине тянулись шрамы в форме рун, и кожу во многих местах украшали золотые колечки.

— Мой брат стоял на южных воротах и слышал, что говорят стражники. Всадники донесли, что князь Малекит ведет на Анлек огромное войско.

Спутники встретили ее слова испуганными возгласами.

— Он же не станет нападать на город? — воскликнул один.

— Мы здесь в безопасности? — спросил другой.

— Может, стоит бежать отсюда? — предложил третий.

— Уже нет времени! — визгливо прокричала женщина. — Всадники сказали, что войско князя остановилось в дне пути. Его гнев настигнет нас завтра на рассвете!

По телу Алита пробежала дрожь возбуждения. Ему хотелось последовать за группой дальше, но они свернули к ступеням храма Атарты, а Алит не испытывал ни малейшего желания входить в это проклятое место. Он срезал дорогу по боковой улочке и быстро вернулся на площадь. Касадир уже ждал его там.

— Малекит близко, — прошептал Касадир, когда юный князь подошел к нему. — Я слышал, как капитан стражи послал свой отряд на стены, чтобы подготовиться к обороне города.

— Он в дне пути, — подтвердил Алит. Они зашагали к заброшенным казармам. — По крайней мере, так считают некоторые еретики.

— Пока Морати держит эти новости в тайне, — сказал Касадир. — Она боится паники, когда жители узнают, что князь собрался осаждать Анлек. Возможно, стоит распространить слухи о его возвращении и надеяться, что они посеют страх и смятение и подорвут ее планы.

— Хорошая идея, но сначала надо поговорить с отцом.

— Тогда я немного задержусь и посмотрю, что еще удастся узнать. Я вернусь в башню до заката.

— Береги себя, — откликнулся Алит. — Я боюсь, что многие еретики могут впасть в истерику, когда до них дойдут слухи о Малеките. Жертвенные огни этой ночью будут гореть особенно ярко.

Касадир успокаивающе кивнул и исчез в толпе. Алит быстрым шагом направился к логову Теней; ему хотелось добраться туда поскорее, но князь боялся привлечь к себе ненужное внимание. Если Малекит действительно находился в дне пути и воины Морати держали его приближение в тайне, у анарцев оставалось совсем мало времени для подготовки. Хотя близкая возможность приступить к действиям наполняла Алита радостью, было опасение, что план Теней провалится, и войско князя уничтожат под городскими стенами.

Как и предсказывал Алит, ночь заполнилась шумом, стуком барабанов и воем рогов — слухи о приближении Малекита разошлись по городу. Среди хаоса молитв и жертвоприношений по улицам разносился вибрирующий топот ног: гарнизон вставал по тревоге, в город стягивались расположенные поблизости войска. Пока друкаи предавались истерике, Тени не выходили из темной башни, боясь попасться им в руки.

Алит, как и остальные, провел бессонную ночь; он то обходил башню, то обсуждал грядущие действия с отцом и дедом. Когда над горизонтом засветилось розовое марево рассвета и первые лучи солнца потянулись к каменным стенам города, Алит вместе с Эотлиром и Эолораном сидел в комнате на последнем этаже. В свете встающего солнца и факелов они увидели множество выстроенных наготове воинов.

С момента прибытия в Анлек Эолорана глодал один и тот же вопрос, и когда рассветные лучи упали на подоконник, он снова задал его вслух.

— Откуда Малекит начнет атаку? — спросил он. Вопрос не предназначался никому конкретно. — Мы должны знать, какие ворота открыть.

— Слухи противоречат один другому, — сказал Эотлир. — Некоторые считают, что он идет из Тиранока, то есть с юга, а другие утверждают, что князь приближается из Эллириона, что на востоке.

— Если вспомнить письма князя, мы знаем, что он собирался готовить войско в Эллирионе, — вставил Алит. — Так что восток кажется более подходящим направлением.

— Скорее всего, но сейчас стоит полное смятение. Я даже слышал, что он высадился в Гальтире и наступает с запада. Хотя я подозреваю, что Алит прав, тем не менее можно допустить, что планы Малекита изменились — либо по его собственной воле, либо из-за действий друкаев. Неправильная догадка будет стоить нам жизни и обречет Нагарит на

мучения еще на долгие годы.

— Тогда мы сами должны увидеть, с какой стороны он идет, — сказал Алит.

— И откуда ты собираешься смотреть? — спросил Эотлир. — На стенах полно солдат, к тому же они все равно слишком низкие. Только цитадель достаточно высока, чтобы увидеть его войско.

— Если перед нами только один путь, придется следовать ему. Не важно, опасен он или нет, — ответил юноша. — Я обследую цитадель и найду наблюдательный пункт, откуда можно заранее заметить приближение Малекита. Нам требуется время, чтобы подготовиться и добраться до нужных ворот, а для этого необходимо узнать о намерениях Малекита как можно раньше.

— Если бы найти способ связаться с князем, — произнес Эолоран. — Может, послать птицу?

— Боюсь, что Морати зорко следит за подобными вещами, и мы рискуем быть разоблаченными, — ответил Эотлир. Он прошелся к окну и обратно в явном волнении. — Мне кажется неразумным посылать тебя одного, Алит.

— Лучше будет, если поймают одного, чем всех сразу, и я не стану просить кого-то еще рисковать жизнью, — ответил юный князь. — Не надо отчаиваться. В городе еще царит анархия, хотя я уверен, что в скором будущем последователи Морати начнут бояться ее больше, чем Малекита. На рассвете тени еще глубоки, и одинокий путник легче проберется незамеченным там, где группа эльфов привлечет внимание.

— Я еще не одобрил твой план, — протянул Эолоран.

— Тогда вам лучше связать меня и оставить здесь, потому что я намерен его осуществить! — отрезал Алит, причем его так поразила собственная решимость, что юный князь на миг запнулся. Затем продолжил более рассудительным тоном: — Обещаю, что не буду рисковать без необходимости, и если по пути услышу что-то определенное о подходе Малекита, прекращу вылазку и сразу же вернусь сюда. Сейчас все взгляды направлены за стены, никто не заметит одинокую Тень.

Эолоран ничего не ответил и отвернулся; его жест выражал согласие, которого он не мог произнести вслух. Эотлир встал перед Алитом и положил руку ему на затылок. Притянул к себе и поцеловал в лоб.

— Пусть светлые боги хранят тебя, — сказал он и отступил на шаг. — Ты должен действовать быстро, но не быть безрассудным.

— Поверь, больше всего на свете я хочу вернуться сюда целым и невредимым, — ответил с нервным смешком Алит.

Юноша отмахнулся от тревог отца и направился к двери.

Алит скинул стесняющую движения робу и переделался в простую набедренную повязку и красный плащ, какие носили многие каиниты. Обернул вокруг талии потрепанный ремень и заткнул за него раздвоенный кинжал. В новом обличи он выскользнул из башни, не сказав другим Теням о своих намерениях.

Улица снаружи пустовала, а башня перекрывала вид на стены. По одной стороне улицы стояли дома с высокими крышами, где когда-то размещались тысячи солдат. Алит спрятался в их тени и зашагал к центру города.

Он решил, что вызовет меньше подозрений, если будет держаться больших улиц, а не красться по задворкам, поэтому выбрал прямую дорогу до центральной площади, которая выходила к дворцу Аэнариона с северо-запада. Здесь стояли дома многих правителей

Анлека. Сейчас они в основном пустовали, поскольку их хозяева командовали солдатами на стенах или находились со своими отрядами на юге страны. Алит перепрыгивал через садовые ограды, проскакивал мимо журчащих фонтанов и на ходу придумывал способ пробраться в цитадель.

Там, где когда-то в центре города одиноко вздымался шпиль дворца Анлека, за прошедшие столетия поднялось много зданий, и каждое из них выросло ближе к дворцу, чем предыдущее. Хотя южная часть дворцовой площади оставалась незастроенной, несколько поколений назад дома благородных анлекцев вплотную слились с северной стеной дворца, и вот туда-то и направлялся юный князь.

Так же легко, как он перескакивал с камня на камень в родных горах, Алит запрыгнул на голые ветви дерева рядом с крыльцом одного из особняков. Оттуда он перебрался на крышу. Затем проскользнул мимо открытого окна мансарды, пригнулся и побежал по наклонной черепице крутого ската. Между крышей и стеной цитадели еще оставалось какое-то расстояние, так что Алиту пришлось с разбега перепрыгнуть его. Пальцы нащупали выемки на изъеденном годами камне, после некоторого барахтанья обнаженные ступни тоже обнаружили опору. Как прилипший к стене паук, Алит пополз вверх. На самом верху он огляделся, убедился, что его не заметили, и проскользнул между высокими зубцами на стену.

Наблюдательный пункт оказался ничем не лучше любого другого. Внешняя стена города закрывала обзор. Чтобы оглядеть прилегающие равнины и заметить приближение Малекита, придется взобраться выше.

Восходящее солнце еще не добралось до западной стены цитадели, поэтому Алит решил держаться ее. Он карабкался по орудийным и дозорным башням, скользил вдоль подоконников и забирался на крутые крыши, пока не оказался высоко над городом. Под одним из полукруглых окошек он остановился, глянул вниз и увидел невероятно крохотные фигурки на улицах внизу. На центральной площади собралась огромная толпа, и широкая храмовая улица ломилась от прихожан. Остальные районы пустовали. Теперь Алит мог заглянуть за городские стены, но он видел лишь темные западные пригороды, откуда Малекита стоило ждать в последнюю очередь. Ему требовалось найти возможность увидеть восточные подходы к городу и убедиться, что армия князя идет именно оттуда.

Алит прополз вдоль узкого водостока и выбрался на край крыши, что нависала над открытой орудийной башней.

У двери внизу стояло трое часовых, но они не отрывали глаз от равнины за стеной. Поэтому Алит не обратил на них внимания, переполз через пролет над их головами и начал беззвучно карабкаться выше.

Когда он обогнул круглую луковку дозорной башни, юношу залило светом солнца. Теплый ласковый свет пробудил неожиданное воспоминание. Он вспомнил, как лежал с матерью на лужайке перед особняком и разговаривал об Ашниели. Князя охватило чувство вины — он только сейчас понял, что не думал о своей невесте с тех пор, как покинул Эланардрис, так захватило его грядущее путешествие. Воспоминание согрело Алита, ведь если сегодня они победят, Малекит снова сядет на трон, и Ашниели больше не придется прятаться в горном замке отца.

Любовь придала Алиту новые силы, он огляделся в поисках опоры и заметил чуть выше небольшой балкон. Подпрыгнув, юноша ухватился за витые каменные балясины и перемахнул через изысканную балюстраду. Широкая стеклянная дверь была открытой, в

комнате за ней царил темнота.

Алит услышал голоса и замер.

Через несколько мгновений голоса превратились в отдаляющееся эхо, и князь расслабился. Он встал сбоку от дверного проема, чтобы его не увидели изнутри, и огляделся. Перед ним раскинулись юго-восточные подходы к Анлеку. Начинающиеся от городских ворот дороги убегали прямыми стрелами за горизонт, их линию прерывали лишь поднятые над огненным рвом мосты. Алит простоял так некоторое время в поисках подсказки, которая могла бы подтвердить приближение Малекита. Но минуты шли, и сомнения начали разъедать его решимость. Чем выше поднималось солнце, тем меньше оставалось надежды. Время от времени из цитадели доносились шаги, и тогда Алит хватался за кинжал в испуге, что его обнаружат.

С последними каплями чаяния он заметил отблески на юго-востоке. Алит прикрыл глаза сложенной козырьком ладонью и всмотрелся вдаль. Характерный блеск солнца на металле. На горизонте клубилась пыль. Князь восхищенно наблюдал, как войско Малекита марширует к городу.

Он никогда не видел столько воинов сразу. Тысячи тысяч рыцарей, копейщиков и лучников наступали, развернувшись широким веером с юга. Армия приближалась. Алит разглядел запряженные страшными львами белые колесницы и развевающиеся над бесконечными рядами солдат знамена других царств: Эллириона, Ивресса, Тиранока и Крейса. Над авангардом и в середине войска реяли серебристо-черные нагаритские штандарты личной гвардии Малекита. С такого расстояния Алит не мог разглядеть князя, хотя заметил его рыцарей в черных доспехах. В облаках над армией кружили крылатые создания: три пегаса и могучий грифон со всадниками на спинах.

Становилось ясно, что Малекит направляется к южным воротам; его армия перестраивалась перед подвесным мостом. Алит с облегчением собрался было приступить к долгому спуску, когда его внимание привлекли громкие голоса в цитадели. Он рискнул бросить взгляд внутрь комнаты и обнаружил, что она пуста. Тем не менее через арку в дальней стене виднелся прилегающий зал, и сердце князя замерло, когда он заметил в нем эльфийку.

Высокая, величественная, с вьющимися по спине черными кудрями, она была одета в пурпурное одеяние из прозрачной ткани, которое легкой дымкой вилось по ее телу. За ней следовала странная тень: едва заметное облако тьмы жило собственной жизнью. Алиту показалось, что он разглядел в нем крошечные горящие глазки и клыки. В руке женщина держала железный посох с набалдашником в виде странного рогатого черепа, а ее волосы украшала золотая тиара, усеянная бриллиантами и изумрудами.

Морати!

Ее красота приковала Алита к месту, хотя в душе он знал, что королева порочна до мозга костей. Она стояла к нему спиной, но изгиб плечей и бедер разбудил в князе страсть, о которой он даже не подозревал. Ему хотелось утонуть в роскошных волосах и коснуться пальцами гладкой кожи.

Звук голосов оборвал волшебство, и Алит понял, что королева не одна. Через арку туда-сюда ходили закутанные в черные мантии фигуры с обритыми наголо головами и странными татуировками. Он не мог расслышать отдельных слов, и в нарушение данного отцу обещания проскользнул в комнату, чтобы подобраться поближе к проклятой Королеве-Ведьме.

Отсюда он мог лучше разглядеть центральный зал, и князя передернуло от увиденного.

За спиной Морати горели разноцветные языки огня, при виде его Алит вспомнил рассказы о пламени Азуриана, которое благословило Аэнариона на трон на рассвете времен. Но в этом огне не было ничего святого, вздымающиеся языки удивляли неровностью и угловатостью. В сердцевине извивающегося пламени дремало бесформенное существо. Состоящие из огня, но как бы отделенные от него расплывчатые черты напоминали голову птицы — орла или стервятника — и менялись на глазах. Взгляд существа лучился силой, а окружающие языки огня казались Алиту парой огромных сложенных крыльев.

— Их время еще придет, — произнес серьезный, глубокий голос.

Он эхом разнесся по залу. Слова доносились из пламени, но звучали не по-эльфийски, хотя Алит понял их без труда. Будто они произносились на языке, который связывал все языки мира — понятном, но совершенно чужом.

— У кривой дороги много извивов, — со смешком предупредил другой голос.

— И мы увидим, куда ведут все пути, — ответил первый.

— Но не сейчас.

Алит ничего не понимал. Оба голоса принадлежали пылающему созданию, но они явно спорили друг с другом.

— И в обмен на свою помощь я хочу получить награду, — прервала ссору Морати. Ее голос был таким же манящим, как и ее тело. — Когда я зову, на мой зов должны откликаться.

— Оно выставляет требования, — сказал второй, скрипящий голос.

— Требования, — повторил глубокий голос, утробно хохотнув.

— Я не боюсь тебя, — сказала Морати. — Это ты пришел ко мне. Если ты желаешь отправиться обратно на свою адскую родину, так и не заключив сделку, я не стану тебя задерживать. Но если ты хочешь вернуться с тем, за чем пришел сюда, тебе придется обращаться со мной как с равной.

— Равной? — визгливый голос занозами вонзился в уши Алита, и князь поморщился.

— Мы равны во всем, — произнес глубокий голос ободряющим, мягким тоном. — Мы заключим эту сделку как партнеры.

— Не забывай, что есть деяния, которые может совершить только смертный, места, куда может попасть только смертный, и они за пределами твоей досягаемости, демон, — произнесла Морати. При упоминании демонов Алита пробрала дрожь, и ему захотелось бежать. Он затрясся, но справился со страхом и заставил себя слушать дальше. — Мои родичи заточили тебя в темницу. Если ты хочешь выбраться из нее, помогут тебе только руки смертного.

— Такая заносчивая, — насмешливо отозвался резкий голос. — Нас заточили смертные? Ты прекрасно знаешь, что никакая темница не сможет удерживать нас вечно, и ни одна преграда не остановит нас навсегда. Мы еще посчитаемся со смертными, о да. Посчитаемся.

— Заткнись, старый глупый ворон, — сказал другой голос. — Не слушай его пустую болтовню, королева эльфов. Мы заключили сделку, договор совершен. Твои последователи пойдут на север и научат людей волшебству, а в обмен ты получишь силу Вечно Меняющейся Вуали.

— Я подпишу договор кровью, — ответила Морати.

Ее посох метнулся к одному из колдунов, и внезапно из сотни крохотных порезов на его теле хлынула кровь. В зале раздались крики. Взмахом посоха Морати презрительно

швырнула все еще кричащего жреца в огонь. На миг пламя яростно, ослепительно взметнулось, и между стен заметался хриплый смех.

— Нити твоей судьбы сплетены, — сказал демон.

Еще одна вспышка, и пламя исчезло. Зал погрузился в темноту.

Алит заморгал, чтобы убрать пляшущие под веками пятна. Он не сразу заметил, что Морати развернулась и направляется к арке. В панике князь ринулся обратно на балкон и метнулся через перила, ухватившись за опоры. Там он повис и зажмурился — по каменному полу зацокали каблуки. Когда Морати снова заговорила, ее голос раздался прямо над головой Алита, и от близости Королевы-Ведьмы по коже у него поползли мурашки.

— Как замечательно, — сказала Морати. — Я думала, что он не справится с огнем. Кажется, мой сын наконец-то вырос.

— Разве вы не чувствуете, ваше величество? — прошипел один из колдунов. — Венец на его шлеме, в нем горят древние силы.

— Да, — вздохнула Морати. — Но хватит ли у него воли подчинить их себе? Вскоре мы это узнаем. Артефакт сделали, когда Ултуан еще не поднялся из моря. Будьте осторожны, дорогие мои, иначе нас ждут неприятные последствия.

— Князь Малекит пересек огненный ров, ваше величество, — произнес другой жрец. — Что, если он возьмет город?

— Разошлите своих фамильяров к нашим агентам в горах и в других городах, — промурлыкала королева. — Одна битва не решит исход войны. Если он войдет в Анлек, то придет ко мне.

Зазвучали шаги — они удалялись вглубь комнаты, и Алит выдохнул, отчего чуть не соскользнул с испещренного выбоинами камня. Слишком много новой информации и недостаточно времени для размышлений. Он сосредоточился на самом важном: Теням необходимо открыть южные ворота, причем как можно быстрее.

На улицах Анлека было мало эльфов, и редкие прохожие не достаивали взглядом тридцать нагаритских воинов, одетых в короткие кольчуги и черные плащи и куда-то направлявшихся с луками в руках и мрачным выражением на лицах. Со стен доносились крики и стоны, но, находясь внутри города, было невозможно понять, как идет битва. Время от времени Алит видел, как один из сидящих верхом на пегасах магов пролетал над бойницами и поливал их волшебным огнем или хлестал молниями. Эльфийский князь верхом на величественном грифоне врезался в солдат на стене, и предсмертные крики зазвучали чаще. Ледяная пика князя и когти монстра оставили в рядах друкаев зияющие прорехи. Кроме крылатых зверей и роя летящих через стены стрел Алит ничего не видел.

— Погодите! — прошипел Эолоран, когда Тени вышли на открытое пространство перед южными воротами. На площадке у самых створок толпились воюющие и орущие эльфы — каиниты. Их жрецы и жрицы прохаживались вдоль рядов визжащих поклонников, опрыскивали их кровью и наставляли убивать осаждающих во имя Каина. От ворот и из прилегающих зданий неслись полные ненависти клятвы убить Малекита. Некоторые каиниты падали на колени, рычали, завывали и орошали себя кровью из серебряных сосудов, склеивали волосы, царапали товарищей и их кровью рисовали на теле руны. На плитах лежали тела — это некоторые разгоряченные фанатики напали на соседей с ножами. С мертвых срывали кожу, вытаскивали органы и пожирали их.

Алит перевел взгляд на высокие башни сторожевого здания и увидел бурную

деятельность. На прилегающих стенах выстраивались лучники и поливали стрелами подошедшего на расстояние выстрела неприятеля.

— Мы должны занять воротную башню! — прошипел Алит и сделал шаг вперед.

— Нас разорвут на куски, — ответил Эотлир, схватил сына за руку и оттащил к остальным анарцам, которые укрылись в тени высокой стены.

— Они перебьют всех солдат Малекита. — Алит вырвался из хватки отца.

— И нас тоже, — прорычал Эолоран. В цитадели трижды прозвонил колокол. Через миг по площади разнесся громкий скрежет. Эолоран указал на надстройки над воротами: — Смотри!

Под грохот огромных цепей ворота Анлека распахнулись. На воротных башнях голые рабы склонились над двумя гигантскими колесами, а надсмотрщики полосовали им спины шипастыми плетями. Фанатики хлынули из города под радостные кровожадные вопли, будто вода из открывшейся дамбы.

Когда последние каиниты миновали арку, ворота с сотрясающим землю грохотом захлопнулись. Площадь перед ними опустела и затихла. Только из-за стены доносились крики и шум битвы.

— Вот наш шанс! — сказал Эолоран и жестом подогнал вперед Алита и остальных.

Держа луки и стрелы наготове, Тени быстро перебежали через площадь. Как уже обсуждалось перед выступлением из укрытия, Алит с Эотлиром повели половину отряда к восточной башне, в то время как Эолоран повел остальных к западной. Воины Элорана скрылись в дверном проеме, когда Алиту до башни оставалась еще дюжина шагов.

В дверях перед князем появился затянутый в кольчугу стражник. При виде анарцев его глаза изумленно округлились, но тут ему в лицо вонзилась стрела Анадриели, от чего он отлетел к каменной стене. Алит перепрыгнул через тело и нырнул в едва освещенный факелами полумрак.

Справа спиралью поднималась лестница. Алит понесся по ней, перескакивая через ступеньки. Другие Тени не отставали от юноши. На подъеме им больше никто не встретился, и когда Алит выскочил через верхнюю дверь на площадку, перед ним раскинулся вид на равнины Анлека и на сражающуюся армию Малекита.

Ему едва хватило времени, чтобы заметить бесконечные ряды копейщиков, рыцарей и лучников, как движение слева привлекло внимание юного князя. На стене рядом с башней стояло несколько дюжин воинов, и самые ближние начинали поворачиваться в его сторону.

Без раздумий Алит прицелился и выпустил первую за сегодня стрелу. Она пронзила позолоченный нагрудник ближайшего солдата. Пока юный князь доставал следующую и прицеливался, Эотлир с Тенями встали справа и слева от него и начали обстрел. За считанные мгновения две дюжины друкаев, мертвых и раненых, оказались на полу.

— Колесо, — крикнул Эотлир и указал на следующий уровень башни над парапетом.

— Пятеро со мной, остальные держат дверь, — приказал Алит и побежал по ступеням на стене башни.

На последнем пролете перед крышей он на бегу засунул лук в колчан и выхватил меч.

Надсмотрщики успели подготовиться, и как только Алит выбежал на открытое пространство, его встретил звонкий удар кнута. Левую руку пронзила боль. Беглый взгляд показал, что рукав рубахи изорван в клочья, а на предплечье кровоточит рана. Князь зарычал, поднырнул под свистящую в воздухе шипастую плеть и бросился на ее владельца. Свободной рукой друкай выхватил нож, но Алит оказался проворнее и воткнул в

обнаженную грудь врага меч.

Спину обожгла боль — это умелый удар кнута разорвал плащ и глубоко рассек кожу. Князь споткнулся, но КасаDIR проскочил мимо него и отрубил надсмотрщику руку по локоть. Обратный замах снес друкаю голову.

Истощенные эльфы у колеса бросились на мучителей, избивая их цепями своих кандалов. Анадриель помогла князю подняться на ноги, и он бросил беглый взгляд на соседнюю башню. Тени перекидывали через парапет тела в черных кольчугах. Далеко внизу, на «площадке смерти» между бастионами фаланга копейщиков пробивалась к воротам, прикрывшись от сыплющихся сверху стрел поднятыми щитами.

— Ворота! — закричал Алит, схватил ближайшего раба и толкнул его обратно к рычагу. — Ради вашей свободы, откройте ворота!

Князь сам прыгнул к ближайшему вороту и надавил на него; рыдающие рабы занимали свои места рядом с ним. Спину пронзила огненная боль, но Алит сдержал крик и продолжал толкать колесо изо всех сил. С мерным лязгом цепи натянулись, завертелись шестерни.

— Продолжайте! — крикнул КасаDIR за спиной князя. — Ворота открываются!

Колесо набирало обороты и вскоре вращалось уже свободно, а ворота внизу открывались под собственным весом. Алит с проклятием упал на пол. КасаDIR оттащил его в сторону из-под ног рабов. Колесо продолжало вращаться.

Ворота распахнулись, створки с оглушительным треском ударились о стены.

Копейщики внизу разразились криками радости, и Алит с помощью КасаDIRа поднялся на ноги и доковылял до парапета. Тысячи воинов вбегали в город. На стене у бойницы Эотлир высоко поднял развернутое знамя дома Анар.

КасаDIR перевязал раны Алита обрывками его же плаща, и тут один из Теней наверху башни издал крик отчаяния. Алит бросил взгляд на воротную площадь и увидел, что дрессировщики-друкаи спустили на войско Малекита своих чудовищ. На копейщиков надвигались две огромные гидры; из их пасти вырывался огонь и валил дым.

Когда первый монстр приблизился к отряду, копейщики перестроились так, что их щиты образовали сплошную стену, из-за которой серебристыми шипами торчали копья. Под стук колес о камни мостовой через ворота пронеслись колесничие Крейса. Запряженные белыми львами экипажи обогнули отряд копейщиков и направились к одной из гидр; князь Крейса, высокий эльф с блестящим лабрисом в руках, возглавлял строй.

Справа продолжали открываться клетки, и невиданные доселе чудовища скакали, ползли и бежали по камням. Выловленные в Кольцевых горах и лежащих по другую сторону моря северных пустошах монстры Хаоса рвались в бой. Их подгоняли крики и кнуты дрессировщиков. Рядом с нагароттами выстраивались копейщики под голубыми знаменами с гербом Ивресса.

По площади пронеслись языки пламени; им вторил рев раненых львов. Алит повернулся к воинам Нагарита. Еще одна гидра подошла к копейщикам почти вплотную. Она задрала головы, и тут царящую на площади какофонию перекрыла громкая команда. Копейщики как один опустились на одно колено и подняли над головами щиты. Из пастей гидры вырывался огонь, струей плеснул по щитам. Некоторые упали с пронзительными криками, извиваясь в огне и дыме. Пламя утихло, от обожженных воинов потянулся черный дым.

— Убейте дрессировщиков! — выдохнул Алит и вытащил лук.

На дрессировщиков позади гидры посыпался дождь стрел, который не оставил в живых

никого из них. Тени взяли под обстрел выбегающих из клеток друкаев, но Алит продолжал наблюдать за гидрой.

Когда кнуты и копья дрессировщиков перестали подгонять зверя, его шаги замедлились. Три головы повернулись назад, изучили неподвижные тела дрессировщиков, а остальные четыре поднялись и жадно втягивали раздутыми ноздрями запахи василисков и кхалтавров. С челюстей закапал яд, огромная туша гидры развернулась — она заметила своих горных врагов. Из многочисленных плоток донеслось шипение, и гидра перешла на бег, устремившись к другим чудовищам.

— Алит! — позвал снизу Эолоран. — Спустись к нам!

Касадир затянул узел на самодельных повязках вокруг торса князя, затем снял собственный плащ и набросил на плечи Алита. Тот кивнул в знак благодарности и заспешил вниз по лестнице. Боль утихла, но спина онемела, и на пути вниз юноша дважды споткнулся.

Когда он ступил на стену, то обнаружил отца и деда, занятых беседой с величественным князем в золотом доспехе. Черноволосый и темноглазый, он был выше ростом и крепче сложением, чем Эолоран или Эотлир. Когда Алит вышел из башни, князь с улыбкой повернулся к нему.

— Алит, я хочу познакомить тебя с особенным эльфом. — Эотлир обнял сына за плечи и притянул поближе. — Перед тобой князь Малекит.

Повинуясь инстинкту, Алит поклонился, но не смог отвести глаз от лица князя. Малекит нагнулся к нему, взял за руку и поставил вровень с собой.

— Не тебе следует кланяться, а мне, — сказал Малекит. Он откинул в сторону полы плаща, на миг опустил на одно колено и сразу поднялся. — Я в долгу перед тобой, и этот долг нелегко вернуть.

— Освободи Нагарит, и мы будем в расчете, — ответил юноша.

— Алит! — рявкнул Эолоран, но Малекит со смехом взмахнул рукой.

— Мальчик из рода Анар, в этом нет сомнений, — сказал князь. Он снова посмотрел на Алита, и его лицо приняло задорное выражение. — Я согласен выполнить свою часть сделки. Сегодня тирании Морати придет конец.

Внимание князя отвлек капитан копейщиков, который поднимался по ведущей на стену лестнице. Малекит жестом подозвал его к себе.

— Это благородный Еасир, командир армии Нагарита и мой верный лейтенант, — представил его Малекит.

Еасир немного неуверенно наклонил голову в приветствии. Малекит хлопнул его по плечу.

— Отличная работа! — воскликнул князь. — Я знал, что ты не подведешь меня.

— Ваше высочество? — спросил Еасир.

— Город наш, глупец, — рассмеялся Малекит. — Теперь, когда мы вошли внутрь, остальное — дело времени. И я должен сказать тебе спасибо.

— Благодарю, ваше высочество, но я думаю, что вашей заслуги в штурме больше, чем моей, — ответил Еасир. Затем он перевел взгляд на анарцев. — А без этих доблестных воинов я бы по-прежнему стоял снаружи или лежал на земле со стрелой в животе.

— Да, я уже поблагодарил их, — ответил Малекит. — Но я боюсь перестараться с почестями, а то кто знает, что придет им в голову.

— Как они оказались здесь? — спросил Еасир.

— Много дней назад Малекит прислал нам письмо. — Эолоран вкратце рассказал о

придуманном Малекитом плане и о том, как анарцы проникли в город.

— Я вам очень признателен, князь. — Еасир глубоко поклонился. Затем нахмурился и повернулся к Малекиту. — Должен заметить, меня немного задевает тот факт, что вы не решились довериться мне, ваше высочество.

— Доверился бы, если б мог, — непринужденно ответил Малекит. — Я доверяю тебе больше, чем своей правой руке, Еасир. Но я не стал посвящать тебя в план, иначе он повлиял бы на твои действия в битве. Я не хотел, чтобы защитники что-то заподозрили до того, как ворота откроются во всю ширь. Нам требовалось держать натиск, чтобы их глаза смотрели наружу, а не внутрь.

Затем Малекит повернулся к Эолорану.

— Прошу прощения, но я думаю, что меня ждет мать, — сказал князь Нагарита, и на сей раз в его голосе не было смеха.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Изгнание в Тираноке

Прихоть узурпатора

Возвращение надежды

Падение флага

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Горькое прощание

На лужайках особняка Анар разговоры и смех мешались с журчанием фонтанов, а тихие звуки флейт и арф вторили им мелодичным эхом. В саду сразу бросались в глаза три красно-белых павильона, украшенных золотыми цепями с драгоценными камнями. Вокруг и внутри огромных шатров прохаживались, беседовали и наслаждались летним теплом гости.

За двадцать лет относительного спокойствия положение анарцев снова возросло, и на праздник к ним приехали многие богатые и влиятельные князья Нагарита. Сегодня отмечали совершеннолетие наследника, значительное событие для семьи и союзников дома Анар. Даже князь Малекит прислал теплые поздравления, хотя дела при дворе Анлека не позволили ему посетить торжество, о чем он глубоко сожалел.

Элорана не удивило отсутствие князя. Алит тоже понимал, что, хотя Малекит вернул себе трон, в Нагарите еще хватало проблем. Многие предводители еретиков избежали плена и прятались в Нагарите и других княжествах Ултуана. Иногда поднимались робкие бунты, но они не приносили особых хлопот и без труда подавлялись воинами Малекита.

Угроза, которую представляло правление Морати, отступила, но не исчезла окончательно. Малекит пообещал сохранить матери жизнь, и сейчас бывшая королева жила пленницей при дворе Короля-Феникса в Тираноке. Бел Шанаар запретил навещать ее всем, кроме сына, колдунью содержали под охраной в покоях с ограждающими заклинаниями, но кое-кто верил, что Морати даже оттуда умудряется заправлять делами культов.

В знаменательный для себя день Алит позабыл обо всех волнениях и подозрениях. Он наконец-то стал настоящим лордом Эланардриса и князем Нагарита. Кроме того, он собирался сделать заявление, которого ждал уже несколько лет.

Полуденное солнце начало спускаться к горизонту, и слуги проводили гостей в главный павильон. Жаровни испускали в воздух струйки прозрачного дыма, который наполнял помещение свежим запахом горных цветов. Поддерживающие высокую крышу колонны обвивали гирлянды белых роз и алых каелентов. Слуги сновали в толпе гостей, держа серебряные подносы, уставленные самыми редкими деликатесами Ултуана и далеких колоний.

В одном конце павильона возвели помост из белого дерева с гербом дома Анар — позолоченным крылом грифона. С кресла с высокой спинкой Элоран оглядывал море гостей, заполонившее павильон и лужайку перед ним. Все они нарядились в лучшие одежды: в толпе пестрели и переливались украшенные перьями шляпы и блестящие короны, драгоценные браслеты и ожерелья, расшитые серебряными нитями и золотыми звездами плащи.

Эотлир стоял по правую руку отца, а Алит — по левую. Рядом с Эотлиром возвышался Каентрас, Ашниель составила пару Алиту. Рукава ее светло-желтого платья были собраны у запястий пышными шелковыми облаками, и девушка выглядела восхитительно. Золотые цепочки удерживали заплетенную в сложный узор прическу, а мраморную шею украшало золотое ожерелье с одним крупным алмазом. Среди гомона и оживления девушка излучала безмятежность, сохраняя сдержанный и благородный вид. Алит исподволь бросал взгляды на свою возлюбленную, и ее красота омывала его прохладными нежными волнами.

Когда все гости наконец собрались в павильоне, Элоран встал и поднял в приветствии

руку.

— Добро пожаловать в Эланардрис, мои благородные друзья, — с улыбкой провозгласил он. — Мне выпала честь наблюдать за вступлением моего внука во взрослую жизнь в такой прекрасной компании. Много раз он доказал, что достоин этого, и сейчас настало время воздать должное его свершениям.

По павильону пронесся согласный шепот, и в воздух поднял лес рук с хрустальными бокалами и золотыми чашами с темным вином.

Эолоран взял со стоящего перед тронем низкого столика сосуд и двумя руками поднял его над головой.

— Я князь Эолоран Анар, лорд Эланардриса, — негромким, уверенным голосом произнес он. — Моя кровь течет в жилах сына Эотлира, и от него передалась его сыну Алиту. Сегодня мой внук достиг совершеннолетия, и на него возлагаются обязанности лорда и князя Ултуана.

Он сделал глоток вина и опустил чашу.

— Когда-то мы проливали кровь, чтобы защитить свой народ, и сражались бок о бок с великим Аэнарионом. Сейчас мы пьем вино в память о принесенной им жертве, — серьезно продолжил Эолоран и отпил еще глоток. — Недавно нам снова пришлось воевать, чтобы вернуть мир на наши земли, и Алит достойно проявил себя в битве. Хотя все мы желаем, чтобы у нас никогда больше не возникло необходимости повторять эти подвиги, мой внук доказал, что обладает боевым духом и мужеством и сумеет победить тьму, если она снова будет угрожать нашей родине.

Настроение в павильоне посерьезнело. Эльфы искренне закивали, а некоторые даже тихо заплакали при мысли о том, что довелось пережить Нагариту. Эолоран позволил собравшимся погрузиться в свои чувства и воспоминания и сам склонил голову, сокрушаясь о темных деяниях, которые ему пришлось совершить. Но когда правитель Эланардриса выпрямился, он снова улыбался.

— И все же мы собрались не для того, чтобы предаваться воспоминаниям о прошлом, а чтобы с надеждой взглянуть в будущее. Алит, как и все наши дети, является частью наследия, которое мы оставим всему миру. Я передаю ему этот сосуд, и вместе с ним я отдаю свои мечты и надежды в руки грядущего поколения и желаю им мира и счастья — не меньше, чем выпало на нашу долю. Мы доверим им великую цивилизацию, которая раскинулась от Эланардриса до Анлека, от Тиранока до Ивресса, от Ултуана до дальних колоний. Мы вверим их заботе благополучие нашего народа — от крестьянина до князя, от слуги до короля.

Эолоран повернулся и протянул сосуд Алиту. Тот церемонно медленно взял чашу.

— Сегодня я оставляю позади детство и вступаю во взрослую жизнь. Я принимаю возложенные на меня обязанности, — сказал юноша. — Я наслаждался выпавшей мне честью расти и учиться под опекой отца и деда, и я обещаю сохранить их мудрость для тех, кто придет после меня.

Алит поднес чашу к губам и отпил глоток вина. Он посмаковал глубокий, богатый вкус и только затем проглотил напиток — сделав это так же медленно и степенно, как впитывал важность происходящей церемонии. Он больше не ребенок, а равноправный лорд дома Анар. Его наполнила гордость. Гордость, что он анарец, и гордость, что он уже успел доказать, что достоин титула князя.

Алит вдруг обнаружил, что прикрыл глаза. Когда он поднял веки, то увидел ожидание

на обращенных к нему лицах отца и деда, Каентраса и Ашниели и еще многих дюжин эльфов, которые собрались на церемонию со всего Нагарита.

Каентрас выступил вперед и поднял руки, призывая к молчанию. Постепенно воцарилась тишина, и эльфийский лорд задумчиво поглядел на юношу.

— Позвольте и мне поздравить Алита, — сказал он и пересек помост, чтобы обнять нового князя дома Анар. — А так же позвольте объявить, о чем мы договаривались несколько лет назад.

Алит внезапно смутился, отстранился от Каентраса и повернулся к Ашниели. Он взял ее левую руку в свою; в другой руке он все еще держал чашу.

— Сегодня мое совершеннолетие. Наконец-то пришло время объявить о том, чего мог не заметить только слепой, — сказал юный князь. Он перевел взгляд на гостей, и радость тут же смыла чувство неловкости. — Ровно через год дом Анар и дом Моранин соединят не только дружба и договор о взаимной помощи, но и узы брака. Я намерен жениться на Ашниели, и она станет анарской княгиней, а я моранинским князем. Я не могу представить себе более глубокой любви, чем та, что я питаю к Ашниели, и более достойного будущего для наших домов.

— Я благословляю союз между семьями, — сказал Эолоран.

— Я горжусь тем, что смогу называть Алита сыном, — добавил Каентрас.

Алит сделал еще глоток вина и поднес чашу к бледным губам Ашниели. Девушка глядела на него блестящими глазами. Прохладные пальцы легко сжали его ладонь, и она наклонила чашу так, чтобы вино смочило ей губы. Затем Ашниель отвела бокал в сторону и поцеловала Алита в лоб, оставив легкий красный отпечаток. С изысканной точностью повернулась, поцеловала отца в щеку и обратилась к толпе.

— У меня нет слов, чтобы передать сейчас свои чувства. Это не под силу даже поэтам, хотя они всю жизнь оттачивают свое мастерство, — произнесла она. — В анарцах заложена великая сила, как и в моем доме. Кровь благородных князей Нагарита течет в наших венах и в нашей земле. Наши наследники обретут известность благодаря доблести и чести, храбрости и силе, милосердию и мудрости. Все, что есть в Нагарите великого, станет еще более великим.

Алит подал Ашниели руку, и они сошли по невысокой лесенке с помоста; внизу их окружила напирающая толпа. Все спешили поздравить молодую пару, обнять и поцеловать их. Слуги подняли боковые пологи павильона, нежный летний ветерок далеко разнес ароматический дым и закружил в воздухе лепестки цветов.

Алит проснулся мгновенно. Он не знал, что его разбудило, но спустя миг до него донесся шум из главной части особняка. Через незавешенное окно свободно лились лучи вечернего солнца — последний знак протеста против быстро приближающегося сезона холодов. Алит не помнил, как заснул, хотя на столике рядом с кроватью лежал открытый толстый том Аналдириса из Сафери, повествующий о воинской поэзии Элинуриса Принимающего.

Алит поборол оставшуюся после нежданного сна вялость, заставил себя встать с кровати и разгладил одежду. Он услышал, как отец зовет его по имени. Юный князь открыл дверь и обнаружил в коридоре пару спешащих куда-то слуг с фонарями в руках.

— Что случилось? — требовательно спросил Алит, ухватив за руку пробегающего мимо Циротира.

— По дороге приближается отряд солдат, ваше высочество, — ответил слуга. — Ваш отец ждет вас во дворе.

Алит замешкался: он не мог решить, брать ли с собой лук. В конце концов он оставил его в комнате; двадцать лет мира развеяли атмосферу подозрительности, что висела когда-то над особняком. Скорее всего, солдаты — это лишь почетная гвардия какого-то важного гостя. Алит схватил из сундука у изножия кровати плащ и выскочил через холл в сад.

Там стоял Эотлир с несколькими слугами. Эолоран был в отъезде, он отправился подписывать договор с одним из благородных домов, а Майет навещала Ашниель в особняке дома Моранин — женщины обеих семей готовились к свадьбе. Отец приподнял брови и посмотрел на сына.

— Мне ничего не сообщали о важном госте, — сказал Эотлир.

Алит заметил, что у отца за поясом висит короткий меч. Видимо, память у Эотлира оказалась долгая, и он не желал забывать прошлые беды.

По мощеной дороге застучали копыта, перед воротами остановился отряд всадников. Алит разглядел колонну из нескольких дюжин рыцарей с черными флажками на серебряных пиках. Их командир спешился и быстро подошел к той половине ворот, где стоял Геритон. Они обменялись короткими фразами, Геритон поклонился и с пригласительным жестом повернулся к особняку.

Рыцарь уверенно зашагал по вымощенной дорожке. Его покрытый черной эмалью доспех переливался масляным блеском, а сзади развевался черный плащ. Когда он подошел поближе и снял шлем, Алит расслабился: перед ними стоял Еасир, капитан Малекита и командир армии Нагарита. Эотлир тоже перестал волноваться и сделал шаг навстречу офицеру.

— Надо было предупредить о приезде, мы бы встретили тебя более подобающим образом, — с улыбкой произнес Эотлир и протянул руку.

Лицо Еасира не отражало радости от встречи, и он быстро встряхнул протянутую руку.

— Прощу прощения, — сказал капитан, и его взгляд заметался между Эотлиром и Алитом. — Я принес плохие новости.

— Проходи в дом, и мы выслушаем тебя, — предложил Эотлир. — Твои солдаты могут разбить лагерь рядом с особняком.

— Боюсь, что вашего гостеприимства поубавится, когда вы услышите, зачем я приехал, — неловко ответил Еасир. — Я здесь для того, чтобы поместить вас под домашний арест по приказу князя Малекита, правителя Нагарита.

— Что? — прорычал Алит и сделал шаг вперед, но его остановила вытянутая рука отца.

— Объясни, — потребовал Эотлир и заставил сына отступить назад. — Малекит считает дом Анар одним из своих союзников, даже друзей. Что заставило его издать приказ об аресте?

Лицо Еасира исказилось болезненной гримасой, и он бросил тоскливый взгляд на своих рыцарей.

— Я заверяю вас, что князь Малекит не имеет дурных намерений против дома Анар, — выдавил капитан. — Если приглашение еще в силе, я бы с радостью воспользовался гостеприимством вашего особняка.

Алит уже собирался сказать Еасиру, что тот не заслуживает теплого приема, но Эотлир поймал его взгляд и покачал головой.

— Конечно, — кивнул Эотлир. — Твои рыцари могут разместить лошадей в стойлах и

расположиться в крыле для слуг. Геритон!

Канцлер заспешил по дорожке, бросая через плечо опасливые взгляды на страшных рыцарей за воротами.

— Окажи прибывшим подобающее гостеприимство, — приказал Эотлир. — Сообщи на кухню и приготовь все свободные постели. Командир Еасир остановится в главной части дома.

— Конечно, князь, — с поклоном ответил Геритон. Он немного замешкался, но продолжил: — А как долго гости пробудут у нас?

Эотлир посмотрел на Еасира, и тот вздохнул.

— Боюсь, что до зимы, — признался он, избегая встречаться с князем глазами.

— Мне кажется, или в этом году холодает очень быстро? — процедил Алит и плотнее завернулся в плащ. — А может, меня пробирает дрожь по другой причине?

Он зашагал к дому, но окрик отца заставил его остановиться и повернуться.

— Жди в моих покоях, — приказал Эотлир. — Когда гости разместятся, мы присоединимся к тебе.

Алит молча развернулся и ушел; в голове металось множество путаных мыслей.

Если Алит исходил злостью, то Эотлир являл собой образец терпения и понимания. Они с Еасиром сидели на балконе в покоях князя-отца, откуда открывался вид на острые вершины гор, вздымающиеся за ухоженными садами. Старшие присели на кушетки, между которыми стоял низкий столик с графином вина и бокалами. Пока никто из них не прикоснулся к напитку. Алит стоял у балюстрады и оглядывал Кольцевые горы; его ладони яростно сжимали перила.

— Я понимаю, что для вас все крайне неожиданно, — говорил Еасир. — Не сомневаюсь, что это какой-то заговор, чтобы обесчестить и уронить в глазах наггароттов дом Анар. Мы вскоре сумеем все разьяснить.

— Кто обвинил анарцев в том, что мы поклоняемся культам? — спросил Эотлир. — Какие доказательства они предъявили?

— Не могу сказать, потому что не знаю. Князь Малекит поклялся перед Королем-Фениксом покончить с культами, и даже его мать сейчас находится в заточении из-за данной клятвы. Против анарцев были выдвинуты обвинения, и честь обязывает его поступить с ними так же, как с остальными. Вы же понимаете, что если он проявит излишнюю благосклонность, его мнение будут считать предвзятым, и правление потеряет твердую опору?

Эотлир нехотя согласился с логикой капитана и кивнул.

— Это целенаправленная атака на дом Анар, — прорычал Алит, все еще глядя на горы. Затем повернулся и наградил Еасира гневным взглядом. — Очевидно, что за ней стоят фанатики. Они готовы обвинить нас, чтобы отвлечь внимание князя от себя. Им выгодно поссорить тех, кто занимается уничтожением культов. Обвинение выдвинул предатель, и он явно служит другому господину, а не Малекиту.

— Хотя я не знаю имени обвинителя, князь Малекит заверил меня, что его допрашивают не менее строго, чем вашу семью.

— Что мы можем сделать, чтобы скорее избавиться от подозрений? — спросил Эотлир.

Алит снова отвернулся.

— Мне необходимо провести тщательный осмотр особняка и окрестностей, — ответил

Еасир. — Мы с вами знаем, что я не найду ничего подозрительного, но необходимо продемонстрировать это двору и князю. Без каких-либо доказательств обвинение будет признано беспочвенным и забыто, подобно другим, сделанным после возвращения Малекита и развала культов. Сейчас многие пытаются уладить старые счета при помощи ложных доносов.

— Я не могу дать разрешение на обыск, — сказал Эотлир и поднял руку, чтобы остановить протесты Еасира. — Анарским княжеством по-прежнему правит мой отец, и вам придется подождать его возвращения.

— Понимаю. И благодарю за то, что вошли в трудное положение, в котором я сейчас оказался.

— Геритон проводит тебя в твои комнаты, и позже мы ждем тебя за ужином. — С этими словами Эотлир поднялся.

— Я пойду на охоту, — пробормотал Алит, скользнул мимо Еасира и вышел из покоев отца.

Когда Эолоран вернулся в Эланардрис, его очень расстроил такой поворот событий, хотя он понимал, что у него нет другого выбора, кроме как согласиться на обыск. Рыцари отнеслись к своим обязанностям с исключительной дотошностью: они осмотрели в особняке каждую комнату, коридор и альков в поисках амулетов и идолов, что могли бы выдать поклонение китарай. Они обыскали винный погреб и библиотеку и даже заглянули под ковры в холлах, чтобы убедиться, что там нет скрытых люков.

Еасир занялся измерением особняка и отдельных комнат. Он пытался обнаружить тайные ходы и помещения, где можно спрятать часовню богов нижнего мира. Несмотря на личное отвращение к происходящему, Алита впечатлило и заинтриговало прилежание Еасира. Как-то, несколько дней спустя после начала обыска, Алит шел через сады на охоту и заметил на южной лужайке капитана. Тот расхаживал взад-вперед вдоль розовых кустов по краям лужайки. В руке он держал лист пергамента и угольком записывал на нем измерения.

— И что ты ожидаешь здесь найти? — спросил Алит, подходя поближе.

Еасир удивленно остановился.

— Я, э-э-э, я ищу скрытые входы, — сказал он.

— Ты думаешь, что под нашим садом спрятана пещера, с потолка до пола украшенная костями и внутренностями несчастных жертв?

Еасир пожал плечами.

— Я должен с уверенностью сказать, что ее нет, иначе сомнения останутся. Я верю в невиновность вашей семьи, но Малекиту необходимы доказательства, а не слова. Анарцы не единственный благородный род, попавший под подозрение. Я лучше избавлю тебя от описания некоторых находок. Если после всего достигнутого допустить небрежность, она пойдет на руку тем, кто стремится подорвать спокойствие Ултуана.

— Князь полностью доверяет тебе. — Алит уселся со скрещенными ногами на траву.

— Я заслужил его доверие за сотни лет знакомства. — Еасир скатал пергамент. — Он назначил меня командиром армии Нагарита в награду за верную службу. Я служу князю с тех пор, как он спас Атель Торалиен от орков. Я прошел с ним через Элтин Арван и командовал его войсками как в колониях, так и в Нагарите.

— Я слышал, что ты сопровождал Малекита в походе на север, — как бы невзначай вставил Алит.

Еасир нахмурился и отвел глаза.

— Это правда, но никто из вернувшихся не хочет вспоминать о нем, — произнес капитан. Он посмотрел на север и на миг прикрыл глаза. Когда он их открыл, Алит прочел в его взгляде страх, которого прежде не замечал. — На границе княжества Хаоса есть такое, о чем лучше забыть и никогда не тревожить воспоминания.

Алит с поджатыми губами обдумывал ответ капитана.

— Я слышал, что после северных земель Малекит изменился, — через какое-то время произнес юноша. — Он стал серьезнее и потерял вкус к приключениям и битвам.

— Некоторые приключения и битвы заставили нас понять, чего мы хотим от жизни. — Еасир крутил уголек, пачкая пальцы черным. — Князь Малекит пришел к выводу, что его место здесь, на Ултуане, на троне Нагарита. Мне кажется, что он правильно сделал, вернувшись именно сейчас.

— Если бы он вернулся раньше, — вздохнул Алит, — возможно, нам бы удалось избежать кровопролития и горя.

— Князь не был готов вернуться раньше, и он бы не смог совершить того, что от него требовалось, — ответил Еасир. — Я рад, что меня не оказалось в Нагарите во время правления Морати, но тьма миновала.

— Разве? А как же предводители культов, которым удалось избежать правосудия? Как же извращенцы-фанатики, спешно покинувшие Анлек и Нагарит?

— Их найдут и приведут к Малекиту. Так гласит изданный им закон, а я никогда не видел, чтобы князь отступился от задуманного, даже если окружающие считают его затею невыполнимой.

Еасир хотел добавить что-то еще, но остановился.

— Что такое?

— Спасибо, что поговорил со мной, Алит, — сказал капитан. — Я знаю, что тебе неприятно дело, которое привело нас сюда, но мне бы не хотелось терять твое расположение из-за того, что я выполняю приказы князя.

Алит подумал над словами капитана и над тем, как они соотносятся с честным выражением его лица. Он вспомнил радостную благодарность на стенах Анлека и внезапно понял, что Еасир считает, будто обязан анарцам жизнью. Алит верил, что капитан обладает колоссальным чувством чести, и если юный князь доверяет суждению Малекита, то ему придется доверять и Еасиру тоже.

Он встал и протянул капитану руку, которую тот с радостью пожал.

— Мы оба наггаротты, и мы не враги, — сказал Алит. Он посмотрел на собирающиеся в небе над ними облака. — Мне нужно отправляться на охоту, пока погода не ухудшилась. Когда ты закончишь с садами, я провожу тебя в охотничий домик, и ты своими глазами убедишься, что мы ничего там не прячем.

— И, возможно, я сумею загнать одного из знаменитых оленей Эланардриса?

— Возможно. Если твой глаз окажется не менее зорким на охоте, чем при обыске, — засмеялся Алит.

Последние дни короткой осени подходили к концу, и на пиках Кольцевых гор расселись темные тучи, несущие в чреве огонь. Еасир закончил свой грандиозный обыск и не нашел никаких доказательств того, что семейство Анар или их подданные — приверженцы культов. Командир отправил в Анлек сообщение с полным — вернее, полностью пустым —

списком своих находок. Как он извиняющимся тоном объяснил хозяевам дома, до получения новых приказов Малекита ему придется держать анарцев под домашним арестом. Алит настолько привык к расположившимся вокруг особняка и садов молчаливым рыцарям, что почти перестал их замечать, да и они практически не мешали его ежедневным делам.

С каждым днем ветер все чаще дул с севера, и вскоре следовало снова ожидать снегопадов. Однажды утром, за несколько дней до наступления зимы, Алит сидел в боковой комнате своих покоев и читал альманах Гальдура Саферийского с описанием птиц, живущих в Сараельских горах — так называлось огромное княжество гномов на восточной границе колоний в Элтин Арване. Алит внимательно изучал акварельные зарисовки и восхищался разнообразием видов хищных птиц. Юный князь надеялся, что когда-нибудь совершит путешествие в Элтин Арван и поохотится в просторных лесах и высоких горах колоний.

Его мысли прервал стук колес по камням двора, и Алит отложил обернутую в изысканный шелк книгу на столик. Он встал и подошел к высокому окну, откуда открывался вид на парадные сады особняка. Через ворота въезжало несколько повозок с гербами дома Моранин. Окрыленный мыслью, что среди пассажиров его ждет Ашниель, Алит быстро сменил кожаный охотничий костюм, который предпочитал носить во время отдыха, на выходной наряд из мягкой черной шерсти с широким поясом из выбеленной кожи, перетянул длинные волосы расшитым серебряной нитью шнурком и направился вниз.

Когда князь спустился в главный вестибюль, он увидел, что из окна одной из повозок выглядывает Ашниель, и помахал ей рукой. Девушка заметила его, но ее взгляд оставался пустым, и сердце Алита сжало тяжелое предчувствие. Ашниель задернула занавеску.

Алит хотел подойти к ней, но из первой повозки выбрался Каентрас и загородил ему дорогу.

— Сходи, найди отца, — хмуро пробурчал эльфийский лорд. — И приведи его сюда.

— Хозяин дома Анар принимает гостей должным образом, а не на крыльце, — ответил Алит. — Если вы немного подождете, я пошлю слугу сообщить ему о вашем прибытии.

— Твои капризы сейчас неуместны, — буркнул Каентрас. — Отведи меня к Эотлиру.

Алит все еще кипел от проявленного Ашниелью равнодушия, но подчинился требованию Каентраса и провел его в дом. Он знал, что отец сейчас в библиотеке.

Каентрас молча поднялся следом за ним по винтовой лестнице, что вела на второй этаж особняка. Алит злился; ему хотелось потребовать объяснений, но он прикусил язык, потому что боялся разгневать Каентраса еще больше. Возможно, твердил слабый голос внутри, он что-то недопонял. Умом Алит понимал, что надежды бессмысленны, что случилось нечто непоправимое, но продолжал хранить молчание.

Эотлир сидел у широкого белого стола, заваленного картами, — их удерживали на месте кубки, тарелки и прочие попавшиеся под руку предметы. Библиотека была небольшой, всего несколько дюжин шагов по периметру, но все стены от пола до потолка занимали полки со свитками и книгами всех возрастов и тематик.

В юности Алит проводил здесь не так уж много времени — не больше, чем требовали от него учителя; его манило открытое небо, а не письменность. Теории он предпочитал практические уроки, и постоянно испытывал терпение учителей своим пренебрежением к поэзии, политике и географии. Теперь он получал больше удовольствия от нахождения дома, а в библиотеке хранилось множество карт и дневников путешественников из колоний. Князь мечтал, как однажды отправится в эти странные земли вместе с Ашниелью.

Эотлир поднял голову, и его лицо озарила добродушная улыбка, но стоило ему заметить

суровый взгляд Каентраса, как ее тут же сменило выражение тревоги.

— Боюсь, мне не понравится то, что я сейчас услышу, — сказал он, взял кувшин с водой и протянул главе дома Моранин.

Каентрас взмахом руки отказался от питья.

— Ты прав, — ответил он. — Ты знаешь, что ваш дом я уважаю больше всех остальных, за исключением только князя Малекита.

— Рад это слышать, но мне кажется, что сейчас я увижу доказательство обратного, — произнес Эотлир.

— Да. Прежде всего я верен Нагариту и семье. Поэтому когда передо мной стоит сложный выбор, на мои решения влияет забота о них.

— Хватит, друг мой. Говори то, ради чего приехал.

Каентрас все же замялся. Его взгляд не отрывался от Эотлира; он не удостоил стоящего рядом с отцом Алита ни малейшим вниманием.

— Ашниель пригласили ко двору в Анлеке, и я принял приглашение от ее имени, — наконец сказал он.

— Что? — вырвалось у Алита.

Эотлир покачал в недоумении головой.

— Между Анлеком и восточными областями Нагарита залегло немало обид, и это прекрасная возможность залечить старые раны, — продолжал Каентрас. — Подумай о том, сколько добра мы принесем восточным князьям, если получим голос при дворе Малекита.

— А как же свадьба? — спросил Алит.

Только тогда Каентрас посмотрел на него. Его лицо приняло суровое выражение.

— Ашниель отправится в Анлек до наступления зимы, — сказал князь. — Ты можешь присоединиться к ней по весне, если пожелаешь. Но не раньше, поскольку у нее будет много обязанностей, которым придется уделить внимание, и я боюсь, что ей предстоит еще многое узнать о жизни в столице. Твое присутствие станет отвлекать ее.

— Это совершенно неприемлемо! — отрезал Алит. — Она должна стать моей женой, а ты принимаешь такие решения без совета со мной.

— Она моя дочь, — тихо, но с угрозой проговорил Каентрас. — Даже после свадьбы я продолжу отвечать за ее судьбу. Я не хочу, чтобы Ашниель впустую потратила свою жизнь в горах и лесах, тогда как в Анлеке она сможет достичь гораздо большего.

— Однажды я стану правителем этих гор и лесов, — сказал Эотлир. — А затем мой сын. Ты настолько презираешь нас, что предпочтешь водить компанию с модной элитой Анлека? С теми, кто менее двадцати лет назад с готовностью преклонил колена перед Морати и ее культами?

— Времена изменились, Эотлир, — спокойно ответил Каентрас. — Теперь власть в Нагарите принадлежит Малекиту, и, возможно, когда-нибудь он будет править всем Ултуаном.

— Ты хочешь увидеть его на троне Короля-Феникса? — спросил Эотлир.

— Для меня это станет естественным завершением событий, — ответил Каентрас. — Если ты считаешь его наследником Аэнариона, то должен понимать, как понимают многие, что Малекит имеет право не только на трон Нагарита, но и на власть над всем Ултуаном.

— В твоей логике есть изъяны, Каентрас, — ответил Эотлир. — Меня не заботит, кто носит корону Феникса и плащ из перьев. Я борюсь за стабильность и процветание Нагарита, а не за высокие цели.

— Тогда это ты заблуждаешься. Или твой отец, который задурил тебе голову своими ошибочными суждениями. Может, обвинения в предательстве более обоснованы, чем я думал. Разве верный сын Нагарита не захочет увидеть на Малеките корону Короля-Феникса? Или анарцы считают свой дом наследниками Аэнариона?

Эотлир поднялся.

— Хорошенько подумай, прежде чем продолжать разговор. У дома Анар осталось мало друзей, но мне не хотелось бы добавлять дом Моранин в список наших врагов.

— Выходит, интриги Морати вышли на новый виток, и теперь недоговоренности и угрозы стали твоим оружием, не так ли? — сплюнул Каентрас.

— Морати была права в одном, — прорычал Эотлир. — Пришло время сражаться, и не все битвы еще выиграны. Мы не сможем сохранять нейтралитет. Я заявляю, что дом Анар не имеет никаких дел с культами, и если ты отвернешься от нас, то поможешь раздуть ложь, которая поселилась в Нагарите после возвращения Малекита.

— Я приехал сюда из уважения к твоей семье и к тебе — ведь когда-то я называл тебя другом. — Каентрас с заметным усилием сдержал гнев. — Я думал, что ты окажешь мне равное уважение. Я не буду выступать против тебя, Эотлир, но я не смогу дальше помогать тебе. Надеюсь, что когда-нибудь скоро мы встретимся, забудем этот день и снова станем друзьями. Я не желаю тебе зла, Эотлир, но я не хочу иметь дела с теми, кто противится воле Анлека.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Без дальнейших слов Каентрас развернулся на каблуках и вышел из комнаты. Лицо Эотлира превратилось в терзаемую гневом и болью маску. Алит уставился на удаляющуюся спину Каентраса со сжатыми до хруста зубами.

— Проследи, чтобы они уехали без происшествий. — Эотлир взмахом отослал сына и сел, обхватив руками голову.

Алит поспешил за Каентрасом — тот вернулся к кортежу и подал сигнал к отъезду. Юный анарец не отрывал глаз от повозки, где сидела Ашниель: он надеялся, что девушка отодвинет занавеску и подаст ему какой-то знак о своих чувствах, но вотще. Повозка с грохотом выехала со двора, а он так и не увидел свою невесту.

Алит про себя проклинал дом Моранин и трусливого Каентраса. С рычанием он направился обратно к особняку; солдаты и слуги разбежались, страшась его гнева, как стадо овец перед волком.

Как в детстве, Алит отправился искать покоя в диких лесах Эланардриса, невзирая на недовольство отца и плохую погоду. Он часто поднимался на выстуженные морозом вершины — порой для охоты, а иногда просто чтобы побыть вдали ото всех.

Однажды он сидел на камне на берегу узкого ручейка и свеживал подстреленного горного зайца. Когда юноша наклонился к ледяной воде, чтобы ополоснуть нож, то заметил отражение черного силуэта ворона в небе.

— Давно не виделись. — Алит выпрямился.

— Да, давненько, — ответил Эльтириор и присел рядом.

Как и раньше, вороний герольд завернулся в плащ из черных перьев, а его лицо скрывал низко опущенный капюшон. Из глубин виднелись лишь зеленые глаза.

— И ты знаешь, что мое появление не несет радостных вестей.

Алит вздохнул, закончил чистить нож и убрал его за пояс. Только потом он повернулся

к Эльтириору.

— И что за новая угроза нас ждет? — спросил он. — Может, гномы собрали флот из каменных кораблей и решили пересечь океан, чтобы погубить Ултуан? Или все маги Сафери до единого превратили себя в бешеных козлов?

— Подобное поведение не пристало князю Ултуана, — отрезал Эльтириор. — Позволь благородству своей крови взять верх над дурным настроением.

Алит снова вздохнул.

— Прости, но у меня сейчас многое на уме. Наверное, ты хочешь предостеречь меня от посещения Анлека?

Эльтириор удивленно выпрямился.

— Как ты узнал?

— За последнее время не случилось ничего такого, что могло бы стать причиной твоего возвращения по прошествии двадцати лет, — объяснил Алит. — Ты всегда появляешься накануне важного решения, чтобы отговорить меня от того или иного выбора. Сущность Морай-хег заключается в том, чтобы загонять нас в тупики, а потом смеяться, когда мы пытаемся выбраться из сотканной ею запутанной паутины.

— Ты знаешь, почему тебе нельзя ехать в Анлек?

Алит встал и поглядел сверху вниз на Эльтириора.

— Что мне сказать? Я не могу обещать, что не поеду в Анлек. Ашниель теперь живет там, и если ты скажешь, что в столице меня подстерегает опасность, как мне не беспокоиться о своей невесте? Твои доводы только разожгут желание отправиться к ней, а не наоборот.

— Ашниель потеряна для тебя, Алит, — с сожалением произнес Эльтириор, встал и положил князю руку на плечо. — Анлек совсем не такой, каким ты его себе представляешь.

Алит рассмеялся и отмахнулся от сочувственного жеста.

— Думаешь, я тебе поверю? Ты считаешь, что слухи разрушат связывающие нас нити?

— Вскоре они перестанут быть слухами. С самого возвращения Малекита я и те мои собратья по ордену, кто сохранил верность Нагариту, преследовали сбежавших от наказания фанатиков. Культисты не сидели сложа руки, как в Нагарите, так и по всему острову. Теперь они действуют более скрытно, но у нас есть способы выследить еретиков и выведать их тайны. Выдвинутое против анарцев обвинение стало частью обширного плана, хотя пока мне неизвестна его цель. Новости еще не дошли до Эланардриса, но в некоторых областях Нагарита недавно прокатилась волна мятежей. Фанатики вернулись, но сейчас они заявляют, что служат не Морати, а Элорану из дома Анар!

— Не может быть! Ты же знаешь, что мы ничем не запятнали себя!

— И тем не менее они протестуют против наложенного на вашу семью ареста, что придает их лжи некоторую видимость правды. Анлек перестал быть безопасным местом для анарцев, и я боюсь, что вам недолго осталось править в Эланардрисе.

— Еасир...

— Возможно. За ним нужно пристально наблюдать. Не думаю, что он до конца знает об отведенной ему роли. Он всего лишь пешка в руках более сильного игрока.

— И кто этот игрок? Морати? — Алит отмахнулся от собственного предположения. — Ее держат взаперти в Тор Анроке. Не думаю, что она способна по-прежнему управлять куклами.

— Ты знаешь поговорку «Яблоко от яблони...»?

— Неужели ты подозреваешь, что за клеветой стоит сам Малекит?

— Я ни в чем не уверен, — горько рассмеялся Эльтириор. — В эту игру играют при помощи обмана и уловок. В ней делают расчет на мысли и чувства эльфов, и большая ее часть проходит в тени. Но я не игрок, я могу только следить за чужими ходами и сообщать о них остальным.

— Так ты знаешь тех, кто в это играет?

— Безусловно, одна из них Морати, хотя она делает свои ходы на расстоянии. Некоторые фигуры наверняка передвигает Малекит, но я не могу сказать, преследует он собственные цели или чужие. Его придворные тоже связаны нитями со своими марионетками, и пока мне трудно проследить, чья рука их держит. Как я уже предупреждал, ты не можешь доверять никому, кроме себя.

— И что мне тогда делать? Получается, что нам нечего сказать в свою защиту, если культы признали в нас пособников. Мы всего лишь фигурки на доске и не можем повлиять на исход игры или действия игроков.

— Тогда ты должен найти игрока, который будет представлять твои интересы, и изменить положение на доске в свою пользу.

Алит отвернулся и уставился на покачивающееся на воде отражение.

— Король-Феникс, — наконец сказал он. — На Ултуане нет игрока могущественнее его.

Эльтириор не ответил. Когда Алит повернулся к нему, он обнаружил, что вороний герольд по своему обыкновению исчез, не прощаясь. Над горами разнесся долгий крик ворона, и Алит остался наедине с журчанием ручья и шепотом ветра.

Алит несколько дней размышлял над словами Эльтириора и взвешивал различные действия, которые он мог предпринять. С каждым днем возрастал риск, что до Эланардриса дойдут известия о восставших в поддержку анарцев культах. Алит боялся, что они вынудят Еасира ужесточить охрану особняка. К тому же приближалась середина зимы, и вскоре путешествие через горы станет невозможным; последний довод и побудил юного князя созвать родных на совет.

Втайне от Еасира, его солдат и даже собственных слуг Алит собрал семью в комнатах деда. Эолорана он усадил рядом с потрескивающим очагом, а Эотлир и Майет рука об руку стояли у запорошенного снегом окна.

— Я покидаю Эланардрис, — заявил Алит и плотно закрыл дверь.

— Куда ты направляешься? — спросила Майет. Она пересекла комнату и остановилась перед сыном. — Ты же не собираешься ехать в Анлек по такой погоде?

— Судьба ведет меня не в Анлек, — произнес Алит. — Сейчас анарцев кто-то использует в своих целях, и у нас нет возможностей, чтобы раскрыть интригу. Я поеду к Бел Шанаару и попрошу у него помощи.

— Не стоит, — ответил Эолоран. — Король-Феникс не станет вмешиваться во внутренние дела Нагарита. Да и другим князьям не понравится начатое Тор Анроком расследование. Король почти ничего не знает о происходящем здесь, и я не могу с уверенностью назвать его союзником.

— Иметь возможного союзника лучше, чем не иметь никакого, — вмешался Эотлир. — Дом Моранин нас покинул — без сомнения, чтобы не повредить репутации Каентраса. За последние годы друзей у нас все меньше. Я считаю, что Алит прав, и сейчас нужно искать

сильных союзников, поскольку время против нас.

— Многие скажут, что мы подрываем правление Малекита, — возразил Эолоран. — Если мы перестанем верить в князя, то останемся ни с чем.

— Мы не знаем, какие советчики окружают Малекита. — Алит присел в кресло напротив деда и возбужденно наклонился вперед. — Если ты собираешься во всем доверять Малекиту, надо убедиться, что ему говорят правду. А принесенная князем клятва чести делает его уязвимым для лжи окружающих. Ты не знаешь, считать Бел Шанаара союзником или нет. А разве Малекит успел доказать, что он надежный правитель?

— А как же Ашниель и свадьба? — спросила Майет. — Каентрас еще не отказался от союза между нашими домами. Если он настолько настроен против нас, то не допустил бы помолвки. Еще есть надежда, Алит. И я боюсь, что, обратившись к Королю-Фениксу, ты разрушишь свой брак. Каентрас всегда выступал за независимость Нагарита от трона Феникса.

Алит грустно покачал головой и наконец решился высказать вслух заключение, которое не давало ему покоя после отъезда Ашниели.

— Свадьбы не будет, — произнес он. — Каентрас может говорить что угодно, но я подозреваю, что он настроил Ашниель против меня. Он ходит по грани между врагом и другом. Он не хочет, чтобы его обвинили в связях с домом Анар, но боится полностью разорвать отношения на случай, если мы ему еще понадобится. В Анлеке я окажусь попавшей в паутину мухой. Я не могу ехать туда. Получится так, что отказом я обижу дом Моранин и дам Каентрасу прекрасный предлог выразить неудовольствие нашей семьей. Мне интересно, как долго его цели не совпадают с нашими. Сдается мне, он давно принял меры, чтобы остаться в выигрышном положении при любом исходе.

— Мне так жаль, Алит, — сказала Майет.

Со слезами она присела рядом с сыном и погладила его по волосам. Алит поцеловал ее в лоб и поднял на ноги.

— Сейчас у меня такое чувство, будто я наконец-то прозрел, — продолжал он. — Хотя я любил Ашниель, теперь я понимаю, что она никогда не отвечала мне взаимностью. Наш союз был продиктован политикой; Каентрас его задумал, а Ашниель, как и положено прилежной дочери, подчинилась. Я видел ее при отъезде, и не заметил даже намека, что она огорчена расставанием. То, что казалось мне благородным достоинством, на самом деле было прохладным отчуждением.

Алит почувствовал смущение, отчего разозлился и вскочил со сжатыми кулаками.

— Она считала себя такой умной, ведь наивный анарец несся на ее зов, как охотничий сокол к хозяину, — прорычал он. — Обращалась со мной как с дурачком, и я отлично сыграл эту роль. Я перечитал ее письма, вспомнил все наши разговоры и понял, что в них заключалась только моя любовь, а ее ответные чувства были мечтой, которую я сам для себя придумал! Сейчас она, наверное, развлекает служанок в Анлеке рассказами о ручном князе и не сомневается, что весной я прибегу к ней по первому щелчку поводка!

Майет обняла Алита и успокаивающе погладила по спине. Он позволил себе ненадолго окунуться в чувство материнской любви, но затем мягко отстранился.

— Меня обманули, но я собираюсь обратиться к Королю-Фениксу не из мести, — сказал он. — Я искренне верю, что анарцам угрожает опасность, и она все ближе.

— Какая опасность? — спросил Эотлир. — Откуда ты узнал о ней?

— При всем желании я не могу открыть вам источник моих сведений.

Эотлир собрался было возразить, но Алит упреждающе вскинул ладонь.

— Я обещал. Если вы мне доверяете, то вам придется положиться на мое слово.

— Мы всегда будем доверять тебе, Алит. — На лице Эолорана появилось озабоченное выражение. — Расскажи все, что тебе известно.

— Начались протесты против наложенного на анарцев домашнего ареста.

— Значит, у нас еще остались союзники, — начал Эотлир. — Не вижу, почему...

— ...их возглавляют лидеры культов, — перебил его юный князь. — Еретики создают иллюзию, будто действуют заодно с нами, и вскоре по Нагариту разнесутся слухи о наших связях. По неведомым мне причинам и наверняка с расчетом на будущую выгоду культы открыто восхваляют дом Анар. Вскоре мы окажемся полностью беззащитными перед последующими обвинениями.

— И все же я не понимаю, как Бел Шанаар сумеет нам помочь, — произнесла Майет. — Почему ты считаешь, что он поверит в твою половину истории?

— Я не могу ручаться, что он мне поверит. Поэтому я и должен приехать к нему. Лучше представить перед троном нашу версию событий, чем дожидаться первого хода противника.

Алит жестом попросил Майет присесть. Когда она подчинилась, он встал за спиной матери и положил руки ей на плечи.

— Я все тщательно обдумал, — сообщил он семье. — Неразумно держать всех трех князей дома Анар, настоящих и будущих, взаперти. Один из нас должен покинуть Эланардрис, чтобы при любом исходе защитить честь семьи перед правителями эльфов. Мне будет проще уехать, не возбуждая подозрений, потому что Еасир и его солдаты отпускают меня на охоту без охраны. Они привыкли, что я много времени провожу в горах, так что погоню вышлют через пару дней, не раньше. Никто из вас не пользуется подобной свободой. Когда мое отсутствие заметят, можете сказать, что я не дождался весны и сбежал в Анлек повидаться с Ашниелью.

Алит сделал паузу и бросил многозначительный взгляд на отца и деда.

— А при худшем исходе я стану наименьшей потерей.

— О каких потерях ты говоришь? — воскликнула Майет. — Ты мой сын, и твоя безопасность для меня превыше всего.

— Никто из нас не огражден от опасности, мама, — строго ответил Алит. — И я не собираюсь прятаться и оттягивать неизбежное. В прошлый раз, когда Анлек обрушил на нас свой гнев, мы сумели выстоять только благодаря прочности древних союзов. Сейчас, если мы не получим помощь из других источников, дому Анар придется отражать нападение в одиночестве.

Эолоран и Эотлир обменялись долгим взглядом. Судя по выражению их лиц, можно было предположить, что они читают мысли друг друга. Эолоран заговорил первым:

— Бесполезно сожалеть о том, чего нельзя изменить. Я не вижу ошибки в твоих рассуждениях, — он встал и сжал руку Алита. — Я напишу Бел Шанаару рекомендательное письмо. Мы с ним давно знаем друг друга, хотя не разговаривали лично уже много столетий. Надеюсь, что Король-Феникс честно выслушает тебя, хотя и не могу с уверенностью предвидеть его ответ.

— Не появляйся при дворе открыто, — предупредил Эотлир. — В Тор Анроке живет Морати, и, даже несмотря на ее заточение, у нее наверняка есть шпионы. Если Король-Феникс захочет нам помочь, необходимо держать его помощь в тайне как можно дольше. Теперь я понимаю, почему Малекит вернулся без предупреждения. Неожиданность и

скрытность до сих пор остается одним из самых мощных средств.

— Когда ты планируешь уехать? — спросила Майет. — Только не говори, что прямо сейчас.

— Через день или два, самое позднее, — ответил Алит. — Хотя Еасир еще не слышал о выступлениях культов, слухи скоро дойдут до него, и неизвестно, какие действия он предпримет.

— Еасир и несколько дюжин рыцарей не представляют для нас угрозы, — произнес Эотлир. — Если понадобится избавиться от них, мы справимся без труда.

— Нет! — возразил Эолоран. — Мы должны хранить безупречную репутацию, даже сейчас, когда нам никто не верит. Еасир находится здесь по закону, и мы приняли его как гостя. Нельзя разжигать подозрения еще сильнее.

— Как мы будем получать весточки, и как нам связаться с тобой? — спросила Майет. — У тебя есть на примете гонец, которому можно доверять?

— Есть один эльф. Возможно, он поможет мне, но я пока не могу назвать его имя, — ответил Алит. Он перевел взгляд на Эолорана. — Ты узнаешь его, и должен доверять ему так же, как доверяю я. Больше я пока ничего не могу сказать.

Майет снова обняла сына и подавила рыдания.

— Я напишу рекомендательное письмо, — повторил Эолоран и, поклонившись, вышел из комнаты.

Эотлир обнял за плечи жену и сына, и они еще долго стояли молча.

Алит три дня готовился к отъезду в Тор Анрок. Вылазки в горы не вызывали подозрений у солдат, и под предлогом охоты Алит сумел собрать небольшой запас провизии и одежды в одной из дозорных пещер. На седьмое утро после встречи с Эльтириором юный князь был полностью готов к путешествию — он не стал прощаться с семьей, поскольку сделал это заранее. Теперь, когда Алит определился с решением, ему не терпелось покинуть Эланардрис: его подгоняли как соображения практического рода, поскольку погода постепенно ухудшалась, так и желание вступить в борьбу с объединившимися против дома Анар силами. Он вышел из особняка, будто на охоту, в середине утра. Небо укутывали серые облака, хотя за последние дни снега выпало не много. Когда Алит покидал особняк, он увидел, что Еасир собрал своих рыцарей во дворе на построение. Князь жизнерадостно помахал им рукой и зашагал через сады к восточным воротам в высокой изгороди.

Когда Еасир и его воины остались далеко позади, Алит свернул на юго-восток и направился напрямик к пещере, где спрятал запасы. До пустого сторожевого поста он добрался уже в середине дня. Повалил густой снег. В воздухе кружилась белая пелена, и Алит ничего не видел за дюжину шагов. Ветер трепал серый плащ с капюшоном и длинные волосы, а на меховой оторочке охотничьего камзола оседали снежинки. Пока он пробирался по сугробам, ботинки облепил лед. Алит оглянулся — падающий снег на глазах засыпал неглубокие следы. Князь улыбнулся от ощущения вновь обретенной свободы, поправил мешок на плече и зашагал дальше.

Снег шел весь день и ночь. Алит позволял себе редкие короткие передышки, искал укрытия под ветками и в каменных расщелинах, где выпивал несколько глотков приправленной специями воды из фляжки и съедал немного заячьего и птичьего мяса, которое наготовил и тщательно завернул в предыдущие дни. Когда через густые облака

начали пробиваться лучи заходящего солнца, князь задумался об укрытии на ночь.

После долгих поисков он обнаружил небольшую густую рощу ниже по склону. Он забрался на одну из самых высоких сосен и быстро сплел примитивную крышу из ветвей. Она более-менее защищала от падающего снега, и Алит прислонился спиной к стволу, вытянул ноги вдоль толстого сука и заснул чутким сном.

Алит проснулся до рассвета с ощущением, что за ним наблюдают. Он чуть приоткрыл глаза и заметил сидящего на суку крупного ворона. С грустной улыбкой юноша огляделся в поисках Эльтириора.

Вороний герольд сидел внизу на корточках и разжигал костерок. Между голыми ветками дерева вилась тонкая струйка дыма. Эльтириор поднял голову и встал.

— Рад видеть, что ты не пропустил мои предупреждения мимо ушей, — сказал он.

— Извини, если при последней встрече я вел себя слишком резко. — Алит спрыгнул в снег. — Мы часто чувствуем, когда что-то не так, но отказываемся посмотреть правде в глаза. Я знал, что дела с Ашниелью обстоят плохо, но не хотел в это верить. Глупо стрелять в гонца, если он принес плохие новости.

Эльтириор жестом подозвал юношу поближе.

— Хотел бы я хоть иногда приносить хорошие новости, но уввы. В обязанности вороньих герольдов не входит быть вестниками счастья, — сказал он. — Наш орден создавался в тяжелые времена, вот почему наши глаза и уши открыты для известий, которые приносят горе, а не радость.

— Это одинокий путь, — сказал Алит и присел у костра. Внезапно ему пришла в голову беспокойная мысль. — Разве не опасно разжигать огонь? Дым видно издалека.

— Поблизости никого нет. Ты хорошо выбрал дорогу, высоко в горах. Куда ты хочешь направиться дальше?

— Я собирался еще два дня идти на юг, пока не выйду к Наганату, затем свернуть вдоль реки на запад, а потом снова на юг, к Тор Анроку.

— Я бы посоветовал другую дорогу, — покачал головой Эльтириор. — У Наганата стоит оставленное на страже границы войско Бел Шанаара. Вряд ли твое появление с той стороны останется незамеченным. Если тебя поймут при переходе границы Нагарита, то доставят к Бел Шанаару на глазах у всего двора.

Алит тихо выругался.

— Я совсем не знаю Тиранока, — признался он. — И если хорошенько подумать, глупо надеяться, что я смогу тайно встретиться с Королем-Фениксом, не вызывая подозрений. Даже если я проберусь в город, как мне связаться с Бел Шанааром?

— На второй вопрос у меня нет ответа, но с первым могу помочь. Держись южных троп, пока не выйдешь к Орлиному перевалу. Оттуда уже свернешь на запад, к Тор Анроку. Через несколько дней пути погода станет более мягкой. Некоторые путешественники еще передвигаются между Эллирионом и Тираноком в это время года. Не могу обещать, что никто тебя не заметит, но твое появление с востока привлечет гораздо меньше внимания, чем с севера.

— Спасибо, — произнес Алит. — Не знаю, что бы я делал без твоих советов.

— Тебе придется научиться выживать самому. На меня не всегда можно полагаться, — ответил Эльтириор. Его голос звучал негромко, но строго. — Ты не единственная моя забота, и ты уже взрослый. Я хоть и твой союзник, но не смогу помогать и направлять тебя

вечно. Ты умеешь выбирать верный путь, но постоянно споришь с собой. Дай волю своим инстинктам, Алит. Морай-хег говорит с нами в наших снах и чувствах. Если ты не доверяешь ей — многие мудрые эльфы так и делают — найди того, за кем ты готов следовать.

Алит некоторое время обдумывал его слова, согревая руки у костра.

— Ты не ответил на самый первый вопрос, — наконец сказал он. — Ты чувствуешь себя одиноким?

Будто в ответ на его слова ворон каркнул и перелетел с дерева на плечо Эльтириора. Там он удобно устроился в перьях, которыми был отделан плащ герольда.

— Одиночеству могут предаваться лишь те, у кого есть на это время, — ответил Эльтириор. — Некоторые заполняют пустоту бессмысленной болтовней с окружающими. Другие выбирают служение высокой цели, и оно утешает их больше, чем компания смертных.

— Тогда скажи мне еще кое-что. — Алит ухватился за ниточку, которая связывала его сейчас с вороньим герольдом. — Ты когда-нибудь любил?

— Любви моя семья лишилась еще во времена Аэнариона, — с каменным лицом ответил Эльтириор. — Возможно, она еще вернется ко мне, но я сильно сомневаюсь. Наступает эпоха, в которой нас всех ждет очень мало любви.

— Почему? Что ты видел?

— Мне снится черное пламя. — Эльтириор уставился на языки огня. Когда он поднял глаза на Алита, князь невольно отшатнулся от ледяного взгляда. — Это плохой знак.

Большую часть следующего дня они проехали вместе, направляясь на юг. Эльтириор оставил его на закате.

— Мне нельзя показываться в Тираноке, — сказал вороний герольд. — Меня там считают еретиком, к тому же я поклялся защищать Нагарит, и в нем мои способности достигают своего пика. Ты без труда найдешь дорогу до Орлиного перевала.

К закату снегопад прекратился, и Алит продолжал шагать ночью, пока дорога давалась легко. Он пересек несколько ручьев и одну довольно широкую реку — истоки Наганата, отмечающие границу между Тираноком и Нагаритом. Когда Алит перешел реку, то оставил позади княжество Малекита и вступил в королевство Бел Шанаара. Теперь он шел по чужой земле.

Тучи на западной окраине неба рассеивались, вдалеке на равнинах отсвечивали мутные отблески лагерных костров. Это войско Короля-Феникса приглядывало за соседом — будто Бел Шанаара не успокоили двадцать лет мира, что последовали за возвращением Малекита. Алит начинал разделять его сомнения.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Темный план

В Тираноке оказалось гораздо теплее, чем в Эланардрисе. Постоянный западный ветер приносил с моря теплые потоки воздуха из Люстрии, и морозы не успевали разыгаться. Но небо все же затягивали облака, и прилегающая к величественному дворцу Короля-Феникса площадь пустовала. Несколько эльфов торопливо шли по своим делам — они явно предпочитали проводить как можно меньше времени вдаль от уюта своих очагов.

Алит присел на мраморную скамью у стены и принялся рассматривать парадные ворота, что вели во дворец. Над ними вздымались две круглые белые башни, увенчанные остроконечными золочеными куполами с жаровнями, где горело голубое магическое пламя — оно оповещало горожан, что Король-Феникс пребывает во дворце.

Город сильно отличался от Анлека. Тор Анрок строили и перестраивали в мирные времена, извилистые улочки чередовались с открытыми площадями и парками, в то время как столица Нагарита с ее грозными стенами и казармами упорно цеплялась за воинственное прошлое. Тор Анрок строился вокруг одинокой горы на равнине Тиранока. Часть его находилась под открытым небом, а вторая половина лабиринтом вырезанных в скале туннелей уходила в толщу скал. Подземные коридоры ярко освещались серебряными фонарями. Куда бы ни обращался взгляд Алита, повсюду преобладало обилие света и красок, в отличие от суровых серых и черных камней Анлека.

Город не нравился князю. Он видел показуху, и не более. Даже огромные дворцовые ворота ни на что не годились. Большинство зданий были роскошными особняками князей и знати или просторными посольствами для гостей из других царств Ултуана. Основная часть населения Тиранока проживала в окружающих столицу пригородах, и каждое утро отправлялась в Тор Анрок верхом и на повозках, а вечером возвращалась домой. Только приближенные к Королю-Фениксу придворные могли позволить себе дорогостоящую жизнь в столице.

Алит пробыл в Тор Анроке уже три дня. Он последовал указаниям Эльтириора и держался ведущих от Орлиного перевала дорог. Его обрадовало, но в то же время и встревожило то, что он сумел пристроиться к каравану купцов и войти в город незамеченным. Для него обстоятельства сложились удачно, но становилось очевидно, что после перенесенных государством тягот бдительность ослабла, и даже в городе короля эльфов к культам и их шпионам относились спустя рукава. На стене и воротах стояли часовые, но они рассматривали проходящие мимо толпы с ленивым интересом.

Третий день Алит приходил на площадь и думал, как проникнуть во дворец и тайно встретиться с Королем-Фениксом. Он прислушивался к разговорам торговцев и выбирающей товары знати. В болтовне преобладали обсуждения модных веяний в одежде и литературе, сплетни из колоний и пересуды о романах между княжескими домами. Никто не упоминал Нагарит или князя Малекита. Алиту начинало казаться, что к нагароттам здесь относятся как к чудаковатым родственникам — те порой обращают на себя внимание очередной странностью, но в остальное время в их дела предпочитают не вмешиваться, чтобы не смущать себя излишними подробностями.

Тем не менее размещенное на берегу Наганата войско свидетельствовало об обратном, и юного князя поражало, что этот факт вызывал так мало разговоров. Даже заточение Морати

давно потеряло остроту, и Алит ни разу не слышал, чтобы кто-то упомянул ее имя.

Юноше пришлось признать, что он в растерянности и не знает, что делать дальше. Он стал настолько подозрительным, что не хотел сообщать о своем приезде никому, кроме Бел Шанаара, хотя как князь Нагарита мог по праву войти во дворец и потребовать аудиенции у Короля-Феникса. Он слышал, что Бел Шанаар постоянно проводит открытые приемы, во время которых к нему может обратиться любой эльф, но также уловил некий подтекст, из которого сделал вывод, что попасть на прием непросто. Всех просителей предварительно опрашивали и только потом разрешали предстать перед тронем Феникса. Даже если ему и позволят обратиться с просьбой, Алит не хотел обсуждать свое дело публично — а в зале наверняка соберется много просителей, и он не сможет высказать свои подозрения наедине.

Приближался полдень, рынок начал оживать; столицу наполняли жители окрестных городков. Алит неспешно бродил среди растущей толпы. Его серо-коричневая одежда, подходящая для путешествий по диким местам, резко выделялась на фоне ярких воздушных нарядов городской элиты Тиранока. К счастью, большинство принимало его за слугу и не обращало внимания, как принято среди знати, когда под носом у них оказывается низший по положению.

Именно подобное ощущение невидимости и навело Алита на идею.

Ночью он остался в городе, хотя ночлег стоил ему доброй части серебряных монет, выданных на дорогу отцом. После наступления темноты, когда ворота закрывались, в городе начиналась другая жизнь. Зажигались красные и синие фонари, и скромного достатка эльфы, что еще жили в Тор Анроке, заканчивали работу и выходили на улицы. Винные дома открывали двери и погреба, торговцы складывали свои лотки и спешили в соседние заведения.

Алит вошел в одну из таверн недалеко от дворца, и его приятно удивило обилие посетителей в ливреях Короля-Феникса. Среди них попадались старые доверенные слуги, юные пажи, служанки, конюхи, повара и прочие занимающиеся обыденной работой эльфы, что стремились устроить свою жизнь при дворе. Алит заметил подходящую группу — трое мужчин и одна женщина — и расщедрился на приличных размеров кувшин горячего пряного вина. Оно стоило ему всех оставшихся денег, поэтому князь очень надеялся, что потратился не зря. Он поставил на поднос с кувшином пять покрытых красной глазурью глиняных кубков и присел рядом с дворцовыми слугами.

— Добрый вечер. — Алит принялся расставлять на столе кубки. — Меня зовут Атенитор. Я недавно в столице и ищу помощи.

— У тебя эллирионский акцент? — спросила одна из служанок, и Алит начал разливать вино.

Девушка отличалась хрупким сложением даже для эльфийки, а ее улыбка радовала искренностью и теплом.

— Крейсийский, — ответил князь.

Он рассудил, что если бы кто-то знал разницу, то уже заметил бы, что он нагаротт. Видимо, жители Нагарита не часто посещали столицу Ултуана.

— Я Миландит, — представилась девушка и протянула руку.

Алит взял ее ладонь в свою и пожал. Вокруг стола раскатился смех.

— При приветствии надо целовать руку, — объяснил один из молодых эльфов. Он взял ладонь Алита и быстро коснулся губами костяшек среднего пальца. — Вот так. Меня зовут Лиасерин. Рад знакомству с тобой, Атенитор.

Алит повторил его жест, стараясь не выдать смущения. В Нагарите рукопожатие считалось достаточным, а семью и любимых друзей встречали объятием.

— Кажется, я уже продемонстрировал незнание ваших обычаев. — Алит смехом попытался сгладить неловкость. — Хорошо, что у меня появились друзья, способные поправить меня. Понимаете, я охотник, а в горах редко выпадает случай научиться утонченными манерами.

Он обошел вокруг стола, поцеловал руки остальным и кивал, когда они называли свои имена.

— И что привело охотника в Тор Анрок? — спросила Ламендас.

Она выглядела немного старше остальных; Алит дал ей около восьмидесяти лет, может чуть больше.

— Амбиции! — с улыбкой воскликнул Алит и залихватски поднял брови. — В южном Крейсе мой отец считается лучшим охотником, но сдаётся мне, что князья начали ценить его работу меньше, чем когда он был молод. Я понял, что если хочу прославиться, мне придется отправиться в Тор Анрок или в колонии — знаете, я еще ни разу не ступал на палубу корабля!

На сей раз смех за столом прозвучал дружелюбнее. Алит почувствовал, что новые знакомые начинают относиться к нему теплее, и продолжил:

— Естественно, я ищу место при дворце. Могу я поинтересоваться, как получить там работу?

— Это зависит от того, что ты умеешь делать, — ответила Ламендас. — Нужды в охотнике во дворце нет.

— Я могу разделять мясо, — быстро ответил Алит. — Охотник умеет обращаться с ножом не хуже, чем с луком, вот я и подумал, что могу пригодиться на кухне.

— Тебе повезло, — вставил Ачитерир, совсем молодой мальчик не старше тридцати лет. — Повара вечно ищут помощь. Каждый прием Короля-Феникса собирает все больше и больше гостей. Поговори с Малитрандином, Смотрителем Дворцовых Очагов.

— Малитрандином?

Миландит, которая располагалась справа от Алита, наклонилась к нему и указала на стол по другую сторону камина. Там сидели шестеро эльфов более почтенного возраста и увлеченно спорили над листом бумаги. Другая рука девушки нежно, будто невзначай погладила его по бедру.

— Это мой отец, он сидит с другими дворецкими. — Под столом она положила руку на колено Алита. — Я могу вас познакомить, если хочешь.

— Буду очень признателен, — ответил Алит и попытался встать. Пальцы Миландит на его колене сжались, и юноша остался сидеть.

— Не сейчас, дворецким не понравится, если мы потревожим их во время отдыха. Я отведу тебя к нему утром.

— А где мне найти тебя утром?

— Ну, если ты нальешь мне еще бокал вина, — промурлыкала Миландит, — то найдешь меня в своей постели...

В фонаре в углу маленькой комнатки Миландит мигал магический огонь, заливая все вокруг приглушенным желто-зеленым светом. Алит вытянулся на спине и уставился в потолок; его согревало тепло лежащей рядом девушки. Князь боялся, что совершил ужасную

ошибку. Дома казалось бы немислимым провести ночь с Ашниелью до свадьбы, и Каентрас был вправе потребовать сурового наказания за такой проступок, не говоря уже о том, что Алит покрыл бы позором репутацию семьи. Может, у низших сословий дело обстояло по-другому? Остальные слуги не выказали ни подозрений, ни осуждения, когда Миландит привела его в свою комнату в одном из длинных крыльев дворца.

Алиту пришла в голову неожиданная мысль, от которой он невольно улыбнулся. А если Миландит узнает, что провела ночь с князем Ултуана — более того, наследником одной из самых влиятельных семей Нагарита? Но пока он представлял ее удивление, настроение снова помрачнело. Откровенная, полная страсти ночь разительно отличалась от отношений с Ашниелью. Никакого кокетливого флирта и еле уловимых намеков на физическую близость, просто взаимное желание двух эльфов. Казалось, что Ашниель намеренно сдерживала оказываемое ему внимание, чтобы завлечь и раздражить влюбленного юношу, а потом увильнуть от обещанного.

Миландит шевельнулась, и князь повернулся к ней, провел взглядом по гладкому изгибу обнаженной спины и разметавшимся по золотистой подушке каштановым волосам. Девушка придвинулась к нему поближе и полуоткрыла глаза.

— Я думала, усилия прошлой ночи утомили тебя, и ты спишь, — прошептала она, поглаживая его грудь.

Алит наклонился и поцеловал ее в щеку.

— Мне надо многое обдумать, — ответил он. — Город полон неожиданных соблазнов, а простой охотник не привык к ним.

Миландит улыбнулась и потянулась. Этим же движением она подкатилась вплотную к Алиту и положила голову ему на грудь. Затем принялась перебирать его волосы.

— В городе много удовольствий, но мне показалось, что наша ночь в новинку для тебя, — сонно пробормотала она.

Алит не ответил, и она посмотрела на него. Глаза девушки округлились, и ей пришлось прикрыть рот ладонью, чтобы подавить смешок.

— Я не знала, что в Крейсе такие целомудренные охотники! — захихикала она. — Если бы знала, я бы вела себя... нежнее.

Алит посмеялся вместе с ней — его совсем не смутила собственная неопытность.

— Если ты не поняла, что это был мой первый раз, то у меня, наверное, талант!

Миландит сжала ладонями его щеки и поцеловала в губы.

— Новичкам везет? — сказала она. — Конечно, существует простой способ это проверить.

Когда Алит прижал к себе девушку, все прочие мысли разом вылетели из его головы: Нагарит, Каентрас, Ашниель, культы — все растворилось в миге счастья и удовольствия.

Алит старательно трудился на кухне, а в свободное от работы время исследовал дворец Короля-Феникса. Когда он не был занят свежеванием кабанов, птицы или кроликов для поваров, его внимание делилось между изучением плана дворца и общением с другими слугами, особенно с Миландит. За бокалом вина или сонным шепотом поздно ночью в постели Алит узнал от нее добрую часть придворных сплетен. Девушка отличалась природной наблюдательностью и общительностью и многое могла поведать о повседневных ритуалах дворцовой жизни, кроме того, она была знакома с большинством слуг и стражников, населявших цитадель. Алит ощущал некоторую вину за то, что втайне

использует их отношения, но Миландит всегда с удовольствием рассказывала новому возлюбленному о Тор Анроке и особенностях жизни в столице. Она не скрывала желания иметь рядом родственную душу и предаваться физической близости, не накладывающей серьезных обязательств.

То, что узнал Алит, не внушало ему особой надежды. Бел Шанаар редко оставался один, его дни были заполнены приемам и встречами с важными персонами. Его семья — особенно сын Элодир — постоянно сопровождала короля на торжественных церемониях. Даже когда государственные и семейные дела не требовали его непосредственного внимания, за Королем-Фениксом тенью следовал его дворецкий, Палтрейн. Его роль походила на роль Геритона в Эланардрисе — верный канцлер дома Анар заправлял многими делами от имени Эолорана. Палтрейн был главным советником и приближенным Бел Шанаара. Он приглядывал за работой дворца и мог призвать к ответу любого его обитателя, от служанки до капитана гвардии. В его обязанности входил не только присмотр за домашними делами; Палтрейн принимал самое живое участие в переговорах между Тираноком и другими княжествами.

Внимание Алита привлекла еще одна заметная при дворе фигура — Миландит как-то вечером мимоходом упомянула о нем. Меланхоличного вида эльф по имени Каратриль служил главным герольдом Короля-Феникса. Родом он был из Лотерна, и когда Алит навел справки, то узнал, что в свое время Каратриль носил звание капитана гвардии, а затем выполнял обязанности посла Бел Шанаара во время первого похода Малекита, когда тот попытался захватить Анлек и попал в ловушку в Эалите. Алита заинтриговала новость о том, что Каратриль был немного знаком с Нагаритом и князем, и он решил при первой же возможности поговорить с герольдом.

Юноша пробыл во дворце около двадцати дней, прежде чем обстоятельства сложились в его пользу. В большинстве случаев работа на кухне нравилась Алиту, к его немалому удивлению, поскольку отнимала немного сил и давала время подумать о других делах. Он освобождался во второй половине дня. Вечером он занимался изучением дворца, но нормы приличия требовали после наступления темноты проводить сколько-то времени с другими слугами. И вот в один прекрасный день Алиту представился случай увидеть парадный зал Короля-Феникса.

Шел тот самый открытый прием, о которых слышал Алит, и ловким горожанам, сумевшим дать страже взятку или иным способом проскользнуть в зал, позволили наблюдать за действием. Алит в неприметной белой мантии без труда затесался в группу эльфов, а когда вошел в парадный зал, отделился от них и сел на одну из скамей высокого амфитеатра.

Пока князь поднимался по ступеням, он заметил одинокого эльфа; тот сидел в стороне от других, подальше от толпы, что толкалась на нижнем, самом близком к Бел Шанаару, ярусе. По внешнему виду, ливрее и манере поведения Алит предположил, что перед ним Каратриль. Князь обошел верхний ярус скамей и присел рядом с эльфом.

— Ты Каратриль? — Алит решил говорить начистоту, а не пытаться выудить информацию окольными путями.

Эльф удивленно повернулся и кивнул.

— Герольд Короля-Феникса, — ответил он и протянул руку.

— Можешь называть меня Атенитором. — Алит поцеловал протянутую руку. Герольд отдернул ее быстрее, чем требовал этикет, и Алит догадался, что его тоже смущает тиранокский обычай. — Мне это тоже кажется странным.

— Что именно? — спросил Каратриль; герольд уже повернулся к неторопливо входящей в открытые двери процессии.

— Целование рук. Я родом не из Тиранока, и некоторые местные обычаи кажутся мне эксцентричными.

Каратриль не ответил, но приложил палец к губам, призывая к тишине, и кивком указал на двери. Алит посмотрел вниз: в зал вошел Палтрейн в темно-фиолетовой мантии с широким голубым поясом, расшитым сапфирами. Он встал сбоку от трона и поклонился.

Алит впервые в жизни увидел Бел Шанаара. Король-Феникс гордо стоял, одетый в просторный белый наряд, украшенный восстающими из пламени золотыми фениксами. Плащ из черно-белых перьев свисал с плеч и стелился по полу. На голове красовалась великолепная золотая корона — она сверкала в льющемся через стеклянные вставки купола солнечном свете. Лицо было строгим, глаза смотрели только вперед. Бел Шанаар ровным шагом прошел по залу и приблизился к трону. Затем он откинул роскошный плащ и оглядел зал. Даже с такого расстояния Алит видел, как острый взгляд, от которого не могла укрыться ни одна мелочь, прошелся по посетителям. Когда очередь дошла до него, князь едва не вздрогнул.

— Пусть выйдет первый из просителей, — провозгласил Бел Шанаар. Глубокий голос без труда разносился по самым отдаленным уголкам зала.

— После двадцати лет наблюдений это зрелище уже не кажется увлекательным, — тихо произнес Каратриль. — Все равно никто не приходит сюда с серьезными проблемами. Обычно прошения подают для того, чтобы намекнуть на новую возможность для торговли или сообщить о смертях и свадьбах. Все, что сейчас происходит, обычный спектакль; настоящие дела вершатся за закрытыми дверями.

— Хотел бы я увидеть совет Короля-Феникса, — тоже шепотом ответил Алит. Скамьи вокруг них стояли полупустыми, но все же поблизости сидело немало эльфов. Говорить в полный голос он не решился. — Я слышал, что ты побывал в Нагарите.

— Верно, мне выпала честь участвовать в походе князя Малекита. Но это происходило давно, хотя величайший из князей отметил мои заслуги.

— Я тоже сражался на стороне Малекита, — едва слышно прошептал Алит.

Каратриль бросил на него резкий взгляд и наклонился поближе.

— Ты одет как слуга, но заявляешь, что сражался в войске князя Нагарита, — произнес герольд. — Либо одно, либо другое. А может, оба заявления ложь?

— Я говорю правду. Я работаю на дворцовой кухне, и я встречался с князем Малекитом. Я бы хотел поговорить с тобой, но это неподходящее место.

Каратриль одарил его подозрительным взглядом, но все же кивнул.

— Ты не простой слуга, — тихо сказал он, не сводя глаз с Алита. — Очевидно, что ты не тот, за кого себя выдаешь, даже если говоришь правду. Не знаю, какое у тебя ко мне дело, но не забывай, что я всего лишь посланник и не имею власти при дворе.

— Мне нужно, чтобы ты выслушал меня, — ответил князь и со вздохом откинулся на спинку скамьи. — Я понимаю, что у тебя нет причин доверять мне, и не могу привести доказательств, чтобы убедить тебя. Но если ты согласен встретиться, назови время и место по своему выбору и прими любые предосторожности, какие сочтешь нужными. У меня только одно условие — мы должны поговорить наедине.

— Я не люблю интриг, — сказал Каратриль. — Эта черта сильно отличает меня от обитателей дворца. Я поговорю с тобой, но если мне не понравится твой рассказ, я позову

стражу, и тебя отведут к Палтрейну. Я согласен на встречу, но не даю никаких обещаний.

— Они мне не нужны. Где и когда мы встретимся?

— Скоро перерыв, можешь подняться в мои покои. Не вижу смысла ждать дольше.

Алит поблагодарил его улыбкой и вернулся к происходящему внизу. Каратриль оказался прав, церемония протекала скучно: один за другим просители восхваляли Короля-Феникса и спрашивали его благословения для грядущих предприятий. Некоторые приходили пожаловаться на установленные Лотерном налоги на проход Морских Врат, хотя один из посетителей решил, что Бел Шанаару крайне важно узнать о его намерении отплыть в Люстрию и обеспечить деревом свою деревню в Ивресе.

После десятого выступления Палтрейн объявил, что сессия окончена. В зал вошли слуги с подносами, где лежало нарезанное ломтиками мясо, и стояли маленькие бокалы и кувшины с подслащенной водой и экзотическими соками. Слуги ходили между рядами скамей, предлагая посетителям освежиться в перерыве.

— Пошли. — Каратриль встал.

Алит последовал за ним по ступеням. Внизу Каратриль повернулся и поклонился Бел Шанаару. Король-Феникс поприветствовал его кивком и бросил любопытный взгляд на спутника герольда. Алит тоже поклонился, но старался избегать внимания Бел Шанаара, чтобы не возбуждать подозрений. Когда князь выпрямился, король уже разговаривал со своим сыном.

Каратриль повел Алита к северной башне и вверх по винтовым лестницам. Эта часть дворца была неизвестна Алиту, поскольку доступом к ней обладали лишь те слуги, которые имели при себе печать Короля-Феникса, и стояли они в придворной иерархии намного выше обычного кухонного работника. Каратриль прошел между часовыми в дверях четвертого этажа беспрепятственно; Алит робко следовал позади. Через несколько шагов по коридору герольд бросил на Алита предупреждающий взгляд: напоминание, что, если возникнет нужда — стража Короля-Феникса рядом.

Они прошли по длинному, застеленному ковром коридору — полы в крыле слуг были просто каменными — и Каратриль свернул направо, в другой проход. Там он открыл широкую дверь слева и жестом пригласил Алита внутрь.

Покои герольда состояли из двух комнат. Первая отводилась под гостиную с низкими кушетками, столиками и небольшим очагом. Через открытую арку в стене Алит разглядел скромно обставленную спальню.

— Я провожу здесь мало времени, — пояснил Каратриль, когда заметил любопытство гостя. — Я решил, что лучше не обставлять свои покои во дворце как дома, иначе я буду скучать по нему еще больше.

— Еще больше?

— Я очень скучаю по Лотерну. Но что поделать, служение Королю-Фениксу — великая честь, и я не могу отказаться от своих обязанностей, повинюсь прихоти. — Каратриль закрыл дверь и жестом пригласил Алита присаживаться. — Я бываю там достаточно часто, чтобы вспомнить, как сильно я люблю этот город, но в то же время моих визитов не хватает, чтобы удовлетворить желание остаться там подольше.

— Да, тяжело жить вдали от дома, — с искренней симпатией согласился Алит.

Он покинул Эланардрис не так давно, но его частенько посещало желание поскорее вернуться туда. Даже если оставить позади болезненные воспоминания об Ашниели, он все

равно любил горы больше всего на свете.

— Да, и вот что любопытно. — Каратриль уселся напротив князя. — Я путешествовал по всему Ултуану и узнал множество вещей, которые могли остаться незамеченными для тех, кто повидал свет меньше меня. Ты называешь себя Атенитором, именем крейсийского происхождения, но акцент выдает, что родом ты не оттуда. Если не ошибаюсь, ты говоришь как эллирионец.

Алит улыбнулся и покачал головой.

— Близко, но неверно, — он закинул руку на спинку кушетки. — Я нагаротт. Хотя мой акцент может быть тебе незнаком, поскольку я родился на востоке, рядом с горами.

— Я никогда не посещал те места.

— Очень жаль, потому что тебе не довелось увидеть не только захватывающую дух красоту Эланардриса, но и мудрость и дружелюбие дома Анар.

— Я еду туда, куда посылает меня Король-Феникс. Я не выбираю цель путешествия сам, — со вздохом ответил Каратриль. — Если я где-то не бывал, так это потому, что Бел Шанаар не нашел причины отправить меня туда.

— Все может измениться, — произнес Алит. — Я думаю, что интерес Короля-Феникса к Нагариту вскоре значительно возрастет.

— Почему? — Каратриль нахмурился и наклонился вперед.

— Я буду говорить чистую правду, потому что доверяю тебе, хоть и не могу понять почему. Но я хочу, чтобы ты доверял мне.

— Бел Шанаар говорит, что у меня честное лицо. — На губах Каратриля заиграла улыбка, и Алит впервые заметил, что у герольда есть чувство юмора. — Он доверяет мне больше всех после своей семьи и дворецкого. Я сохраню в тайне все, что услышу от тебя, если твой рассказ не будет представлять угрозы Королю-Фениксу. Мое положение при дворе основано на заслуженной репутации благоразумного эльфа.

— Я слышал о твоей репутации. — Алит встал и обратился к Каратрилю. — Я Алит, сын Эотлира, внук Эолорана Анара. Я князь Нагарита и пришел в Тор Анрок для того, что просить помощи Короля-Феникса.

Каратриль долго молча рассматривал Алита. Улыбка полностью сошла с его лица. Но затем она вернулась, еще шире чем раньше.

— У тебя есть способности к драме, Алит, — произнес он. — Я весь внимание.

Князь пересек комнату и сел рядом с герольдом.

— Мне нужно поговорить с Королем-Фениксом наедине, — сказал он. — Ты сможешь мне помочь?

Каратриль отстранился, увидев искреннюю мольбу на лице юноши, и снова принялся рассматривать своего гостя. В конце концов он встал и направился к шкафчику у стены. Достал из него два хрустальных бокала и бутылку серебристого вина. Мерными движениями разлил его по бокалам и вернул бутылку в шкаф. Один из бокалов он предложил Алиту и снова сел рядом с ним. Алит взял напиток, но не притронулся к нему. Он пристально изучал лицо Каратриля, пытаясь угадать его намерения.

— Ты поставил меня в весьма сложное положение, — произнес герольд. — Я не могу поверить тебе на слово, по крайней мере сейчас. Тем не менее если ты говоришь правду и приехал в столицу тайно, то мне будет трудно навести справки и не выдать тебя.

— У меня есть рекомендательное письмо от деда, оно в моей комнате, — начал Алит, но Каратриль отмахнулся.

— Я не обладаю правом судить о подлинности подобного документа, — ответил он.

Герольд снова задумался. Он рассматривал Алита с цепкостью и бдительностью ястреба, который пытается предугадать движения добычи. Алит сидел тихо — он понимал, что никакими словами не сможет подтолкнуть выбор Каратриля в ту или иную сторону.

В конце концов герольд принял решение и кивнул.

— Принеси мне письмо, и я передам его Бел Шанаару, не открывая, — заявил он. — Если Король-Феникс согласится принять тебя, то мой долг будет исполнен. Если нет, то тебя ждет плохой конец. Хотя со стороны может показаться, что мы ослабили бдительность по отношению к культам и прочим нарушителям, на самом деле мы остаемся начеку.

Алит поставил бокал на стол и сжал руку Каратриля.

— У меня нет слов, чтобы поблагодарить тебя за доброту! Я сейчас же принесу письмо и надеюсь, что Король-Феникс сочтет его подлинным.

— Я подожду тебя в юго-восточной обеденной зале, — с этими словами Каратриль поднялся и открыл дверь, чтобы показать, что разговор окончен.

Алит в нетерпении ринулся к выходу, но все же вспомнил о манерах, остановился и поклонился герольду. Каратриль ответил на его поклон и жестом отослал прочь.

Весь день после разговора с Каратрилем Алит провел в нервном ожидании. Наследник дома Анар был сам не свой во время вечерней встречи с Миландит и прочими слугами и решил отправиться спать пораньше — и в одиночестве.

На следующее утро он с радостью принялся за привычную работу на кухне: она немного отвлекла его от беспокойств, но юноша так и не смог привести мысли в порядок. Правильно ли он поступил, когда доверился Каратрилю? Убедит ли Короля-Феникса письмо деда? Даже если Бел Шанаар согласится принять Алита, как добиться встречи наедине?

Каждый раз, когда двери кухни открывались, Алит поднимал голову. Он сам не знал, кого ждет: посланника или стражи. То и дело бросаемые на дверь взгляды вызвали недовольство главного повара, властного эльфа по имени Ятдир, который командовал кухней, как капитан своими солдатами.

К середине дня пришло известие, что Бел Шанаар попросил подать в его покои легкий обед. К огромному беспокойству Малитрандина, все кухонные слуги оказались заняты на пиру княгини Лириан, жены Элодира. Малитрандин приказал Алиту отнести поднос с приправленным травами мясом и пряным хлебом и взялся сам проводить его на верхние этажи дворца, где находились королевские покои.

На верхних этажах тянулись широкие, величественные коридоры. Их украшала мозаика из граненых камней и скульптуры, как классические, так и современные. Алит не стал тратить время на то, чтобы любоваться искусством, да и желания у него не возникло, поскольку Малитрандин торопливо шагал по коридору и бросал на него через плечо нетерпеливые взгляды. Они прошли мимо часовых, одетых в легкие кольчуги с золотыми нагрудными пластинами и вооруженных висящими на поясе парными мечами — длинным и коротким. Часовые не обратили внимания на Малитрандина, зато наградили презрительными взглядами Алита, когда он проходил мимо. В конце длинного коридора обнаружилась неприметная дверь из выбеленного дерева. Малитрандин негромко постучался и открыл ее, жестом пропуская Алита вперед.

Покои короля очень удивили юношу. За скромной дверью его ждала полная противоположность пышным украшениям и одеждам двора. Он мог бы сравнить ее с

изящной красотой лебедя рядом с вызывающим великолепием павлина.

Личные комнаты Короля-Феникса были обставлены неброско, но изысканно, и даже несведущий взгляд Алита оценил элегантную отделку и мастерство работы: точеные ножки высоких столов, причудливое чередование геометрических и природных узоров в резьбе вокруг очага. Все было белым, включая ковер на полу. Единственным пятном цвета среди белизны оставался сам Король-Феникс — он сидел у огня в переливающейся алой мантии и держал на коленях открытую толстую книгу. Без церемониальных одежд и короны он выглядел более доступным и напомнил Алиту деда, хотя Эолоран обычно выглядел суровее.

— Поставь сюда, — сказал Бел Шанаар, указывая на низкий столик рядом с собой.

Алит с поклоном повиновался. Бел Шанаар наклонился вперед и принялся изучать содержимое подноса. Он осторожно приподнял двумя пальцами ломтик мяса и бросил взгляд на Алита; стоявший у двери Малитрандин не мог разглядеть его лица.

— Это ивресский лев? — спросил Бел Шанаар и помахал ломтиком перед Алитом.

— Саферийский, ваше величество, — ответил тот.

— Правда? — воскликнул король. — И в чем же разница?

Алит замешкался и бросил взгляд на Малитрандина.

— О, дворецкий, ты можешь идти, — пренебрежительно взмахнул мясом Бел Шанаар. — Когда мы закончим, стража проводит мальчика на кухню.

— Да, ваше величество, — выдавил Малитрандин и с поклоном удалился, хотя король и так уже перестал обращать на него внимание.

— Ну? — спросил Король-Феникс. — В чем отличие саферийского льва?

— Его мясо коптят три года, ваше величество, на костре из волшебного дуба и белой травы, — ответил Алит. Он благодарил судьбу за то, что Ятдир взял на себя труд не только обучить его правильной разделке мяса, но и основам приготовления. — Потом его вымачивают в...

— Можешь заканчивать представление, Алит, — прервал его Бел Шанаар. Он ловко сложил тонкий ломтик и закинул его в рот. Алит терпеливо ждал, пока Король-Феникс прожует пищу Тот наконец проглотил мясо и улыбнулся. — Ты неплохой актер, да и мясник тоже. Скажи-ка, почему бы мне не позвать стражу и не арестовать тебя как наемного убийцу?

Алит открыл было рот, но тут же и закрыл, настолько его ошеломило внезапное обвинение. Он быстро собрался с мыслями.

— Разве вы не читали письмо моего деда?

— Ко мне следует обращаться «ваше величество», — спокойно сказал Бел Шанаар. — Даже если ты князь — я твой король.

— Конечно, ваше величество, приношу глубокие извинения, — поспешно поправился Алит.

— Письмо действительно написано Эолораном Анаром, в этом я уверен. — Король-Феникс вытащил из складок мантии пергамент. — Оно заверяет личность и надежность доставившего его и просит оказать ему посильную помощь. И больше оно не говорит мне ни о чем. Ни о твоих намерениях, ни о политических симпатиях твоего деда. Я давно знаю Эолорана Анара и очень уважаю его, но, по всей видимости, он не питает ко мне ответной симпатии. Я не видел Эолорана при дворе уже семь сотен лет. Как ты можешь объяснить это?

И снова Алит не знал, что сказать.

— Я не могу говорить за деда, ваше величество, равно как и отвечать за его поступки или их отсутствие, — выдал он. — Мне известно только, что он не любит анлекский двор и отстранился от светской жизни, чтобы наслаждаться покоем и уютом Эланардриса.

— Да, это похоже на того Эолорана, с которым я сражался под Бричан Тор. — Король-Феникс засунул письмо обратно в карман мантии и жестом пригласил Алита присесть в кресло напротив. — Нагарит остается для меня загадкой, Алит, и я не могу сказать, что полностью тебе доверяю. Ты тайно проник в мой дворец и выдаешь себя за слугу. Ты застал врасплох моего главного герольда и выпросил аудиенцию со мной. Меня успокаивает лишь то, что мои покои охраняются заклинаниями, и никому не удастся пересечь порог с оружием и не поднять тревогу. Так что можно считать, что я в безопасности. Что тебе нужно от меня?

— Я и сам точно не знаю, — признался Алит. — Мне известно только, что анарцы, верный Нагариту и Ултуану род, стали жертвами некой политической игры или вендетты, и мы не сможем выбраться из нее без посторонней помощи.

— Рассказывай.

Алит пересказал все случившееся с недавних пор в Эланардрисе, начиная с возвращения Малекита и угроз Морати — и до обвинения в поддержке культов и домашнего ареста. Князь не отличался даром рассказчика и частенько путал порядок событий, от чего Король-Фениксу приходилось постоянно задавать вопросы или заставлять его возвращаться к моментам, которые он пропустил. Тем не менее Алит старался сохранить в тайне содействие Эльтириора, и когда Бел Шанаар спрашивал его, откуда взялись те или иные сведения, он давал расплывчатые ответы.

— Ты сам понимаешь, что я не имею особой власти в землях за пределами Тиранока, — произнес Бел Шанаар, когда рассказ подошел к концу. — Жители других княжеств отвечают перед своими правителями, а князья отвечают передо мной. Возможно, если бы речь шла не о Нагарите, я бы и сумел вмешаться, но между тронем феникса и Анлеком всегда существовали крайне натянутые отношения.

Король встал и подошел к высокому, узкому окну; полуденное солнце залило лицо Бел Шанаара. Он продолжал говорить, не поворачиваясь, будто не хотел встречаться взглядом с Алитом в тот момент, когда тому предстояло услышать о его решении.

— Я не смогу ничего сделать, пока твой дед не обратится ко мне напрямую. Или ваш князь, Малекит, хотя последнее кажется мне маловероятным. Ваши противники сплели сети лжи с завидным умением, и в то же время никак не затронули мой авторитет.

Бел Шанаар повернулся, и юный князь увидел на его лице сочувствие.

— Все, что я могу предложить, — это убежище в Тор Анроке. Я сохраню твой секрет и сделаю все, что смогу, чтобы твоя жизнь во дворце протекала приятно, не выдавая твоего имени и не привлекая к тебе внимания. Конечно, ты сможешь вернуться в Нагарит, когда пожелаешь, и я предоставлю документы и эскорт, который проводит тебя до границы. Я также наведу справки у Малекита о его планах, но не буду упоминать дом Анар. Если пожелаешь, я могу отослать твоему деду сообщение — может, он решит приехать в Тиранок и открыто поговорить со мной о ваших проблемах. Я приведу в дело все рычаги давления, но не могу ничего обещать.

Для Алита зима тянулась медленно, хотя все же оказалась отмечена некоторыми событиями. Бел Шанаар приложил усилия, чтобы не привлекать к нему внимания и, не вызывая подозрений, взять его под свою опеку. По дворцу прошел слух, будто Король-

Феникс решил, что новый работник весьма сообразителен, и из кухонного работника Алита повысили до личного слуги правителя Тиранока и королевской семьи. В частности, в его обязанности входила забота о Юрианате, старшем племяннике Бел Шанаара. Новая должность позволяла князю носить печать Короля-Феникса, и его возможности по изучению дворца значительно возросли.

Какое-то время другие слуги обсуждали это повышение, но уже не в первый раз Бел Шанаар выделял кого-то из прислуги, и большинство сходилось во мнении, что звезда Алита скоро закатится. Хотя все отмечали, что юноша ловок и прилежен, его находили несколько неотесанным для дальнейшей карьеры при дворе. Завистники списывали неожиданную милость на эксцентричность Короля-Феникса и его добродушную симпатию к деревенским манерам Алита.

После повышения Алит заметил, что их отношения с Миландит изменились. Носители печати Бел Шанаара получил доступ к тем частям дворца, куда девушка не могла попасть, и теперь она часто выпытывала у него последние сплетни о королевской семье. Алит понимал, что связывающая их страсть угасает, и если раньше Миландит относилась к нему как к источнику удовольствия, то сейчас рассматривала в качестве бездонного колодца слухов. Он также не мог упустить иронию того, что их ожидания друг от друга поменялись местами. Постоянные расспросы девушки сильно расстраивали князя; они шли вразрез как с его врожденным чувством такта, так и с растущим убеждением, что любые сплетни — проявление предательства по отношению к семье Бел Шанаара.

Алит старался не привлекать к себе лишнего внимания и не поссориться с Миландит и ее друзьями, поэтому в течение зимы виделся с ней все реже и начал делать вид, будто безразличен к ее заигрываниям. Как и следовало ожидать, к середине зимы до него дошел слух, что девушка решила оставить его в покое, и ее внимание привлек один из дворцовых стражников. За кувшином ивресского вина оба сошлись на том, что хорошо провели вместе время, а дальше каждый пойдет своей дорогой, не тая обиды.

Хотя теперь Алит чувствовал себя в безопасности, его начало одолевало одиночество. Дворец казался ему клеткой, и он скучал по дому. Тиранокские горы находились в нескольких днях пути от столицы, и хотя зимы здесь стояли более мягкие, чем в Нагарите, у него не оставалось времени на охоту.

Одиночество только усугублялось тем, что с севера не доходило никаких известий. Бел Шанаар заверил юношу, что отправил в Эланардрис гонца, но Алит боялся, что герольд не добрался до цели, либо что его семья не смогла переслать ответную весточку. Сведения из Нагарита поступали крайне скупо, и в долгие зимние месяцы Алиту начало казаться, что родное княжество отделяют от Тиранока не ледяные воды Наганата, а широкий океан.

Поэтому расстроенный и одинокий Алит часто бродил по коридорам королевского дворца или поднимался на рассвете на стены Тор Анрока и смотрел на север. Некоторых из его новых друзей тревожило подобное поведение. Алит заверял их, что просто устал и скучает по дому, и обещал, что с приходом весны оживет. Но весной его тревоги отнюдь не рассеялись. Когда купцы пытались проехать в Нагарит, их заворачивали на границе без объяснений. Те скудные новости, что доходили до столицы, вызывали недоумение. Снова завязались стычки между армией Анлека и культами удовольствия, и казалось, будто князь Малекит с трудом держится за свой трон. Некоторые князья выступили против него и поддерживали культы, другие сохраняли нейтралитет и выжидали, чем закончится для Нагарита борьба за власть. Алит становился все возбужденнее и при любом удобном случае

старался выяснить, какие семьи замешаны в противостоянии — но он ни разу не услышал упоминания о доме Анар.

Поскольку тревожные новости продолжали поступать в столицу, Алит принял решение вернуться в Эланардрис. При помощи Каратриля он сообщил Бел Шанаару о своем намерении, и в ответ его снова позвали в покои Короля-Феникса.

Бел Шанаар с мрачным выражением на лице стоял у высокой арки окна и оглядывал южные окрестности Тор Анрока. Он повернулся на звук закрываемой двери.

— Я не могу позволить тебе покинуть Тор Анрок, — сказал король.

— Что? — выпалил Алит, совершенно позабыв о манерах. — Что вы хотите сказать?

— Я имею в виду, что сейчас будет глупо отпустить тебя из-под моей защиты. И я не думаю, что такое решение принесет тебе пользу.

— Но я нужен моей семье...

— Нужен? — строго переспросил Бел Шанаар. — Ты что, великий воин, и, если дойдет до сражения, твое появление перевесит чашу весов?

— Я не это хотел сказать, ваше величество, — юноша постарался взять себя в руки.

— Тогда, может, они считают, что здесь, вдали от кровавых споров, тебе угрожает опасность, и в Нагарите тебя будут охранять лучше?

Алит в недоумении покачал головой. Он *знал*, что должен вернуться в Эланардрис, но Бел Шанаар сбивал его с мысли своими вопросами.

— Уверен, мои родные считают, что я в безопасности, — произнес юноша. — Но если дому Анар грозит беда, мой долг помочь им.

— А мне кажется, что твой долг сохранить в живых будущее своего дома, — с непреклонным видом заявил Бел Шанаар. — Хотя мне больно говорить это, но может стать, что ты последний из анарцев. Ты позволишь умереть своему роду, чтобы удовлетворить любопытство? Ты поставишь под угрозу будущие поколения анарцев, потому что боишься неопределенности?

Алит промолчал, хотя на лице юноши ясно читался ответ — да, он бы поступил именно так. Бел Шанаар нахмурился.

— Позволь мне высказаться откровенно, Алит, — произнес Король-Феникс. — Я не разрешаю тебе покидать дворец, пока ситуация не прояснится. Я взял тебя под опеку, но происходящее в Нагарите, а именно сражения между отрядами Малекита и еретиками, сильно меня беспокоит, и я собираюсь не спускать с тебя глаз.

Алит без труда догадался о том, о чем король умолчал.

— Ты собираешься держать меня заложником, на случай, если анарцы окажутся предателями.

Бел Шанаар пожал плечами.

— Я должен принять в расчет все возможности, — ответил он. — Хотя на данный момент я верю, что ты и твоя семья соблюдаете принесенные клятвы верности, в первую очередь вы храните верность Анлеку и Нагариту. А куда повернет это княжество, мне пока неизвестно. Будет довольно глупо позволить возможному шпиону, который хорошо изучил Тор Анрок, вернуться в Нагарит. И будет еще глупее упустить преимущество при переговорах с твоим домом. Твой дом решил вовлечь меня в эту игру, так что теперь наши судьбы сплетены. Я использую все фигуры, что есть в моем распоряжении.

Алит пораженно смотрел на короля: он не мог поверить своим ушам.

— Я требую обещания, что ты не будешь предпринимать попыток покинуть мой дворец. Если ты откажешься его дать, я заключу тебя под стражу. — Тут лицо Бел Шанаара смягчилось, и он подошел к юноше. — Я не желаю тебе зла, Алит, и я молю богов о том, чтобы твоя семья выжила и смятение в Нагарите закончилось как можно быстрее.

Алит отчетливо понимал, что у него нет выбора. Если он откажется дать слово, его бросят в темницу в подземельях дворца. Он не только лишится свободы, но даже в такое беспокойное время скандал не пройдет незамеченным, и многие будут задаваться вопросом, кто он такой. Излишнее внимание — это угроза его жизни и безопасности семьи. Князь сделал глубокий вдох и собрался с мыслями.

— Именем богов, что нас слышат, я клянусь честью князя Нагарита и Ултуана оставаться под защитой Бел Шанаара и не делать попыток покинуть Тор Анрок без разрешения короля или до изменения обстоятельств.

Бел Шанаар кивнул.

— Мне жаль, что так получилось, Алит. Когда ты станешь правителем дома Анар, ты поймешь, что власть вынуждает нас принимать тяжелые решения. Если я что-нибудь узнаю, то сообщу тебе, и ты должен пообещать поступить так же.

— Обещаю, ваше величество, — с церемонным поклоном ответил Алит. — Я могу что-то сделать для вас, пока я здесь?

Бел Шанаар покачал головой.

— Нет, это все.

Лето слабеющими пальцами еще пыталось удержаться в Тор Анроке, когда до Алита начали доходить слухи о донесениях командиров с северной границы. В них говорилось, что в небе над Нагаритом стоит дым. Высланные через реку разведчики находили сгоревшие до основания деревни и множество трупов на улицах. Провидцы предвещали, что с севера идет тьма, и вскоре всю столицу охватила волна тревожных пересудов.

Князя через своих герольдов присылали известия, что культы снова набирают силу. Двадцать лет они провели в укрытии, завлекали последователей и плели заговоры. А сейчас по чьему-то приказу начали нападать на войска правителей Ултуана, осквернять храмы и похищать неосторожных эльфов.

Даже в Тор Анроке подняли головы малые секты, которые поклонялись Атарте и Эрет Кхиали, и фанатики предпочитали сражаться до смерти, чем сдаться в плен. При возрождении культов во дворце воцарилась всеобщая подозрительность, и несколько сотен солдат было отозвано с границы для охраны цитадели и города.

Через пятнадцать дней после начала беспорядков Алит получил послание, где говорилось, что Король-Феникс желает его видеть. Следуя указаниям, юноша заторопился в южный зал. Там уже собралось огромное множество князей Тиранока с семьями, а также небольшая армия советников и слуг. Алит не мог разглядеть, что происходит, поэтому начал незаметно протискиваться в передние ряды.

Бел Шанаар и его сын Элодир стояли рядом с тронном в дальнем конце зала. Возле них Алит увидел Каратриля. Но его взгляд привлек высокий эльф в золотом доспехе с изображением свернувшегося дракона на нагрудной пластине и пурпурном плаще до пят. На поясе у воина висел длинный меч, что само по себе было крайне необычно, поскольку посетителям дворца не разрешалось носить оружие в присутствии короля, а под мышкой он держал украшенный серебристо-серой короной боевой шлем. Лицо эльфа отличалось

суровыми, резкими чертами, а черные глаза и волосы блестели темным светом. Алит сразу узнал князя Малекита.

— Со мной пришло три тысячи солдат и рыцарей, и им нужен постоя, — говорил князь. — Снова обстоятельства сложились таким образом, что насущные нужды отодвигают гордость на второй план, и я вынужден просить убежища в Тор Анроке.

Бел Шанаар спокойно, с каменным лицом разглядывал Малекита.

— Это тяжелая ситуация, Малекит, — произнес Король-Феникс. — Без сомнения постигшие Тиранок беды не идут в сравнение с бедствиями Нагарита, но даже в столице фанатики пытаются подорвать законную власть. Боюсь, что сейчас я не смогу предоставить такую же помощь, какую оказывал в прошлом.

— Мне ничего не нужно от Короля-Феникса, кроме понимания и терпения. — Малекит едва заметно склонил голову. — Те, кто стремится лишить меня власти, уже выдали себя, и на сей раз, когда я нанесу ответный удар, он не пощадит никого. Многие в Нагарите готовы сражаться за меня, но сейчас дорога в Анлек для меня закрыта. Мне нужно убежище, чтобы собрать верные мне силы. Вскоре я начну новую кампанию за освобождение Нагарита от укоренившейся там заразы, и избавлюсь от нее навсегда.

Суровое лицо Малекита пылало гневом: щеки подергивались, а глаза горели глубокой яростью. Алит уже видел похожее выражение — тогда Малекит говорил о том, что идет повидаться с матерью после прорыва в ворота Анлека.

— Хотя благодаря неожиданности враги сумели одержать несколько побед, у них не хватит смелости и ресурсов для ведения длительной войны, — продолжал князь. — Ранее я предлагал им милость. Теперь я обещаю лишь скорую расправу.

— Быстрое восстановление стабильности в Нагарите послужит интересам всего Ултуана, — сказал Бел Шанаар. — Я не могу отказать тебе в праве получить убежище, но сразу предупреждаю, что больше никто из нагароттов не пересечет границу без моего разрешения. Это понятно?

— Согласен, — ответил Малекит. — В такие времена трудно отличить друзей от врагов, так что я воздаю должное твоей осторожности. А теперь прошу прощения, мне необходимо повидаться с матерью.

Бел Шанаар ответил не сразу. Алит знал, что Малекит уже несколько раз навещал мать после ее заточения, и сейчас его просьба казалась вполне резонной, учитывая бедствия в Нагарите. Но даже в таком случае при упоминании Королевы-Ведьмы по спине Алита пробежал холодок страха, к которому примешивалась глубоко сидящая ненависть. Зал охватила тишина — эльфы ожидали ответа Короля-Феникса.

— Конечно, — наконец вымолвил Бел Шанаар. — Хоть я не питаю особой любви к Морати, я не могу отказать тебе.

Малекит снова поклонился и в сопровождении Элодира покинул зал. Бел Шанаар и Каратриль вышли через другую арку, и как только Король-Феникс скрылся из вида, толпа оживленно загомонил.

— Что случилось? — Алит ухватил за руку ближайшего эльфа, пажа.

Тот в изумлении уставился на него.

— Еретика захватили Анлек и свергли князя Малекита, — ответил паж. Судя по напыщенному виду, он считал себя очень важной персоной, поскольку ему довелось узнать новости раньше других. — Похоже на то, что нагаритские демоны снова дерутся между собой.

Алит прикусил язык и быстро вышел из зала. Он добрался до своей комнаты в крыле для слуг, сел на кровать и устался в каменный пол. Юный князь ничего не понимал. Каким образом культы сумели снова набрать силу, да так, что никто не заметил? В голове у него было пусто. Он никак не мог осознать случившуюся катастрофу.

Целых три дня во дворце царил хаос. Среди придворных и слуг разносились самые небывалые сплетни. В городе в это время размещали небольшое войско, которое привел с собой князь Малекит, и Алит был постоянно занят поручениями своих господ. Юрианат погрузился в вопросы тиранокской торговли и строил прогнозы о том, как ее может затронуть ситуация в Нагарите, ведь это княжество имело большое влияние в колониях Элтин Арвана. Поэтому он часто не обращал внимания на Алита, что позволило юному князю подслушать немало интересных разговоров, которые обычно велись втайне от него.

Малекит попросил Короля-Феникса созвать князей Ултуана на совет. Его собирались держать в храме Азуриана на острове Пламени, в священном месте, где Аэнарион и Бел Шанаар проходили испытание перед вступлением на трон. Алит видел, как отбывали из дворца Каратриль и прочие посланники; герольд уезжал с весьма мрачным и задумчивым выражением лица.

Но Алита занимали собственные дела. Он ничего не знал о том, что происходит в Нагарите, и неведение сводило его с ума до того, что юноша не спал ночами, а в голову начали закрадываться мысли, как бы нарушить данную Королю-Фениксу клятву и сбежать из Тор Анрока. Наутро он заново приходил к заключению, что надежда на спасение его семьи лежит тут, в столице, а не на севере, и князь оставался во дворце.

Шла подготовка к отъезду Короля-Феникса на остров Пламени. Элодир уехал заранее. В отсутствие короля дворцом предстояло управлять Юрианату, как самому старшему совершеннолетнему князю. Подобная ответственность создавала множество дополнительной работы для советников и слуг Юрианата, и они трудились сутками напролет. Несмотря на усталость, Алит по-прежнему не мог спать и сделался настолько нервным, что окружающие начали избегать его.

Постоянное раздражение едва не вылилось в рукоприкладство, когда Алит услышал, как группа придворных говорит гадости о наггароттах и обвиняет их во всех бедах, что свалились на Ултуан за последние столетия. Лишь случайное вмешательство одного из дворецких с посланием от Юрианата отвлекло анарца.

Вся эта сумасшедшая суэта достигла довольно спокойного апогея за день до отъезда Короля-Феникса. В редкие минуты покоя Алит выходил в сад и смотрел на мраморный водопад. Скульптура была выполнена в тончайших деталях, но ей не хватало величия настоящего потока. Горные реки Эланардриса отличались бурным характером и мощностью, их брызги и поднимающийся над водой туман затягивали склоны. В сравнении с ними нежное журчание фонтана казалось смешным и нелепым.

— Вот ты где.

Алит повернулся и увидел на белой каменной скамье Миландит. Ее волосы каскадом рассыпались по плечам зеленого шелкового платья. В осеннем солнце она выглядела прекраснее, чем когда-либо, и на миг все мысли Алита растворились в ее красоте.

— Зачем ты так волнуешься? — спросила Миландит и провела рукой по лбу юноши, будто хотела разгладить оставленные тревогой складки.

— Тебе не кажется, что наступили темные времена?

— Кажется. — Она взяла правую руку Алита в свою. — Но что мы можем сделать? Князья все решат на совете, а мы поможем им выполнить их решение.

Она рассмеялась, но погруженному в мрачное настроение Анарцу смех показался чуждым.

— Я бы не хотела взваливать на себя подобную ответственность. Ты можешь себе представить, как это: попытаться решить, что сейчас делать? Собрать армии и вести войну — нет уж, такое занятие не для меня.

Зато как раз для меня, подумал Алит. Если грядет война, сын дома Анар должен находиться в гуще битвы. Он взглянул на Миландит, впитывая ее свежесть и красоту. Как же просто будет превратить маскарад в реальность, подумалось ему. Он мог спокойно продолжать жить под именем Атенитора из Крейса, слуги князя Юрианата, и не заботиться ни о чем. Он мог снова начать встречаться с Миландит, а потом жениться на ней и завести детей. Кровопролитие и убийство, тьма и отчаяние останутся заботами князей, а он проживет отпущенный ему срок как простой житель Ултуана.

Но не получится. Его будет постоянно мучить вина, да и привитое с детства чувство долга не позволит свернуть с предназначенного пути. Он Алит Анар, наследник княжества в Нагарите, и он не будет выдавать себя за кого-то другого.

— Ты думаешь о своем, — грустно сказала Миландит. — Тебе скучно со мной?

— Прости. — Алит выдавил улыбку. Он легонько погладил девушку по щеке и волосам и коснулся пальцами ее подбородка. — Я думаю о своем, но мои мысли далеки от приятных.

Миландит улыбнулась в ответ, встала и потянула его за руку.

— Думаю, я сумею тебя отвлечь от них, — пообещала она.

Алит дремал, ощущая рядом с собой тепло Миландит. В полусне он слышал беготню и хлопанье дверей в крыле для слуг, но предпочел не обращать внимания на звуки. Расслабление уходило, мир вокруг начинал неумолимо вторгаться в блаженное забвение. В надежде хоть немного отложить болезненное пробуждение, Алит подвинулся на кровати, спрятал лицо в разметавшихся волосах девушки и нежно поцеловал ее в шею. Она что-то пробормотала, не открывая глаз, и погладила его по спине, проведя пальцем по оставшемуся от кнута шраму.

В дверь яростно застучали. Через миг ее силой снесли с петель. Алит и девушка подскочили на постели, и в комнату ворвался Хитрин, Дворецкий Залов. На его лице застыло перепуганное выражение, граничащее с истерикой. Широко распахнутые глаза остановились на Алите.

— Вот ты где! — дворецкий с криком подбежал к кровати и ухватил Алита за руку. — Твой господин срочно созывает всех слуг!

Алит вырвал руку и оттолкнул Хитрина, хоть тот и считался выше его по званию.

— Что такое? — огрызнулся юноша. — Разве нельзя оставить меня в покое хоть ненадолго? Что за спешка?

Хитрин с глупым видом уставился на него. Рот дворецкого беззвучно открывался и закрывался. Наконец он с трудом сглотнул и одним духом выпалил:

— Король-Феникс умер!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Тьма наступает

В главном зале царил хаос. Эльфы всех возрастов и званий собрались здесь, чтобы узнать, что случилось. Юрианат стоял за спинкой трона Феникса; его окружали придворные и советники, среди которых был и Палтрейн. Пока Алит проталкивался через толпу, его успела накрыть общая атмосфера паники и отчаяния. Кто-то кричал, плакал, многие замерли в потрясенном оцепенении и ждали, что скажет Юрианат.

— Спокойствие! — громко попросил князь и поднял руки, но шум продолжался, пока Юрианат не прорычал по весь голос: — Тихо!

В воцарившейся тишине слышался лишь шелест мантий и тихие всхлипывания.

— Король-Феникс мертв, — строго произнес Юрианат. — Утром князь Малекит нашел его тело в королевских покоях. Пока мы предполагаем, что Король-Феникс покончил с жизнью.

В зале разразился новый шторм горя и гнева, и снова Юрианат призвал к тишине.

— Зачем Бел Шанаару так поступать? — спросил один из придворных.

— Мы не можем сказать точно, — выступил вперед Палтрейн. — Князь Малекит получил некие сведения, где Король-Феникс обвинялся в сочувствии культам удовольствия. Хотя Малекит им не поверил, когда-то в этом самом зале он поклялся покарать всех еретиков, независимо от положения в обществе. Его собственная мать все еще находится в заточении во дворце. Но когда князь отправился в покои Бел Шанаара, чтобы предъявить ему полученные доказательства, он нашел тело Короля-Феникса со следами черного лотоса на губах. Получается, что обвинения были правдивыми, и Бел Шанаар предпочел покончить счеты с жизнью, чем встретиться с позором.

По залу раскатилось шумное волнение; эльфы напирали вперед и забрасывали Палтрейна и Юрианата вопросами.

— Какие обвинения?

— Какие доказательства были представлены?

— Как такое могло случиться?

— Предатели все еще среди нас?

— Где Малекит?

Последний вопрос задавался множество раз, его подхватывало все больше голосов.

— Князь Нагарита отбыл на остров Пламени, — ответил Юрианат, когда в зале воцарилось некое подобие порядка. — Он хочет сообщить Элодиру о кончине отца и посоветоваться с собравшимися там князьями. Пока Элодир не вернется с совета, мы должны сохранять спокойствие. Можете не сомневаться, мы узнаем всю правду о трагедии.

Хотя на многих лицах еще читалось потрясение, заявление князя немного успокоило эльфов. Гневные выкрики стихли, и зал наполнился заговорщицким перешептыванием. Алит не стал вслушиваться в слезные соболезнования и пересуды и повернулся к Миландит. По щекам девушки текли слезы. Он обнял ее и прижал к себе.

— Нам нечего бояться, — прошептал юноша, хотя в глубине души он знал, что обманывает ее.

В последующие дни во дворце установилась странная атмосфера. Почти никто ничего

не делал, и Алит чувствовал, что все обитатели пытаются осознать случившуюся трагедию. Немногие соглашались поговорить о снедающем их горе и потрясении, что само по себе было крайне необычно, и только единицы позволяли упоминать об обстоятельствах смерти Бел Шанаара. Все вокруг заволокла плотная завеса подозрительности.

Первым порывом Алита было покинуть столицу, поскольку теперь его не удерживала данная Бел Шанаару клятва, но по здравом размышлении он передумал. Случившееся могло грозить ему разоблачением, но никому бы в голову не пришло связать его появление в Тор Анроке со смертью короля. Внезапный отъезд привлечет к себе гораздо больше внимания, чем продолжение службы во дворце.

Поэтому Алит старался держаться поближе к Юрианату, как того требовали его должность и любопытство. Князя Юрианата недавние события потрясли не меньше остальных, и сейчас он не делал никаких попыток взять руководство в свои руки, а предпочитал дожидаться возвращения Элодира.

Тело Бел Шанаара подготовили к захоронению в огромном родовом мавзолее, который находился в недрах горы под Тор Анроком. Похоронная церемония не могла состояться без участия Элодира. Придворные оказались в некоем душевном лимбе и не могли публично излить свое горе. Даже Алит заскучал по праздной болтовне, которая обычно хоть как-то его отвлекала. В дрожащей эхом тишине дворца темные мысли посещали его все чаще.

Через шестнадцать дней дворец снова всколыхнулся. Алит прислуживал Юрианату, который как раз обсуждал с Палтрейном подготовку к погребению Бел Шанаара, когда в комнату спешно провели вернувшегося с острова Пламени гонца.

— Какие новости от Элодира? — спросил Юрианат. — Когда нам ожидать его возвращения?

Герольд неожиданно зарыдал.

— Элодир мертв, вместе со многими князьями Ултуана, — выдавил он.

— Говори же, что случилось? — Палтрейн ухватил посланника за плечи.

— Случилась катастрофа! Мы не знаем, что произошло. По святилищу Азуриана прокатилось мощное землетрясение, и мы видели следы насилия. Когда мы вошли в храм, в живых осталось лишь несколько князей.

— Кто? — настаивал Палтрейн. — Кто выжил?

— Из храма выбралась лишь горстка, — у герольда подкосились колени. — Столько благородных дворян погибло...

Гонец с трудом сглотнул, вытер глаза и выпрямился.

— Пошли, — он повернулся к дверям.

Алит следовал позади Палтрейна и Юрианата. Они то ли не возражали, то ли просто не заметили его. Гонец провел их через внутренний дворик к дворцовым воротам, где собралась огромная толпа. Чуть дальше стояло множество затянутых белыми драпировками повозок. Солдаты Тиранока сдерживали толпу, но сами то и дело бросали потрясенные взгляды на повозки. Палтрейн принялся настойчиво проталкиваться вперед, и Алит проскользнул за ним.

Дворецкий откинул белое полотнище на одной из повозок, и Алит увидел на скамье тело Элодира. Наследник трона лежал на спине со сложенными на груди руками, а лицо его было белым, как снег. Юрианат вздрогнул и отвернулся. Алиту показалось, что он разглядел красную полосу на горле наследного князя, но Палтрейн так быстро задернул полотнище,

что он мог ошибиться.

Среди повозок появилась эльфийка в серебристом доспехе и черном плаще. Алит сразу же признал в ней уроженку Нагарита и, хотя никогда не встречал ее раньше, поспешил затеряться в толпе. Эльфийка коротко переговорила с Палтрейном и указала на одну из повозок. На лице дворецкого промелькнуло выражение ужаса, но он быстро взял себя в руки. Затем, не говоря ни слова, развернулся и заторопился во дворец.

Юрианат разослал капитанов по казармам за подкреплением. С каменным выражением лица князь отдал слугам распоряжение перенести трупы тиранокских дворян во дворец. Алит порадовался, что его не включили в число челяди, задействованной в этой неприятной работе, и постарался пока не попадаться никому на глаза.

Тревожные крики толпы у ворот прервали мрачный труд дворцовой прислуги. Алит повернулся и увидел, как Палтрейн снова проталкивается через толпу. За ним следовали нагаритские воины, которые прибыли в столицу вместе с Малекитом. Они выстроились в две линии, и по образовавшемуся проходу быстро прошла высокая женщина.

Ее красота поражала взгляд. Длинные черные волосы роскошными локонами спадали на плечи, а гладкая кожа могла сравниться белизной с мрамором дворцовых башен. Темные глаза горели яростным огнем, и Алит невольно отшатнулся, когда женщина горестно оглядела толпу. Алит сразу же ее узнал, и сердце кулаком сжал страх.

Морати.

Толпа в ужасе подалась назад, а свергнутая королева стремительно пронеслась через ворота. Шлейф фиолетового платья крыльями развеялся за ней. Каблуки звонко застучали по плитам мостовой. Полные губы исказила презрительная усмешка, обращенная к окружающей ее толпе. Стоило королеве увидеть повозки, и она уже не отрывала от них взгляда, Палтрейну пришлось перейти на бег, чтобы не отставать от нее.

Дворецкий подвел ее к одной из карет. Морати откинула занавески унизанной перстнями рукой. Затем вдруг она упала на колени и издала ужасный крик, который болью пронзил голову Алита и эхом заметался между стенами дворца. Алит заглянул за плечо Морати и увидел, что лежит в повозке.

Поначалу он не понял, что это за черное месиво. Но когда анарец заставил себя взглядеться, он заметил растекшиеся и затем затвердевшие золотые ручейки и прикипевшие к обгорелой плоти звенья кольчуги. В повозке лежал изуродованный до неприличия труп. Немигающие глаза уставились в небо, большая часть тела обгорела до кости. Ветер поднимал с трупа и уносил в воздух черные снежинки сажи. Алит подошел ближе и сумел разглядеть остатки узора на нагрудной пластине доспеха. Когда-то там был изображен свернувшийся дракон.

Морати поднялась на ноги и развернулась к наблюдающим за сценой эльфам. Ее глаза налились голубым огнем, волосы разметало невидимым ураганом, а с кончиков пальцев срывались белые искры. С криками страха толпа бросилась от колдуньи врассыпную.

— Трусы! — взвизгнула она. — Посмотрите на него! Взгляните, до чего довели ваши интриги. Это мой сын, ваш законный король. Посмотрите на него и запомните до конца вашей проклятой жизни!

Эльфы кричали, толкались и напирали друг на друга в попытках протиснуться обратно в ворота. Алит не обращал на столпотворение внимания — его заморозил ужасный вид трупа Малекита. Князя затошнило, но не столько от вида, сколько от взбирающегося по спине

дурного предчувствия.

Зазвучал дробный топот марширующих ног, следом послышался перестук копыт. Оставшиеся на площади зеваки разбегались перед колонной одетых в черные доспехи копейщиков и рыцарей — остатков войска Малекита. Черной змеей отряд выполз из-за дворца, и на миг Алит испугался, что сейчас они нападут на толпу. Но наггаротты никого не тронули.

Они выстроились почетным караулом вокруг повозки, и Морати забралась внутрь. Алит ждал, что тиранокские стражи вмешаются, но те боялись подступить к стоящим перед ними суровым воинам. Князь их не винил; его самого приковал к месту вид строгой линии копий и застывших в седлах рыцарей. Морати подала сигнал вознице. Повозка двинулась с места под скрежет колес и топот марширующих наггароттов.

Один из тиранокских капитанов боязливо выступил вперед, потянулся к висящему на поясе мечу. Палтрейн протянул руку и остановил его.

— Пусть идут, в Тираноке без них будет лучше, — сказал дворецкий.

Наггаротты беспрепятственно прошли по площади и скрылись из вида в ведущем на восток подземном туннеле.

Так князь Малекит покинул Тор Анрок в последний раз.

В большом зале стояла гробовая тишина; атмосфера преклонения окружала два тела, лежащих на мраморных постаментах рядом с тронном Короля-Феникса. Хотя некоторые сочли смерть Бел Шанаара позорной, он правил Ултуаном тысячу шестьсот шестьдесят восемь лет и заслужил уважение подданных. Множество эльфов прошло мимо останков Короля-Феникса, сохраненных жрецами Эрет Кхиали. Уродливых следов отравления как не бывало: об этом позаботились жрицы богини Иши.

Алит заметил, что тело Элодира обрядили в мантию с высоким воротником, которая закрывала шею; таким образом, анарец не смог рассмотреть, есть ли там рана, или она померещилась ему.

Через пять дней посещения двери зала закрыли для посторонних, и там остались лишь родственники погибших князей. Алит прислуживал Юрианату; других князей и княгинь тоже сопровождали слуги. Зал стоял почти пустым, поскольку многие дворяне Тиранока отправились с Королем-Фениксом на совет и не вернулись оттуда. Тела некоторых из них удалось спасти с острова Пламени, и сейчас они так же лежали в семейных особняках вокруг дворца. Останков многих так и не нашли, и никто не знал об их судьбе.

— Тиранок получил тяжелый удар, — провозгласил Юрианат.

Он выглядел не менее потрясенным, чем в тот день, когда впервые увидел тело Элодира. Рядом с ним стояла Лириан, вдова Элодира с сыном Анатарисом. Княгиню с головы до ног укутывали белые одеяния скорби, лицо закрывала длинная вуаль, и даже младенец на руках был завернут в белые пеленки. Алит не мог понять, о чем она думает.

— Тиранок не станет бездействовать, — продолжал Юрианат. Его речь имела целью поднять дух слушателей, но произносил ее князь безо всякого выражения. — Любой ценой мы найдем и накажем тех, что причинил нам горе и лишил Ултуан законного правителя.

Зашелестели встревоженные голоса. Юрианат нахмурился и обвел усталым взглядом придворных.

— Сейчас не время для перешептываний и секретов. — Наконец-то голос князя приобрел властность. — Если кто-то хочет высказаться, говорите открыто.

Вперед с оглядкой на остальных собравшихся выступил Тирнандир. Он родился через двадцать лет после вступления Бел Шанаара на трон, был самым старшим придворным, не считая Палтрейна, и пользовался всеобщим уважением как один из мудрейших советников короля.

— По какому праву ты даешь подобные обещания? — спросил придворный.

— По праву князя Тиранока, — ответил Юрианат.

— Значит, ты претендуешь на трон Тиранока? — спросил Тирнандир. — Согласно традиции право на наследование переходит не к тебе.

Юрианат ответил ему недоуменным взглядом, затем повернулся к Лириану.

— Наследником Бел Шанаара был Элодир, а сыну Элодира всего три года, — сказал Юрианат. — Кому же ты предлагаешь передать правление?

— Регенту, который будет править до совершеннолетия Анатариса.

Придворные согласно закивали; становилось ясно, что решение уже обсуждалось за кулисами.

Юрианат пожал плечами.

— Тогда я даю обещания как регент. — Князь по-прежнему не видел причин для возражений.

— Если мы выберем регента, он не должен состоять в родстве с Бел Шанааром, — произнесла Иллиетрин, жена Тирнандира. — Тебе всего шесть сотен лет от роду. Многие в этом зале лучше подходят на роль регента.

Палтрейн вмешался раньше, чем Юрианат открыл рот для ответа.

— Настали беспокойные времена, и наш народ ждет, что мы позаботимся о нем, — сказал дворецкий. — Негоже отстранять королевскую семью от правления Тираноком. Другие княжества охвачены таким же горем, и наши враги не упустят возможности использовать любые разногласия в своих целях. Юрианат имеет бесспорное право на трон как кровный родственник и сможет проводить мудрую политику при помощи собравшихся здесь советников. Любое другое решение приведет к претензиям на трон тех, кто желает подорвать основы законной власти над Ултуаном.

— И где же найти такого правителя? — резко спросил Тирнандир. — Короля-Феникса больше нет, и нам ничего неизвестно о назначенном на совете князей преемнике. Морати снова на свободе. Двадцать лет заключения вряд ли поумерили ее амбиции. Без сомнения, она выдвинет своего претендента. Или ты считаешь, что выбранный нами правитель заодно унаследует корону Феникса и плащ из перьев?

— Я не хочу занимать трон Феникса, — поспешил заверить Юрианат. Он вскинул руку, будто хотел отмахнуться от подобного предложения. — Я буду править только Тираноком. Пусть другие княжества пока сами позаботятся о себе.

Ответом ему послужило недовольное бормотание, и Палтрейн жестом призвал к тишине.

— Подобные дела не решаются в одночасье, — сказал он. — Придет время, и мы тщательно обсудим все вопросы. А сейчас не пристало ругаться над телом Короля-Феникса. Совсем не пристало.

— Мы поговорим после того, как воздадим погибшим надлежащие почести и почтим память нашего господина, — с поклоном извинился Тирнандир. — Мы стремимся не к ссорам, а к единству. Соберемся через десять дней и подадим прошения в должном порядке.

Придворные поклонились телам погибших князей. Некоторые кивали Юрианату, когда

уходили, другие же кидали на него подозрительные взгляды. Алит верил, что намерения Юрианата чисты, так как находился у него в услужении уже несколько месяцев и не видел и не слышал ничего подозрительного. Тем не менее внезапная смерть Бел Шанаара и Элодира оставляла вопрос о наследовании трона открытым для разного рода толкований — как и задумали те, кто стоял за их гибелью.

Велись последние приготовления к погребению. Хотя заботы Тиранока и занимали мысли Алита, гораздо больше его тревожило положение дел в Нагарите. Он решил, что сразу после церемонии отправится на север и вернется на родину. Кто знает, что там творится после смерти князя Малекита?

Погребальная церемония Короля-Феникса и его сына проходила долго, даже по эльфийским меркам, и длилась десять дней. На первый день Алит вместе с длинной очередью скорбящих воздал почести свершениям погибших. Поэты слагали стихи, славя воинские деяния Бел Шанаара под командованием Аэнариона и мудрость короля в мирное время. Под его правлением эльфийское княжество росло с каждым годом, а колонии Ултуана раскинулись по всему миру с востока на запад. Союз с гномами Элтин Арвана прославил хор из трех сотен голосов, и это разозлило Алита больше, чем он мог предполагать. Еще дома в разговорах с Басиром командир ясно дал понять, что хорошими отношениями с гномами эльфийское государство обязано князю Малекиту, и у Алита не было причин сомневаться в его словах.

Второй день над всем Тор Анроком царила жутковатая тишина — население предавалось размышлениям и воспоминаниям о Бел Шанааре и Элодире. Некоторые записывали думы в стихах, другие держали их при себе. Краткий период одиночества дал Алиту возможность посидеть в своей комнате и подумать над тем, что случилось. Однако его мысли постоянно метались, и юноша так и не пришел к окончательному выводу о трагедии и по-прежнему не представлял, что же делать дальше. Больше всего на свете ему хотелось вернуться в горы и помочь своей семье.

Мысли об Эланардрисе вернули настроение в мрачное русло, и Алит принялся запугивать себя страшными картинками, которые могли ожидать его дома. Уже год он не получал весточек от семьи и друзей и даже не знал, живы ли они. Накопившаяся за это время тревога комком поднялась к горлу, и юноша дал ей выход в порыве бешенства: он разбивал лампы, рвал простыни на кровати и колотил по стенам, пока не ободрал до крови костяшки.

Потом, тяжело дыша, упал на пол и зарыдал. Он безуспешно пытался отогнать ужасные образы, что продолжали терзать его, и только после полуночи усталость взяла верх, и Алит забылся сном.

Когда Алит проснулся, то обнаружил, что чувствует себя вполне отдохнувшим, хотя оптимизма сон не прибавил. Вчерашняя вспышка помогла прояснить мысли, и теперь он точно знал, что нужно делать. Сейчас он понимал, что решение остаться на церемонию — всего лишь повод, чтобы отсрочить неизбежное возвращение домой. Хотя Алит мучительно переживал неведение, оно давало ему надежду — и надежда могла рухнуть, стоило пересечь границу северных земель. Алит почувствовал, что вел себя как ребенок, и сразу же принялся упаковывать необходимые для путешествия припасы.

В дверь постучали. Прежде чем открыть, юноша засунул наполовину уложенный мешок под кровать. На пороге стоял Хитрин; он оглядел следы вчерашнего разрушения, но ничего

не сказал.

— Нас зовет господин, Алит, — довольно теплым тоном произнес дворецкий. — Днем к нему прибудет важный посетитель. Быстрее приведи себя в порядок и приходи в покои князя.

Он с сочувствием посмотрел на юношу и вышел. Этот взгляд больно ужалил гордость Алита, и он бросился приводить в порядок комнату, потом оделся как можно тщательнее. Незатейливая работа дала ему возможность снова собраться с мыслями, анарец обдумал, нужно ли ему выполнить распоряжение Юрианата или лучше покинуть дворец немедленно. В конце концов любопытство пересилило, и он решил ненадолго остаться, чтобы поглядеть, кого ждет Юрианат в период поминовения.

Юрианат принимал гостя в мрачной официальной обстановке. Алит вместе с другими слугами в нижних восточных покоях приготовил простое угощение из холодных блюд. Перед прибытием посетителя слуг попросили уйти, и Алит следом за всеми вышел из маленького зала с двумя галереями наверху.

Подобная скрытность его встревожила, и по дороге в крыло челяди юноша отделился от товарищей, завернул обратно и, ни кем не замеченный, проскользнул в зал по черной лестнице. Обычно по ней ходили слуги, подающие на галереи подносы с угощением и напитками. Северную и южную стены зала обрамляли высокие окна, но их свет почти не доставал до галерей — их всегда освещали фонарями. Сейчас там царил полумрак; под его прикрытием Алит подкрался к балюстраде и заглянул вниз.

Юрианат сидел во главе длинного стола. Перед ним стояли блюда с едой. Князь нервно перебирал угощение, пока наконец не раздался громкий стук в дверь.

— Входите, — крикнул Юрианат и поднялся.

Дверь открылась, и слуга с низким поклоном пропустил вперед посетителя.

Алит с трудом подавил вздох и отшатнулся к стене. В зал вошел Каентрас в полном боевом доспехе и плаще. Юрианат поспешил поприветствовать нагаритского князя у ближайшего конца стола.

Алита охватила паника. Зачем Каентрас приехал в столицу? Может, он узнал о том, что Алит скрывается здесь? Юношу захлестнуло желание бежать, пока не стало поздно, и потребовалась немалая сила воли, чтобы не поддаться панике. Он твердил себе, что зря тревожится и, если останется в зале, вскоре получит ответы на все вопросы. Алит шагнул обратно к перилам с опаской глядя на эльфов внизу.

— Князь Каентрас, рад приветствовать тебя во дворце, — произнес Юрианат. — Мы долго ожидали новостей с того берега Наганата. Присаживайся. Настали темные времена, но позволь встретить тебя со всем гостеприимством, на которое мы способны.

Каентрас поклонился в ответ и положил шлем на стол. Затем проследовал за Юрианатом и сел по правую руку князя.

— Твоя правда, на Ултуане стоят тревожные, опасные времена, — сказал нагаротт. — Над островом повисла неопределенность, необходимо как можно скорее восстановить порядок и власть.

— Полностью с тобой согласен. Приношу свои соболезнования подданным Нагарита, которые тоже потеряли великого правителя. — Юрианат разлил по бокалам вино.

— Я приехал в качестве официального посла Нагарита. — Каентрас покачал бокал и уставился в расходящиеся круги. — Надо устранить смятение, и всем правителям Ултуана

придется действовать сообща. Беда в том, что многие княжества остались без вождей, и мы не знаем, с кем обсудить насущные вопросы. Я слышал, что Тиранок как раз охвачен спорами о наследовании.

— «Охвачен» — это слишком сильно сказано...

— Разве не правда, что в столице еще не решили, к кому перейдет титул правящего князя?

Юрианат замялся и отпил вина, чтобы оттянуть ответ. Каентрас не сводил с него настойчивого взгляда, и князь со вздохом отставил бокал.

— У нас возникли небольшие разногласия о порядке наследования, — признал он. — Я предложил взять на себя роль регента, так как я самый старший кровный родственник покойного, но оказалось, что некоторые придворные против этого.

— Тогда позволь заверить, что Нагарит поддерживает твои претензии на трон Тиранока, — с широкой улыбкой заявил Каентрас. — Мы свято верим в традиции, и бразды правления Бел Шанаара должны перейти к его родственнику.

— Если ты сумеешь убедить наших придворных, то дело можно считать решенным. — Юрианат с неподдельным интересом наклонился к Каентрасу. — Я не хочу сеять раздор, и быстрое решение принесет пользу всем. Только тогда мы сможем обратить внимание на более важные вопросы.

— Совершенно верно. — Каентрас похлопал князя по руке. — Стабильность — это главное.

Гость потянулся к еде и с видимым удовольствием разложил ее на тарелке. Затем склонил набок голову и задумчиво посмотрел на Юрианата.

— Боюсь, что слова одного князя, к тому же из другого княжества, окажется недостаточно, чтобы изменить мнение придворных Тор Анрока, — сказал нагаротт. — Я готов в знак дружбы разослать князьям и офицерам Нагарита послания с просьбой приехать в столицу и выступить в твою поддержку. Уверен, что присутствие союзников усилит твою позицию при дворе и сделает претензии на трон более весомыми. Ведь прежде всего нам необходимо добиться единства.

Юрианат задумался над предложением, но Алит уже разглядел таящуюся в нем ловушку. Если Юрианат хочет стать правителем Тиранока, ему придется добиваться этого своими силами. Многие беды постигли анарцев потому, что они полагались на других. Юноше хотелось предостеречь князя, отговорить его от сделки, в которой таился подвох, но не решился выдать себя. Поэтому он молча наблюдал, как чудовищный заговор набирает силу.

— Да, мне кажется, что ты предлагаешь хороший выход, — произнес наконец Юрианат. — Не вижу в нем ничего плохого.

— Тогда могу я попросить об одной услуге? — обратился к Юрианату Каентрас.

Начинается, подумал Алит: Юрианат на глазах заглатывал наживку как голодная рыба.

— Северная граница твоего княжества закрыта для нагароттов, — с обезоруживающей улыбкой продолжал Каентрас. — Лишь благодаря счастливой случайности я встретил офицера, который поручился за меня — и так я попал в Тиранок. Я опасаясь, что когда союзники с севера приедут поддержать тебя, им повезет меньше. Если ты выпишешь несколько пропускных документов на въезд в Тиранок в сопровождении личной охраны, я разошлю их нашим князьям.

— Конечно. Для гарантии безопасного проезда я дам тебе свою печать. Сколько писем

тебе нужно?

— Около дюжины, — улыбнулся Каентрас. — У тебя много доброжелателей на севере.

— Дюжины? — переспросил польщенный Юрианат. — Почему бы и нет, так и сделаем.

Тут счастливое выражение пропало с лица князя, и его плечи опустились.

— Что случилось? — заботливо спросил Каентрас. — В чем дело?

— Во времени, — пробормотал Юрианат. — Обсуждения начнутся сразу после окончания погребения, через семь дней. Боюсь, что мои сторонники не успеют приехать вовремя, и им не удастся повлиять на решение. Противники уже подготовили доводы против моего правления.

— Мои гонцы готовы отправиться на север в любой момент. Не могу обещать, что наши друзья успеют добраться до Тор Анрока за семь дней, но возможно, ты сумеешь как-то отсрочить слушания?

От этого предложения лицо Юрианата просветлело.

— Обсуждения в суде редко проходят гладко. — Он убеждал не столько собеседника, сколько самого себя. Князь решительно выпрямился и перевел взгляд на Каентраса. — У нас еще может получиться. Я передам тебе печать сегодня вечером. Уверен, что смогу оттянуть окончательное решение, пока не предоставлю сильные доводы в свою поддержку.

Каентрас встал, и Юрианат поднялся вместе с ним. Нагаротт протянул руку. Князь с энтузиазмом ее пожал.

— Благодарю тебя за понимание, — сказал Каентрас. — Я не сомневаюсь, что союз между Нагаритом и Тираноком вернет наши народы на путь, ведущий к величию.

— Да, пришло время оставить минувшее позади и взглянуть в будущее.

— Такое прогрессивное мышление достойно похвалы. — Каентрас направился к дверям, но через несколько шагов обернулся к Юрианату. — Лучше пока держать это соглашение между нами, не так ли? Оно потеряет смысл, если твои противники узнают о нем заранее.

— О, безусловно, — откликнулся князь. — Можешь положиться на меня, как я полагаюсь на тебя.

Каентрас кивнул, улыбнулся и ушел. Юрианат постоял, со счастливым видом пробарабанил пальцами по столу. Затем уверенной походкой покинул зал. Алит остался в тишине и одиночестве.

Пока он слушал разговор между князьями, страх пропал, и его сменила злость. Становилось ясно, что Каентрас уже давно манипулирует событиями в Нагарите, чтобы укрепить свою позицию при дворе. Скорее всего, он противостоял дому Анар еще в те времена, когда его считали другом. Алит не знал, как давно Каентрас преследует личные цели, но теперь он вспоминал все его поступки с подозрением. Когда-то Каентрас был настоящим союзником анарцев, но потом выбрал другой путь. Ощущение предательства огнем обожгло Алита, и вместе с ним вспыхнули ревность, страх и разочарование, которые таились внутри после разлуки с Ашниелью.

А теперь интриги Каентраса дотянулись и до трона Тиранока, что представляло угрозу для всего Ултуана. Каентрас должен был поплатиться за свои преступления.

Погребальная церемония Бел Шанара и Элодира продолжалась еще семь дней. Знаменитые поэты Тиранока читали на поминках проникновенные эпитафии Королю-Фениксу в сопровождении хора рыдающих девушек. Алиту эти декламации показались

банальными и бессмысленными: пресные излияния и сожаления ничего не говорили о личностях погибших. В Нагарите подобные стихи слагались родственниками умерших, и в них звучало подлинное горе от потери любимых. У Алита осталось впечатление, что профессиональные плакальщики безлики и напыщенны.

Второй день возвещал начало священных ритуалов, во время которых жрецы и жрицы Эрет Кхиали готовили тела и души умерших к загробной жизни. Ритуалы резко отличались от распространенных в Нагарите культов мертвых. Они проводились не для того, чтобы умиловить верховную богиню подземного мира, а чтобы защитить души усопших от призрачных рефаллимов, служащих Королеве китараев. И ритуалы, и плакальщики оставили Алита в недоумении. В Эланардрисе считали, что души мертвых проходят через врата в Мирай, где и проводят вечность под бдительным присмотром Эрет Кхиали. На его родине не боялись смерти и принимали ее как должное, естественное завершение жизни.

В отличие от диких песнопений и жертвоприношений, которые юноша видел в Анлеке, здешние жрецы омывали мертвых в освященной воде и серебряными чернилами рисовали на коже защитные руны. Из задних рядов Алит наблюдал, как они шепотом произносят заклинания, чтобы успокоить рефаллимов и обматывают холодные конечности нитями золотых бусин, чтобы тела стали слишком тяжелыми и мстительные духи не смогли утащить их.

Во время похорон Каентрас, как гость Юрианата, жил во дворце. Алиту приходилось постоянно соблюдать осторожность и не попадаться на глаза нагаритскому князю. Он не упускал случая проследить за Каентрасом, хотя подобная возможность выпадала редко, но у него хватило ума переложить на других слуг те обязанности, которые требовали его личного присутствия в покоях князя. Несколько раз Алиту пришлось прибегнуть к чрезвычайным мерам и прятаться при приближении Каентраса в нишах или убежать. Однажды он даже закутался в занавеску; раньше Алит считал, что подобное случается лишь в детских сказках.

Покарать Каентраса будет далеко не так просто, как он думал вначале. Убить его быстро и не попасться не представлялось возможным, поскольку нагаритский князь нигде не появлялся в одиночестве: его сопровождал либо Юрианат, либо Палтрейн, либо кто-то из придворных.

Хотя чувство острой ненависти к Каентрасу не угасало, данная в пылу обиды клятва убить его сменилась желанием причинить боль, какую по его вине испытал дом Анар. Нож в спину в темном закоулке лишь станет причиной еще больших подозрений и паники. Брошенный в открытую вызов выдаст Алита и поднимет множество неприятных вопросов, связывающих его тайное пребывание при дворе со смертью Бел Шанаара. К тому же Алит подозревал, что в честном бою ветеран древних войн с демонами без труда победит его.

Но если распутать затеваемую Каентрасом интригу, можно будет добиться его падения, что станет более справедливым наказанием, чем смерть. Алиту хотелось опозорить Каентраса. Для этого требовалось узнать о его планах, союзниках и приближенных. Значит, придется дожидаться приезда дворян, которые должны выступить в поддержку Юрианата. У Алита хватит терпения, чтобы сдерживать жажду мести и посмотреть, как развернутся события.

Настал день упокоения погибших правителей Тиранока. Десятки тысяч эльфов приехали в столицу, чтобы отдать дань уважения и проводить их в последний путь. Многие заметили, как мало князей и дворян прибыло из других княжеств. Бурлили различные

предположения. Здравомыслящие придворные приводили довод, что недавно все княжества Ултуана пережили немало бед, и их правители заняты наведением порядка в собственных землях. Любители посплетничать об интригах считали, что так выражается намеренное пренебрежение к Тираноку. Некоторые, наслушавшись подстрекательств болтливых друзей, утверждали, что смерть Короля-Феникса произошла при крайне подозрительных обстоятельствах, и жители других княжеств боятся приезжать в столицу.

Алит пришел к заключению, что те князья, которым посчастливилось пережить трагедию в храме Азуриана (а таких, по свидетельствам очевидцев, было совсем немного) занимались важными делами и не нашли лишнего времени, чтобы приехать покачать коронами над трупом. Ведь злополучному совету предшествовало возрождение культов, хотя жители Тор Анрока совсем о нем забыли. Всем свойственно помнить в первую очередь о собственных заботах, и никто в Тираноке даже не задумывался, что другие княжества понесли не меньшие потери. Но когда Алита спрашивали о его мнении, он держал его при себе, чтобы не провоцировать ссоры.

Тела Элодира и Бел Шанаара в парадных одеждах посадили в две золоченые колесницы, запряженные четырьмя лошадьми каждая. Еще три сотни колесниц, пять сотен копейщиков и столько же рыцарей сопровождали их в последний путь. Юрианат, Лириан, Палтрейн и прочие придворные замыкали процессию в каретах, украшенных серебряными цепями и штандартами их домов.

Алит вместе с прочими слугами вышел на площадь за привратной башней; туда допускали только челядь, чтобы она тоже могла проститься с господами. Длинный кортеж змеей выполз с территории дворца и встал посреди площади. Показались золотые колесницы, и все собравшиеся как один испустили крик скорби по погибшим королю и князю. С дворцовых башен полились печальные звуки труб — они сообщали городу о начале процессии — и голубые огни на воротной башне замигали и погасли.

Алит плохо знал Бел Шанаара и не одобрял его действия. И все же, когда под топот копыт кортеж выехал с площади, он не смог сдержать наворачнувшиеся на глаза слезы. Умер второй Король-Феникс в истории эльфов, и будущее пугало неопределенностью. Что бы ни случилось, Алит понимал, что видит конец эпохи. В глубине души его не покидало предчувствие, что его поколению придется забыть о мире. Кровь пролилась, княжества Ултуана разделились, и кто-то настойчиво пытался утянуть эльфов во тьму.

Король-Феникс и его сын упокоились в мавзолее в сердце горы, и дворец закипел в предвкушении дебатов о наследовании. Каждый из слуг точно знал, кто станет лучшим выбором для государства. Тем не менее их пересуды ни к чему не привели. Юрианат сослался на внезапную болезнь, вызванную похоронами и горем, и отказался принимать участие в обсуждениях, пока не почувствует себя лучше.

— Какая тяжкая ноша, — сказал Синатлор. Его отряд охранял башни с покоем Юрианата.

Капитан личной гвардии попивал со слугами осеннее медовое вино в общей комнате. Алит сидел в стороне от других: так он все слышал, но ему не приходилось принимать участие в разговоре.

— Не удивлена, что его одолела болезнь, совсем не удивлена, — добавила Элендарин, кастелянша. Она откинула седые волосы и обвела взглядом собеседников. — Он всегда

отличался деликатным характером, с самого детства. Всегда сочувствовал чужому горю.

Алит едва подавил насмешливое замечание в ответ на слащавую похвалу, а вот Лондарис, Дворецкий Столов, не отличался вежливостью.

— Ха! Я в жизни не видел такого притворства! — заявил он. — Утром я застал князя на балконе. Он нежился на солнце, и он выглядел здоровее охотничьей борзой.

— И зачем ему притворяться больным? — возразил Синатлор. — Ведь это даст преимущество Тирнандиру и его приспешникам.

Алита часто поражала изменчивая верность придворной челяди; они с жаром отстаивали интересы своих господ, но стоило им устроиться на другое место, как мнение тут же менялось. Геритон вел себя иначе. Его семья служила дому Анар с тех пор, как Эолоран основал Эланардрис. Да и другие анарские слуги хранили верность только своему правителю и княжеству.

— Конечно, — продолжал Лондарис. — Поэтому я думаю, что князь сильно рискует. Он лучше знает, что ему делать, но пока я не вижу, чего он хочет добиться.

Во время спора Алиту пришла в голову мысль, что все собравшиеся тут слуги имеют личный интерес в грядущих слушаниях. Если претензии Юрианата на трон признают законными, они станут домочадцами правящей семьи Тиранока, со всеми вытекающими привилегиями. Так что им будет выгодно, если суд примет решение в пользу их господина.

— Он тянет время, — произнес Алит. Юноша почуял благоприятную возможность. — Разве вы не заметили, что из всех желающих аудиенции к нему допускают только наггаротта Каентраса? Даже Лириан не получила разрешения повидаться с нашим господином, а ведь после смерти мужа князь стал ее опекуном. Боюсь, что в болезни князя виноват какой-то заговор со стороны нагаритского посланника.

Некоторые эльфы нахмурились, другие закивали.

— Что ты знаешь? — требовательно спросил Мастер Очагов, Гилториан.

Алит поднял руки в примиряющем жесте.

— Я ничего не знаю, уверяю вас, — ответил он. — Возможно, это всего лишь домыслы с моей стороны, ведь я еще новичок в политике. И все же мне сдается, что посол имеет какую-то власть над Юрианатом, да и встречаются они всегда втайне. На их встречах не бывает даже Палтрейна, хоть тот и поддерживает притязания князя. Не знаю, что это значит, но мне оно кажется подозрительным.

Слуги набросились на него с расспросами, но в конце концов им пришлось оставить юношу в покое. Все согласилось, что факт приезда нагаритского князя во время похорон подозрителен, и никто не стал спорить, что Каентрас пользуется расположением Юрианата. Хотя ни к каким заключениям так и не пришли, Алит ушел спать довольным. Ему удалось получить в свое распоряжение целое войско любопытных шпионов. Он надеялся, что пересуды о загадочном наггаротте вскоре долетят до других слуг и придворных, и те начнут пристальнее приглядываться к Каентрасу.

Прошло еще семь дней. Суд с каждым днем все настойчивее требовал присутствия Юрианата. На седьмую ночь Алита разбудил топот обутых в тяжелые сапоги ног в коридорах наверху.

Юноша быстро оделся и бесшумно выскользнул из своей комнаты. Во дворце царил суматоха, и Алит последовал за бегущими слугами. Когда он выскочил во двор в центре дворцового комплекса, то замер от ужаса. Там рядами выстроилось несколько тысяч

копейщиков и лучников. Они носили не бело-голубую форму Тиранока, а черные с фиолетовым одежды Нагарита. С колотящимся сердцем Алит нырнул обратно во дворец.

Прибыли нагаритские князья, и прибыли не одни.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Верный предатель

Алит бросился к покоям Юрианата. Однако стоило ему завернуть за угол коридора возле покоев князя, как он увидел приближающегося с другой стороны Каентраса с эскортом. Юноша едва успел спрятаться на черной лестнице. Из двери вышел Юрианат; его окружала внушительная охрана. Алит все равно ничего не смог бы сделать, даже будь у него при себе оружие. Он спустился по лестнице на этаж ниже, где жила Лириан.

Там он столкнулся с четырьмя нагаритскими солдатами. Алит повернулся, чтобы бежать, но ближайший воин прыжком метнулся к нему, схватил за руку и затащил на лестничную площадку.

— Пожалуйста, — взмолился Алит, падая на колени. — Я всего лишь никчемный слуга! Воин осклабился и рывком поднял его на ноги.

— Тогда послужи нам, негодник, — прорычал он.

Алит ударил его ладонью в подбородок и выхватил меч из ножен упавшего воина. Лезвие перерезало горло второго нагаротта прежде, чем тот успел понять, что происходит. Оставшаяся пара разделилась и наступала на Алита с двух сторон.

Юноша отбил первый выпад и отпрыгнул назад — как раз вовремя, чтобы избежать нацеленного в грудь клинка. Ответный удар пришелся в щит левого воина. Руку пронзила боль отдачи. С застывшим в горле комком Алит поднырнул под широкий замах, прокатился по полу и вскочил в защитную стойку за миг до того, как второй воин перешел в яростное нападение. Удар за ударом со звоном били по его выставленному вперед мечу. Алит пятился по коридору к покоям Лириан. Улучив миг, юноша свободной рукой сорвал со стены гобелен и накинул на одного из нападавших. Затем в прыжке ударил ногой закутанного в плотную ткань врага, и тот повалился на пол.

Второй нагаротт перепрыгнул через упавшего товарища, но Алит ожидал подобной реакции и сам ринулся вперед. Занесенный меч рубанул по ноге противника. В фонтане крови по полу запрыгали железные кольца кольчуги. Нагаротт с воплем упал, и Алит воткнул клинок в его обнаженную шею.

Последний солдат сумел выпутаться из гобелена, но потерял в складках ткани меч и щит. Он наклонился за своим оружием, и Алит с выдохом опустил меч ему на затылок. Шлем от удара раскололся, лезвие вонзилось в череп. Тяжело дыша, Алит выпрямился и убедился, что все враги мертвы. Затем прислонил к стене меч, спешно снял с одного из солдат ремень и опоясался им, засунул в ножны добытое в бою оружие и побежал по коридору к покоям княгини.

Двойная дверь стояла открытой. Алит не увидел никого через проем и неуверенно ступил внутрь. Он внимательно вслушался, но в покоях стояла тишина. Быстрый осмотр соседних с гостиной комнат подтвердил, что нагаротты успели увести Лириан с сыном.

Алит не мог позволить себе волноваться о похищенном наследнике тиранокского трона. Нагаротты обыщут весь дворец, и рано или поздно юноша столкнется с превосходящим по силам противником, от которого не удастся убежать. Его неизбежно узнают. Надо было выбираться из Тор Анрока.

Алит предположил, что нагаротты вошли в цитадель через главные ворота, поэтому

заторопился по дворцовым лабиринтам к северным башням в надежде опередить отряды захватчиков. Он старался держаться боковых коридоров и черных лестниц — ими пользовались слуги, чтобы быстро передвигаться по дворцу и не мозолить глаза господам. Около крыла челяди до него донеслись крики и плач.

Юноша сменил направление и двинулся на восток через лежащий в темноте садик. Он перебежал от колонны к колонне, прятался в тенях и старался держаться края газона. Впереди начинались внешние постройки восточного крыла, откуда он мог добраться до раскинувшихся позади дворца садов.

Несколько окон первого этажа стояли открытыми, с запахнутыми ставнями, и он запрыгнул внутрь. Справа доносилось эхо гремящих по голому камню шагов, поэтому Алит бегом двинулся налево. Ноги сами вынесли его в маленький дворик у садовых ворот. Юноша собирался потянуть на себя одну из крепких деревянных створок, когда услышал за спиной шаги.

Алит повернулся. В вымощенный булыжником дворик быстрым шагом вышел отряд из дюжины копейщиков. Среди них выделялась фигура в белом — Лириан с младенцем Анатарисом на руках. Воины в первом ряду подняли оружие и медленно двинулись на Алита. Он выхватил меч и прижался спиной к воротам.

— Стоять! — крикнул из задних рядов командир.

Алит вздрогнул, услышав знакомый голос.

Небольшой отряд раздвинулся, и капитан вышел вперед. Верхнюю часть его лица скрывал шлем, но Алит без труда узнал Еасира.

При виде его командир Нагарита резко остановился. Со своей стороны, юноша не знал, что делать. Если он повернется, чтобы открыть ворота, солдаты нападут на него, а если принять бой, у него нет шансов на победу.

— Опустит оружие, Алит, — приказал Еасир.

Юноша замешкался, сжимая и разжимая пальцы на рукояти меча. Он бросил взгляд на Лириан. Княгиня казалась на удивление спокойной. Она ободряюще кивнула. Алит нехотя выпустил из руки меч, и тот с похоронным звоном упал на камни.

Юноша прислонился спиной к воротам и обреченно поднял руки.

Еасир передал свое копье одному из солдат и подошел к нему с протянутыми ладонями вверх руками.

— Не бойся, Алит, — произнес капитан. — Я не знаю, как ты оказался здесь, но я не враг тебе. Я не причиню тебе зла.

Заверение Еасира не ослабило бдительности Алита. Взгляд юного анарца продолжал метаться по двору, выискивая пути к бегству. Но их не было, юноша оказался в ловушке.

— Пошли, быстрее. — Еасир взмахнул рукой.

Лириан, держащая ребенка, выступила вперед, и Еасир указал на одного из своих воинов.

— Ты, дай мне свой лук и стрелы, — произнес командир.

Солдат повиновался, снял через плечо колчан и передал его вместе с луком Еасиру. К немалому удивлению Алита, нагаритский капитан сунул ему в руки оружие и нагнулся, чтобы поднять брошенный меч.

— У нас мало времени для разговоров. — Еасир засунул меч в ножны у пояса Алита. — Нам обоим очень повезло, что мы встретились здесь. Теперь ты проводишь наследника тиранокского трона в безопасное место.

Солдаты распахнули ворота. Лежащие по ту сторону сады заливал лунный свет. Лириан поторопилась переступить порог.

Алит не смог вымолвить ни слова и лишь молча покачал головой.

— Морати вернулась в Анлек, и не все рады ее возвращению, — торопливо объяснил Еасир. — Она желает наказать Тиранок за то, что случилось с Малекитом. Оставаться тут опасно. На востоке есть укрытие, я рассказал княгине Лириан, где оно находится. Там прячется моя жена с ребенком. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы задержать погоню, и присоединюсь к вам через несколько дней. Все вместе мы направимся в Эллирион, искать убежища там.

— Что? — только и сумел выдавить Алит.

— Иди, — прорычал Еасир. — Я должен доложить о побеге княгини, скоро начнутся поиски. Я приеду и все объясню.

Капитан без лишних церемоний толкнул юношу в ворота, которые тут же беззвучно за ним захлопнулись. Лириан уже шагала по вымощенной гравием дорожке, и Алиту пришлось догонять ее бегом. За спиной раздавались звуки кипящей в башнях дворца схватки.

Еасир повел своих воинов в главный зал, где другие отряды нагароттов собирали по приказу Палтрейна пойманных придворных. Канцлер стоял позади трона Короля-Феникса вместе с князем Юрианатом и Каентрасом. Нагаритский посол нахмурился при виде Еасира.

— Ты пришел один, — укоризненно произнес он.

— Наша добыча сумела ускользнуть, — непринужденно ответил Еасир. — Но далеко она не уйдет, особенно с ребенком, о котором надо заботиться.

— Какая жалость, — прорычал Каентрас.

— Ты считаешь, что она еще во дворце? — спросил Палтрейн.

— Вряд ли княгиня покинет Тор Анрок, — ответил Еасир. — Куда ей идти? Вот-вот наступит зима, а Лириан ничего не знает о путешествиях по диким местам. Завтра мы начнем обыскивать город.

— Я ожидал от тебя большего, — негромко прошипел Каентрас, когда Еасир занял свое место рядом с остальными.

— Я, может, и не князь, но я все еще командир войска Нагарита, — ровным тоном проговорил Еасир. — Не забывай этого.

Каентрас ответил обиженным молчанием, и тут Палтрейн призвал перепуганных тиранокских придворных к вниманию.

— Не бойтесь! — провозгласил дворецкий. — Эти воины находятся здесь по просьбе князя Юрианата. В такие беспокойные времена нельзя забывать о бдительности, даже в своем кругу. Нагаритские союзники прибыли, чтобы помочь нам.

— Ты их пригласил? — презрительно спросил Тирнандир.

— Я... — начал Юрианат, но Палтрейн перебил его.

— Сейчас важно выбрать преемника Бел Шанаара, который пользуется у наших союзников авторитетом, — сказал дворецкий. — Князь Юрианат заявил, что готов стать регентом. Кто-то из присутствующих хочет оспорить его претензии?

Тирнандир открыл было рот, но тут же закрыл его. Как и все придворные, он невольно перевел взгляд на ряды нагаритских воинов с обнаженными мечами и копьями в руках. Палтрейн немного выждал и кивнул.

— Поскольку никто не высказал возражений, я объявляю князя Юрианата регентом

Тиранока; он будет править до тех пор, пока князь Анатарис не повзрослеет и не займет свое законное место. Да здравствует Юрианат!

Крики наггароттов звучали гораздо громче — тиранокцы обменивались перепуганными взглядами и бормотали восхваления себе под нос.

— Настали невиданные ранее времена, — продолжал Палтрейн. — Чтобы разделаться с узурпаторами и предателями приходится действовать быстро. Только так можно обеспечить безопасность верных короне эльфов и наказать тех, кто пытается навредить законным правителям Ултуана. Поэтому князь Юрианат издал следующие указы.

Палтрейн вытащил из рукава мантии свернутый пергамент и передал его Юрианату. Князь неуверенно взял у него свиток и, повинуясь настойчивому взгляду Палтрейна, развернул. Он быстро пробежал ряды рун, и глаза князя распахнулись от удивления. Яростный, с прищуром, взгляд Каентраса заставил его проглотить протест, и Юрианат тихим дрожащим голосом принялся зачитывать указ.

— Как правящий князь Тиранока, я приказываю всем солдатам, гражданам и прочим обитателям города всячески помогать нашим нагаритским союзникам. Пока они помогают защищать наше княжество, они будут пользоваться полной свободой действий. Все должны подчиняться приказам офицеров и князей Нагарита, как моим собственным. Неповиновение считается бунтом против моей власти и карается смертью.

Голос Юрианата прервался, и князь пошатнулся, будто едва не потерял сознание. Он прикрыл глаза, чтобы немного прийти в себя и продолжил чтение.

— Поскольку верность некоторых воинов армии Тиранока находится под сомнением, я приказываю всем солдатам, капитанам и командирам сдать оружие нагаритским союзникам. Те, кто сумеет заслужить мое доверие, в ближайшее время вернуться на свои должности. Неповиновение считается бунтом против моей власти и карается смертью.

В зале воцарилась мертвая тишина — тиранокцы пытались осмыслить услышанное. В глазах князя блеснули слезы, но он продолжал, бросая жалобные взгляды на тех, кого невольно предал.

— Мой последний приказ при вступлении на трон велит распустить двор Тиранока до тех пор, пока расследование обстоятельств смерти Бел Шанаара не докажет невинность в этом гнусном деянии каждого из придворных. Я буду править единолично как регент, и мое слово — закон. Изданные представителями двора указы более не имеют силы и могут выполняться только после одобрения нагаритскими союзниками. Неповиновение считается бунтом против моей власти и карается смертью.

По залу побежала волна недовольного шепота, но стоило Каентрасу сделать шаг вперед и взять у князя свиток, возмущение тут же затихло. На лице наггаротта застыло суровое выражение.

— В соответствии с желанием вашего князя вас проводят до ваших жилищ и поместят под домашний арест. В скором времени вас вызовут для допроса.

По данному Еасиром сигналу нагаритские солдаты начали выпроваживать тиранокцев из зала. Когда через дверь вытолкнули последнего придворного, Палтрейн повернулся к Каентрасу.

— Все прошло лучше, чем я ожидал, — сказал дворецкий. — Теперь можно приступать к работе.

Рассвет только занимался над горами, когда Лириан вывела Алита к заросшим лесом

холмам на северо-востоке от Тор Анрока. Они мало говорили по пути, к великому облегчению юноши. Он все равно не смог бы подобрать слова утешения. Он знал о сговоре Каентраса и Юрианата, но даже не подозревал о том, во что выльется их интрига. Пока они с княгиней молча шагали по дорогам, тропинкам и, наконец, по лугам раскинувшихся вокруг столицы ферм, Алит пытался понять, что же случилось.

Тропа начала подъем на укрытый черной тенью деревьев холм, и Лириан крепче прижала сына к груди. Алит искоса приглядывал за княгиней и заметил, что ее лицо осунулось от усталости. Она покинула дворец в легкой мантии, совсем не подходящей для путешествий по проселочным дорогам, и ее одежда успела порваться и испачкаться. Обычно искусно уложенные волосы падали на лицо спутанными светлыми прядями, а глаза покраснели от сдерживаемых слез. На лице княгини застыло выражение безнадежности. У Алита тоже щемило от отчаяния сердце.

Юноша пытался придумать что-то ободряющее, но так и не нашел слов. Любая фраза, что приходила ему в голову, казалась избитой или глупой. Он не мог уверить ее в успешном исходе, потому что сам в нем сомневался. Все рухнуло в одночасье, и, насколько он знал, все улики указывали на Нагарит. Алит обнаружил, что у него гораздо больше вопросов, чем ответов, и жалел, что не расспросил Еасира как следует.

Лириан остановилась и молча указала налево. В блеклом свете Алит с трудом разглядел темные очертания входа в пещеру. Он вытащил меч и жестом приказал княгине укрыться за деревом. Затем он неслышно подкрался поближе к проему, пока до него не начал доноситься шепот. Юноша различил женские голоса.

Заглянув внутрь, он увидел двух прижавшихся друг к другу женщин и завернутого в синее покрывало младенца. Фонарь с закрытыми створками едва освещал внутренности пещеры. Обе женщины кутались в теплые темно-синие мантии и вышитые шали того же цвета. Старшая эльфийка — Алит предположил, что ей около восьми сотен лет — вскочила на ноги, выставила вперед кинжал и попыталась закрыть собой вторую женщину и ребенка.

— Я друг, — произнес Алит и отвел в сторону руку с мечом. Женщины не сводили с него перепуганных глаз, и он отбросил клинок за порог пещеры. — Я помогу вам. Меня прислал Еасир.

Женщины явно не поверили ему. Юноша вышел наружу и позвал Лириан. Княгиня с опаской показала из-под деревьев; она отказывалась идти в пещеру, пока Алит не вошел первым. Обе стороны подозрительно оглядывали друг друга.

— Кто вы? — спросила эльфийка помоложе. — Что вам надо?

— Я Алит Анар, друг Еасира, — ответил юноша. — Сейчас я охраняю княгиню Лириан и ее сына.

— Что происходит, где мой муж? — требовательно спросила старшая. — Где Еасир?

— Он в Тор Анроке, старается сбить погоню с нашего следа, — ответил Алит. — Как вас зовут?

— Сафистия. — Женщина заткнула кинжал за пояс. — Это моя сестра, Хейлет, и мой сын, Дуринитилл. Когда приедет Еасир?

— Не знаю, — ответил Алит. Он под руку провел Лириан в пещеру и усадил рядом с Хейлет. — Он приказал мне ждать здесь, но обещал скоро присоединиться к нам. У вас есть еда и питье?

— Конечно, — ответил Хейлет.

Она встала и бережно передала ребенка матери, затем повернулась к уложенным вдоль

каменной стены мешкам, достала оттуда флягу и маленькие чашки и передала их Алице. Следом ему в руки легли завернутые пластинки копченого мяса.

— Сейчас в Нагарите не доверяют дому Анар, — произнесла Сафистия, пока Алис наливал всем воды.

— Ложь, — прорычал юноша. — Мы стали жертвой заговора. Кто-то постарался опорочить наше имя. Еасир доверяет мне, и вы тоже должны мне верить.

Он не стал дожидаться дальнейших расспросов и вышел из пещеры, чтобы забрать лежащий на палой листве меч. Какое-то время юноша оставался снаружи, вглядываясь в лес в ожидании погони, но ничего не заметил. Затем он вернулся в пещеру, взял чашку с водой и немного еды.

— Я постою на страже, — сообщил он женщинам и быстро вышел.

Ему не хотелось ни с кем разговаривать. Алиц уселся под деревом и прислонился к стволу. Он почти не чувствовал вкуса пряного мяса — его мысли постоянно возвращались к Нагариту. Когда приедет Еасир, Алиц оставит беглецов на его попечение и уйдет на север. Пусть Еасир бежит в Эллирион, если ему так хочется, ведь его семья будет при нем. Алиц вернется в Эланардрис и наконец узнает, что стало с его родными.

Наступил рассвет, но рядом с пещерой никто не появлялся — ни враги, ни друзья. Алиц заглянул внутрь и обнаружил, что женщины спят. Тогда он взял лук и отправился за свежей дичью.

— Выходит, что твои предположения оказались неверны, — произнес Палтрейн. — Княгиня покинула город.

Еасир молча повесил голову, изображая стыд. Они с дворецким находились наедине в парадном зале, и ему хотелось придушить предателя. Тем не менее командир понимал, что, если он хочет снова увидеть свою семью, ему придется скрывать свои истинные чувства.

— Два дня потрачены впустую, — продолжал Палтрейн. — Она выиграла у твоих солдат два дня.

— Я уверен, что они передвигаются пешком. Наши всадники без труда их догонят.

— Они?

— Да, я думаю, что княгине кто-то помогает, — не дрогнув, поправился Еасир, хотя мысленно он проклинал себя за оговорку. — Кто-то из солдат или слуг. Не могу поверить, что у Лириан хватило ума самостоятельно организовать побег. Она всего лишь избалованная тиранокская кукла.

— И когда ты собирался поделиться со мной или Каентрасом этим заключением?

Вот теперь Еасир позволил себе выпустить злость.

— Не спорю, что ты заслуживаешь похвалы за то, что сумел воспользоваться ситуацией, но не забывай, что войсками командую я! Ты даже не нагаротт, так что не стоит разбрасываться обвинениями. Если с тобой что-то случится, Морати немного расстроится, но мы далеко от Анлека. На войне происходят несчастные случаи с непредвиденными последствиями. Будь ты нагароттом, ты бы это знал.

Его угрозы не оказали на Палтрейна никакого действия.

— Как ты собираешься продолжать поиски? — спросил дворецкий.

— Она не пойдет на север, потому что там граница с Нагаритом, — начал Еасир.

— Но в том направлении расположено много тиранокских гарнизонов. Княгиня может решить укрыться в одном из них.

— Возможно, но крайне сомнительно. Я очень сомневаюсь, что сейчас она доверяет тиранокцам. Мне кажется, что Лириан пойдет на запад, к побережью. Там она сможет сесть на корабль и добраться до любого княжества Ултуана.

— И почему она должна доверять другим княжествам, если не верит своему собственному?

— Не важно, будет она им доверять или нет. Море позволит ей уйти от погони. Если она направится на юг или восток, мы сумеем перехватить ее до того, как она пересечет границу Каледора или Эллириона. Но если Лириан сядет на корабль, нам ее не поймать.

— Твои доводы кажутся вполне логичными. — Палтрейн оперся на подлокотник трона Феникса.

— Я не спрашивал твоего одобрения, — ответил Еасир.

— Конечно, не спрашивал, — легко согласился дворецкий. — И все же, будет лучше, если ты сообщишь Каентрасу о своих планах, чтобы вы могли... согласовать усилия.

— А как же Юрианат? — спросил Еасир. Он торопился перевести разговор на любую тему, лишь бы не обсуждать, кто же на самом деле командует нагаритскими войсками. Морати поставила во главе войска его, но многие отряды подчинялись непосредственно Каентрасу и приносили клятву верности лично ему, а не Анлеку. — От него мало пользы в качестве регента, пока у нас нет наследника.

— Пока что присутствие Тирнандита создает видимость законности, — ответил Палтрейн. — Он хорошо понимает свое положение, как и остальные придворные. Когда мы поймем Лириан с ее мальчишкой, Юрианат сможет вести дела с другими княжествами, чего мы и добиваемся.

Еасир кивнул и повернулся к дверям. Последние слова Палтрейна долетели до него уже на выходе из зала.

— Если ты найдешь Лириан.

Еасир остановился, но не стал оборачиваться.

— Когда все закончится, мы сведем счеты, — прошептал он себе под нос и вышел.

После бегства из Тор Анрока прошло четыре дня, а Еасир так и не появился. Сафистия беспокоилась все больше и постоянно просила Алита вернуться в город и узнать, что случилось с ее мужем. Алит безоговорочно отказался, потому что не мог оставить женщин без охраны.

— И сколько нам еще ждать? — спросила Лириан, когда четвертый день сменился четвертой ночью.

Княгиня немного окрепла, но большую часть времени безжизненно бродила по пещере и нашептывала что-то сыну.

— Мы будем ждать, пока не приедет Еасир, — ответила Сафистия.

— А если он не приедет? — вздохнула княгиня. — Может, он уже мертв.

— Не говори такого! — отрезала Хейлет.

Сафистия бросила на Лириан ядовитый взгляд и отошла к задней стенке пещеры, где на сделанных Алитом из листьев и плащей постелях лежало двое младенцев. В стене зияла крупная щель; за ней простиралась паутина выточенных водой туннелей, которые пронизывали окрестные холмы. Алит приметил их как запасной вариант побега на случай, если солдаты найдут убежище, и обследовал по ночам, когда на страже стояла Хейлет. Если случится худшее, то они уйдут по одному из узких туннелей на север. На входе в него юноша

соорудил ловушку из камней и веток, которая должна была задержать погоню.

— Это была величественная процессия, — вдруг протянула Лириан. — Столько флагов и колесниц.

— Что за процессия? — спросила Хейлет.

— Похороны Элодира, — княгиня уставилась перед собой невидящим взглядом.

— Хватит говорить о похоронах, — прошипела Сафистия. — Еасир жив. Я бы почувствовала его смерть.

— Элодир умер далеко от меня. — Лириан перевела пустой взгляд на Сафистию. — Я ничего не почуяла.

Алит покачал головой и вышел из пещеры. Он вознес мольбу слышащим его богам, чтобы они как можно скорее привели сюда Еасира, и тогда юноша сможет покинуть переругивающихся женщин. Но стоило Алиту об этом подумать, как его внимание привлекло движение среди деревьев. В тот же миг он выхватил лук и наложил стрелу.

Анарец прислушался и различил приглушенный стук копыт. Вскоре он увидел, как по заросшему деревьями холму поднимается всадник с полудюжиной лошадей в поводу. Алит спрятался за ближайшим деревом и нацелил стрелу на пришельца. Когда тот приблизился, юноша разглядел Еасира. Он вышел из-за дерева и опустил лук.

— Ты не представляешь, как я рад тебя видеть, — окликнул Алит, спускаясь по склону.

— Твоя радость может оказаться недолгой, — ответил командир. — Мне надо спешить.

— Почему?

Они зашагали к пещере; лошади послушно переступали сзади.

— Воины Каентраса рыщут слишком близко, — сообщил командир. — Если я исчезну сейчас, это вызовет подозрения. Так что мне придется вернуться во дворец раньше, чем мое отсутствие заметят.

Когда они подошли к пещере, Сафистия выбежала им навстречу и крепко обняла мужа.

— Слава богам, ты жив, — выдохнула она. — С каждой минутой я все больше боялась, что произошло страшное.

Еасир успокоил жену, расцеловал ее в щеки, а затем повернулся к сыну. Поднял завернутого в синее одеяло младенца и прижал к груди, с тоской вглядываясь в крошечное личико.

— Он такой храбрый. — Сафистия взяла мужа под руку. — Ни слезинки, ни единого каприза за все время.

Будто просыпаясь от глубокого сна, Еасир выпрямился и передал ребенка Хейлет.

— Я привел лошадей с припасами, — сказал он. — Мне надо увести погоню дальше на юг, а вечером я вернусь. Мы покинем пещеру до утра, до начала поисков.

В дальней части пещеры зашевелилась Лириан.

— А что с Юрианатом? — спросила она. — Его можно спасти?

Еасир грустно покачал головой.

— Юрианат попался в сети собственной глупости, — сказал командир. — Палтрейн и Каентрас наблюдают за каждым его движением. Тебя и твоего сына надо доставить в безопасное место. Без законного наследника их претензии ничего не стоят.

Еасир снова заключил жену в долгие объятия, а когда отстранился, его лицо выдавало боль. На миг Алиту показалось, что Еасир никуда не поедет, и он задумался, каково это — так любить друг друга.

С выражением суровой покорности судьбе Еасир оторвал взгляд от жены и сына и

вышел из пещеры. Алит последовал за ним.

— Мне нужно тебе кое-что сказать, — произнес юноша.

— Только быстро.

— Я возвращаюсь в Нагарит. Я не поеду с тобой в Эллирион. Я должен вернуться домой.

— Конечно, — взгляд Еасира метнулся к пещере. — Посторожи их до вечера, а затем можешь идти своим путем.

Алит кивнул. Он смотрел вслед Еасиру, пока тот не затерялся в лесу. Затем присел на камень и возобновил свое грустное дежурство.

Недалеко от пещеры закутанный в магические тени эльф наблюдал за отъездом Еасира. Потом запрыгнул в седло вороной лошади и откинул полу плаща из черных перьев. Беззвучно тронул коня с места и направился на юг.

С плохим предчувствием Еасир пересек дворцовую площадь. Когда он подошел к привратной сторожке, то увидел Палтрейна в окружении небольшого отряда воинов. У Еасира заколотилось сердце. Что-то случилось.

— Как продвигаются поиски? — небрежно спросил дворецкий.

— Пока безуспешно, — ответил Еасир, проходя мимо.

— Возможно, тебе повезет больше, если не станешь тратить время на посещение укромных пещер.

Еасир резко развернулся к нему. На губах Палтрейна играла хитрая улыбка.

— Неужели ты думал, что сумеешь обмануть нас? — спросил он.

Еасир выхватил из ножен меч и прыгнул вперед раньше, чем стража поняла, что происходит. Клинок без усилий проткнул легкую мантию и вонзился в живот дворецкого.

— Увидимся в Мирае, — прошипел Еасир и вытащил меч из пузырящейся кровью раны.

Он отрубил руку ринувшемуся на него солдату и перерезал горло следующему. Увернулся от копья третьего и бросился к воротам.

Еасир добежал до сооруженного на месте бывшего рынка загона, вскочил на лошадь и пустил ее галопом. Трое нагароттов попытались преградить ему путь, но он промчался сквозь заслон, на ходу вырвав из рук одного из солдат копье. Под гулкой перестук копыт командир поскакал по подземной улице, что вела вглубь холма, на котором стоял Тор Анрок.

Сзади поднимали тревогу, но Еасир не обращал на крики внимания и лишь подстегивал лошадь. Эльфы разбегались с его пути, пока он несся по городу. Сердце стучало в такт галопу коня, и Еасира все больше охватывала сжимающая горло паника. Мир вокруг исчез. Осталась лишь тревога о жене и сыне.

Когда Еасир выехал из города, над полями Тиранока уже сгущались сумерки. Командир не думал о том, что скоро загонит коня. Он сосредоточился на одной мысли: как можно быстрее добраться до поросших лесом холмов. В рубиновом свете заката к опушке маршировали нагаритские отряды.

Он завернул налево, чтобы обогнать солдат. На краю леса пришлось пригнуться, и он влетел под хлещущие по лицу и плечам ветки. Быстрый взгляд направо подтвердил, что несколько сотен нагаритских воинов окружают пещеру.

Конь споткнулся о корень дерева, и Еасир едва не вылетел из седла. С трудом втянул воздух в легкие, выпрямился и снова подстегнул лошадь. Впереди в сумерках блестело оружие и доспехи.

Последним усилием Еасир заставил коня преодолеть ведущий к пещере подъем. Среди деревьев вокруг метались крики солдат.

— Алит! — закричал командир, когда впереди показался вход в пещеру.

Юный анарец прыжком поднялся на ноги — в руке он сжимал невесть откуда взявшийся лук.

В вихре взметнувшихся в воздух листьев Еасир остановил спотыкающегося коня. Спрыгнул с седла и побежал к пещере.

— Нас обнаружили! — крикнул он.

Сафистия и Хейлет выскочили из пещеры, но Еасир отмахнулся от приветствий жены.

— Берите детей и бегите! — хрипло выдохнул он. — Враги совсем близко.

Не успел он договорить, как из леса появились первые солдаты. Они указывали на пещеру и быстро поднимались по склону.

— Бегите! — крикнул Еасир, схватил Сафистию и толкнул к пещере. Женщина упиралась и вырывалась у него из рук.

— Ты пойдешь с нами! — выдавила она сквозь слезы.

Еасир сдался и крепко обнял жену. Вдохнул запах ее волос, прижался к теплой щеке. Затем его охватила накалывающая пустота, и он отстранился.

— Бери Дуринитилла и уходи, — севшим голосом приказал он. — Спасай нашего сына. Потом ты расскажешь ему, что отец любил его больше всего на свете.

Сафистия выглядела так, будто никуда не пойдет, но Хейлет схватила ее за руку и потащила к пещере. С беззвучным криком Еасир ринулся за ними и в последний раз обнял жену.

— Я люблю тебя, — прошептал он и отпустил ее.

Еасир перевел взгляд на пробирающихся по лесу наггароттов, и горе сменилось пылающей злостью. Тело налилось гневом, руки задрожали. В его жизни было так мало покоя.

Командир думал, что обрел его, но нашлись те, кто захотел лишить его даже малой толики счастья.

— Я останусь с тобой и буду сражаться, — произнес Алит.

— Нет! Ты должен охранять женщин.

Между ними и наггароттами оставалось меньше сотни шагов. Из пещеры доносились встревоженные голоса эльфиек.

— Уведи их отсюда, — прошипел Еасир. — Ултуан погружается во тьму. Ты должен бороться с ней.

Алит замешкался, его взгляд метался между пещерой и наступающими наггароттами. Затем с подавленным вздохом он кивнул.

— Это была честь для меня, — юноша стиснул плечо Еасира. — Я не встречал более достойного сына Нагарита, и я клянусь, что отдам жизнь, чтобы защитить твою семью.

Алит не знал, услышал ли Еасир его клятву, потому что все внимание командира сосредоточилось на приближающихся воинах. Юноша побежал к пещере, но на пороге обернулся. Одетые в черные доспехи наггаротты приближались с некоторой опаской,

группами по дюжине солдат в каждой, с поднятыми щитами и опущенными копьями.

Еасир стоял лицом к выходящему из-под деревьев темному войску. В правой руке он держал наготове меч, в левой — копьё. Он выглядел совершенно спокойным, смирившимся со своей судьбой. Глядя со стороны, можно было подумать, что командир вышел подышать свежим вечерним воздухом. Еасир не оглядывался назад и не отрывал взгляд от тех, кто собирался убить или увести в рабство его семью. Алит никогда не видел подобного мужества. Юноша знал, что нужно сделать, но его охватывал жгучий стыд при мысли о бегстве.

Еасир вызывающе поднял над головой копьё и над холмом прокатился его крик — так звучал голос командира, который привык отдавать приказы поверх шума схватки.

— Знайте, с кем вам предстоит сразиться, трусы! — крикнул он. — Я Еасир, сын Ланадриата. Я командир Нагарита. Я сражался в Атель Торалиене и в битве при Сильвермере. Я шел с князем Малекитом на север и бился с порождениями темных богов. Я первым вошел в Анлек, когда свергли Морати. Сотни тысяч врагов ощутили на себе мой гнев! Идите и попробуйте на вкус мести моего копья и ярости меча. Идите сюда, храбрые солдаты, и сразитесь с настоящим воином!

Еасир вскинул меч и от его крика наступающие замешкались и обменялись испуганными взглядами.

— Я наггаротт!

Командир сорвался с места и побежал вниз по склону. Когда он поравнялся с линией щитов, Еасир высоко подпрыгнул, копьё в его руке метнулось вниз. Под лязг железа он врезался в шеренгу солдат. По склону прокатился крик боли и ужаса, когда авангард упал под натиском Еасира. В считанные моменты на земле распласталась дюжина тел, опавшие листья окрасились кровью. Меч и копьё в руках Еасира превратились в серебристый ураган и разили всех, до кого могли дотянуться.

Затем Еасир скрылся из вида. Солдаты ринулись вперед и окружили его.

Алита душило отчаяние, но сердце согревала гордость. Он вбежал в пещеру и скрылся в темноте следом за остальными.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Маяк надежды

И снова Алит очутился в горах, хотя на сей раз не один. Горстка беглецов верхом отправилась на север, затем свернула на восток. Хитрость Алита позволила им обойти преследователей у подножия гор перед следующим поворотом на север. Утром шестого дня побега Лириан подъехала к Алиту.

— Почему мы едем на север? — спросила княгиня. — Орлиный перевал южнее. Эта дорога ведет не в Эллирион.

— Мы не едем в Эллирион, — ответил Алит. — Мы едем в Нагарит.

— Нагарит? — выдохнула Лириан. Она остановила лошадь, и Алит придержал свою. — Нагарит — самое последнее место, где мы можем спрятаться. Наггаротты хотят отобрать моего сына!

К ним подъехала Хейлет.

— Почему мы стоим? — спросила она.

— Он хочет отвезти нас в Нагарит, — взвизгнула Лириан, будто обвиняла Алита в попытке убить их во сне.

— Не весь Нагарит подчиняется Морати, — ответил юноша. — Во владениях моей семьи мы будем в безопасности. В большей безопасности, чем где-либо еще. Культы существуют повсюду, даже в Эллирионе. Вы же доверяете мне?

— Нет, — ответил Лириан.

— Откуда нам знать, что ты не бросишь нас?

— Я дал слово Еасиру, что буду защищать вас. И я должен доставить вас в безопасное место.

— И какова в наши дни цена слову наггаротта? — бросила Лириан. — Может, стоит вернуться в Тор Анрок и спросить там?

— Не все наггаротты одинаковы, — горячо возразил Алит. — Некоторые из нас ценят свободу и честь. Это и есть истинный народ Аэнариона. А тех, кто захватил Тор Анрок, мы называем по-другому — друкаи.

Лириан все еще колебалась, но Хейлет его слова убедили. Она сама была уроженкой Нагарита и лучше понимала возникший там раскол.

— Алит говорит правду, — мягко обратилась она к княгине. — Не все наггаротты молятся темным богам и желают покорить Ултуан. Если ты не доверяешь Алиту, доверься мне.

Лириан ничего не ответила, повернула лошадь и направилась обратно по дороге, по которой они приехали. Алит перегнулся в седле и поймал уздечку ее коня.

— Мы едем в Нагарит, — тихо повторил он.

Алит никогда еще не любил Эланардрис так сильно, как в тот момент, когда они пересекли перевал у Кайл Амис. Он остановил лошадь и оглядел холмы и горы. Последнее время он часто задумывался, доведется ли увидеть их снова. На миг его полностью поглотила красота белых склонов и приглаженной ветром травы. Осенние облака низко нависали над землей, но то тут, то там над блестящими снежными вершинами проглядывало солнце. Юноша набрал полную грудь холодного свежего воздуха.

Женщины остановились рядом с ним и с одинаковым потрясением оглядывали горы и самого Алита.

— Это твой дом? — спросила Сафистия.

Алит указал на северо-запад.

— Особняк анарцев лежит вон там, за лесами на склонах Хитран Анула. Верхом до него два дня пути.

Движение в небе привлекло внимание юноши, и он совсем не удивился, когда увидел кружащего над лесом ворона. Птица приземлилась на сук приземистого кустарника, каркнула и снова поднялась в воздух, направляясь на юг.

— Я принесу свежей дичи, — сказал Алит. — Езжайте вперед, я не буду отходить далеко и скоро нагоню вас. Тут безопасно.

Он повернул коня в том направлении, куда улетел ворон, и пустил его рысью, внимательно высматривая по пути Эльтириора.

Алит завернул за грудой покрытых мхом валунов и обнаружил сидящего на камне вороньего герольда. Рядом пощипывала траву лошадь. Ворон сидел на плече хозяина и, когда юноша спешился и подошел поближе, наградил его неприветливым взглядом.

— Следовало ожидать, что ты нас встретишь, — произнес Алит.

Он спрыгнул с лошади и присел рядом с Эльтириором.

— Я мог бы сказать, что это совпадение, но я слишком хорошо знаю Морай-хег, — ответил вороний герольд. — Я ехал на север, и тут увидел вас. Какие новости в Тираноке? Я мало что слышал, но даже обрывочные сведения оттуда меня тревожат.

— Каентрас с сообщниками захватил власть в Тор Анроке. Мне поручили охранять законного наследника Бел Шанаара, чтобы он не попал в руки Морати. Я почти год не получал вестей из Нагарита. Какого приема нам ожидать в Эланардрисе?

— Тепло. У Морати сейчас много забот, и ей не до анарцев. Ее войско разделилось на две части: та, что служила Малекиту, и та, что приносила клятву верности самой Морати. Она думает, что анарцы не представляют для нее угрозы.

Алит ничего не ответил, и Эльтириор продолжил:

— Ултуан охватило смятение. После побоища в храме Азуриана выжила лишь горстка.

— Побоища?

— Конечно. Хотя представить всю картину сложно, но я не сомневаюсь, что там случилось предательство. Культы долго выжидали, набирали силу — и наконец нанесли удар. Во многих княжествах бушуют мятежи и интриги. Сейчас все заняты только своими проблемами, а Морати готовится к войне.

— К войне? — спросил Алит. — С кем? Одно дело захватить оставшийся без правителя Тиранок, но выступить против остальных княжеств?

— И тем не менее таковы ее намерения. Когда Морати восстановит контроль над своей армией, Нагарит выступит против всего Ултуана.

— Тогда лучше не мешать ей совершить эту глупость, — сказал Алит.

— Глупость? — горько рассмеялся Эльтириор. — Нет, королевой движет отнюдь не глупость, хотя затея опасная. Ултуан разделен на княжества. Ни одно из них не сможет в одиночку тягаться с Нагаритом. У них маленькие армии, они не имеют должной подготовки, и наверняка среди них есть преданные культам шпионы. Если княжества Ултуана не объединятся, только у Каледора хватит сил, чтобы отразить атаку.

— Но они обязательно объединятся, когда увидят грозящую им опасность.

— Их некому объединить, нет такого знамени, под которым могут выступить все князья. Король-Феникс мертв. За кем еще они согласятся пойти? Смерть Бел Шанаара можно считать несчастным случаем или частью обширного заговора, но его кончина и гибель многих князей оставили Ултуан беззащитным. И если Морати нанесет удар достаточно быстро — смею предположить, что весной — никто не сможет противостоять ей.

Пока Алит размышлял над услышанным, он рассеянно выдернул длинную травинку и завязывал ее в замысловатые узлы. Ему всегда лучше думалось, когда руки были чем-то заняты.

— Мне кажется, что чем дольше в Нагарите продлится смятение, тем больше времени будет у других княжеств, чтобы оправиться от катастрофы.

— Согласен, — кивнул Эльтириор. — Что ты задумал?

— Знамя, ты сказал. Нужно собрать всех нагароттов, которые готовы сопротивляться власти друкаев. Анарцы способны взять эту роль на себя.

— В прошлый раз, когда вы попытались противостоять воле Анлека, то потерпели поражение, — возразил Эльтириор.

— В прошлый раз среди нас затесался предатель, Каентрас, — прорычал Алит. — Мы были не готовы к противостоянию и оказались в изоляции и в меньшинстве. Теперь никто не сможет усомниться в нашей правоте. Не будет препирательств о том, кому хранить верность. Семьи, которые когда-то боялись гнева Морати и ничего не делали, теперь знают, что они не смогут и дальше оставаться в стороне.

Эльтириор наградил его взглядом, в котором читалось сомнение.

— Хотел бы я, чтобы так и вышло, — произнес он.

Он встал и направился к своей лошади, но Алит окликнул его.

— Скорее всего, нам понадобятся глаза и уши вороньего герольда. Есть какой-нибудь способ связаться с тобой?

Эльтириор вскочил седло и расправил по бокам плащ.

— Нет, — ответил он. — Я прихожу и исчезаю по прихоти Морай-хег. Если Всевидящая решит, что я тебе нужен, я окажусь поблизости. Ты знаешь, как меня найти.

Ворон взлетел с его плеча, трижды взмахнул крыльями и пролетел над головой Алита. Птица издала громкий крик и начала подниматься в небо. Алит наблюдал, как ворон взлетает все выше и выше, превращаясь в точку высоко над головой.

— Я... — начал юноша, поворачиваясь к Эльтириору.

Вороний герольд исчез. Алит не слышал ни звяканья уздечки, ни стука копыт. Юноша ошеломленно покачал головой.

— Хоть раз в жизни он может попрощаться как положено?

К тому времени, когда Алит выехал на ведущую к особняку дорогу, он обзавелся внушительным эскортом. Верные семье слуги и работники выходили из домов, чтобы порадоваться его возвращению. Тем не менее радостные возгласы и улыбки казались немного вымученными — тяжесть произошедшего в Нагарите раскола отразилась и на них. Алит старался выглядеть уверенным в себе, как подобало князю дома Анар, но в глубине души он знал, что впереди ждет еще много горестей.

На суматоху у особняка собралась небольшая толпа. Из ворот выбегали солдаты и слуги и изумленно разглядывали вернувшегося господина. Среди них юноша заметил Геритона.

При виде его канцлер послал нескольких слуг бегом в дом. Когда Алит подъехал к воротам, во двор вышли отец и мать — они явно спешили, но в то же время пытались сохранять должное достоинство.

Алита подобные условности не смущали. Он спрыгнул с лошади и протолкался через толпу — по дороге его награждали похлопываниями по спине и сердечными приветствиями. Юноша пустился бегом и встретил мать на полпути к особняку.

Они обнялись; Майет прижалась к груди сына, его плащ тут же промок от ее слез. Подошел Эотлир и обнял их обоих. Его лицо хранило суровое выражение, но блеск глаз выдавал радость от встречи с сыном, живым и здоровым. Алит расплылся в улыбке. И тут он вспомнил о своих спутниках.

Юноша повернулся к воротам, где остановились и изумленно осматривали все вокруг Лириан, Сафистия и Хейлет. Слуги приняли у них из рук детей и помогли спешиться. Алит быстро представил женщин семье, назвав только их имена. Хотя он знал, что здесь беглецы будут в безопасности, он не хотел лишних сплетен о Лириан и ее сыне.

— Нам нужно поговорить, — сказал он Эотлиру.

Отец кивнул и жестом пригласил женщин в дом.

— Геритон позаботится о гостях, — заверил он.

— Где Эолоран? — спросил Алит, пока они шагали по мощеной дорожке к особняку.

— Ждет внутри, — ответила Майет.

Так и было. Дед Алита сидел во главе стола в зале, положив подбородок на переплетенные пальцы. При появлении Алита он поднял голову, но на его лице ничего не отразилось. Юношу охватила внезапная тревога: он испугался, что принял неправильное решение и напрасно возвратился в Эланардрис. Или нужно было вернуться раньше?

— Ты долго отсутствовал, Алит, — серьезно произнес Эолоран. Невыразительная маска спала с его лица, и уголки губ расплзлись в улыбке. — Надеюсь, ты был занят важными делами, и поэтому так долго не вспоминал о своей семье.

— Я даже не могу описать, насколько важными, — засмеялся Алит, подошел к деду и обнял его. — Но я попытаюсь.

В дверях появился Геритон.

— Ваши гости размещены в восточном крыле, господин, — сказал он.

— Спасибо, Геритон, — ответил Эолоран. — И позаботься о том, чтобы их не беспокоили.

— Конечно. — Слуга поклонился, вышел из зала и беззвучно закрыл за собой двери.

Алит вкратце рассказал о событиях в Тор Анроке и обстоятельствах своего отъезда. Его внимательно выслушали, но как только юноша закончил рассказ, раздались вопросы.

— Как ты думаешь, тиранокцы будут сопротивляться? — спросил Эолоран.

— Они попытаются и проиграют, — ответил Алит. — Придворных держат в заложниках, армией командовать некому. Если войско Морати перейдет Наганат, я сомневаюсь, что в Тираноке сумеют его остановить.

— Расскажи о Каентрасе, — потребовал Эотлир. — В чем заключается его роль? Он сознательно участвует в заговоре?

— Отец, именно Каентрас поймал в ловушку князя Юрианата. Я сомневаюсь, что он в одиночку задумал узурпировать трон Тор Анрока, но он один из главных заговорщиков. Среди прибывшего войска я видел флаги его дома.

— Ты уверен, что Еасир погиб? — продолжал отец. — Возможно, его отряды не захотят

сражаться под командованием Каентраса.

— Некоторые из них давали клятву верности лично Еасиру, но я не знаю, насколько их много. И даже среди них не нашлось никого, кому Еасир мог доверить тайну о местонахождении жены и ребенка. Не стоит надеяться, что друкай передерутся между собой. И да, я уверен, что Еасир погиб. Никто из воинов, за исключением разве что Аэнариона или князя Малекита, не смог бы выстоять против такого количества врагов. Теперь его семья находится под моей опекой.

— И мы поможем тебе позаботиться о них, — заверила Майет. — А теперь расскажи мне о Миландит.

— У нас еще будет время послушать истории о романах Алита, — проворчал Эотлир. — Сначала нужно решить, что делать дальше.

Алит кивнул — он знал, что они придут к решению только глубоко ночью. Майет махнула рукой на своих мужчин, встала за спинкой стула Алита и положила руки ему на плечи.

— Ты не сможешь скрываться от меня вечно, — она поцеловала сына в макушку и направилась к выходу. — Я узнаю, что ты там вытворял.

— Палачи Морати милосерднее любопытной матери, — произнес Эотлир, когда Майет вышла из комнаты.

Алит горячо закивал.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Темные топи

Как и предсказывал Эльтириор, друкаи действительно намеревались подчинить себе Ултуан. За зиму власть Анлека над Нагаритом окрепла, и противостоящие Морати силы были вынуждены постепенно уступить свои позиции. Эланардрис снова стал убежищем для несогласных с тиранией, в число которых входил кое-кто из князей и капитанов армии. Вдоль подножия гор растянулись тысячные отряды нагаритских воинов. Дуринн, правитель портового города Гальтир, сумел продержаться в осаде всю зиму, но когда стаял снег, подошли свежие силы, и друкаи захватили город. Они забрали стоявшие на зимнем причале корабли, и теперь никто и ничто на Ултуане не могло укрыться от флота Морати.

В середине весны войска друкаев выступили из Анлека. Благодаря продолжающемуся в Тираноке безвластию они сумели взять под контроль ведущие на восток перевалы и вошли в Эллирион. Флот патрулировал северо-западное побережье острова, но обходил стороной Каледор и Этан — друкаи опасались внушительных морских сил Лотерна. И все это время анарцы ожидали, когда же ярость друкаев обрушится на Эланардрис, но нападения так и не последовало. Вполне возможно, что высокомерие Морати не позволяло ей всерьез воспринимать угрозу, исходящую от горной провинции, и королева направила усилия на быстрое завоевание других княжеств. Допросы захваченных анарскими дозорными офицеров подтверждали эту догадку: когда Морати подчинит себе весь Ултуан, у нее будет свободное время, чтобы поквитаться с Эланардрисом.

Анарцы совершали небольшие вылазки по Нагариту, но пока не могли нанести серьезного урона. Эолоран и Эотлир опасались попасть в окружение или оставить Эланардрис без охраны, поэтому не выдвигали против друкаев всех своих сил. Тысячи беглецов искали приюта в горах на их землях. Еды и прочих ресурсов не хватало. Анарцы были вынуждены перейти к партизанской войне: они нападали на марширующие в Тиранок колонны друкаев и отступали прежде, чем враги успевали нанести ответный удар.

Зимой снова создали отряд Теней, и на сей раз их возглавил Алит. Вскоре ряды Теней насчитывали несколько сотен самых отчаянных и опытных воинов Эланардриса, и Эолоран все чаще отправлял их потрепать войска друкаев.

Под руководством Алита Тени наводили на врагов страх. Юный князь часто вспоминал об увиденном в лагере каинитов и об оккупации Тор Анрока, поэтому он не знал пощады. Тени не сражались. Они прокрадывались во вражеские лагеря и убивали во сне. Они совершали налеты на деревни, которые обеспечивали армию друкаев продовольствием, разоряли амбары и поджигали дома приспешников Морати. Вскоре верные Анлеку дворяне начали опасаться за свою жизнь, потому что Алит с Тенями охотились за ними и убивали на ночных дорогах, а порой врывались в замки и вырезали целые семьи.

Алит снова встретился с Эльтириором после нападения на Гальтир, где Тени сожгли полдюжины кораблей с командами на борту. Со дня побоища в храме Азуриана прошел почти год, и несмотря на внушаемый врагам страх Алит понимал, что анарцы мало чего добились. И все же принесенные Эльтириором новости подарили ему некоторую надежду.

— Князья выбрали нового Короля-Феникса, — сообщил вороний герольд.

Они встретились в роще неподалеку от лагеря Теней на северной границе Эланардриса.

Стояла ночь, и луна еще не взошла. В темноте вороний герольд становился совершенно невидимым — бестелесный голос среди деревьев.

— Совет выбрал князя Имрика, и, хвала богам, он согласился занять трон Феникса, — продолжал Эльтириор.

— Имрик — хороший выбор, — кивнул Алит. — Он опытный воин, а Каледор второе по силе княжество после Нагарита. Драконы князя станут для Морати крепким орешком.

— Он взял имя короля Каледора, в память о деде.

— Любопытно. Хотя и не лишено смысла. Пусть остальные князья помнят, что в жилах короля течет кровь Укротителя Драконов. Что тебе известно о его намерениях?

— Он будет сражаться, но больше я ничего не знаю, — ответил Эльтириор.

— Надо найти способ отослать в Каледор гонца, — задумчиво произнес Алит. — Если мы сумеем объединить наши силы...

С этой мыслью Алит вернулся в особняк, чтобы обсудить ее с отцом и дедом. На юг выслали четверых гонцов, но переправы через Наганат хорошо охранялись. Расчлененные, изуродованные останки трех герольдов нашли нанизанными на колья вдоль ведущей в Эланардрис дороги.

За зиму анарцы так и не получили ответного послания из Каледора, и судьба последнего гонца осталась неизвестной. До Эланардриса редко доходили новости, и еще реже они обнадеживали его обитателей. Несмотря на вступление на престол короля Каледора остальные княжества по-прежнему предпочитали действовать сами по себе, особенно восточные — они еще не ощутили полной силы натиска друкаев. Вместо того чтобы объединить силы под эгидой Короля-Феникса, князья пытались самостоятельно защитить свои земли, и в результате Тиранок, Эллирион, Крейс и Эатан сильно пострадали от наступающих армий Нагарита.

Поздней весной к особняку подъехал окровавленный гонец и потребовал аудиенции Эолорана. Глава дома Анар вызвал к себе Эотлира и Алита.

— Я Илриадан, и я принес новости от Короля-Феникса, — сказал гонец.

Ему дали свежую одежду и перебинтовали рану на руке, поставили перед ним еду и крепленое вино.

— Расскажи нам все, что тебе известно, — произнес Эотлир. — Каковы новости с войны?

Илриадан отпил немного вина.

— Мне нечем утешить тех, кто сопротивляется власти Морати, — сказал он. — Король Каледор делает все, что в его силах, чтобы сдерживать наступление, но друкаи, как вы их называете, набрали немалую силу. Король-Феникс пока не в состоянии выставить против них равное войско. Он вынужден отступать под их натиском, лишь замедляя продвижение Морати.

Новости расстроили Эолорана. Он вздохнул и склонил голову.

— А разве нет надежды, что Король-Феникс сумеет перейти в наступление? — тихо спросил он.

— Нет, — ответил Илриадан. — Его князья делают все возможное, чтобы убедить драконов Каледора сражаться на его стороне, но лишь немногие из них по-прежнему согласны помогать эльфам. А без помощи драконьих князей армия Анлека Каледору не по

силам.

— Что мы можем сделать, чтобы помочь Королю-Фениксу? — спросил Эотлир.

Илриадан покачал головой.

— Друкай захватили несколько замков и городов в Эллирионе и Тираноке. Король-Феникс задумал сжечь посеы перед их наступлением, но остальные князья воспротивились, потому что не хотели, чтобы их подданные голодали. Сейчас Морати укрепляется на захваченных землях, и мы боимся, что в следующем году начнется новое наступление.

— Не могу поверить, что на всем Ултуане не найдется силы, чтобы противостоять ей! — воскликнул Алит. — Нагарит силен, но неужели другие княжества не способны собрать равное ему по численности войско!

— Ты наггаротт, и не понимаешь нас, — ответил Илриадан. — Вас с детства воспитывают воинами. Мы живем по-другому. Наши войска слишком малы в сравнении с легионами Нагарита. Многие солдаты покинули Ултуан и перебрались в колонии, а те, кто остался, никогда не бывали в битве. Друкай приручили горных зверей и спускают их на наши отряды, среди них много безумных фанатиков, которые жаждут крови и не боятся смерти! Изрядное число наггароттов вернулось из Элтин Арвана, чтобы сражаться за Морати. Все они — закаленные в битвах ветераны, и один такой солдат стоит пятерых наших! Как мы можем сражаться против подобного войска? Это настоящее чудовище, подгоняемое ненавистью к врагам и страхом перед командирами.

Анарцы молча пытались осознать, что они не получают помощи за пределами Нагарита.

— Сейчас мы готовим армию, но король Каледор не будет посылать неопытных бойцов против превосходящего по силе врага, — добавил Илриадан.

— Сколько нужно времени, пока ваша армия будет готова сражаться? — спросил Эолоран.

— По меньшей мере два года.

Ответ посланника встретили горестные вздохи.

— Не надо отчаиваться, — быстро продолжил Илриадан. — У друкаев нет больших кораблей, чтобы пройти через Морские Ворота Лотерна, так что они не осмелятся пересечь Внутреннее море. Каледор уверенно удерживает позиции на юге. В Крейсе врагам приходится с ожесточенным боем отвоевывать каждый клочок земли. Там правит кузен Короля-Феникса, и он не поехал на совет в храме Азуриана, так что Крейс хранит верность трону Феникса. Путь через горы станет для друкаев не таким легким, как равнины Тиранока. Даже если они захватят Крейс, дальше им еще нужно будет пройти через Авелорн. Иша не потерпит присутствия темных созданий, и энты станут сражаться бок о бок с воинами Вечной Королевы. Далеко не все жители оккупированных земель сдались. Морати придется приложить немало усилий, чтобы удержать эти земли. Неожиданность и быстрота действий подарили ей преимущество, но время станет нашим союзником. В следующем году ей не удастся одержать легких побед, а еще через год... Ладно, не будем заглядывать вперед.

Анарцам ничего не оставалось, кроме как смириться с мыслью, что пока они беспомощны. Они укрепили в меру сил холмы Эланардриса на случай неожиданного нападения. Оттуда, из безопасного убежища, Тени выходили на вылазки, а воины Эолорана терроризировали передвигающиеся по восточным дорогам отряды.

Когда через восточную границу начали прибывать беженцы из Крейса, положение в горах ухудшилось.

Отчаявшиеся эльфы шли на риск, перебираясь через опасные вершины, лишь бы спастись от друкаев, но в Эланардрисе и так не хватало еды, а тут еще прибавилось несколько тысяч голодных ртов. Алиту пришлось изменить задачи Теней. Теперь они нападали на вражеские караваны, воровали припасы и грабили амбары. Ловили одинокие патрульные отряды и забирали их вещи: палатки, одежду и оружие, так необходимые анарцам.

Алит боялся, что из внушающих страх воинов Тени превратились в фуражиров, но Эолоран твердо стоял на своем — о беженцах надо заботиться.

Прошел еще один печальный год, и еще. Крейс почти сдался на милость победителя. Группки охотников еще держали оборону в горных сторожках, но дороги в Авелорн открылись для друкаев. Эллирион оказался в окружении, хотя князь Финудел еще удерживал столицу своего княжества Тор Элир. С востока доходили весьма обрывочные новости. В землях Сафери некоторые князья-маги поддались на обещания колдовского могущества и перешли на сторону Морати. Хотя верные князю маги составляли большинство, началась гражданская война. Поля горели от всполохов заклинаний, с неба падали кометы, а воздух звенел от магической энергии. Друкаи осмелились напасть на Лотерн, чтобы захватить могучие Морские ворота. Нападение отбили с огромными потерями с обеих сторон. Верные Лотерну войска смогли одержать победу лишь после подхода армии Короля-Феникса. Княжество еще держалось перед натиском друкаев, и, подобно Эланардрису, стало прибежищем для вытесненных с родины жителей Эллириона и Тиранока.

А анарцы по-прежнему выжидали подходящего времени, чтобы нанести удар.

Только на четвертый год войны продвижение друкаев остановилось. Весной в особняк анарцев начали прилетать ястребы с посланиями Короля-Феникса. Эолоран с удовлетворением читал их семье.

— Драконьи князья наконец-то вступили в войну, — сказал он Алиту и Эотлиру. — Король Каледор при помощи флота Эатана собрал войско на границе Эллириона и наступает на север.

— Хорошие новости, — откликнулся Алит. — Когда он подойдет к Тираноку, мы можем выступить ему навстречу.

— Боюсь, что тогда мы истощим свои силы слишком рано, — ответил Эолоран. — Нужно выбрать правильное время, чтобы наш удар сыграл решающую роль.

— Но мы не можем позволить себе быть слишком осторожными, — возразил Эотлир. — Пусть наше войско меньше, чем армия Каледора, надо разбить друкаев в Тираноке. Сами по себе мы долго не продержимся. Нам не выстоять следующую зиму. Или ты хочешь ждать, пока Каледор подойдет к границе Эланардриса?

— Ты заходишь слишком далеко! — отрезал Эолоран. — Я все еще правитель дома Анар!

— Тогда и поступай как правитель! Встань во главе армии! Это наш шанс победить. Мы помогли Малекиту при Эалите, настало время оказать помощь Королю-Фениксу. Нападем на друкаев и вынудим их отозвать солдат из Эллириона и Тиранока. От наших вылазок мало толку, они лишь раздражают Морати. Давай соберем всех воинов и выступим открыто.

— Это глупо, — махнул рукой Эолоран. — Кто защитит Эланардрис?

— У крейсийцев и тиранокцев достаточно людей, чтобы удерживать холмы до нашего

возвращения.

— Оставить земли в руках чужеземцев? — презрительно рассмеялся Эолоран. — Какой князь так поступит?

— Такой, который сумеет проглотить свою гордость и сделать так, как того требуют обстоятельства.

Алит с ужасом наблюдал за их перепалкой. Отец и дед иногда ругались, но он никогда не видел их в гневе. Они нередко спорили о принципах, но сейчас уже пытались побольнее задеть и унижить друг друга.

— Ты думаешь, меня ведет гордость? — прорычал Эолоран. — Ты думаешь, что жизни беспомощных эльфов, которые нашли приют в наших горах, ничего не стоят?

— Пока мы не начнем действовать, у них нет будущего. — Эотлир, наоборот, сохранял ледяное спокойствие перед гневом отца. — Еще до конца войны они умрут от голода и холода, потому что мы не сможем и дальше кормить и одевать их. И единственный способ прекратить их страдания — это остановить войну. Сейчас же!

Эолоран направился к двери, но бросил через плечо.

— Это твои земли, которые ты хочешь выбросить на ветер, а не мои!

Зал содрогнулся от грохота захлопнутой двери; Эотлир сел на стул и уставился в высокое окно.

— Что нам делать? — спросил Алит.

Эотлир грустно взглянул на сына.

— Я буду сражаться, независимо от пожеланий Эолорана, — сказал он. — Ты больше не ребенок, так что выбирай сам.

— Я тоже буду сражаться. — Алиту даже не потребовалось времени на раздумья. — Я лучше попытаюсь победить и погибну, чем соглашусь прозябать в плену медленной смерти. Чем дольше мы ждем, тем слабее становимся.

Эотлир кивнул и потрепал сына по руке.

— Тогда мы будем сражаться вместе, — сказал он.

Эотлиру удалось собрать около четырнадцати тысяч солдат. Все они были уроженцами Нагарита и знали, что сражаются не только за свою жизнь, но и ради грядущих поколений. Войско выступило на запад, к подножию окружающих Эланардрис холмов. На востоке тыл защищали горы, с запада и юга протянулись трясины Энниун Морейр — Темные топи. К северу лежали разоренные земли Урительт Орира.

Тысячу всадников послали на север — эта была вся кавалерия под командованием Эотлира. Их целью стал лагерь друкаев у Тор Мирансиата. С ними отправился герольд Лиасдир с флагом дома Анар. Он должен был провозгласить, что Эланардрис отвергает правление Анлека и никогда не склонится перед Королевой-Ведьмой. Этот поход задумывался как приманка. Командиры друкаев не потерпят нанесенного Морати оскорбления.

Оставшиеся тринадцать тысяч солдат, больше половины из которых были стрелками, полукругом растянулись по холмам; открытая середина этой «подковы» смотрела на запад. Лучники взяли с собой все запасы стрел Эланардриса и готовились встретить врагов штурмом залпов. Перед ними фалангами выстроились копейщики; перекрывающие друг друга щиты образовали непробиваемую для стрел врага стену. Войско не пыталось прятаться, поскольку план Эотлира заключался в том, чтобы открытым выражением

неповиновения спровоцировать друкаев на поспешную атаку.

Кавалерия заманит врагов в предательские топи, где до этого Алит и его Тени два дня размечали для всадников безопасные тропинки. При отступлении они уберут пометки, преследователи окажутся в трясине и станут легкой добычей для лучников. Эотлир намеревался вызвать бурный гнев Анлека: если анарцы сумеют одержать внушительную победу, Морати не останется другого выбора, кроме как отозвать войска из Эллириона, что ослабит давление на короля Каледора.

В полдень Эотлир приказал всадникам выступать. Успех зависел от верного расчета времени. В сумерках путешествие по топям станет еще более опасным, и друкаи понесут большие потери.

Алит стоял рядом с отцом. Его Тени спрятались среди кочек и камыша Энниун Морейр, собравшись потрепать врага по пути, но Эотлир настоял на том, чтобы в ходе сражения сын находился рядом с ним.

Враги показались примерно в то время, на которое рассчитывал Эотлир. Резкий пересвист Теней сообщил о приближении кавалерии, и вскоре Алит увидел осторожно выбирающих дорогу всадников — последний в каждой колонне откидывал в стороны прутья, которыми Тени пометили путь. Когда рыцари достигли холмов, они завернули на север, чтобы перехватить врагов, если те попробуют взять войско в кольцо справа. Лиасдир отделился от других всадников, соскочил с коня рядом с Эотлиром и воткнул древко флага в мягкий торф. Герольд вытащил из ножен меч и посмотрел на князей.

— Там их довольно много, — сообщил он с робкой улыбкой. — Надеюсь, мы поступаем правильно.

Эотлир не ответил; он не отрывал взгляда от появившейся на болотах темной тучи. Друкаи надвигались медленно, подобно расплывающейся кляксе. Казалось, что за ними следует черный туман, и Алит тоже чувствовал колдовство в воздухе. От прикосновения темной магии по коже побежали мурашки — заклинания друкаев притягивали ее, и магия впитывалась в горы за спиной.

Среди пехотинцев возвышались огромные чудовища. Гидры с плеском топали по болоту, их взрыкивания звучали боевым кличем.

— Сигнальщики! — крикнул Эотлир.

Трубачи подняли свои инструменты и выдули долгий сигнал, который эхом заметался среди холмов. Переливчатый непокорный звук наполнил сердце Алита гордостью. В задних рядах затянули песню, и Эотлир удивленно обернулся. Ее подхватывал один отряд за другим, и вскоре боевой гимн анарцев распевало четырнадцать тысяч голосов. Пение разносилось все громче, пока полностью не поглотило шум зверей друкаев.

Сердце Алита стучало в ритм гимну, где перечислялись подвиги Эолорана во времена Аэнариона и битвы за освобождение Эланардриса от демонов. По окончании десятого, и последнего, куплета по холмам прокатился оглушительный крик.

— Анар! Анар! Анар!

Алит присоединился к нему. Отец тоже выкрикивал имя дома, высоко подняв меч.

— Анар! Анар! Анар!

Друкаи подошли достаточно близко, чтобы оценить их количество. Алит прикинул, что перед ним по меньшей мере тридцать тысяч врагов. Он благодарил судьбу, что среди них нет рыцарей, но в то же время его встревожило, что надвигающееся войско выглядело

серебристо-черной стеной. Только нагаритские воины, ни единого фанатика. Закаленные в битве, дисциплинированные солдаты будут смертельно опасным противником.

Первые стрелы Теней нашли свои цели, когда между линией анарцев и друкаев оставалось около пяти сотен шагов. Потерь было немного, но действие они возымели внушительное. Друкаи и так с трудом выбирали дорогу в топях, а сейчас многие проваливались в трясину, когда их сбивали с ног мертвые или раненые товарищи. Падали знаменосцы, и поднятые из болотной жижи флаги вяло обвисали на древках. Капитаны со страхом озирались, а Тени продолжали с убийственной точностью выбирать свои жертвы.

Помня битву за Анлек, Алит понимал, что основным слабым местом у гидр можно считать управляющих ими дрессировщиков. К несчастью, друкаи тоже запомнили тот урок, и вооруженные кнутами эльфы старались держаться за спиной огромных чудовищ. Они заставляли зверей лавировать между отрядами, чтобы Тени не могли прицелиться в них.

То тут, то там друкайские лучники пытались отвечать на выстрелы Теней, но лазутчики хорошо спрятались. Отряды с механическими арбалетами, которые выпускали по несколько залпов один за другим, поливали болтами неуловимых врагов, и Тени начали отступать, перебегая от укрытия к укрытию.

Шаг за шагом друкаи продвигались вперед, хоть им и мешали Тени и трясины Темных топей. Солнце продолжало медленно опускаться к горизонту, сумрак сгущался.

Как только друкаи оказались в пределах досягаемости, анарские лучники открыли стрельбу. То, что они стояли на возвышенности, позволило анарцам сделать первые залпы раньше врагов. Отряд за отрядом по очереди выпускали тучи стрел. Они поразили не так много целей, но стальной град не прекращался. Залпы черных стрел с черным оперением один за другим накрывали ряды друкаев, и те падали тысячами. Трупы затягивало в болото, на твердой земле они ложились кучами; идущие позади воины оказались вынуждены наспех их растаскивать, чтобы не сворачивать с безопасных тропинок.

Когда анлекские воины начали падать, в сердце Алита стал разгораться первый огонек надежды. Хотя юноша с готовностью согласился с решением отца выступить из Эланардриса, он сомневался, что поход будет иметь большой успех — ему скорее предстояло стать отвлекающим маневром, чтобы дать Каледору на юге небольшое облегчение. Но сейчас Алит с мрачным удовлетворением наблюдал, как на его глазах анарцы выкашивают ряды друкаев.

В конце концов вражеские лучники и арбалетчики подошли на расстояние в две сотни шагов и начали обстреливать анарцев. Но Тени не только заранее поместили тропинки, они разлили тонкий слой масла по болотным озерцам. По сигналу Алита Тени выпустили подожженные стрелы. Масло быстро вспыхнуло, и по болоту заплясал пожар. Пламя охватило первые ряды отрядов копейщиков. Горящие воины пытались сбить огонь и метались в панике, разнося его все дальше.

При виде постигшей неприятеля новой неудачи Алит рассмеялся, но тут же смолк под строгим взглядом отца.

— Не следует радоваться смерти, — произнес Эотлир. — Наслаждаться разрушением значит желать его, а по этому пути идут наши враги.

— Ты прав, отец. — Алит виновато склонил голову. — Я радуюсь успеху нашего плана, но не следует забывать и о заплаченной цене.

Победа казалась близкой. Авангард друкаев, которому удалось пережить шторм стрел и огненные ловушки, выбирался из болота и начинал подъем к анарскому войску. Первыми

ши копейщики; они подняли над головой щиты, чтобы закрыться от стрел. Нагаритские солдаты не сдавались перед натиском и раз за разом перестраивали ряды, поджидая отставших, чтобы не приближаться к ожидающим рядам противника по одиночке.

Когда на склоне собралось несколько сотен воинов с двумя гидрами на флангах, друкаи продолжили наступление. Барабан начал выстукивать ритм марша, копейщики опустили оружие и двинулись вперед. Гидры шипели и плевались, из их пастей вырывалось пламя, а чешуйчатые тела окутывал дым.

— Надо быстро избавиться от монстров, — произнес Эотлир. Он повернулся к Нитимнису, одному из капитанов. — Беги к отрядам Алетриели, Финаннита и Хелириана и прикажи им заняться гидрой справа. Дай сигнал кавалерии начать боковую атаку.

Капитан кивнул и ринулся к правому флангу. Эотлир повернулся к сыну.

— Передай своим Теням, чтобы заманили в сторону гидру слева.

Алит свистнул низким, протяжным свистом, и через миг над головами анарцев метнулся черный ястреб. Юноша протянул руку, и птица послушно опустилась ему на запястье. Он наклонился к ней и зашептал на языке ястребов, передавая приказ Эотлира. Ястреб повертел головой и подпрыгнул в воздух. Он полетел к трясине и исчез из вида среди зарослей камыша и кустарников.

Вскоре на гидру посыпались стрелы с обмотанными горячей паклей наконечниками. Хотя они почти не причиняли ей вреда, огонь обжигал чудовище, а некоторые стрелы попадали в глаза, рты и мягкий, незащищенный живот. После перехода через болото чешуя гидры местами покрылась маслом, которое сейчас вспыхнуло на спине и боках. Разъяренное животное ринулось на обидчиков, полыхая вырывающимся из ртов пламенем. Гидра забыла о копейщиках и побежала обратно в болото, где увязла в густой грязи по плечи, продолжая извергать огонь из разинутых пастей.

За пятьдесят шагов до противника друкаи перешли в решительное наступление. Оно совсем не походило на дикие атаки фанатиков. Авангард устремился на анарских копейщиков в дисциплинированном, продуманном рывке. Две стены закованных в тяжелые доспехи солдат с оглушающим грохотом встретились, и началось настоящее сражение.

Хотя по дороге друкаи понесли существенные потери, они по-прежнему превосходили анарцев в численности. Из болота продолжало подходить подкрепление. Свежие силы вливались в авангард, и линия нападения ширилась. Лучники и арбалетчики начали обстрел отрядов, стоящих на вершине холмов, и над головой Алита засвистел шторм стрел.

Юноша внимательно наблюдал за сражением. Линия анарцев пока уверенно держала позиции; они стояли выше противников, и это давало преимущество — они могли пускать стрелы навесом, над щитами друкаев, в то время как те вынуждены были сохранять равновесие, чтобы не скатиться со склона. Правая гидра ворвалась в ряды копейщиков и причиняла немалый урон: она раскидывала воинов и затаптывала их в землю когтистыми лапами. Но эльфы не отступали, из дюжины ран на шкуре чудовища струилась густая кровь, а три из семи голов безвольно болтались на шеях.

Под ногами задрожала земля, и Алит оторвал взгляд от гидры. Шла в наступление кавалерия Эланардриса. Всадники с опущенными копьями ринулись на гидру, опрокинули ее дрессировщиков и вонзили оружие в тело чудовища. Раздались крики и ржание — это хвост гидры выбивал рыцарей из седла и ломал ноги их коням. Копейщики удвоили усилия, две лапы гидры подкосились под ударами мечей и копий. Пехотинцы метались вокруг нее и без устали махали мечами и копьями, в то время как кавалерия понеслась дальше, к флангу

друкаев.

Их атака отбросила неприятеля вниз по склону, многие друкаи спотыкались о тела и рытвины и падали. Рыцари не стали продолжать погоню и по сигналу капитана развернули коней и отошли к северу, ожидать приказов.

Снова и снова друкаи штурмовали холм, и каждый раз их встречала стена стрел. Их командиры пытались опрокинуть левый фланг анарского войска, самый дальний от кавалерии. Эотлир выслал им на подмогу резерв из тысячи воинов, и с их помощью анарцы вынудили друкаев отступить обратно к центру «подковы».

Алит не мог сосчитать погибших и раненых. У друкаев оставалась половина тех сил, с которыми они вступили в битву. Анарцы понесли гораздо меньше потерь, хотя в первых рядах зияли дыры. Тем не менее юноша верил в способности отца и в решительный настрой солдат. Пока ему не пришлось обнажить свой меч, а битва выглядела практически выигранной.

Встревоженные крики привлекли его внимание; многие лучники подняли головы к небу и указывали на северо-восток, в направлении Эланардриса. Он тут же увидел, что вызвало их тревогу. Под облаками быстро неслась огромная черная фигура.

— Дракон! — крикнул Алит и выхватил из ножен меч.

Дракон ринулся вниз, спланировав над задними рядами войска; из его пасти вырывалось маслянистое облако. Алит никогда не видел такого огромного зверя. Размерами от морды до кончика шипастого хвоста он мог сравниться с кораблем. Змеиное тело вытянулось стрелой, огромные крылья распахнулись — зверь бесшумно опускался. Четыре лапы заканчивались массивными когтями. На его спине восседал наездник в сверкающих серебряных латах. Он сидел на похожем на трон кресле, за спинкой которого развевалось два флага. В левой руке он держал высокий щит с выгравированной руной смерти. В правой — длинную, как два лошадиных хребта, пику с наконечником из темного кристалла, откуда струилось черное пламя.

Лучники выпустили залп стрел, но с таких же успехом они могли кидать прутки в городскую стену. Мощный взмах крыльев снес с ног несколько дюжин эльфов, и дракон завис в воздухе над стрелками. Из его пасти вырвался густой дым и окутал сотни воинов. Ядовитые испарения разъедали кожу и плоть до кости. По холму прокатилась волна криков. Лучники падали на землю, как безумные, хватались за лицо и кричали от невыносимой боли.

Дракон снова поднялся, и Алита обуяло желание бежать. Юноше казалось, что желтые глаза зверя смотрят на него. Зубы дракона походили на длинные мечи, а красные когти блестели, будто смазанные свежей кровью. Черная чешуя переливалась в свете заходящего солнца, монстр казался сотканным из тлеющих углей.

В голове Алита металась перепуганные мысли, но одна из них настойчиво возвращалась: как зверь попал в руки друкаев? Драконы Ултуана обитали под горами Каледора. Со времен Каледора Укротителя Драконов никому не удавалось разбудить от векового сна даже самого юного из них. И все же князь не мог отрицать того, что видел собственными глазами.

Дракон поднимался выше, готовясь к новому нападению. От его пронзительного крика у Алита зазвенело в ушах. Крик звучал настолько ужасающе, что сотни воинов ринулись спасаться, бросая по дороге копья, щиты и луки, чтобы бежать быстрее. Алиту еще никогда

не доводилось наблюдать подобной паники.

— Алит! — услышал он крик отца и только сейчас понял, что Эотлир зовет его с того момента, как появился дракон.

Юноша оглянулся через плечо и увидел, что друкаи поднимаются по склону холма. Линия копейщиков начала отступать под их натиском.

Алит вытащил меч и полностью сосредоточился на нападающих. Друкаи поднимались уверенной трусцой, плечом к плечу. С криком Алит прыгнул вперед за миг до того, как два войска встретились.

Первый удар отсек наконечник выставленного вперед копья, и юноша плечом оттолкнул щит противника. Выхватил из-за пояса кинжал и вонзил его в шею друкая. Следующий взмах меча проткнул врагу грудь, но тут что-то с резкой болью вонзилось в плечо Алита. Он развернулся и ударил кулаком в челюсть третьего воина, а затем полоснул по его лицу клинком.

Все вокруг смешалось в беспорядочной схватке: Алит, Эотлир и прочие анарцы кричали и сражались, друкаи скалили зубы и взмахивали копьями.

— Держать линию! — прокричал Эотлир. — Опрокинуть их в болото!

Сотни копейщиков в окровавленных доспехах с горьким боевым кличем собрались вокруг своего командира. Алит услышал вскрик боли и бросил быстрый взгляд направо. Лиасдир упал на землю; из раны на спине хлестала кровь. Он ухватился за древко флага, чтобы подняться на ноги, но друкайский копейщик проткнул ему грудь. Падая, Лиасдир уронил знамя на окровавленную траву.

Эотлир отбил выпад копья и подхватил упавший флаг. Отрубил руку еще одному нападающему и поднял знамя над головой.

— Сражайтесь, анарцы! — крикнул он.

Алита накрыла тень, затмившая сумрачный закатный свет. В ушах засвистел ветер. Над войском навис дракон, сокрушая своей огромной тушей всех без разбора. Эотлир пробивался к зверю с поднятым мечом, но когда он разглядел наездника, его глаза округлились от ярости.

— Керанион! — выплюнул он.

Алит знал это имя только по рассказам: в них говорилось о князе-изменнике, которого пощадил Малекит в битве за Анлек. Он безжалостно преследовал всех, кто противился правлению Морати и считался одним из самых жестоких палачей Нагарита. Говорили, что князь Малекит сломал ему спину, но при помощи темной магии его вылечили и поддерживали в нем жизнь приготовленными из крови жертв снадобьями.

Лицо князя в обрамлении серебристо-седых волос исказила злобная гримаса. Он молча вскинул дымящуюся пику. У Алита вырвался хриплый крик — пылающий наконечник в потоке закипающей крови вонзился в грудь Эотлира. Керанион выдернул пику так же быстро, как и ударил.

Эотлир отступил на шаг и сумел выпрямиться. Он медленно повернулся к Алиту и вдруг упал на колени. Меч вывалился из руки и скрылся в истоптанной траве, знамя дома Анар выскользнуло из разжатой ладони. Горлом у него пошла кровь. Полнейший ужас охватил Алита, когда он увидел взгляд отца: в его распахнутых глазах застыл безумный страх.

— Бегите! — выдавил Эотлир и повалился в грязь.

До Алита донесся издевательский смех Кераниона. Юноша открыл рот в беззвучном крике отчаяния и ярости и ринулся на изменника и его жуткого зверя. Не успел он сделать и пару шагов, как кто-то ухватил его за руку и потащил прочь. Спотыкаясь, Алит пытался вырваться, но его сцапали уже несколько рук, подняли и понесли.

— Отпустите! — кричал и вырывался Алит. Копейщики выстраивались между ним и драконом. — Отпустите меня!

После смерти командира боевой дух войска безнадежно упал. Тысячи анарцев бросились бежать, но несколько сотен храбрецов решили дорого продать свои жизни и задержать преследователей. Алит чувствовал, что его несут вверх по холму. Его охватило отчаяние, и юноша обмяк. По лицу текли слезы.

Всхлипывая, он позволил воинам унести его с поля битвы.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Падение дома Анар

Под покровом ночи остатки анарского войска отступили на восток, к горам, но и там друкаи преградили путь, и им пришлось свернуть на юг. Алит брел, спотыкаясь, среди своих воинов. Он боялся думать о том, что произошло, и слишком устал, чтобы пытаться представить, что же их ждет дальше. Ему казалось, что он идет во сне, переставляя ноги по привычке.

Преследователи не отставали, и лейтенанты Алита снова повернули войско на запад в расчете укрыться в Темных топях. Двадцать три дня они скрывались в гнилых болотах, прятались по кустам, когда в небе раздавалось биение драконьих крыльев, и передвигались только по ночам. Войско сильно поредело, поскольку отряды и отдельные солдаты, спасаясь от погони, отбились от основной массы. Некоторые заблудились в топях, другие слишком далеко забрали на юг и наткнулись на патрулирующие Наганат отряды. Те, кто остался с Алитом, выжили, хотя юный князь не имел к их удаче никакого отношения. Он покорно следовал инструкциям Хиллраллиона и Тариона. Солдаты начали перешептываться, что Алит потерял разум, и их догадки были недалеко от правды. Юноша жил в постоянном кошмаре и никак не мог избавиться от стоящей перед глазами сцены гибели отца. Снова и снова он видел, как Эотлир падает от пики Кераниона, чувствовал ядовитое дыхание дракона в воздухе и слышал последний отчаянный приказ отца.

В конце концов друкаи прекратили охоту, и выжившие снова направились на восток, к Эланардису. Еще два дня голодные, усталые и отчаявшиеся они шли по болоту. Ночью анарцы разбили лагерь к югу от холмов, где сражались с армией Анлека, но никто не рискнул посетить место битвы. Они боялись того, что могут там найти.

Утром над горами на востоке показался дым. Он не походил на струйки дыма от костров: у подножия гор подобно коконам покачивались густые черные столбы. Подгоняемые плохим предчувствием, анарцы заторопились навстречу восходящему солнцу. К полудню они вышли к первой сожженной деревне. Белые стены зданий покорежились и почернели от сажи, внутри виднелись обгорелые трупы. Жителей заперли в домах и подожгли. Вдоль дороги лежали зверски изувеченные тела. Куски содранной с эльфов кожи болтались на изгородях вокруг полей, а с голых веток деревьев свисали гирлянды из костей и плоти.

Дальше ждали картины еще ужаснее. Голые тела, гвоздями прибитые к почерневшим стенам сараев и башен. Головы детей, насаженные на шипастые ветки розовых кустов — будто жуткая замена увядших бутонов. И везде нарисованные кровью символы китараев.

Выжившие в битве рыдали, некоторые отбрасывали оружие и прижимали к себе останки любимых, другие покидали войско, чтобы быстрее добраться домой. Солдаты уходили сотнями, и Алит не удерживал их. Заставить их остаться было все равно, что заставить перестать дышать.

К середине дня у Алита иссякла способность чувствовать отвращение. Он и раньше почти ничего не ощущал, а сейчас сердце князя окаменело, его покинули мысли и чувства. Побоище оказалось настолько всеобъемлюще огромным, что превышало понимание, невероятные зверства просто не могли уместиться в голове. Лагерь беженцев тоже подвергся нападению, и по полям вокруг кучами лежали трупы. Некоторые эльфы умерли быстро, их

зарубили на месте, но на телах многих виднелись следы варварских пыток, они скончались от ран и боли. Огромными стаями с гор спускались стервятники. При приближении войска они тяжело взлетали в воздух.

Когда Алит разглядел поднимающиеся над особняком клубы дыма, он ничего не почувствовал. Он ожидал их увидеть после первого пожара на рассвете предыдущего дня и успел пережить леденящий ужас. Юноша уже не понимал, что кошмар продолжается.

Когда князь прошел через ворота, сперва ему показалось, что особняк перестроили, либо что длинные вечерние тени шутят над ним. Но когда он подошел поближе, то увидел, что разрушенный дом украсили прибитыми к стенам телами. Почти все безжизненно обвисли, но некоторые зашевелились при его приближении.

Он увидел приколоченного к двери окровавленного Геритона и поспешил к нему. В колени и локти канцлера вогнали железные штыри, его кровь собралась на полу алой лужицей. Старый слуга дома Анар приподнял голову и открыл один пронизанный красными прожилками глаз; второй залепили стекавшие из раны на лбу сгустки крови.

— Алит? — выдавил он.

— Да, — ответил юноша и достал из заплечного мешка флягу с водой.

Он попытался напоить Геритона, но эльф отвернулся.

— Вода меня не спасет, — прошептал он. Его глаз на миг затуманился, но затем снова уставился на Алита. — Они взяли князя Эолорана живым...

Новость подействовала на Алита как удар молнии. На миг его охватила радость, что семья выжила. Но тут же он понял, что деда ждет судьба хуже смерти. Алит взял Геритона за подбородок и приподнял ему голову.

— А мать? — спросил он.

В ответ Геритон медленно прикрыл глаз.

— Не дай мне умереть в мучениях, — прошептал канцлер.

Алит отступил на шаг; он не знал, что делать. Воины заходили в особняк и в ужасе бродили вокруг, разглядывая жуткие сцены.

— Снимите их! — крикнул Алит. Теперь его переполняла энергия. Он вытащил из-за пояса нож и быстрым движением перерезал горло Геритона. По пальцам потекла кровь, и Алит стяхнул ее на пол. — Подарите покой тем, кто еще жив и принесите все тела в особняк.

Под его руководством солдаты собрали тела и уложили их в доме. Среди мертвых встречались и друкаи, поскольку крейсйцы и тиранокцы сдержали клятву и сражались за Эланардис. Тела врагов Алит приказал оставить стервятникам и воронам.

Когда Алит взял на себя печальную задачу, он будто ослеп и не различал переносимые тела. В его глазах они слились в сплошное пятно, и он не видел лиц друзей, слуг и родных. Он не мог сказать, переносил он тело Майет или нет. Юноша знал, что она умерла; ему не хотелось знать, каким образом ее убили.

Когда ночь накрыла все вокруг темнотой, Алит и его воины принесли дрова и масло из своих запасов, и особняк превратился в огромный погребальный костер. Алит поднес факел к дровам и отвернулся. Он не смотрел, как быстро разрастается пламя, оттесняя ночь. Он не слышал рева и треска огня, не чувствовал запаха горячей плоти и дыма.

Он потерял все, что имел; остались лишь воспоминания, и живой тенью он направился в горы.

По дороге Алит едва различал окружающих его солдат. Он ничего не замечал: ни травы под ногами, ни холодного ветра, ни сверкающих над головой звезд. Вскоре он свернул на тайную тропку и остался в одиночестве. Юноша прошел немного дальше, но каждый шаг давался с большим трудом, и наконец он с криком упал на колени. Он поднял голову к небу и завыл как волк, давая выход ярости и отчаянию. Долгий, пронзительный крик эхом разнесся среди деревьев и склонов, будто насмехался над ним.

Когда Алит уже не мог кричать, он принялся вырывать траву с комьями земли и раскидывать по сторонам. Он вытащил из ножен меч и остервенело рубил им голые ветки. Бестолковые метания по лесу вывели его к ручью, и он свалился в ледяную воду. Но даже холод не помог стряхнуть охватившее его безумие. Алит поднялся на ноги и побрел вверх по течению, рассекая воду мечом и выкрикивая оскорбления небу.

Через какое-то время он вышел к неподвижному, сияющему в свете белой луны озерку. Там князь отбросил меч, улегся на камни и обхватил голову руками. Поднимающийся от воды холод разливался по телу, но не мог сравниться со сковавшим сердце льдом. Его сердце превратилось в ледяную бездну.

Князь не помнил, как долго просидел на берегу, разглядывая свое отражение. Он не узнавал пойманного водой эльфа. Царапины перемежались на лице с разводами сажи, грязь размывали дорожки слез. Глаза смотрели темно, безумно. Незнакомец походил не на сына дома Анар, а на грязного, неухоженного сироту, жалкого и отвратительного. Алита охватила резкая ненависть к себе; он вытащил нож и принялся кромсать волосы, и на миг лезвие оказалось у горла. Вспыхнуло манящее желание покончить с болью — тем же способом, каким он избавлял от страданий умирающих.

И все же несмотря на горе князь замешкался. Если он избежит мучений, то проявит слабость. Гордость уже погубила его родных. Они решили, будто сумеют противостоять Анлеку, и теперь остались лишь в его памяти. Если он умрет, род Анар прекратит существование. Алит не мог опозорить свою семью.

Он разжал пальцы, и нож упал в озеро.

Пока князь смотрел на воду, к нему постепенно вернулись зрение, слух и обоняние, он стал слышать журчание ручья, чувствовать запах сосновой смолы. Чуткие уши эльфа различали шуршание грызунов в сухой хвое и трепетание крыльев летучих мышей. Ухали совы, плескалась рыба, потрескивали ветки.

Где-то поблизости каркнул ворон.

Перед Алитом появилась тень. Он поднял голову и уставился на Эльтириора. Лицо вороньего герольда напоминало маску и не выражало ни сочувствия, ни презрения. Немигающий взгляд уставился на юношу.

— Уйди, — хриплым, безжизненным голосом приказал Алит.

Эльтириор не двинулся и не отвел глаз.

Алита охватило желание ударить вороньего герольда. Его переполнило беспричинное отвращение, и сейчас он винил во всех приключившихся с ним бедах Эльтириора. Спокойный взгляд вороньего герольда будто дразнил Алита.

Треск ветки за спиной вторгся в мысли, Алит встал и оглянулся. В пробивающемся через кроны деревьев слабом лунном свете он разглядел трех женщин с двумя детьми.

Он моргнул и, пошатываясь, направился к ним. Когда юноша подошел ближе, то убедился, что это не видение. Перед ним стояли беглецы, которых он вывел из Тиранока.

— Я увел их из Эланардриса перед приходом друкаев, — ответил на немой вопрос Эльтириор. — Надо доставить их в Эллирион, как тебе и следовало сделать раньше.

Слова медленно проникли в мозг Алита, и всколыхнули воспоминание о клятве, которую он дал Еасиру. Он оглядел по очереди женщин, но ничего не почувствовал. Разве он что-то должен тени мертвого командира? Алит перевел блеклый взгляд на Эльтириора.

— Вам лучше уйти, — сказал он. — Без меня. Мою жизнь накрыло темное облако, и разумнее будет не стоять под ним.

— Нет, — ответил Эльтириор. — Тебя здесь больше ничто не держит, так что нет причин оставаться в Эланардрисе. Это не твоя судьба.

Юноша горько рассмеялся.

— И что за новые муки придумала для меня Морайхег?

Эльтириор пожал плечами.

— Я не знаю, но ты не должен бесславно зачахнуть здесь, — сказал вороний герольд. — Не в твоей натуре оставлять безнаказанными тех, кто убил твою семью, даже если ты винишь в их смерти себя и меня. Ты можешь это отрицать, но придет время мести, и ты станешь ее орудием. Вспомни о клятве убить Каентраса.

Упоминание о ненавистном князе разожгло искру в сердце Алита, и на миг он что-то почувствовал. В нем разгорелся крошечный огонек жизни.

— А как же остальные друкаи? — продолжал Эльтириор. — Разве ты позволишь им спокойно жить после того, как они разорили Эланардрис? Если ты не отомстишь за семью, то можешь взять сейчас нож и вонзить его себе в сердце. Потому что даже если ты и продолжаешь дышать, ты все равно мертв. Я не могу дать тебе сочувствия и утешения. Я тоже последний из рода, и, возможно, ты станешь последним представителем своего. Все, что я делаю, я делаю в память об убитых отце и матери и о попавшей в лапы демонов сестре. Ты хочешь, чтобы о доме Анар вспоминали со стыдом, вспоминали, как враги разорили их земли и убили их народ?

— Нет, — отрезал Алит. Его воля постепенно крепла.

— Ты хочешь, чтобы друкаи хвастались, что стерли анарцев с лица земли?

— Нет. — Алит сжал кулаки.

— Ты простишь тех, кто причинил тебе столько бед? Забудешь их преступления и станешь предаваться чувству жалости к себе?

— Нет, — прорычал Алит. — Не стану!

Он шагнул в ледяную воду и достал оттуда кинжал и меч. Когда юноша с плеском выбрался на берег, Хейлет, Лириан и Сафистия со страхом отшатнулись от него. Но Алита не смутила их реакция — наоборот, их ужас придал ему сил. Будто в ответ на его настроение луна скрылась за облаком, и маленькая поляна погрузилась в темноту. Алит почувствовал, как он растет в этой темноте. Он впитывал в себя сумрак, и тени вокруг признали его своим.

Во тьме обитал страх — и ему предстояло стать этим страхом. Друкаи окровавленными ртами признают свою вину, они станут молить о пощаде, но не дождутся ее. Они считают тьму своей стихией, но они будут править там не одни. Пусть ночь принадлежит темным эльфам. Тени же покорятся Алиту.

— Пошли, — прошептал он.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Гнев Ворона

Война с Нагаритом

Король Теней просыпается

Король-Колдун

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Преследуемый тьмой

Перед рассветом они разбили лагерь под скальным козырьком на западном склоне Анул Ариллины. Эльтириор предупредил, что днем передвигаться слишком рискованно, и направился обратно по тропинке, по которой они пришли.

Группа разделила молчаливый холодный завтрак. Алит сидел чуть в стороне, жевал ломтик копченого мяса и смотрел, как над горами поднимаются первые лучи солнца. Когда-то картина восхода наполняла его радостью, но сейчас совсем не трогала.

— Попробуйте поспать, — сказал он женщинам и забрался на каменный уступ, чтобы нести стражу.

Взглянув вниз, он увидел, что женщины послушно забрались под одеяла и прижались друг к другу в поисках тепла, как птицы в гнезде. Юноша ждал, что в нем всколыхнутся хоть какие-то чувства: воспоминания о матери, остатки желания, которое влекло его когда-то к Миландит. Но мысли вернулись к Каентрасу и другим друкаям. Только тогда он ощутил яростный гнев, который согрел его лучше солнца.

Эльтириор вернулся почти сразу после того, как дневное светило полностью поднялось над горами. Он задышался, и Алит разглядел порез на его лбу.

— Нас преследуют! — выдохнул он и принялся будить спящих женщин.

— Кто? — Алит спрыгнул с навеса.

— Ренегаты моего ордена, — прорычал Эльтириор. — Хотя возможно, что ренегатом следует назвать меня. Они решили связать свою судьбу с Морати, я уже довольно давно подозревал об этом. Они попытались поймать меня в ловушку, но я сбежал. Надо торопиться, они уже близко!

Беглецы второпях собрались в дорогу и последовали за Эльтириором на юго-восток, вверх по склону Анул Ариллины. Детей несли мужчины, чтобы Лириан, Хейлет и Сафистис не отставали. Они шли без дороги и старались держаться каменистой почвы и берегов ручьев, чтобы оставлять как можно меньше следов.

— Надолго мы их не задержим, — говорил Эльтириор Алиту, пока они помогали женщинам перебраться во камням через ручей. — Помимо глаз и ушей у вороньих герольдов есть и другие способы выслеживания добычи.

Они поднимались в горы, делая редкие остановки для отдыха и нескольких глотков воды. В глубине души Алит надеялся, что вороньи герольды их догонят, и тогда он сможет начать мстить друкаям. Но даже в лихорадке мести он понимал, что придется поступиться желаниями. Гораздо сильнее по планам друкаев ударит то, что сыновья Еасира и Элодира выживут.

К полудню они поднялись к перевалу на южном склоне горы. Алит обернулся, чтобы оглядеть пройденный подъем, Эльтириор встал рядом с ним. Далеко внизу между камней двигались крохотные черные точки — вороньи герольды.

Алит насчитал по меньшей мере пятерых. Все завернутые в плащи из черных перьев эльфы вели на поводу лошадей.

— В горах лошади станут помехой, — произнес Эльтириор. — Нам нужно оторваться как можно дальше, прежде чем мы выйдем на равнины Эллириона. Там верховые получат

преимущество.

— Тогда пошли. — Алит повернулся спиной к преследователям.

Он еще никогда не проводил ночь так высоко в Кольцевых горах. Созданный Каледором Укротителем Драконов портал, удерживаемый возведенными по всему Ултуану заклетыми камнями, проходил через горы. На краю зрения мельтешила магия, Алит ощущал ее силу. Волшебные ветра заигрывали друг с другом, сплетались и разделялись, скользили и свистели по склонам. Каждый порыв приносил странные ощущения: затаившейся надежды, накатывающего отчаяния, тепла или холода, мудрости или скоропалительных решений. Хотя Алит жил рядом с горами всю жизнь, сегодня он впервые по-настоящему ощутил присутствие запертого в их недрах волшебства.

Но не только магические ветра тревожили сон беглецов. С вершин доносились рыки и рев — это порожденные магией чудовища делили территорию. Здесь обитали виверны и мантикоры, гидры и василиски. Друкаи научились использовать их на войне. Мощь любого из хищников намного превосходила силу мечей Эльтириора и Алита.

Хотя Алит обычно чувствовал себя в горах как дома, при выборе места для привала ему пришлось полагаться на Эльтириора. Вороний герольд знал местность и ее обитателей, а Алиту никогда не доводилось встречаться с ними. Эльтириор вел беглецов в обход гнездовищ монстров, и порой по тихому сигналу герольда им приходилось сворачивать назад. Пока женщины спали, Алит немного расспросил его.

— Я уже говорил тебе. Я следую по пути, который проложила для меня Морай-хег, — объяснил Эльтириор. — Он не хороший и не плохой, но в любом случае я не думаю, что моя госпожа захочет, чтобы я окончил его в брюхе голодного зверя.

— Но как ты узнаешь, какую выбрать дорогу?

— Нельзя думать об этом. Меня ведет инстинкт, внутреннее знание. Его невозможно увидеть, услышать или понюхать, только почувствовать сердцем. Морайхег подталкивает нас куда-то, значит, такова ее воля. Большинство вырываются из ее нитей и отказываются следовать ее мудрости. Я принимаю волю судьбы и позволяю ее руке поворачивать меня направо и налево, останавливать и подталкивать вперед, как она сочтет необходимым.

Алит непонимающе потряс головой.

— Но если Морай-хег заранее выбирает для нас судьбу, зачем мы принимаем решения? — спросил он. — Или мы всего лишь куклы в руках богов?

— А разве нет? — улыбнулся Эльтириор. — Аэнарион, безусловно, рисковал навлечь на себя гнев богов, стремясь спасти свой народ, и все же он попал под власть Каина. Бел Шанаар отдался на милость Азуриана перед тем, как стать Королем-Фениксом. Даже Морати получила силу при помощи сделок, которые заключила с темными богами.

— А почему я должен думать о богах, если они не заботятся обо мне?

— Ты не должен. — Ответ вороньего герольда вызвал у юноши гримасу недоумения. Эльтириор подкинул веток в небольшой костерок и продолжил: — Боги — это боги, старые и молодые, сильные и слабые. Только глупцы пытаются привлечь их внимание или выдвигают требования. Друкаи не понимают этого и считают, что смогут пользоваться силой китараев без последствий, успевали бы вовремя приносить новые жертвы.

— Но что случится, если они победят? Что, если все эльфы превратятся в друкаев, и Морати будет править миром? У такой цивилизации нет надежды на покой, гармонию или равновесие. Темные боги наслаждаются раздором и кровопролитием, им невозможно

угодить.

Эльтириор посмотрел на Алита горящим искренним взглядом.

— Вот почему мы не можем позволить друкаям победить, — яростно прошептал он. — Они стали проклятием нашего народа. Их победа будет для нас приговором к жестокой смерти. Эльфы не могут постоянно жить в злобе и ненависти.

— А еще не поздно? — спросил Алит. — Друкай уже посеяли на Ултуане раздор и начали войну. Что еще ожидать от будущего, кроме кровопролития и сражений?

— Если жить без надежды, то да, — ответил вороний герольд. — Мы можем сражаться за мир, но необходимо понимать, что его нельзя сохранить без войны. Когда-то мы жили в спокойном блаженстве, но его не вернуть. Остается лишь надеяться на чувство равновесия внутри нас самих и нашего народа.

Алит задумался, и Эльтириор не стал тревожить его размышления. «Гармония» и «равновесие» были для Алита только словами, и разговор лишь укрепил убеждение, что смерть последнего друкая принесет мир эльфам и ему самому.

Еще одиннадцать дней они брели по нехоженным горам, подгоняемые холодными ветрами. Эльтириор и Алит торопили женщин, хотя путешествие полностью вымотало Хейлет, Сафистию и Лириан. Они молча и безропотно шагали за своими спасителями. Иногда Эльтириор смягчался и объявлял привал, но Алит почти не думал о спутницах. Он воспринимал их как помеху, нежелательную обязанность, которую нужно выполнить, прежде чем двинуться к настоящей цели. Под солнцем и звездами он вел их вперед до тех пор, пока они не падали с ног, и только тогда позволял им поспать.

За все время они ни разу не видели преследователей. Эльтириор порой отставал от группы, чтобы разведать окрестности, но говорил, что никого не нашел. Новости не очень радовали Алита, поскольку Эльтириор не раз предупреждал, что вороны герольды их нагонят, как только беглецы спустятся на равнины.

После перевала путешествие протекало легче, поскольку обрывистые скалы уступили место пологим склонам Эллириона. Внутри круга Кольцевых гор погода стояла более мягкая, и ветры дули не так резко, поэтому путешественники стали продвигаться быстрее. После трех дней спуска они наконец-то оставили позади голые уступы и оказались в редких лесах и заросших травой долинах.

Со смешанным чувством облегчения и страха группа разбила лагерь в примостившемся у подножия гор урочище. Алит забрался на крутой холм и оглядел Эллирион. В рассветном сумраке на юго-восток протянулись знаменитые равнины. Неспешно встающее ото сна солнце заливало траву розовым светом, от чего та походила на колышущееся блестящее море. Когда-то у Алита захватило бы дыхание от красоты равнин, но сейчас его посетила единственная мысль — что на открытой местности им будет негде спрятаться.

— Надо свернуть на юг, найти реку и двинуться вдоль нее, — произнес Эльтириор, поднимаясь по склону.

Алит ответил ему вопросительным взглядом.

— Ни ты, ни я не знаем этих земель, — объяснил тот. — Но стадам и их владельцам нужна вода, так что у реки мы наверняка найдем поселение.

Алит покачал головой.

— Мы не знаем, кому могут служить встреченные эллирионцы. Я слышал, что князь Финудел поклялся помогать королю Каледору. Нужно идти в Тор Элир.

— И ты знаешь дорогу в столицу Финудела? — Эльтириор посмотрел на него с сомнением.

— Пока ты учился разговаривать с воронами и слушать Морай-хег, я сидел взаперти с учителями, которые совали мне под нос карты Ултуана. Тор Элир находится к югу отсюда, на востоке от ведущего из Тиранока Орлиного перевала. Он расположен на берегу залива Внутреннего моря, где в него впадают реки Элиранат и Ирлана.

Эльтириор уважительно кивнул. Но затем на его лице снова отразилось сомнение.

— До Орлиного перевала по меньшей мере восемь дней пути, — сказал он. — Это если женщины не будут нас задерживать — а их силы на исходе. Темные всадники без труда нагонят нас по дороге.

— Да и сам перевал в руках у друкаев, — с мрачной улыбкой добавил Алит. — Я очень удивлюсь, если мы сумеем беспрепятственно добраться до Тор Элира, но женщин необходимо доставить туда. Между Элиранатом и Кольцевыми горами есть лес, Ателиан Торир, и там мы сможем найти хоть какое-то укрытие.

В доказательство Алит указал на юг. В рассветном сумраке у восточного подножия гор, на горизонте виднелись темные тени.

— Мы доберемся до Ателиан Торира за два дня, — добавил юноша.

Эльтириор поджал губы и обдумал его предложение.

— Есть второй вариант, — сказал он. — На полях пасутся эллирионские стада. Можно найти один из табунов и обеспечить себя лошадьми.

— Воровать лошадей? — презрительно откликнулся Алит. Однако после некоторого размышления его презрение улетучилось, и он одобрительно кивнул. — Если встретим табун до того, как доберемся до леса, то так и сделаем. Но сейчас мы направимся вдоль холмов на юг.

Эльтириор жестом подтвердил свое согласие, и они вернулись к лагерю.

Они выступили в путь, когда солнце уже поднялось высоко. Беглецы решили довериться скорости, а не скрытности, и пошли вдоль подножия Кольцевых гор на юго-запад. Теперь, когда у них появился план, настроение Алита немного улучшилось при мысли, что вскоре он освободится от обузы и сможет заняться личной войной против друкаев.

По дороге он размышлял о мести, мечтал о том, каким наказанием подвергнет Каентраса и остальных врагов. Исчезла хрупкая пустота, которая поглотила его после падения Эланардриса. Он представлял себе, как вернется в Нагарит во главе войска и бросит вызов правителям Анлека.

Под темные, но увлекательные мысли время летело быстро, и вскоре наступил полдень. Путешественники вышли к бегущему с гор ручейку и остановились попить, наполнить фляги и поймать свежей рыбы на обед. Обыденные действия не принесли Алиту никакого удовольствия; его мысли сосредоточились на будущем. Эльтириор наблюдал за северными подходами, а юноша ловил голыми руками рыбу, но не ощущал ничего, кроме тихого раздражения от вынужденной задержки.

После еды и отдыха группа двинулась дальше вдоль русла ручья. Тот заворачивал на юг, и Алит надеялся, что он выведет их к Элиранату. Горные склоны впереди потемнели от деревьев, но до них оставался еще день пути. Алит подгонял беглецов, поскольку ему не терпелось добраться до леса, где они будут в относительной безопасности.

Следующий день принес надежду, потому что ручей вывел их к крупной реке, и Алит понял, что перед ними Элиранат. Река мощным потоком бежала с севера на юг.

— Если бы тут были лодки, — сказала Сафистия, — мы бы смогли быстро двигаться вперед и на ходу отдыхать.

Они обыскали берега, но не нашли ни одного суденышка. Вероятно, эллирионцы предпочитали водным путешествиям верховую езду. Но поиски не прошли зря, потому что выше по течению, где река расширялась, обнаружились свежие следы копыт. Табун лошадей останавливался там на водопой, а затем двинулся на восток.

— Я не видел следов ног, — заметил Эльтириор. — Вероятно, за лошадьми никто не приглядывает.

— Или же всадники просто не спешили, — возразил Алит. — В любом случае нам не известно, как далеко ушло стадо. До него может быть несколько часов пути.

— Есть способ узнать наверняка.

Эльтириор повернулся, под внимательными взглядами остальных отошел от реки и взобрался на небольшой обрыв на востоке. Там он уселся на вершине, скрестил ноги и расставил в стороны руки; высокая трава почти скрыла его с головой. Некоторое время вороний герольд сидел неподвижно, и Алит начал раздражаться. Он то и дело поглядывал на север, выискивая на холмах черных всадников.

Только юноша собрался вмешаться и оборвать ненужную остановку, Эльтириор закинул назад голову и издал долгий свист, который перешел в низкое карканье. Звук закружился вокруг Алита, поднимаясь и опускаясь, отчего в нем зазвучало мелодичное эхо, будто он исходил из нескольких источников сразу. Алит чувствовал, как в зове растет волшебство, как оно расходится все дальше и выше, и поднял взгляд к чистому небу.

Сначала он ничего не увидел. Но через миг на севере появилась черная точка. Вторая точка двигалась с юга, затем Алит разглядел еще несколько. Они возникали повсюду. При приближении они оказались воронами. Алит насчитал несколько дюжин кружащихся над холмом птиц. Зов Эльтириора полностью утонул в карканье и хлопанье крыльев.

Затем наступила жутковатая тишина. Один за другим вороны опускались на землю рядом с вороньим герольдом, пока вокруг него не образовалось сплошное мельтешение взъерошенных черных перьев и острых клювов. Вороны прыгали вокруг Эльтириора и каркали по очереди, будто держали совет. Алит с изумлением наблюдал, как Эльтириор наконец встал. Стая поднялась в воздух и закружила над его головой.

Взмахом руки Эльтириор отпустил птиц, и они с прощальными криками поднялись в небо. Так же внезапно как появились, вороны исчезли — каждая птица направилась в ту сторону, откуда прилетела.

Вороний герольд с угрюмым выражением спустился по склону.

— У меня есть и хорошие новости, и плохие, — сказал он. — Табун никто не стережет, и он недалеко от нас на востоке, за теми холмами.

— Это хорошие новости? — уточнила Хейлет.

— Да, — ответил Эльтириор. Он повернулся и указал на высокий утес, мимо которого они прошли утром. — Темные всадники уже наступают нам на пятки, они где-то за той скалой. Если мы не сумеем раздобыть лошадей, нас нагонят до наступления ночи.

— Можно найти пригодную для обороны позицию дальше в холмах, — предложил Алит.

— Бесполезно, — покачал головой Эльтириор. — Они подойдут в темноте, укутанные в

тени. Я точно не знаю их намерений, но наверняка нас собираются убить или взять в плен. Мы не сможем сражаться с ними. Их восемь, а у нас нет луков, которые позволили бы уравнивать шансы.

— Мы должны найти лошадей! — сказала Лириан. Она прижала к груди сына, будто всадники уже надвигались на них. — Нельзя попадаться им в руки. Только подумайте, какие ужасы они способны сотворить с нами!

Эльтириор поглядел на Алита, предоставляя выбор ему. Князь обдумал доступные варианты. Ему не нравился ни один из них, но, как он ни ломал голову, лучшего плана не видел.

— Отправимся за табуном, — заявил он. — Если мы не способны сражаться, наилучшим выходом будет бежать как можно быстрее.

Хотя Алит говорил уверенно, он даже не надеялся, что они сумеют оторваться от преследователей. Возможно, им удастся выиграть день или два, но до Тор Элира далеко, а всадники не отступят. Про себя юноша решил, что если по дороге попадется место, где можно будет укрепиться, то они остановятся и примут бой.

Когда группа направилась на восток, Эльтириор подошел к Алиту.

— Тебе надо знать кое-что еще, — тихо сказал он.

— Что?

— Я не хотел пугать женщин. Мои родичи почувствовали, что я призывал ворон. Птицы будут докладывать им так же, как и мне. Вороны не понимают верности кому-то одному. Темные всадники скоро узнают, что мы передвигаемся верхом, и будут гнать своих лошадей, чтобы поймать нас.

Наступление ночи застало группу под кронами Ателиан Торира. На лошадях они передвигались быстрее, чем пешком, но, как и опасался Алит, путешествие верхом оказалось нелегким. В юности у него не было возможности практиковаться в верховой езде; тем более никто, кроме Эльтириора, не умел ездить без седла и упряжи. Эллирионские кони оказались достаточно спокойными, и, если их пришпорить, бежали как ветер, но Сафистия и Лириан держали на руках детей и боялись пускать лошадей галопом. Временами им приходилось переходить на шаг, чтобы обойти повороты реки или пересечь впадающие в нее ручьи. Алит прекрасно понимал, что подобные препятствия не замедлят темных всадников.

В пробивающемся сквозь кроны деревьев свете звезд беглецы медленно пробирались на юг. Алит постоянно оглядывался через плечо; ему казалось, что темные всадники настигнут их в любой момент. Эльтириор выглядел спокойным и смотрел вперед; скорее всего, он просто понимал, что они все равно не узнают о нападении заранее.

Сквозь навес из листьев начал пробиваться бледный свет Сариоур. Путешественники выехали к протянувшейся на несколько сотен шагов вырубке. В воздухе висел запах свежих опилок.

— Деревья срубили совсем недавно, — произнес Эльтириор.

— Где-то неподалеку должна быть сторожка, — добавил Алит. — Надо разделиться и найти дорогу к ней.

Путешественники так и сделали, но Алит задержался и вернулся немного назад, высматривая погоню. Вскоре он услышал с северо-запада голос Хейлет. Одним словом Алит пустил своего коня рысцой и быстро пересек вырубку. Он нашел Хейлет, Лириан и Эльтириора на краю поляны. Низкую поросль и опавшую листву рассекала широкая тропа;

она вводила на север, в холмы.

К ним присоединилась Сафистия, и беглецы пешком последовали по тропе. Алит шел первым, Эльтириор замыкал колонну. Впереди в лунном свете блесло что-то белое. Когда они вышли из-под деревьев, Алит увидел, что перед ними сбитая из узких досок, выкрашенная в белый цвет сторожка. Над наклонной черепичной крышей возвышалась каменная труба, но дыма не было, а высокие окна оставались темными. Лишь птицы перелетали с дерева на дерево, и ночные звери копошились в кустах. Где-то вдалеке ухнула сова, но лес оставался неподвижным, даже ветер стих. Через листья пробивался звездный свет, пятнами падая на тропу и поляну.

Справа появился Эльтириор — он обошел сторожку кругом.

— Дом пустой, — сказал он. — Дровосеки днем ушли на юг.

— Мы останемся или поедем дальше? — спросила Лириан. — Анатарис очень устал, и я тоже. Может, мы немного отдохнем? Всадники могут проехать мимо.

— И тогда они окажутся между нами и Тор Элиром, — возразил Эльтириор. — Нет, мы не будем останавливаться.

Алит собрался было согласиться с ним, но тут вороний герольд вскинул руку, призывая к тишине. Потом медленно вытащил меч и жестом указал на сторожку.

— Идите внутрь, — прошептал он, не отрывая глаз от леса.

Алит проследил за его взглядом, но ничего не увидел. Он взял под руку Хейлет и повел ее к двери, Лириан и Сафистия торопились за ним по пятам. Когда женщины зашли внутрь, Алит отвел лошадей на задний двор, где к стене был пристроен навес. Он спрятал под ним коней и вернулся к фасаду здания. Эльтириор притаился под деревом у тропинки.

Алит пригнулся и подбежал к вороньему герольду. Затем он выглянул из-за ствола дерева и позволил взгляду рассеяться, выискивая движение, а не вглядываясь. На земле и в опавших листьях шуршали мелкие грызуны, но больше он ничего не увидел.

И тут, всего в двух сотнях шагов, он заметил тень. Она двигалась медленно, от одного дерева к другому, на миг перекрывая пятна звездного света. Алит не упускал тень из вида и следил за ее перемещением по краю поляны.

— На юге еще трое, — шепот Эльтириора звучал не громче вздоха.

Вороний герольд постучал по руке Алита и жестом указал на сторожку. Они принялись медленно пробираться к дому. Снова заухала сова, и Алит вдруг понял, что слышит условный сигнал. Тень впереди остановилась и сменила направление: теперь она двигалась через поляну прямо на них.

Эльтириор ухватил Алита за руку и ринулся вперед. Они побежали к сторожке по открытой земле, делая резкие завороты направо и налево. В воздухе засвистели стрелы, одна из них задела плащ Алита и воткнулась в деревянный косяк двери. Другая попала в дверь, как раз когда Эльтириор рывком распахнул ее.

— Отойдите от окон! — прорычал вороний герольд.

По его приказу Сафистия, Лириан и Хейлет сгрудились за каменным очагом, тесно зажав между собой детей.

Внутри сторожки оказалась всего одна комната с окнами на север, юг и восток и с очагом у западной стены. Посередине протянулся длинный стол с двумя скамьями. Алит сунул меч в ножны, подошел к противоположной стене и выглянул в окно.

В дюжине шагов стояла еще одна тень и наблюдала за домом.

— Помоги мне, — произнес Эльтириор и указал на стол.

Вдвоем они сумели опрокинуть его набок и подтащить по плиткам пола с узором в виде листьев к двери.

Раздался звон разбитого стекла. В комнату влетела стрела и задела каменную доску над очагом. За ней последовали еще, все они целились в очаг. Алит скорчился под южным окном и выглянул наружу. Он увидел отблеск огня и затем оранжевую вспышку — горящая стрела влетела в окно и воткнулась в подоконник рядом с ним.

— Они сожгут нас живьем или заставят выйти! — прошипел Алит.

В окно влетело еще несколько огненных стрел; некоторые попали в деревянные лавки, другие рассыпали искры по полу.

Хейлет рванулась вперед и принялась тушить стрелы своим плащом. Она выглядела собранной и спокойной. Следующая стрела вонзилась ей в ногу под коленом, и женщина упала на спину со сдавленным криком боли. Алит подхватил ее под мышки и оттащил к остальным. Быстрый взгляд уверил его, что рана неглубока.

— Перевяжи ее, — приказал он Сафистии и повернулся обратно к окнам.

За спиной раздался звук отрываемой ткани.

Горящие стрелы не нанесли особого ущерба обработанному дереву и лишь дымились там, где упали. Алит бросил взгляд в выходящее во двор окно и заметил, как закутанная в плащ из вороньих перьев фигура подбирается к стойлу.

Под звон разбитого стекла он выпрыгнул в окно, на ходу вытаскивая меч. Вороний герольд удивленно выпрямился, когда Алит перегородил ему дорогу к лошадям. Друкай отбросил в сторону лук и затакнутой в перчатку рукой вытащил из ножен тонкий меч, как раз когда Алит подбежал к нему.

Алит с замаха сделал выпад в голову врага, но тот пригнулся, и юноша едва не упал. Ему пришлось сделать шаг вправо, чтобы сохранить равновесие. Герольд бросился на него. Оперенный капюшон откинулся, и оказалось, что нападающий — женщина. Алит едва не попал под удар, настолько его поразило красивое жестокое лицо.

Он вскинул меч и парировал атаку за атакой, потихоньку пятясь к стенке стойла. Когда князь уперся в нее спиной, он увернулся от следующего выпада, и меч герольда вонзился в белые доски.

Алит уклонился от кулака и с силой размахнулся клинком. Лезвие рассекло предплечье друкая, в звездном свете ртутью полилась кровь. Эльфийка охнула и отшатнулась, но Алит не дал ей увернуться и вонзил меч в спину. Девушка извернулась и упала, с губ капала кровь и текла по бледному подбородку. Ее глаза переполняла ненависть.

Окрик Эльтириора заставил Алита вернуться к дому. По восточной стене метались языки пламени и подбирались к окну. Огонь набирал силу, комната быстро наполнялась дымом, несмотря на сквозняк, гулявший сквозь разбитые окна. Лириан закрыла собой сына и рыдала в нише около очага.

Когда Эльтириор осознал положение, в которое они попали, по его лицу пробежало выражение паники. Если остаться в доме, они задохнутся от дыма, а снаружи они станут легкой мишенью для стрел вороньих герольдов.

— К заднему окну, — отрезал Алит и протянул руки Сафистии.

Он взял у нее Дуринитилла, пока она пролезала через окно, затем вернул ребенка и жестом подозвал Лириан.

— Подожди! — произнес Эльтириор и указал на южные окна. — Слышишь?

Алит замер и затаил дыхание. Сначала он ничего не разобрал, но затем острый слух

охотника уловил чуждые лесу звуки. Далекий дробный перестук. Алит бросился к углу дома и увидел быстро движущиеся по лесу белые фигуры.

Всадники!

С востока и юга приближались эллирионские налетчики на белоснежных лошадях. Они неслись между деревьями захватывающим дух галопом. Несколько дюжин всадников с луками в руках. Эллирионцы под топот копыт ворвались на поляну и растянулись по бокам тропы. Вороньи герольды пораженно обернулись. Один из них успел выпустить несколько стрел, и три рыцаря упали. Тут же сам герольд отлетел в кусты с торчащими из груди четырьмя стрелами. Остальные друкаи бежали. Они растворились в тенях среди пятен звездного света и перебежали между деревьями, пока окончательно не пропали из вида.

Всадники Эллириона быстро окружили сторожку. На Алита нахлынуло воспоминание о первой встрече с этим вспыльчивым народом, много лет назад. Он внимательно рассматривал суровые лица, но никого не узнал. Юноша забрался обратно в дом и помог Эльтириору оттащить стол от двери, потом они вышли наружу и бросили на землю мечи.

— И снова получается, что я обязан жизнью гордым всадникам Эллириона, — с улыбкой выдавил Алит.

Капитан рыцарей в серебряном доспехе, на груди которого красовался выложенный сапфирами гарцующий конь, тронул коня с места. Он убрал за спину лук и взял с седла длинное копьё. На его наконечнике переливалась магическая энергия.

— Не стоит так радоваться встрече с нами, — яростно произнес он. — В Эллирионе шпионов и конокрадов наказывают смертью.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Зов прозвучал

Хотя эллирионцы оставили им руки свободными, Алит не сомневался, что их считают пленниками. Они ехали на юг под охраной сотни рыцарей, которые постоянно бросали на наггароттов подозрительные взгляды. Анатариса и Дуринитилла забрали у матерей, несмотря на протесты и слезы. Поступок казался жестоким, но Алит знал, что сам сделал бы так же.

Через пять дней после пленения эллирионцы привели их в Тор Элир. Над восточным горизонтом Внутреннего моря сверкало полуденное солнце, волны разбивались о гальку обрывистого берега. Две переливающиеся реки текли к побережью с запада и севера и встречались в столице Эллириона.

Она отличалась от всех городов, которые довелось повидать Алиту. Тор Элир был построен в устье двух рек на нескольких больших островах. Острова соединялись между собой мостами — изящные высокие проемы покрывала почва с растущей на ней травой, так что путешественникам казалось, будто луга по своей воле перекинулись над водой.

Башни Тор Элира походили на сталагмиты цвета слоновой кости; они были открытыми у основания и высоко вздымались на узорчатых колоннах, а внутри круга из колонн поднимались винтовые лестницы. Алит нигде не видел мощных дорог или улиц. Все заросло травой, даже платформы башен.

Белые лошади беспрепятственно расхаживали по городу, собирались в табуны на полянках с сочной травой, переходили мосты бок о бок с эльфами. Белые корабли с вырезанными на носу лошадиными головами в золотой упряжи покачивались на воде, от огромных треугольных парусов отражались лучи солнца. Город отличался от серого, блеклого Нагарита так же сильно, как лето отличается от зимы. Столица Эллириона дышала теплом и дружелюбием; даже небо было чистым, без единого облачка, а воды Внутреннего моря отражали его голубизну.

Пока пленников вели с острова на остров по широким изогнутым улицам Тор Элира, их провожало множество любопытных взглядов. Позади вспыхивали обсуждения, эллирионцы не стеснялись выкрикивать вслед оскорбления и проклятия.

Они подошли к величественному дворцу на острове в дельте рек. Он был гораздо больше особняка в Эланардрисе, хотя не мог сравниться с цитаделью Тор Анрока. Дворец строили в виде открытого амфитеатра. Огромное внутреннее пространство окружали стены с прорезями арок, над которыми вздымалось шесть стоящих на тонких колоннах башен. В середине внутреннего поля возвышался крутой холм с вырезанными на склонах белыми рунами. Вершину венчал круглый помост из отделанного серебром темного дерева.

Вокруг помоста на высоких шестах развевались флаги великих домов Эллириона. Легкий ветерок полоскал синие, белые и золотые полотнища, украшенные бунчуками из конского волоса. Посередине стояли два трона с вырезанными в виде гарцующих коней спинками — казалось, что кони танцуют друг с другом. На помосте и на склонах холма собрались эллирионские придворные. Некоторые стояли, но многие сидели верхом на переступающих с ноги на ногу лошадях. Все как один повернулись к прибывшим, и Алит не заметил на их лицах дружелюбия.

Правый трон оставался пустым, если не считать лежащей на сидении серебряной

короны. На втором расположилась княжна Атиелль, и при взгляде на нее в душе Алита зашевелились чувства, которые он считал потерянными навсегда. Длинные, до пояса, волосы эльфийки рассыпались по плечам и груди золотистыми локонами с вплетенными рубиновыми нитями. Элегантное голубое платье без рукавов с гирляндами из темно-красных роз переливалось золотой вышивкой и красными драгоценными камнями. Кожа княжны сияла на солнце золотистым светом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Под нахмуренными в гневе бровями сверкали удивительно зеленые глаза с карими искорками. Атиелль с поджатыми губами рассматривала Алита и его спутников, и даже кипящая злость княжны не могла убавить восхищения юноши. Скорее наоборот, живой темперамент привлекал его еще больше.

— Спешьте, — приказал Анатирир, капитан поймавшего их отряда.

Алит послушно соскользнул со спины коня и шагнул к трону. Рыцари тут же окружили его, загородив княжну и выставив перед собой копья. Алит не представлял, чем может угрожать правительнице, ведь у них с Эльтириором отобрали все оружие.

— Подведите их ко мне, — приказала Атиелль. — Я хочу посмотреть на них.

Рыцари расступились, и подгоняемые всадниками беглецы подошли к княжне. Они остановились в нескольких шагах, Атиелль встала и сама приблизилась к ним. Высокая, выше Алита, эльфийка расхаживала перед пленниками со сложенными на груди руками и внимательно рассматривала их.

Алит коротко поклонился и открыл рот, но Атиелль оборвала его намерение.

— Молчи! — отрезала она с поднятым пальцем. — Ты будешь отвечать только на мои вопросы!

Алит согласно кивнул.

— Кто из вас главный?

Пленники обменялись взглядами, и в конце концов все глаза остановились на Алите.

— Я буду говорить за всех нас, леди Атиелль, — произнес он. — Меня зовут...

— Разве я спрашивала, как тебя зовут? — перебила княжна. — Это правда, что вы взяли лошадей у залива Тирин Элор?

Алит глянул на спутников и ответил:

— Да, мы взяли лошадей. Мы...

— Вам дали разрешение взять лошадей?

— Нет, но нам было нужно...

— Так ты признаешь, что вы конокрады?

Алит запнулся, сбитый с толку вопросом.

— Я считаю твоё молчание согласием, — произнесла Атиелль. — В наши времена нет большего преступления в Эллирионе, за исключением убийства другого эльфа. Мой брат сражается, чтобы избавить наши земли от угрозы со стороны наггароттов, и тут мы находим вас у нашей границы. Вы перешли через горы, чтобы шпионить для Морати, не так ли?

— Нет! — сказала Хейлет. — Мы бежали из Нагарита.

— Но вы же наггаротты? — Атиелль развернулась к Хейлет, и женщина отшатнулась от ее гнева.

— Я — нет, — ответила Лириан. Она бросила жалобный взгляд на рыцарей за спиной. — Княжна, они забрали моего сына.

— А сколько сыновей и дочерей Эллириона забрала начатая наггароттами война? —

выпала Атиелль. — Что значит один ребенок по сравнению с подобными разрушениями?

— Это наследник Бел Шанаара, — произнес Алит.

Придворные разразились изумленными вздохами.

Атиелль недоуменно перевела сердитый взгляд на него и вдруг рассмеялась без намека на веселье.

— Наследник трона Тиранока? В глуши, в компании оборванных наггароттов? Ты думаешь, я в такое поверю?

— Ваше высочество, посмотрите на меня, — настойчиво попросила Лириан. — Я Лириан, вдова Элодира. Мы уже встречались при дворе Бел Шанаара, когда Малекит вернулся из колоний. Тогда я выглядела гораздо лучше, чем сейчас, и мои волосы были почти такими же длинными, как ваши.

Атиелль склонила голову набок и внимательно рассмотрела тиранокскую княгиню. Ее глаза широко распахнулись от изумления.

— Лириан? — прошептала она и в ужасе прикрыла ладонью рот. Затем ринулась вперед и стиснула Лириан в объятиях, чуть не задушив ее. — Дитя мое, мне так жаль! Что с тобой стало?

Княжна Эллириона отступила на шаг.

— Принесите детей, — отрезала она.

Теперь гнев княжны переметнулся на Анатоира. С пристыженным выражением капитан торопливо махнул рыцарям, и в считанные секунды двое всадников выехали вперед и передали детей матерям.

— И кто же доставил нам такой подарок? — Атиелль перевела взгляд на Алита.

— Я Алит, — с достоинством ответил он. — Последний князь дома Анар.

— Алит Анар? Сын Эотлира?

Юноша кивнул. К его немалому удивлению, Атиелль обняла и его — так крепко, что перехватило дыхание.

— Ты сражался вместе с Анельтайном, — прошептала Атиелль. — Я так давно хотела встретиться с одним из анарских князей, чтобы поблагодарить их за помощь!

Руки Алита застыли за спиной княжны: он не знал, следует ему обнять ее в ответ или нет. Но прежде, чем он принял решение, она отстранилась со слезами на глазах.

— Я прошу извинить меня, — обратилась она ко всем беглецам. — Творимые Морати жестокости вызвали ответную тьму в сердцах всех из нас! Простите мои подозрения.

Алит чуть не рассмеялся, видя произошедшую с княжной перемену. А что еще оставалось делать перед лицом такого искреннего раскаяния?

Враждебность, которая встретила беглецов при входе в столицу, по силе могла сравниться лишь с гостеприимством, которое окружило их после приема у княжны. Им отвели во дворце просторные комнаты, и одному только Алиту прислуживало несколько слуг. Его сильно отвлекало их постоянное присутствие, поэтому юноша разослал их с бессмысленными поручениями, лишь бы остаться одному. Но долгожданное одиночество оказалось нарушено приглашением на вечерний пир.

Пока слуги провожали Алита на большую арену, его раздирали противоречия. С одной стороны, он передал женщин под надежную опеку, и ему не терпелось покинуть Тор Элир. Алита преследовали воспоминания о сгоревшем Эланардрисе, и он лелеял их, поскольку приносимая ими горечь подпитывала его решимость. С другой стороны, его привлекала

мысль о том, чтобы провести немного времени с Атиеллью и позабыть о горе. Подобное желание заставляло юношу чувствовать себя слабым эгоистом, поэтому на пир он прибыл в крайне дурном настроении.

Поляну-зал устали длинными столами. Сотни фонариков горели всеми цветами радуги, отчего трава переливалась синим, зеленым и желтым светом. Эллирионские рыцари и придворные прохаживались между столами, пробовали выставленные на них вина и деликатесы. В вечернее небо неслись легкомысленные голоса, сопровождаемые частым смехом. Алит оглядел толпу в поисках знакомых лиц, но не увидел ни Эльтириора, ни женщин. Атиелль еще не пришла.

Эллирионцы пытались завязать с ним разговор, многие подходили поздороваться со странным гостем. Вежливые, но немногословные ответы Алита вскоре положили конец попыткам познакомиться с ним, а сочувственные взгляды придворных лишь подогревали тлеющую в нем злость. Ему казалось немыслимым, что можно пировать, когда неподалеку сражаются и умирают эльфы, а будущее Ултуана висит на волоске. Все происходящее резко отличалось от того, что он оставил в Нагарите, и юношу охватило желание немедленно уехать. Ему не хотелось участвовать в этой неискренней демонстрации веселья и благополучия.

Алит уже решил покинуть пир, как вдруг появилась Атиелль. В окружении охраны из рыцарей княжна выехала на поляну на высоком белом жеребце. Длинные локоны плащом развевались за спиной. В вышивке синего платья звездами сверкали бриллианты, в упряжи коня тоже переливались драгоценные камни.

Толпа расступилась перед княжной, и она быстро подъехала к трону. Рыцари разъехались в стороны, без труда пробираясь среди гостей. Атиелль непринужденно спрыгнула с коня и шепотом отослала его прочь. К ней тут же заспешили слуги с бокалами и блюдами, но Атиелль не обратила на них внимания и принялась оглядывать толпу. Ее взгляд остановился на Алите, который стоял слева, в стороне от остальных гостей.

Атиелль жестом поманила его к себе. Алит сделал глубокий вдох и поднялся на тронный холм, не обращая внимания на устремившиеся к нему взгляды эллирионцев. Его глаза не отрывались от Атиелли, а княжна смотрела только на него. Когда Алит подошел к помосту, она улыбнулась и протянула ему руку. Алит взял ее ладонь в свою и поцеловал тонкие пальцы.

— Рад снова видеть тебя, княжна, — сказал он.

К своему немалому удивлению, Алит понял, что говорит правду; все его сомнения испарились от теплой улыбки эльфийки.

— Это честь для меня, князь, — ответила Атиелль.

Она повернулась, прошептала что-то одному из слуг, и тот поспешно исчез в толпе.

— Надеюсь, ты находишь пребывание в Тор Элире более приятным, чем путешествие сюда, — княжна грациозно отняла руку и села на трон.

Алит замялся; ему не хотелось лгать, но осторожность предупреждала, что не следует выдавать терзающие его сомнения.

— Гостеприимство твоего города и народа делает честь Эллириону, — ответил он.

Подошли слуги и расставили вокруг трона стулья с высокими спинками. Атиелль жестом пригласила Алита садиться и широко улыбнулась кому-то в толпе.

— Тебе не придется страдать от моего присутствия в одиночестве, Алит, — произнесла она.

Не успел он возразить, сказав, что считает перспективу побыть с княжной наедине приятной, как Атиелль кивнула ему за спину, и Алит, обернувшись, увидел, что в зал вошли Лириан, Хейлет и Сафистия в парадных шелковых платьях и драгоценных украшениях. Ни детей, ни Эльтириора он нигде не заметил. Женщины расселись вокруг Алита. Они выглядели довольными уделенным вниманием и дорогими нарядами.

— К нашим многострадальным дамам вернулось присущее им великолепие, — произнесла Атиелль. — Они подобны породистым лошадям, которым необходим уход после долгого путешествия по лесам и равнинам.

Алит пробормотал что-то в знак согласия. Его бывшие подопечные действительно выглядели, как подобало аристократкам, коими они являлись. И все же в красоте Лириан проглядывало что-то неживое, как у прекрасно вырезанной статуи. Неуловимое ощущение напомнило ему об Ашниели. Хейлет и Сафистия выглядели более привычно, ведь они были уроженками Нагарита, но даже им умелый уход слуг придал немного искусственный вид.

Алит перевел взгляд на Атиелль и в очередной раз восхитился ее природной красотой. Хотя над внешностью княжны тоже тщательно поработали служанки, юноша видел ее внутреннее свечение, которого не смогли бы скрыть все драгоценные камни и ткани Ултуана.

Алит постарался избавиться от назойливых мыслей, но тут Атиелль наклонилась к нему, и юношу окутал ее запах. Он впитал в себя дух Эллириона: свежего морского воздуха и травы, открытого неба и просторных полей.

— Ты выглядишь так, будто тебе неуютно, Алит, — сказала княжна. — Чувствуешь себя неловко?

— Я в растерянности, — ответил он. — Прошу прощения за вопрос, но как получилось собрать здесь столько эллирионцев, когда Нагарит ведет войну по всему Ултуану?

Прекрасное лицо Атиелли исказила гримаса, и Алит пожалел о слетевшем вопросе.

— Вы попали к нам в краткий момент передышки. Мой брат сражается на севере, защищает наши земли, — голос и выражение княжны смягчились, и она продолжила: — Разве это плохо — насладиться мигом спокойствия? Если не ценить жизнь такой, какой она может быть без войны, за что тогда сражаться? Возможно, недостаток нагароттов как раз в том, что они не могут найти удовлетворения в себе и измеряют свою жизнь только действиями, а не покоем.

Слова Атиелли больно задели Алита, и он со стыдом опустил глаза. У него не было права приносить сюда тьму, омрачать другим свет праздника, но несмотря на сомнения в глубине души он возражал против подобного обвинения. Сейчас вокруг него была иллюзия, ложное веселье, устроенное в попытке забыть о бедах Ултуана, пустое и бессмысленное.

Алит прикусил язык, чтобы не нанести эллирионцам еще большей обиды. Атиелль разговаривала с женщинами, но ее вопросы и их ответы проносились мимо ушей Алита. Спустя какое-то время его внимание привлекло движение, и он поднял глаза. Лириан, Сафистия и Хейлет покидали помост. Алит поднялся, промямлил несколько прощальных слов и остался наедине с Атиелль и ее двором.

— Я вижу, что мои попытки поднять тебе настроение прошли впустую, — сказала княжна. — Присядь, и мы поговорим о делах, которые тебя тревожат.

— Простите, княжна, я очень благодарен вам за доброту. — Алит снова опустил на стул. — Я пострадал от войны больше других, и не в моем характере забывать о горе. Я бы хотел, чтобы каждый день был похож на этот, но такие желания делу не помогут.

— Не стану тебя обманывать, Алит, — серьезно произнесла правительница Эллириона. — В последнее время война идет не в нашу пользу. Король Каледор потерял все отвоеванные за лето земли, и мы опасаемся, что до конца года наггаротты попытаются захватить Тор Элир. Не знаю, сможем ли мы отбиться на этот раз. Они полны решимости сокрушить нас и потеряли головы от ненависти.

— Придется сражаться, все равно другого выхода нет, — ответил Алит. — Я видел ужасы правления Морати, жестокость ее последователей. Лучше сражаться и погибнуть, чем смириться с варварским господством.

— И как ты продолжишь сражаться, Алит? — спросила Атиелль. — Ты остался князем без княжества, командиром без армии.

Алит промолчал, все равно он не мог ответить на ее вопросы. Он знал, что должен бороться, но не знал как.

Юноша отказывался предаваться снедающему его чувству безнадежности, не хотел думать о том, чтобы сдаться. Кровь в жилах бурлила, сердце начинало биться при одной мысли о друкаях и причиненных ими страданиях.

Он поднял глаза на Атиелль, и княжна отшатнулась от пронзительного взгляда.

— Я не знаю, как я буду вести войну, — сказал Алит. — Я не знаю, кто будет сражаться на моей стороне. Но пока я дышу, я не потерплю живых друкаев рядом с собой. Это все, что от меня осталось.

Времена года в Эллирионе проходили по-иному; погода здесь стояла гораздо более мягкая, чем в Нагарите, и Алит вскоре потерял счет проведенному в Тор Элире времени. Дни сливались в бесконечную череду, и к князю вернулись терзавшие его в Тор Анроке сомнения. У него не было плана, не было продуманной стратегии, только желание сделать хоть что-то.

Он редко виделся со своими спутниками; Эльтириор пропал вскоре после прибытия в столицу, а женщины быстро влились в круговерть придворной жизни. Алит же с трудом выносил компанию эллирионцев, поскольку те отличались еще большим дружелюбием и общительностью, чем слуги в Тор Анроке. Широкие поля вокруг города не обладали мрачным обаянием Эланардриса, и залитые солнцем травы лишь подчеркивали холод в сердце. Внутреннее море тоже не понравилось Алиту — оно привлекало его лишь как один из путей, ведущих на восток, подальше от Нагарита.

Поэтому он проводил большую часть времени в одиночестве и мрачно размышлял о своей судьбе. Эллирионцы вскоре перестали обращать на него внимание, а Алит не интересовался эллирионцами. Повинуясь желанию оградить себя от всяких удовольствий, он даже отвечал отказом на приглашения Атиелли. Алит научился любить и одновременно ненавидеть свои страдания, искать утешение в горьких мыслях и предаваться темным подозрениям, глядя на окружающих эльфов.

Когда мягкая погода внутри круга Кольцевых гор начала портиться, с войны вернулся князь Финудел. Алит встретил его вместе с эллирионским двором, а вечером Атиелль лично представила двух князей друг другу. Они встретились втроем в покоях Финудела, в верхней части одной из высоких башен. Алит снова пересказал обстоятельства бегства из Нагарита.

— ...У меня осталось лишь желание отомстить тем, кто уничтожил мою семью и разорил земли, — заключил Алит.

— Ты хочешь сражаться? — спросил Финудел.

Сходство между князем и его старшей сестрой сразу бросалось в глаза, хотя Финудел отличался еще более живыми манерами и перепадами настроения. Князь расхаживал взад-вперед по круглой комнате, и его руки ни миг не оставались в покое.

— Да, хочу, — ответил Алит.

— Тогда вскоре у тебя появится такая возможность, — сказал Финудел. — Вы не единственные наггаротты, которые пересекли наши горы. Не так давно, когда мы преследовали орду фанатиков, к нам присоединился большой отряд. Многие с восхищением отзывались о тебе, Алит. Они обрадуются, когда узнают, что ты жив.

— Рад слышать, что кому-то удалось избежать смерти от руки Кераниона и его войска. Как много наггароттов сумели добраться до Эллириона?

— Несколько тысяч. Сейчас они располагаются на западе вместе с моей армией. Ты окажешь мне большую честь, если поведешь их в битву под моим началом.

— С радостью, — ответил Алит. — Где мы будем сражаться?

— Друкаи снова захватили Орлиный перевал. Его восточные подходы всего в трех днях пути от столицы. Я уезжаю завтра.

— Я отправлюсь с тобой, — сказала Атиелль. — Мы не можем позволить врагам подойти к Тор Элиру. Как ты сам видишь, Алит, в нашем городе нет защитных стен, нет башен, чтобы сдержать натиск друкаев. Мы встретимся в открытом поле и будем биться до последней капли крови.

— Мы должны устранить угрозу, — добавил Финудел. — На севере остались наши подданные, которые купились на посулы Морати. Это пятно внутри Эллириона, но его нельзя стереть с лица земли, пока существует угроза с запада.

— Я буду сражаться за Эллирион как за собственные земли, — произнес Алит. — Друкаи заплатят за свое предательство высокую цену.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Кровь на равнинах

В лагере наггароттов Алита встретили восторженными криками, но при виде мрачного выражения на его лице радость быстро испарилась. Алит узнал многих из выбежавших ему навстречу воинов. Среди них были Тени — Анранейр и Хиллраллион, а также Тарион. Анадриель и многие другие, кто сражался в Темных топях. Все они обрадовались появлению князя, но с их лиц не сходило тревожное, загнанное выражение.

— Мы беспокоились за вас, князь, когда вы пропали из Эланардриса, — сказал Анранейр. — Многие думали, что вы погибли.

— Вы не ошиблись, — ответил Алит. — Хотя мое тело еще живо, я только сильнее страдаю от этого.

Капитаны обменялись тревожными взглядами, но промолчали.

— Какие будут приказания, князь? — спросил Тарион.

Алита поразило, что один из близких друзей отца, который сражался вместе с Эотлиром в колониях, спрашивает его приказов. Поэтому он тщательно обдумал ответ.

— Сражайтесь. И с последним вздохом выплесните на друкаев всю свою ненависть.

Войско двинулось на запад, к Орлиному перевалу. Несколько сотен рыцарей ехало в авангарде, чтобы разведать позиции врага. Наггаротты шагали рядом с эллирионскими копейщиками и лучниками. Алит шел вместе с ними; он предпочел общество своих воинов компании Финудела и Атиелли.

Разведчики вернулись, когда войско было в двух днях пути от перевала. К Алиту подъехал гонец и попросил его присоединиться к эллирионским правителям для совета. Они собрались после полудня, когда войско остановилось на привал на южном берегу реки Ирланы. Для командиров разбили шатер из синих с золотом полотнищ, где они могли обсудить стратегию битвы, а заодно освежиться принесенной с реки водой и фруктами из садов неподалеку.

— С уверенностью можно сказать, что враги превосходят нас численностью, — доложил Анельтайн.

Около двадцати пяти лет прошло с их первой и последней встречи с Алитом — тогда эллирионский князь возвращался из злополучного похода на крепость Эалит. Сейчас воины Анельтайна ехали в авангарде. Они-то и принесли тревожные новости.

— У друкаев по меньшей мере сорок тысяч пехотинцев и около десяти тысяч рыцарей. Большинство из них — обученные в Анлеке солдаты, фанатиков совсем мало.

— Тогда они располагают преимуществом в десять тысяч воинов, — произнесла Атиелль. Она задумчиво откусила от красного яблока.

— Да, но у нас превосходство в кавалерии, — возразил Финудел. — наших рыцарей в два раза больше.

— Против нас — рыцари Анлека, а не налетчики, — сказал Алит. — Их силу нельзя оценивать количеством.

— Налетчики вооружены луками, — не согласился с ним Финудел. — И наши кони быстрее. Рыцари друкаев могут безуспешно гоняться за ними годами.

— Друкаям не надо гоняться за нами, брат, — сказала Атиелль. Княжна доела яблоко и

кинула огрызок своему жеребцу, Среброгривому. — Враги знают, что рано или поздно нам придется остановиться, чтобы защитить Тор Элир.

— Зачем? — спросил Алит. Эллирионцы уставились на него удивленными взглядами. — Зачем вам защищать Тор Элир?

— В городе сейчас пятьдесят тысяч жителей, — с некоторой злостью ответил Финудел. — Мы не можем оставить их на произвол друкаев.

— Вывезите их. Пусть они покинут город, по морю и по суше. Тогда останутся только камни и доски. Зачем обременять себя их защитой, если преимущество вашего войска в подвижности?

— Не важно, — ответила Атиелль. — Многие из горожан смогут убежать от друкаев, но даже в Эллирионе не хватит лошадей для всех. Половина нашего войска передвигается пешком.

— Пусть они спрячутся в Ателиан Торире, враги не сунутся туда без крайней необходимости.

— Спрячутся? — сплюнул Финудел. — Ты хочешь, чтобы мы оставили свои земли на произвол врага, лишились домов и припасов?

— Это лучше, чем стать пищей для ворон, — возразил Алит. — Пока мы живы, мы можем сражаться.

— Мы не будем бежать и прятаться, — ответила Атиелль. — Так поступили многие, и им пришлось поплатиться за трусость. Чем дольше мы оттягиваем решающее сражение, тем сильнее становятся наггаротты.

Алит пожал плечами.

— Тогда будем сражаться, — сказал он. — Лучше напасть, пока они еще на перевале, там их численность обернется против них. Зайти на них со склонов, заманить на наши копыта и окружить.

— Каменистые горные долины не подходят для кавалерии, — подал голос Анельтайн. — Мы потеряем преимущество.

— Мы встретимся в открытом поле и будем сражаться, как подобает эллирионцам, — решительно произнес Финудел.

— Совершенно ясно, что вы уже выбрали путь действий, — прорычал Алит. — И ни один мой довод не сможет переубедить вас. Зачем тогда меня позвали сюда, если не хотите слушать мои советы?

— А кто ты такой, чтобы нам указывать? — спросил Финудел. — Князь без земель; бродяга, все достояние которого — ненависть.

— Если хотите, чтобы вас постигла та же судьба, поступайте по-своему, — прорычал Алит. — Выходите на честный бой с развевающимися знаменами, под звуки горнов. Вы считаете, что если сумели отбросить друкаев в прошлый раз, то одержите победу и сегодня. Но они сражаются на своих условиях, и они выиграют. Они не отступят, пока вы не перебьете всех до единого. Их подгоняет Морати, а друкайские командиры боятся ее гораздо больше, чем ваших рыцарей и копий. У вас есть маги, чтобы отразить их колдовство? А теперь представьте, что вы выиграли битву. Вы сможете преследовать и добивать в спину спасающихся бегством? Позволят ли ваши благородные сердца уничтожить их всех до одного, чтобы они никогда не вернулись?

— Нельзя победить тьму еще большей тьмой, — сказала Атиелль. — Разве ты не слышал, что я говорила в Тор Элире? Мы должны разбить друкаев потому, что они

презирают мир и ненавидят жизнь. Если мы сами уподобимся им, то потеряем все, за что сражались.

— Глупцы! — выкрикнул Алит. — Я не буду участвовать в этом безумии. Истинные наггаротты уже заплатили высокую цену. Они считали, будто могут выступить против мощи Анлека лицом к лицу. Смерть моих родителей тому свидетельство.

Алит выскочил из палатки; эллирионцы расступались перед ним. Он пошел прочь от лагеря, не обращая внимания на несущиеся вслед крики. Отчаяние перемежалось яростью — отчаяние от мысли, что эллирионцам суждено погибнуть, ярость осознания, что друкаи одержат важную победу.

Капитаны встретили Алита на входе в нагаритский лагерь. Они сразу же уловили его настроение и молча последовали за ним между отдыхающими солдатами в палатку. Суровый взгляд Алита заставил их остановиться у входа, и он скрылся внутри.

Алит слышал, как музыканты эллирионцев играют сбор. От перестука множества копий задрожала земля — это Финудел и Атиелль выстраивали свое войско. Пусть идут к бессмысленной смерти, твердил про себя Алит.

В конце концов Хиллраллион рискнул навлечь на себя дурное настроение князя и встал на пороге палатки со сложенными за спиной руками.

— Эллирионцы свернули лагерь, — тихо сказал он.

Алит ничего не ответил.

— Нам готовиться к маршу?

Князь наконец посмотрел на него.

— Мы пойдем за ними, — сказал он. — Если они попросят о помощи, я не стану отказывать.

Хиллраллион кивнул и ушел, оставив Алита наедине с бушующими мыслями.

Финудел и Атиелль решили встретиться с неприятелем на равнинах Найрейн Элира, меньше чем в дне пути от Орлиного перевала, где брала свои истоки Ирлана. Река делала резкий поворот на север перед тем, как продолжить путь на восток, к Внутреннему морю. Эллирионцы отвели пехоту на правый фланг, где ее защищала река, а кавалерия встала слева, чтобы иметь возможность отступить на просторные поля к югу. Алит расположил свое маленькое войско из четырех тысяч солдат еще дальше на юге. Там он укрылся в своей палатке и отказывался разговаривать с командирами.

На рассвете следующего дня его разбудил Тарион.

— С вами хочет встретиться один из эллирионцев, — сообщил капитан.

Алит кивнул и приказал провести посетителя в палатку. Вскоре Тарион вернулся с Анельтайном. Алит поприветствовал его кивком, но не стал подниматься с походной кровати.

— Наши разведчики выследили друкаев, — произнес эллирионец. — Их войско будет здесь около полудня.

— И вы по-прежнему собираетесь встретить их в открытом бою? — спросил Алит.

— У нас нет другого выбора.

— Спрячьте пехоту на том берегу реки, а всадников отведите на восток, — небрежно посоветовал Алит. — Тогда вам не придется жертвовать своей жизнью ради бессмысленного позерства.

— Ты прекрасно понимаешь, что мы не отступим. — Анельтайн шагнул к нему с умоляющим выражением на лице. — Сражайся вместе с нами, и мы победим.

— Четыре тысячи копий и луков не помогут выиграть битву. Даже если это копья и луки наггароттов.

— Тогда хотя бы пообещай, что удержишь свою позицию. Пусть у Финудела и Атиелли будет уверенность, что ты прикроешь южный фланг нашего войска.

Алит сурово посмотрел на Анельтайна; он почувствовал кроющееся за просьбой обвинение.

— Я поклялся защищать Эллирион как собственные земли, — резко ответил князь. — Я не даю таких клятв необдуманно. Хотя я и не согласен с вашей тактикой, я не брошу своих союзников.

Анельтайн с заметным облегчением поклонился.

— Я помню тот случай, когда помог анарцам, — сказал он. — И я рад, что не ошибся.

Алит поднялся с кровати, подошел к Анельтайну и уставился на него.

— Может, ты считаешь, что я в долгу перед тобой? — прорычал он. — Ты думаешь, я тебе чем-то обязан?

Анельтайн с ужасом отшатнулся от ярости Алита. Выражение благодарности на его лице сменилось злостью.

— Если ты не чувствуешь себя в долгу, то я не буду напоминать о нем, — резко ответил он. — Если для тебя не имеет значения, что храбрые эллирионцы, крейсийцы и иврессийцы умирали ради того, чтобы вернуть князю Малекиту трон, то тебе стоит хорошенько подумать, на чьей стороне сражаться.

— Я не собираюсь сражаться *за* кого-то! — закричал Алит. Анельтайн быстро отступил к порогу палатки. — Я сражаюсь *против* друкаев!

Анельтайн наградил его ядовитым взглядом и вышел. Снаружи донесся его громкий голос, требующий лошадей. Тарион пристально рассматривал Алита.

— Вы хотите лишить нас всех возможных союзников? — спросил ветеран.

— Остаться без союзников лучше, чем иметь плохих союзников. — Алит рухнул обратно на кровать. — Они говорят о славе и чести, будто эти слова что-то значат. Они не понимают, с каким врагом сражаются, даже если встречались с ним уже дюжину раз. Друкай признают только страх, и страх станет нашим оружием, если мы научимся его использовать. Морати и ее командиры не боятся натиска кавалерии или града стрел. Нет, их заставляет задуматься только та тьма, которую они сами выпустили в мир. От нее они просыпаются в холодном поту на рассвете. Они постоянно оглядываются через плечо и боятся увидеть, кто же занес над ними нож. Страх связывает их вместе сильнее верности, и при помощи страха мы сумеем разделить их.

Тарион с сомнением задумался.

— А чего боишься ты, Алит?

— Ничего, — ответил князь. — Меня нельзя заставить страдать сильнее, чем я страдаю сейчас. Нет таких мучений, чтобы сравниться с терзающими меня воспоминаниями. У меня ничего не осталось, за исключением существования, и оно причиняет мне боль с каждым вздохом. Я не ищу смерти, но и не боюсь отправиться в Мирай. Там я снова встречу свою семью и отомщу тем, кто их убил. Даже смерть не убавит моей ненависти.

Тарион содрогнулся и отвернулся, в ужасе от взгляда Алита.

Алит стоял на краю лагеря наггароттов и смотрел на два выстроившихся войска. Друкаи наступали. Эллирионцы вытянулись перед приближающимся черным облаком длинной серебристо-сине-белой полосой. Белые кони переступали с ноги на ногу и ржали; им передавалось волнение всадников. На серебряных древках реяли сотни флагов, золотые рога дразнили неприятеля мелодичными переливами.

Рыцари эллирионцев разделились на две части. Одну возглавлял князь Финудел, другую Атиелль. Княжна сидела на своем жеребце, Среброгривом, во главе ближайшего к наггароттам отряда. Длинные волосы свободно развевались на ветру, стройную фигуру оттенял серебряный, инкрустированный сапфирами, доспех. В правой руке она держала Зимний Клинок Амрейр, на левой висел щит в форме лошадиной головы с гривой из золотых нитей.

Финудел выглядел не менее внушительно. Он вооружился Кадрати, Звездной Пикой, выкованной самим Каледором Укротителем Драконов. Наконечник пики сверкал золотистым огнем. Золотой доспех князя оттенял темно-красный, развевающийся на ветру плащ. Его кобылу Белокопытку, родную сестру Среброгривого, покрывал длинный чепрак из позолоченного итильмара. На каждой его пластине сияла защитная руна.

Алит перевел взгляд на друкайское войско. На их флагах зловеще переливались руны кровожадных богов и развратных богинь. Многие нарисовали на щитах символы культов, от запретных знаков веяло темной магией. Грохочущие колонны наггароттов наступали подобно серебристо-черным змеям.

Рыцари Анлека свернули на юг, к всадникам Эллириона. Хриплые боевые крики и пронзительные звуки рога бросили вызов Финуделу и Атиелли. Над кавалерией Нагарита развевались черно-фиолетовые знамена на золоченых древках. Головы черных коней прикрывали серебристые доспехи с выступающими острыми шипами, а бока защищали блестящие кольчужные попоны.

Среди отрядов шли колдуны и колдуньи. Их магия собиралась кольцами и колыхалась вокруг них. По их приказу небо застилало темные облака, сверкали молнии, наступлению войска вторил гром. По равнинам прокатилась тень надвигающейся грозы, обе армии накрыл сумрак.

Алит бросил взгляд на тяжелое свинцовое небо и увидел огромную крылатую тень. Несмотря на заявление князя его охватил страх. Дракон неспешно кружил высоко над головой. Перед глазами всплыло окровавленное лицо отца, и Алит содрогнулся при воспоминании об испытанном тогда ужасе.

— Керанион, — прорычал князь. Гнев тут же смыл страх.

Он повернулся и окрикнул капитанов. Те сломя голову бросились к нему и встали рядом, ожидая приказов.

— Мы выступаем, — сказал Алит. — Трубите сбор, поднимайте солдат. Сегодня мы перебьем друкаев и сообщим об их смерти Анлеку. Принесите мне голову Кераниона.

Возражений не последовало. Капитаны заторопились к лагерю, выкрикивая музыкантов и знаменосцев. Запел горн, подавая сигнал к атаке. Алит вернулся в палатку и взял принесенные Хиллраллионом лук и стрелы.

— Тени, ко мне! — позвал он и вышел наружу. Вскоре его окружили затянутые во все черное лучники — горькие свидетели битвы в Темных топях. — Сегодня я снова поведу Теней в бой. Враги принесли с собой тьму, и она сыграет нам на руку. Не щадите никого. Пусть каждая стрела несет смерть. Пусть каждый замах меча дышит мстостью. Они задолжали

нам всю свою кровь, до последней капли. Мы снова станем ночным кошмаром, и друкаи навсегда запомнят, почему надо бояться Теней!

Всего резню в Темных топях пережило около двух сотен Теней. Сейчас укутанные в черные плащи воины следовали за Алитом на запад, в обход правого фланга друкаев. Остальное войско стояло наготове у лагеря, получив приказ вступить в битву, если враги подойдут слишком близко. Но пока князь не вернется из вылазки, они не должны покидать позицию.

Бой начали друкаи. Они привезли с собой многозарядные метатели — военные машины, которые стреляли толстыми копьями, по полдюжины за раз. Первый залп из десятка метателей просвистел в воздухе над головами наступающих и вонзился в ряды пехоты Эллириона. Видимо, Керанион решил, что эллирионская кавалерия не представляет угрозы его колоннам, и хотел в первую очередь уничтожить копейщиков и лучников, а уже затем раздавить рыцарей превосходящей численностью. Алита заинтересовало, почему нагаритский князь остается в небе и наблюдает за сражением со спины дракона. В Темных топях он вел себя так же и вмешался лишь тогда, когда нагаротты начали проигрывать. Может, он обычный трус? Или же существует другая причина, по которой Керанион опасается вступать в схватку?

Алит на ходу размышлял об этой странности, но тут пришло время остановиться, и он вскинул руку, подавая сигнал Теням. Высокая трава Эллириона доставала до пояса, разведчики могли полностью укрыться в ней. Гроза над головой гремела и сверкала, вызванная волшебством непогода нарастала, равнины затянуло желтоватым закатным сумраком. В полутьме Тени приготовили луки и ожидали следующего приказа Алита.

Еще когда князь разглядывал друкайское войско, его удивило, что они не привели с собой гидр. Он не знал, почему боевых чудищ оставили позади, но их отсутствие обрадовало Алита. Хотя, если вспомнить о кружащем в грозовом небе драконе, радоваться пока было рано.

Друкаи остановились за пределами выстрела эллирионских лучников, и метатели продолжили без остановки поливать пехоту смертоносными залпами. Ближайшая из боевых машин стояла в четырех сотнях шагов от Теней; они видели, как быстро работает заряжающий ее расчет.

— Разделиться по пятеро и уничтожить все расчеты, — приказал Алит.

Тени разбились на небольшие группки и исчезли в высокой траве. Алит и четверо командиров направились к ближайшей машине, в то время как остальные Тени рассыпались веером вокруг батареи противника. Рядом с метателями стояли отряды копейщиков для охраны расчетов от возможной попытки эллирионцев уничтожить основную линию атаки, но их внимание было обращено на восток, а не на юг, откуда невидимками подбирались Тени.

Алит пригнулся в траве в семидесяти шагах от метателя. Затем наложил стрелу на тетиву и чуть привстал, чтобы прицелиться. Машину обслуживали два друкаая в нагрудниках и шлемах, но других доспехов на них не было. Они как раз сняли с метателя пустой магазин и подтаскивали новый.

— Начали, — спокойно приказал Алит и прицелился в левого друкаая.

С легким выдохом он спустил тетиву. Стрела с черным опереньем свистнула над травой и вонзилась в правое плечо друкаая. Следующая стрела пронзила насквозь бедро и вышла с

другой стороны. Друкай уронил свой конец связки копий и рухнул в траву, в то время как еще три стрелы попали в его товарища; одна из них воткнулась в глазницу шлема.

Единственным звуком стал стук выпавших из мертвых рук копий, да и тот подхватил и унес ветер. Алит нырнул в траву и метнулся к машине, на ходу сменив лук на длинный охотничий нож. По пути он изредка оглядывался по сторонам, чтобы убедиться, что его никто не заметил.

Алит полоснул ножом по веревкам, которые создавали натяжение в механизме метателя. Острое лезвие быстро перерубило намотанные вокруг одного из рычагов витки, и веревка обвисла. Чтобы заново натянуть ее, потребуется несколько часов, но Алит для верности подсунул кончик ножа под спусковой крючок и выдернул его, а затем вырвал из тонкого механизма несколько пружин и разбросал в траве.

Довольный своей работой, Алит начал продвигаться обратно на юг. На ходу он посматривал на ближайшие отряды друкаев.

Другие Тени тоже добрались до своих целей, все больше боевых машин выходило из строя. Капитаны копейных отрядов начали замечать неладное. Сплошная стена залпов поредела, копейщики поворачивались к метателям, чтобы узнать причину. Зазвучали крики тревоги, между машинами замечались черные тени. Друкайские воины вскинули оружие и выискивали в траве загадочных врагов.

Алит издал долгий ястребиный крик — сигнал Теням отступать и собраться вокруг него. Он постоянно поглядывал на ближайший отряд друкаев — те поворачивали в его направлении, хотя до них оставалось еще несколько сотен шагов. Алит не мог поверить, что кто-то выследил Теней, но тут заметил в переднем ряду воинов тонкую, полуобнаженную фигуру.

Колдунья с длинными, разметавшимися, как зигзаги молний, белыми волосами и нарисованными на теле рунами. Она подняла тонкую руку и указала шагающему рядом с ней капитану туда, где прятался Алит.

Алит успел заметить, как на кончиках пальцев колдуньи танцуют искры, и тут пропитанный магией воздух сгустился. С пальцев эльфийки слетела сверкающая молния и взорвалась слева от князя с такой мощью, что его откинуло в сторону.

Он поднялся и увидел выжженный в траве круг, а посередине его изуродованное, переломанное тело Нермиррин. Ее кожа почернела, глаза превратились в темные дыры, из которых поднимались две струйки дыма. По равнине замечались молнии — колдунья продвигалась вперед под охраной, поджигая траву и раскидывая дымящиеся тела.

— Отступаем! — крикнул Алит и поднял тело Нермиррин. Оно оказалось странно холодным на ощупь. — Мертвых не оставлять!

Тени попытались прикрыть отход стрелами, но копейщики друкаев сомкнули щиты, и колдунья отступила в середину колонны. Стрелы с черным опереньем втыкались в живую стену вокруг нее.

Алит убрал лук и перекинул тело Нермиррин через плечо. Повернулся к друкаям спиной и побежал в высокой траве. Рядом он чувствовал присутствие бесшумно скользящих Теней. Бросив взгляд через плечо, князь убедился, что копейщики остановились и осыпают отступающих к анарскому лагерю Теней насмешками.

Но их оскорбления ничего не значили. Половина боевых машин оказалась выведена из строя, а большая часть других осталась без обслуживающих расчетов. Без постоянного обстрела артиллерии друкай лишились рычага давления на противника, который вынудил бы

эллирионцев атаковать, и друкаям пришлось перейти в наступление. Снова над равнинами покотился барабанный рокот, заревели рога, и огромный дракон Кераниона начал спускаться. Чудовищный зверь ненадолго приземлился посреди фронта, командующий с его спины выкрикивал приказы своим капитанам. Алит едва успел сделать несколько судорожных вдохов, как дракон снова взмыл в небо, с каждым взмахом мощных крыльев поднимаясь все выше.

Алит с интересом отметил, что Керанион старается проводить на земле как можно меньше времени. Очевидно, сила дракона и вооруженного пикой всадника заключалась в быстрых атаках с воздуха. Поскольку пока Алит не знал, как вынудить врага приземлиться, он обратился к другим заботам.

Ни одна из сторон не хотела переходить в наступление. Наггаротты и эллирионцы сошлись на расстояние выстрела и обменивались дождем стрел. Возглавляемые Атиеллью всадники вылетали вперед, выпускали залп из луков, затем уносились за пределы досягаемости метателей. И все время страшные рыцари Анлека оставались в резерве, выжидали перелома в битве, чтобы показать свою силу.

Колдуны друкаев призывали тучи острых клинков, осыпали ими ряды эллирионцев и насылали заклинания, от которых плоть сходила с костей, причиняя невыносимые мучения. Эллирионцы никак не могли защититься от проклятий и несли большие потери.

Алит снова созвал к себе Теней, и они собрались на краю лагеря.

— Ищите колдунов, — приказал он. — И пусть каждый удар попадет в цель. Истребите их, а затем незаметно отступайте на север. Мы соберемся справа от пехоты Эллириона.

Тени закивали и растаяли в сером сумраке. Алит последовал за ними. С первого взгляда попытка проскользнуть между двумя готовыми к бою войсками могла показаться безумием, но Алит хорошо знал, что делает. В свое время Тени терроризировали друкаев в Нагарите при помощи схожей тактики. Незаметно подобраться, убить врагов и исчезнуть. Солдаты думали, что их гораздо больше, и командиры начинали опасаться за безопасность своих отрядов. Сейчас отвлекающий маневр послужит на руку эллирионцам. Алит надеялся, что Финудел и Атиелль не упустят случая и воспользуются преимуществом.

Князь бесшумно и ловко пробирался в траве; его продвижение отмечалось лишь легким колыханием, неудивительным при проносящихся над равниной штормовых ветрах. Он подобрался к одному из отрядов копейщиков. Солдаты выстроились в боевом порядке и переговаривались в ожидании приказа к наступлению.

— Этим любителям лошадей в жизни не сравниться с нагаритскими воинами, — сказал один из лейтенантов, и в ответ на его слова раздался дружный грубый хохот.

Алита задело, что друкаи смеют называть себя наггароттами. Они потеряли это право, когда выступили против Малекита, наследника Аэнариона, и выгнали его из Анлека. Он считал их предателями, темными эльфами, никем. Алит заставил себя расслабиться, поскольку враги находились всего лишь в паре дюжин шагов. Нарочито медленно натянул капюшон плаща и прошептал несколько слов, которые пропитали ткань охотничьей магией.

По голове и плечам побежали легкие мурашки от ощущения близкого волшебства. Для князя ничего не изменилось. Для любого другого наблюдателя Алит исчез; только что сидела закутанная в черное фигура, а через миг осталась лишь колышущаяся трава. Невидимый Алит осторожно выпрямился в полный рост. Первый ряд копейщиков стоял совсем близко, при желании он мог бросить в них травинку. Их возглавляла женщина-друкай

с красными волосами, переплетенными при помощи окровавленных жил в косы, и шрамом от правого уха до подбородка. Ее глаза отличались пронзительным льдисто-голубым цветом. Алит с трудом подавил желание дернуться, поскольку холодные глаза смотрели прямо на него. Но она не видела его, а рассматривала эллирионское войско вдали.

Алит вытащил из заплечного колчана лук и спокойно наложил стрелу. Натянул тетиву и прицелился в горло капитана. Князь наслаждался охватившим его напряжением и ощущением власти — друкайша не подозревала о неминуемой смерти. На губах князя промелькнула довольная улыбка. Друкайский знаменосец что-то сказал, и женщина повернулась к нему, обнажив в ухмылке заточенные зубы.

Без дальнейшего промедления Алит отпустил тетиву. Стрела попала точно в цель и пронзила насквозь горло капитана. Эльфийка рухнула на землю, изо рта и раны хлынула кровь, заливая соседних солдат. Темные эльфы разразились испуганными криками. Алит наслаждался их паникой и растерянностью. Он тихо опустился в траву и скользнул прочь.

Пока князь пробирался на север, он замечал по дороге свидетельства работы других Теней. Алит замечал, как падают знамена, как оседают на землю колдуньи и лейтенанты со стрелами в груди. Он чувствовал, как по рядам врага расползается неуверенность, но не всем Теням удалось остаться незамеченными. Он также видел, как летят в высокую траву арбалетные болты, и отряды копейщиков бегут за лазутчиками с оружием наперевес.

Хотя вылазка Теней вызвала некоторое смятение, друкаи продолжали наступать, и воинам Алита приходилось перебегать на север, чтобы оставаться впереди армии. Когда Тени снова собрались вместе, князь не досчитался тридцати воинов. Их тела остались лежать где-то на равнине. Черное войско Кераниона решительно надвигалось на встречающих его дождем стрел эллирионцев, и Финуделу пришлось отвести пехоту к реке. Налетчики прикрывали отход, и Алит с Тенями присоединились к маневру. Они невидимками шли рядом с отрядами эллирионцев.

Командиры Кераниона разделили свои силы. Третью пехоты выслали в погоню за отступающими эллирионцами, а остальные копейщики и лучники со зловещими рыцарями Анлека в арьергарде двинулись на кавалерию. Финудел и Атиелль приказали своим всадникам отходить на юг. Они прекрасно понимали, что не смогут противостоять более многочисленному врагу лицом к лицу. Алит с ужасом видел, что эллирионцы разделились, и войско друкаев клином вдавливается между двумя его крыльями — пехотой и кавалерией.

Прячась под укрытием высокой травы на берегу Ирланы, Алит понял, что сам совершил точно такую же ошибку. Остаток его войска все еще стоял на юге, по другую сторону фронта друкаев. Князь бросил взгляд в затянутое грозowymi облаками небо, выискивая Кераниона. Он заметил дракона на западе; тот медленно планировал над отходящей на юг кавалерией, иногда с силой взмахивая огромными крыльями, чтобы удержаться на порывистом ветру.

Вскоре план Кераниона стал очевиден. Пехота друкаев растянулась живым барьером, который прижал эллирионских лучников и копейщиков к реке. Затянутая в черные доспехи кавалерия Анлека наконец выступила из резерва. Между отрядами копейщиков и арбалетчиков понеслись извивающиеся колонны с выставленными пиками. Когда всадники оказались в авангарде, они перестроились по эскадронам. Их лица скрывали узорчатые черные забрала, отчего рыцари производили еще более жуткое впечатление.

— Бежать некуда, — произнес Лиерендуир слева от Алита. — Рыцари опрокинут эллирионцев в воду.

— Теперь эллирионцам придется сражаться, — ответил Алит.

— А мы?

Алит огляделся, изучая местность. На западе равнина становилась плоской, и река разливалась до пяти сотен шагов в ширину. На другой стороне почти от самого берега начинался Ателиан Торир, глубины леса терялись в тени. Алит кивком указал туда.

— Когда начнется наступление, мы побежим к разливу, — произнес он. — При необходимости укроемся в лесу.

— А как же воины в лагере?

— Пока что мы ничего не можем сделать для них. Мы попытаемся заманить некоторые отряды друкаев через реку и дальше в лес, чтобы дать остальным время отступить на юг и добраться до сил Каледора.

Лиерендуир поморщился, не одобряя пессимизма князя, но промолчал и отвернулся к рыцарям Анлека. Два войска стояли в пугающей тишине — каждая сторона надеялась, что противник выдаст свои намерения. Теперь, когда многие колдуны друкаев пали от рук Теней, гроза начала стихать, хотя тишину еще изредка нарушал гром, а по редующим облакам металась отблески молний. На востоке сумрак рассеивался под лучами солнца. С такого расстояния Атиелль казалась золотым пятном среди сияющих серебристых доспехов рыцарей, и Алита охватило волнение за судьбу княжны. По сравнению с черной массой наггароттов эллирионское войско выглядело каплей в море.

Алит вспомнил широкие мосты и бульвары Тор Элира, белые башни, которым предстоит сгореть и рухнуть в случае победы друкаев. Его не заботила судьба города, но в сердце жила память о приезде туда, о встрече с Атиеллью. Ее отказ бросить город на произвол судьбы говорил о том, как она любит родину и свой народ. Эта мысль принесла с собой другие воспоминания — о сожженном Эланардрисе и прибитом к двери Геритоне.

Перед мысленным взглядом Алита обе сцены наложились друг на друга. Он видел открытый парадный зал Тор Элира, на тронах мертвых Финудела и Атиелль, окровавленные трупы эльфов и лошадей вокруг. Такая судьба ждала всех, кто осмелился сопротивляться друкаям, и Алит почувствовал угрызения совести за свои резкие слова. Финудел и Атиелль рисковали всем, что имели, не ради славы и чести, но чтобы выжить. Слова Атиелли снова и снова возвращались к нему: *«Мы должны разбить друкаев потому, что они презирают мир и ненавидят жизнь. Если мы сами уподобимся им, то потеряем все, за что сражались»*.

Сейчас, на равнинах Эллириона, он явственно услышал ее голос. Алит не спускал глаз с далекого золотистого пятна и усилием воли прогнал кошмарные видения. Затем перевел взгляд на друкайское войско, на бесконечные черно-фиолетовые ряды, на знамена со зловещими символами, которые открыто свидетельствовали о порочности стоящих под ними эльфов.

— Боги нас всех покарают, — прорычал князь и выпрямился во весь рост.

Тени озабоченно уставились на своего лидера. Алит неспешно наложил стрелу и прицелился в одного из рыцарей Анлека. С мрачной улыбкой отпустил тетиву. Взглядом проследил за стрелой, которая пронеслась над равниной и вонзилась в шею лошади. Животное взметнулось на дыбы и упало, придавив собой всадника.

Алит выпустил вторую стрелу, к нему присоединились другие Тени. В кавалерию полетел нестройный рой стрел. Некоторые находили цель, и рыцари в черных доспехах один за другим падали из седел.

Алит повернулся к Хиллраллиону.

— Дай мне свой рог, — приказал он.

Хиллраллион отстегнул от пояса изогнутый охотничий рог, добежал до князя и вложил его в протянутую руку. Алит взглянул на опоясывающие инструмент золотые полосы — в них отражались проблески молний.

Он поднял рог к губам и выдул протяжный звук, который сначала повышался, а под конец опустился до длинного басовитого раската. Эскадроны рыцарей поворачивались на звук; даже на таком расстоянии до Теней доносились их гневные крики. Несколько раз подряд Алит сыграл анарский сигнал атаки, затем перебросил рог обратно Хиллраллиону. Князь не знал, услышал ли звук рога Тарион в лагере, и что предпримет капитан, если все-таки услышал. Все, в чем на данный момент уверился Алит, — что сегодня не тот день, чтобы бежать и прятаться до лучших времен. Сегодня он будет сражаться и, если понадобится, умрет.

Он молча воздал должное Финуделу, а может Атиелли, когда услышал ответные сигналы со стороны эллирионского войска. Лучники на берегу реки вскинули луки и выпустили в друкайских рыцарей залп сверкающих в сумраке белых стрел. Тени продолжали обстрел со своей стороны. Копейщики с дерзкими боевыми криками выстраивались в порядки для атаки.

Авангард рыцарей Анлека на глазах терял уверенность в себе. Алит видел, как спорят капитаны отрядов. Они пытались решить, что делать: то ли ответить на угрозу со стороны вражеской пехоты, то ли все-таки раздавить ненавистного анарского князя, который насмехается над ними. А пока они спорили, пехота Эллириона под прикрытием града стрел подступала все ближе.

Наконец наггаротты восстановили подобие порядка, и три эскадрона рыцарей — шесть сотен всадников — развернулись к воинам Алита. Остальная кавалерия подстегнула коней и понеслась навстречу наступающим эллирионцам.

У Алита не оставалось времени, чтобы как-то спланировать неизбежное столкновение: рыцари быстро приближались к его отряду.

— В воду! — крикнул Алит.

Он понимал, что, двигаясь по суше, Тени не сумеют быстрее всадников добраться до разлива реки.

Когда рыцари перешли в галоп, он первым бросился с высокого берега в воду. От холода перехватило дыхание, а течение закрутило и понесло его. Алит вынырнул на поверхность и отстегнул плащ, чтобы тот не тянул его ко дну. Затем уверенными гребками поплыл к противоположному берегу. Рядом черно-серыми пятнами плыли другие Тени, их плащи уносило вниз по течению. Быстрый взгляд через плечо подтвердил, что рыцари осадили коней на берегу и не спешили погрузиться в бурлящую реку. Вслед уплывающим Теням неслись проклятия и оскорбления, но скоро командиры поняли, что происходит, и повели свои эскадроны по берегу на запад, в обход разлива.

На середине реки Алит глянул налево, на отступающих рыцарей, и попытался прикинуть, успеют ли те добраться до дальнего берега разлива раньше Теней. Судя по скорости наггароттов, они еще будут на полпути, когда Тени уже окажутся на твердой земле. Справа вовсю кипела битва между пехотой эллирионцев и друкаями. Рыцари успели раздавить несколько отрядов копейщиков, путь нагаритской кавалерии устлала горы трупов. Из воды Алит не видел всадников Эллириона и собственное войско и надеялся, что

они держат натиск неприятеля. Но поскольку пока князь все равно ничего не мог сделать, ему оставалось лишь плыть как можно скорее.

Тяжело дыша, Алит пробился через камыши на северном берегу Ирланы и выбрался на землю. Вокруг него черными выдрами выскальзывали из воды Тени. В мокрой одежде Алита сразу же пробрала дрожь; солнце все еще скрывали темные облака, а ветер уносил последние остатки тепла.

— Что теперь, князь? — спросил Хиллраллион. Подобное обращение на миг сбило Алита с толку. Замерзший и мокрый, он совсем не чувствовал себя князем. — Алит? Что теперь?

На западе Алит видел, как первые рыцари в брызгах воды выезжают на берег. На севере темнел Ателиан Торир, спасение от всадников Анлека.

— В лес, — приказал Алит. Он выжал, как мог, воду из рубахи. — Надо заманить их в лес. Залезем на деревья и расстреляем их сверху.

Тени не торопились; у них хватало времени, чтобы добраться до леса, прежде чем всадники нагонят их. Они поменяли тетивы на луках, достав сухие из пропитанных воском мешочков, вылили воду из колчанов и стряхнули капли с оперенья стрел.

Тени пробежали уже полдороги до деревьев, до укрытия оставалось около сотни шагов, когда бегущий впереди Хиллраллион остановился и предостерегающе поднял руку. Алит заторопился к капитану — тот напряженно всматривался в густое переплетение листьев.

— Мне показалось, там что-то двигалось, — сказал Хиллраллион.

— Двигалось? — переспросил Алит, всматриваясь в темные кроны. — Что именно?

— Не знаю, — пожал плечами лейтенант. — Тени сместились. Смотри, вон там!

Алит проследил за пальцем Хиллраллиона. И точно, в темноте под кронами деревьев выделялась какая-то фигура, расплывчатая и неподвижная. Князь сразу же понял, что перед ним вороний герольд.

Приглядевшись, он заметил бесшумных всадников на неподвижных лошадях: с первого взгляда они казались лишь черными пятнами среди теней. Алит не мог пристально взглянуть и подсчитать их количество, но прикинул, что никак не меньше нескольких дюжин.

— У Морай-хег жестокое чувство юмора, — прошипел Алит.

Он бросил взгляд на запад. Все больше рыцарей пересекало реку. Один эскадрон уже построился и в боевом порядке быстро надвигался на Теней.

Хиллраллион недоуменно посмотрел на него.

— Вороньи герольды, — пояснил Алит.

Хиллраллион с новым страхом оглянулся на лес и невольно потянул стрелу из колчана. Прочие Тени последовали его примеру и стали готовить оружие к бою; по отряду пополз тревожный шепот.

— Наверняка они нас увидели, — произнес Алит. — Почему они не нападают?

— Возможно, они ждут, пока нас раздавят рыцари, не хотят рисковать жизнью.

Алита такой ответ не устроил, и князь продолжал всматриваться в расплывчатые фигуры под деревьями, будто взглядом мог выпытать их намерения. Топот приближающейся кавалерии нарастал, но Алит не сводил глаз с вороньих герольдов. Чего они ждут?

Будто в ответ, в вершинах ближайших деревьев что-то зашевелилось. На сук отдельно стоящего на опушке дерева приземлился черный ворон, склонил голову и громко каркнул.

Алит рассмеялся, хоть и не мог до конца поверить в удачу. Тени удивленно смотрели, как князь поднялся во весь рост.

— Стреляйте в рыцарей. — Алит вытащил лук.

— Герольды нападут на нас со спины! — запротестовал Галатрин.

Алит оглядел Теней и увидел сомнение на их лицах.

— Доверьтесь мне.

Он повернулся к приближающемуся эскадрону и натянул тетиву.

Когда рыцари Анлека перешли в галоп, Алит ощутил полную уверенность в себе. Все отошло на задний план: тревоги, страхи, злость. Его охватило абсолютное спокойствие, дыхание стало медленным и ровным, руки — легкими, движения точными и обдуманно. Он видел приближающихся всадников в мельчайших деталях, будто время замерло на месте. С грив и хвостов коней разлетались капли воды, и эскадрон окружала прозрачная взвесь. На черных кольчугах тоже блестела вода. Золоченые наконечники пик и серебряные шлемы сверкали от отражающихся в них вспышек молний.

За три сотни шагов Алит прицелился в знаменосца первого эскадрона. Стрела взлетела в бушующее грозой небо, понеслась вниз и ударила в голову рыцаря. Тот завалился вбок, знамя выпало из рук, но скачущий следом всадник наклонился и подхватил древко раньше, чем оно коснулось земли. Алит выпустил еще одну стрелу. Порыв ветра отбросил ее в траву перед авангардом рыцарей. Князь сделал поправку на ветер, прицелился, но следующая стрела отскочила от поднятого щита анлекца.

За двести пятьдесят шагов остальные Тени присоединились к обстрелу. Алит нащупал в пустом колчане одинокую стрелу, нарочито медленно вытащил ее и осмотрел древко и оперение. Не найдя никаких повреждений, он наложил стрелу на тетиву.

За две сотни шагов Алит отпустил тетиву, и последняя стрела понеслась навстречу всадникам. Она попала в плечо одному из скачущих в первых рядах рыцарей, выбила его из седла, и тот покатился под копыта лошадей, мчащихся следом. Алит убрал лук в колчан и вытащил меч.

За сто пятьдесят шагов темные пятна под деревьями задвигались. Земля содрогалась под топотом кавалерии, но внимание князя привлекло то, как неестественно замер лес. Вороньи герольды в жутковатой тишине длинной цепью выезжали на опушку. Несколько сотен всадников в плащах из перьев, окутанные странной тьмой, невозможно быстро скользили между стволами. За ними следовала огромная стая — сотни птиц под карканье и хлопанье крыльев черной тучей вылетали из леса.

Вороньи герольды выпустили залп стрел, и ближайший к лесу эскадрон рыцарей охватило смятение. Падали всадники и спотыкались кони. Герольды убрали на ходу луки, достали копья с узкими наконечниками и выставили их перед собой в боевой позиции.

Когда между отрядом Алита и анлекской кавалерией оставалась сотня шагов, вороньи герольды врезались во фланг строя рыцарей как черный нож в масло. Они выкашивали не ожидавших нападения всадников Анлека дюжинами. Высокое ржание лошадей и панические крики эльфов металась между деревьями, а вороньи герольды продолжали неумолимо прорубаться к реке.

Рыцари в передних рядах оборачивались и натягивали поводья.

— В атаку! — проревел Алит.

Он поднял меч и бегом ринулся на врагов, не оглядываясь на других Теней.

Авангард рыцарей, зажатый между Тенями и вороньими герольдами, разворачивался то направо, то налево. Алит быстро сократил расстояние до неприятеля. Он бежал в высокой траве, в ушах стучала кровь.

Один из рыцарей развернул коня и попытался достать его пикой, но Алит успел подобраться вплотную и без труда увернулся от направленного в грудь наконечника. С боевым криком он ухватил рыцаря за руку и использовал ее как опору, чтобы запрыгнуть на коня за спиной наггаротта.

Князь воткнул меч в спину рыцаря с такой силой, что клинок насквозь пронзил толстый плащ и кольчугу. Алит отбросил тело и соскочил наземь. Лошадь продолжала галопом нестись вперед и волокла по траве рыцаря, сжимавшего мертвыми руками поводья.

Алит отшатнулся от еще одного выпада пики; наконечник прошел в волоске над головой. Затем поднырнул под ноги коня и рубанул мечом по подпруге. С криком рыцарь завалился на бок и тяжело рухнул на землю рядом с Алитом. Тот вонзил клинок в забрало шлема и огляделся в поисках следующего врага.

Впереди схватка между рыцарями и вороньими герольдами переросла в ожесточенное побоище. Звенели мечи, звучали проклятия. Лошади сражались наравне с хозяевами, били копытами и кусали, пока всадники рубили и кололи. Пешему там не было места, и Алит с Тенями держались в стороне, высматривая зазевавшихся анлекцев.

Из толпы, пошатываясь и прижимая к себе руку, выбрался рыцарь. Он упал на колени, кровь потоком хлынула по кольчужной юбке. Тени без промедления бросились на него с занесенными мечами. Алит выдернул клинок из груди мертвеца и оглядел сражение.

Кавалерию Анлека сильно потрепал первый натиск, но хотя рыцари потеряли около половины воинов, они продолжали упрямо сражаться. Те из Теней, у кого еще остались стрелы, высматривали в бьющемся клубке подходящие цели и стреляли в них. Подкованные сталью копыта коней топтались по трупам наггароттов с обеих сторон, раненые пытались отползти в безопасное место. Тени перевязывали вороньих герольдов оторванными от своей одежды лоскутами, догоняли спасающихся рыцарей и рубили их.

Вокруг схватки летали вороны, что только добавляло смятения. Птицы бросались на рыцарей, клевали в незакрытые шлемом носы и щеки и совали клювы в забрала, желая добраться до глаз. Часть стаи расселась на трупах, драла когтями одежду и отрывала ошметки окровавленной плоти.

Алит заметил, что падальщики пировали только над мертвыми анлекцами и не приближались к неподвижно лежащим в высокой траве герольдам.

Рыцари сражались до последнего эльфа — им оказался капитан в узорном доспехе, отделанном золотом и серебром. Он отбросил пику и рубил врагов длинным мечом, вдоль лезвия которого плясал магический огонь. Каждый удар играючи разрубал тела и конечности. Лицо эльфа скрывал шлем с выгравированной маской рычащего демона, глаза прятались в тени. Конь под ним плясал и вертелся. Вдруг вороньи герольды как один отскочили от друкайского офицера. У его ног уже лежало около дюжины тел.

Без единого слова несколько всадников убрали копья и вытащили луки. Кольцо герольдов растянулось. Капитан понял, что сейчас произойдет, и подстегнул коня, занеся меч для последней атаки. Восемь стрел вонзились ему в голову и грудь раньше, чем он дотянулся до вороньих герольдов, и друкай рухнул в пропитанную кровью траву рядом с погибшими от его руки.

Вороньи герольды не кричали победно, не размахивали радостно оружием. Они проехали между горами мертвых и раненых, выискивая живых врагов. Алит безучастно наблюдал, как они втыкали копыта в еще дышащих рыцарей, а затем отвернулся к югу.

Он не мог разглядеть, что происходит на другом берегу реки — там кипело черно-белое облако. Знамена Эллириона развевались рядом с флагами Нагарита, все остальное терялось в общем смятении битвы. Маневры и стратегия сыграли свою роль, но конечный исход сражения все равно оставался за силой, ловкостью и храбростью.

Алита накрыла тень, он поднял голову и увидел над собой лицо вороньего герольда. Тот держал в правой руке окровавленное копьё. Перчатки и рукава промокли от крови.

Из-под капюшона сверкнули зеленые глаза, и Алит улыбнулся.

— Должно быть, у Морай-хег на меня особые планы, раз она снова решила сохранить мою жизнь, — сказал анарский князь.

— Меня привела сюда не Всевидящая, — ответил Эльтириор.

— Тогда кто прислал тебя нам на помощь?

— Княжна Атиелль. В первую ночь после нашего прибытия в Тор Элир она попросила меня вернуться на север и собрать тех герольдов, что готовы противостоять тьме Анлека.

— Тем не менее вы подоспели вовремя, — заметил Алит.

— Битва еще не выиграна. — Эльтириор кивком указал на другой берег. — Войско Финудела и Атиелли с трудом сдерживает натиск. Керанион готовит последний удар.

Алит вскинул голову и осмотрел небо. На юге с высоты темной молнией спускался огромный зверь. Дракон со сложенными крыльями и струящимся изо рта и ноздрей паром падал на кавалерию эллирионцев. На миг Алиту показалось, что он врежется в землю, но в последний момент монстр распахнул крылья и полетел над самыми головами всадников, пропахивая когтями огромные борозды в их рядах. Эльфы и кони разлетались во все стороны. Дракон начал снова подниматься в небо. Напоследок он ухватил лапами еще двух эллирионцев и бросил их с высоты на землю, где они разбились насмерть среди товарищей.

Алит неподвижно наблюдал за побоищем, пока его взгляд не нашел крохотную фигурку золотого всадника — Атиелль. Дракон кружил над эллирионцами; стрелы отскакивали от его толстой шкуры, не причиняя вреда.

Алит огляделся в поисках лошади — многие остались без всадников и бродили вокруг. Он подбежал к стоящему неподалеку коню погибшего вороньего герольда и вскочил на него.

— И чего ты хочешь добиться, Алит?

Вместо ответа князь пустил коня галопом. Он то и дело оглядывался через плечо на дракона: тот поднимался в небо и нырял вниз, врывался в ряды эллирионцев и снова взлетал под облака. На таком расстоянии до Алита не доносился шум побоища, и оно выглядело вытканной на гобелене сценой, ужасной, но по-своему красивой.

Конь пронесся через брод, ноги залило водой, но Алит ничего не заметил, как не замечал холодного ветра и не слышал плеска реки. Он не отрывал взгляда от Атиелли и ее рыцарей; отряды Финудела уже теснили арьергард друкаев у берега. Дракон продолжал терзать кавалерию Эллириона, его когти и ядовитое дыхание неустанно прорезывали ряды налетчиков. Многие пытались ускакать от чудовища, но группа из нескольких сотен всадников вокруг Атиелли не отступала и поливала дракона стрелами, которых он даже не замечал.

Конь Алита добрался до противоположного берега и рывком выскочил из осоки на твердую землю. Князь едва не выпал из седла. Он покачнулся, но удержал равновесие и

снова обернулся к югу. На миг все мысли об Атиелли и черном драконе вылетели из его головы.

Алит увидел, как на помощь княжне спешит оставленное в резерве анарское войско, но поразило его другое. За анарцами шла огромная, в несколько тысяч солдат, армия в серебряных, зеленых и красных доспехах.

В небе над ней кружило четыре поджарых дракона, два красных и два темно-синих. Это были драконы князя Каледора!

Алит остановил коня и изумленно наблюдал, как легко скользит над равниной четверка драконов: они летели так низко, что кончики крыльев едва не задевали траву. Из ртов вырывалось пламя. Оно оставляло в воздухе серую дымку, которая закручивалась воронками под ударами крыльев. На спинах драконов на тронах сидели всадники; над ними развевались длинные красно-зеленые знамена.

Алит издал крик радости, настолько его поразила мощь и грациозность летящих на армию Кераниона драконов. Командир друкаев еще не заметил опасности и продолжал терзать охрану Атиелли.

Двое каледорцев свернули налево, к сражению у реки. Они пролетели в полусотне шагов от Алита; его обдало воздушной волной от взмахов драконьих крыльев. Два других дракона направились к Кераниону.

Друкайский князь со смехом вонзил пику в тело еще одного незадачливого эллирионца. Кровавый Клык рвал живую плоть зубами и когтями, наслаждаясь убийством. Керанион не спускал глаз с одетой в золотой доспех княжны и предвкушал, как позабавится с нею ночью. Ее и брата он возьмет живыми и посрамит обоих перед тем, как передать изувеченные останки жрецам и жрицам Каина.

С подобными мыслями Керанион потянул золотые цепи, которые служили поводьями Клыка. От усилия заболели руки. Дракон смахнул с коня всадника и повернул к хозяину искривленную в недовольной гримасе морду.

— Не трогай княжну! — приказал Керанион. — Она моя!

Кровавый Клык издал разочарованный рык, но не стал протестовать и вернулся к охоте на эллирионцев. Его пасть сомкнулась на одной из лошадей, движением челюстей обезглавив ее. Взмах шипастого хвоста смел троих всадников: доспехи трескались, ломались ребра и лопались внутренние органы.

Керанион почти расчистил путь к Атиелли; между ними оставалось жалкая дюжина рыцарей. Он видел, как княжна наградила его презрительным взглядом из-под разлетающихся длинных локонов. Керанион задумался, насколько непокорной она сумеет остаться, когда волосы сбредут, а прекрасное лицо узнает ласку острых лезвий. Князь ощутил возбуждение и подстегнул Клыка.

Тот сделал шаг вперед. Удар когтистого крыла раскидал нескольких рыцарей, но затем дракон внезапно остановился. Он вытянул шею, принюхался и вдруг повернул налево.

— Что ты творишь? — закричал Керанион и изо всех сил натянул цепи.

Клык не обратил на него внимания и напряг мускулы, готовясь к прыжку в небо. Керанион быстро огляделся в поисках того, что вызвало приступ непослушания у его крылатого скакуна. На юге он заметил двух огромных драконов, летящих к ним.

— Милостью Каина, — прошептал Керанион.

Кровавый Клык подпрыгнул. Поднятый его крыльями вихрь опрокидывал лошадей и выбивал всадников из седел. Керанион чувствовал, как колотится сердце дракона; похожие на удары тяжелого молота вибрации раскачивали трон и отдавались в позвоночнике князя. Пока зверь набирал высоту, его дыхание вырывалось громовыми залпами, вокруг дракона и всадника образовалось маслянистое облако.

Первый каледорский дракон повернул направо и затем резко взял влево; князь на его спине опустил длинную пику вдоль шеи чудовища. Клык увернулся, но пика пронзила перепонку его правого крыла и оставила большую рваную дыру в покрытой чешуей коже. Мощным рывком вражеский дракон залетел за спину Кераниону и ударил Клыка хвостом в бок.

Второй каледорец поднял своего зверя выше. Огромный дракон сложил крылья и сверху ринулся на Клыка. Керанион извернулся в седле, упер древко магической пики в спину дракона, чтобы уменьшить отдачу, и направил наконечник на приближающегося князя. Раненое крыло Клыка дернулось и пропустило взмах, отчего дракон завалился влево, не дав Кераниону как следует прицелиться.

Нагаритский князь уставился на противника. Искаженное гримасой ненависти лицо каледорца обрамляли длинные, разметавшиеся от ветра платиновые волосы. Темно-голубые глаза князя встретились с взглядом друкая. В них сверкал гнев.

Керанион ответил на взгляд проклятием, и тут наконечник пики каледорца вонзился в цель.

Во вспышке магического огня он пробил нагрудную пластину доспеха Кераниона, прошел сквозь легкое и раздробил позвоночник. Сила удара скинула друкайского князя с трона, переломав закрепленные в лакированных стремянах ноги. Мертвые руки разжались и выпустили цепи. Каледорец дернул запястьем и сбросил с пики тело Кераниона. Кружась в воздухе, оно полетело к земле далеко внизу.

Первый дракон развернулся и прошелся когтями по морде Клыка. Фонтаном брызнула сорванная чешуя. Клык издал пронзительный рев и выплюнул облако ядовитого газа. Из раны заструилась кровь. Черный дракон взмахнул крыльями и понесся прочь, к Внутреннему морю.

Освободившийся от власти Кераниона, Кровавый Клык быстро скрылся в облаках.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Горькая судьба

В сопровождении Анельтайна Алит въехал в каледорский лагерь. Он уже встретился с Тарионом и узнал, что в битве погибло около четырех сотен анарцев, и в два раза больше солдат получили тяжелые ранения. С прибытием каледорцев перевес оказался на их стороне, но друкаи сражались отчаянно и отступили только после наступления сумерек. Армия Анлека бежала обратно к перевалу, преследуемая мстительными налетчиками и драконьими князьями.

В лагере царил дух праздника. Повсюду горели костры, из белых и красных палаток доносилось песни и смех.

Шатер драконьих князей возвышался над остальным лагерем. Его крышу поддерживали три крепких шеста с флагами Каледора.

Всадники спешили у откинутого полога. К ним тут же подошли солдаты, чтобы забрать лошадей. Алит перешагнул порог и оказался в окружении толпы эллирионцев и каледорцев.

Собравшиеся вели оживленные разговоры, их глаза блестели, лица покраснелись от вина и радости победы. Четыре драконьих князя, все еще в окровавленных доспехах, встречали гостей в центре павильона. Рядом с ними с улыбками стояли Атиелль и Финудел.

При появлении Алита все обернулись, но князь смотрел только на Атиелль. Ее лицо омрачилось, и княжна отступила назад, за спину брата. Не успел Алит заговорить, как его окликнул один из каледорцев: глубокий голос звучал крайне недружелюбно.

— Чего тебе здесь надо? — спросил князь, холодно рассматривая Алита темно-голубыми глазами.

— Я Алит Анар, князь Нагарита.

— Наггаротт? — Каледорец с сомнением приподнял бровь и отодвинулся.

— Дориен, он наш союзник, — вмешался Финудел. — Если бы не помощь Алита, вы бы нашли нас уже мертвыми.

Каледорский князь склонил голову набок и презрительно осмотрел анарца. Алит ответил ему таким же пренебрежительным взглядом.

— Алит, это князь Дориен, — прервал воцарившееся неловкое молчание Финудел. — Младший брат короля Каледора.

Алит ничего не ответил и не сводил с Дориена глаз.

— А что с Эльтириором? — спросила Атиелль. Она вышла из-за спины брата, и Алит перевел взгляд на нее. — Где он?

— Не знаю, — покачал головой Алит. — Он идет по путям Морай-хег. Вороньи герольды забрали своих мертвых и исчезли в Ателиан Торире. Возможно, вы никогда больше не увидите его.

— Анар? — протянул один из каледорцев. — Я слышал это имя от взятых в Лотерне пленников.

— И что они говорили? — спросил Алит.

— Что анарцы сражались вместе с Малекитом и сопротивлялись Морати, — ответил князь. Он протянул руку. — Меня зовут Тиригор. Рад видеть тебя в нашем лагере. Не обижайся, что мой вспыльчивый кузен встретил тебя неприятливо.

Алит быстро пожал протянутую руку. Дориен фыркнул, отвернулся и крикнул слугам, чтобы принесли еще вина. Когда он удалился в толпу, Алит заметил, что князь хромает.

— Он в дурном настроении, — пояснил Тиринор. — Я подозреваю, что у него сломана нога, но он не дает лекарям осмотреть ее. После битвы в нем еще кипит огонь и кровь. Завтра он успокоится.

— Мы благодарны за вашу помощь, — сказала Атиелль. — Вполне возможно, что своевременное прибытие вашего войска спасло нам жизнь.

— Четыре дня назад мы получили донесение, что друкаи передвигаются вдоль перевала и сразу выступили за ними, — ответил Тиринор. — К сожалению, мы не можем задержаться здесь. Нас ждут в Крейсе. Враги захватили почти все горные переходы, и король с войском отплыл по морю, чтобы помешать им укрепиться на границе с Котиком. Завтра мы выступаем на север, затем пройдем через Авелорн и нанесем удар с юга. Сегодня мы одержали внушительную победу, и Каледор благодарит жителей Эллириона за принесенные ими жертвы.

Алит едва не фыркнул презрительно, и ему пришлось отвернуться, чтобы скрыть гримасу отвращения. Что они знают о жертвах?

— Алит? — позвала его Атиелль, и он ощутил ее присутствие за плечом.

Князь обернулся.

— Прости, — произнес он. — Я не могу разделить вашу радость по поводу сегодняшней победы.

— Я думал, ты будешь рад, что Керанион мертв. — К сестре подошел Финудел. — Можно сказать, что он заплатил в какой-то мере за гибель твоего отца.

— Нет, — тихо ответил Алит. — Керанион умер быстро.

Атиелль и Финудел пораженно замолчали. Тиринор подошел к ним и протянул Алиту кубок.

Нагаритский князь неохотно принял его.

— Не часто нам удается порадоваться победе, — произнес каледориец и поднял свой бокал в тосте. — Благодарю тебя и твоих воинов за проявленную храбрость. Будь король здесь, не сомневаюсь, что он повторил бы мои слова.

— Я сражаюсь не ради похвал, — сказал Алит.

— Тогда ради чего ты сражаешься?

Алит ответил не сразу; он прислушался к холоду, который охватил его сердце, и к теплу стоявшей рядом Атиелли. Он глянул на княжну и ощутил некоторое утешение.

— Прошу прощения. — Он выдавил слабую улыбку. — Я очень устал. Больше, чем вы можете себе представить. Эллирион и Каледор мужественно сражаются за свободу своих княжеств, и мне не следует винить вас в обстоятельствах, которые находятся за пределами вашей власти.

Алит сделал глоток вина. Оно оказалось сухим, почти безвкусным, но он заставил себя одобрительно кивнуть. Затем поднял кубок и пристально посмотрел на каледорца.

— Желаю вам выиграть все ваши битвы и положить конец войне! — провозгласил он. Метнул быстрый взгляд на Атиелль, но не смог разобрать выражения ее лица, лишь заметил слегка нахмуренный лоб и поджатые губы.

— Не будем дальше злоупотреблять вашим обществом, — заявил Финудел и взял под руку Атиелль. Она бросила последний взгляд на Алита и пропала с братом в толпе каледорских дворян.

Алит посмотрел на Тиринора.

— Вы будете сражаться до конца, даже когда не останется надежды? — спросил юноша. — Ваш король готов отдать жизнь за свободу Ултуана?

— Готов, — ответил Тиринор. — Или ты считаешь, что только у тебя хватает причин, чтобы сражаться с друкаями? В таком случае ты сильно ошибаешься.

Каледорский князь оставил Алита наедине с его мыслями и ушел искать своего кузена. Алит долго стоял и рассматривал содержимое кубка в руке. Красное вино напомнило ему кровь, а его вкус до сих пор горчил на языке. Ему хотелось разжать пальцы, выронить кубок и уйти, бежать от князей Эллириона и Каледора как можно дальше. Они сражались с друкаями, произносили красивые слова и порицали врагов, но не понимали главного. Никто из них не понимал, с кем сражается.

Пока Алит оглядывал собравшихся в павильоне эльфов и старался скрыть презрение к ним, он заметил знакомое лицо — Каратриля. Герольд держался особняком и явно чувствовал себя неуютно. Он встретился глазами с Алитом и взмахом подозвал его к себе.

— Я не ожидал увидеть тебя здесь, — произнес Алит.

Каратриль жестом указал на скамью и уселся. Алит остался стоять.

— Кажется, моя судьба послужить посланником еще одному королю, — со вздохом признался Каратриль.

— И ты будешь служить ему с радостью?

Каратриль обдумал вопрос.

— Он понимает язык действий и не тратит время на лишние слова, — наконец сказал герольд. — Это лучший командир, о каком можно мечтать.

— А когда война закончится?

— Пока не стоит загадывать, — ответил Каратриль. — Неразумно волноваться о будущем, когда не уверен в нем. Тебе лучше примкнуть к Каледору, Алит. Он достаточно силен, а упорства ему не занимать. С его помощью ты сумеешь восстановить свои земли в Нагарите.

— Я хорошо усвоил жестокие уроки последних лет, — произнес Алит. — Нельзя править, опираясь на власть других. Облако не может плыть против ветра. Мы ждали помощи от Малекита, и он ничего не сделал, чтобы предотвратить свалившиеся на анарцев беды. Мы обратились к Бел Шанаару, и он подвел нас. Я не хочу больше тратить время на королей.

— Но ты ведь не собираешься выступить против Каледора? — с искренним ужасом произнес Каратриль.

— По правде говоря, я точно не знаю, — пожал плечами Алит. — Меня заботит только будущее Нагарита; пусть Король-Феникс и князья делают все, что им угодно. Я последний из верных князей Нагарита, и я восстановлю на своей родине законное правление. Каледор не имеет никакой власти над наггароттами; их может возглавить лишь сородич.

Дориен увел каледорцев на север, но Алит предпочел остаться в Эллирионе. Его войско понесло большие потери, и даже князь понимал, что пока оно не может участвовать в войне. С разрешения Финудела и Атиелль, наггаротты разбили лагерь на равнине неподалеку от Тор Элира и там провели зиму, собираясь с силами.

Разговор с Каратрилем взбудоражил Алита и поднял множество вопросов, на которые он пока не находил ответов. Где он будет сражаться и на чьей стороне?

Ему не хотелось преклонять колена перед каледорцами, хотя все высоко отзывались о новом Короле-Фениксе. Нагарит и Каледор с незапамятных времен соперничали друг с другом, и северяне издавна не доверяли южанам. Обращение к Бел Шанаару показало Алиту, что титул Короля-Феникса ничего не стоит; он будет бороться за чужое княжество с тем же рвением, с каким отдаст свою жизнь за травинку или лист.

Алита мало заботило будущее тиранокцев, и по большей части князь вообще не вспоминал о них. Они сами посеяли роковые семена и взрастили свою судьбу: слабость правителей привела к захвату княжества чужеземцами. Пока на троне сидел Бел Шанаар, Тиранок кичился своим статусом, князья и дворяне богатели на занимаемых при дворе должностях. Но Бел Шанаар умер, и они сразу обратили свой взгляд на юг, в ожидании, что их спасет новый Король-Феникс из Каледора. Падение Тиранока не вызывало у Алита никакого сочувствия к этому княжеству.

С Эллирионом дела обстояли по-другому. Эллирионцы сражались с друкаями и платили за непокорство тысячами жизней. Алит достаточно хорошо знал себя, чтобы понимать, что уважение к Эллириону отчасти вызвано его чувствами к Атиелли. Но Эллирион не был его родиной. На широких равнинах под открытым голубым небом князь чувствовал себя неуютно.

Пока раненные поправлялись, и Тарион занимался делами анарских отрядов, Алит предпочитал одиночество и часто уезжал к подножию Кольцевых гор, где размышлял о судьбе. Он надеялся на встречу с Эльтириором, но вороный герольд не показывался.

Потерянный и не имеющий перед собой твердого пути, Алит мучил себя воспоминаниями о горящем Эланардрисе, о смерти отца и страданиях, которым подвергся в темницах Анлека дед. Ни один план действий, что приходил ему в голову, не устраивал князя; ни один из возможных исходов не казался удовлетворительным.

Когда в Эланардрис пришло прекрасное жаркое лето, настроение Алита изменилось. Сияющее солнце и пышные травы навевали мысли об Атиелли. Его охватило тоскливое желание снова увидеться с княжной, узнать, как у нее дела. Как когда-то в саду с Миландит, Алит не мог решить, стоит ли поддаться своим чувствам или лучше считать их непозволительной слабостью.

Со смесью предвкушения и опаски Алит отправился в столицу. Несколько дней назад князь послал Атиелль и Финуделу письмо, где говорилось, что он хочет обсудить с ними военные дела. На самом деле война в ее общем проявлении мало значила для Алита. Ни одной из сторон не удалось одержать решающей победы, о разгромных поражениях тоже ничего не было слышно. После битвы на эллирионских равнинах случилось еще две стычки, обе на границах осажденного Крейса. Пока казалось, что обе стороны готовы удерживать текущие позиции и копить силы на будущее.

Алита приняли без лишних церемоний — как он и попросил в письме. Слуги Финудела встретили его на окраинах Тор Элира и молча проводили до центра города. В амфитеатре ожидала небольшая свита во главе с Анельтайном, и вместе они прошли в круглый зал в северной части дворца.

Финудел сидел в одиночестве в дальнем конце зала. Вдоль стен стояли полукруглые скамьи для посетителей. Через высокие окна свободно лились лучи солнца и радугой рассыпались по белому полу. Между окнами в память о погибших на войне висели потрепанные, в выцветших пятнах штандарты рыцарей. Алит попытался их сосчитать и не

смог: сотни, даже тысячи флагов напоминали о смерти героев.

Финудел с улыбкой поднял глаза на приближающегося князя. Легкая белая мантия правителя с вышитым синей и золотой нитью узором напомнила Алиту о сверкающем на морских волнах восходе солнца. Финудел встал и кивком поприветствовал гостя.

— Приветствую тебя, Алит, — сказал он. — Надеюсь, ты в добром здравии.

— Благодарю, — ответил Алит. Он в недоумении оглядел зал. — А где Атиелль?

Улыбка пропала с лица Финудела, и он жестом попросил Анельтайна и прочих удалиться. Когда все ушли, эллирионец пригласил Алита присесть на скамью напротив. Юный князь нахмурился, но подчинился.

— Где княжна? Я хотел поговорить с вами обоими.

— Не думаю, что это разумно, — ответил Финудел.

— Что?

Эллирионец рассеянно выглянул в окно; ему явно не хотелось произносить того, что он собирался сказать. Когда он перевел взгляд на Алита, глаза его светились симпатией, несмотря на упрямо сжатые челюсти.

— Я знаю, что на самом деле ты приехал повидаться с сестрой. — Финудел тщательно подбирая слова, вглядываясь в лицо Алита. — Я видел, как ты на нее смотришь, и я очень удивлен, что ты сумел так долго избегать Тор Элира.

— Мой долг... — начал Алит, но Финудел перебил его.

— Ты сознательно ограничиваешь себя. Ты думаешь, что твои чувства к Атиелли — своего рода слабость, помеха. Тебя терзают сомнения, насчет себя и ее. Это естественно.

— Уверен, что...

— Дай мне договорить! — несмотря на резкий тон, слова Финудела звучали достаточно дружелюбно. Чтобы подчеркнуть их смысл, он поднял палец. — Ты тоже нравишься Атиелли.

В груди у Алита что-то затрепетало. Он не сразу понял, что это поднимает голову давно забытое чувство — надежда.

— Даже мне сестра не говорит о том, что занимает ее мысли, но совершенно ясно, что ей хочется увидеться с тобой, — продолжал Финудел. — Наверняка ее посещают глупые надежды, что у вас двоих есть будущее.

— Почему же глупые? — спросил Алит.

— Потому что ты плохая пара для нее, — извиняющимся, но уверенным тоном ответил Финудел.

— Позволь напомнить, что я князь Ултуана, — вспыхнул Алит. — Да, я лишился земель, но когда-нибудь я верну Эланардрису былую славу. Война не обошла стороной ни одного княжества, все понесли потери и переживают тяжелые времена.

Финудел разочарованно покачал головой.

— Я говорю не о титулах, землях и власти, Алит, — сказал он. — Ты не пара моей сестре. Что ты можешь ей предложить? Увезешь с собой в Нагарит, в блеклое холодное княжество, попросишь забыть о своем народе и жить там? Или оставишь в Тор Элире, а сам отправишься искать мести? И она будет бродить по дворцу и ждать твоего возвращения, даже не зная, жив ты или мертв?

Алит открыл рот, чтобы ответить на обвинения, но Финудел продолжал.

— Я не закончил! Ты можешь выбрать другой путь. Атиелль не заботит то, что ты лишился власти, земель и подданных. Ей нравишься ты. Порой я не могу понять, о чем она

думает. Возможно, вас притягивает друг к другу как раз потому, что вы отличаетесь как день и ночь. Кто поймет, какими доводами руководствуется наше сердце? Мне кажется, что ты испытываешь к ней сильные чувства. Тогда спроси себя, чем ты готов пожертвовать ради нее?

— Я отдам жизнь за твою сестру. — Алит сам удивился вырвавшимся словам, но Финудел лишь покачал головой.

— Нет, ты отдашь за нее смерть, а это разные вещи. Ты готов отказаться от претензий на титул в Нагарите и жить в Эллирионе? Ты цепляешься за месть, как ребенок за подол матери, и ищешь в ее пустоте какой-то смысл. Ты готов отпустить воспоминания, которые заставляют тебя желать врагам смерти? И самый главный вопрос: даже если ты захочешь забыть о мести, способен ли ты будешь это сделать?

— Я не могу измениться, — ответил Алит.

— Не можешь или не хочешь?

Алит встал и зашагал по залу. Слова Финудела задели его за живое.

— По какому праву ты предъявляешь мне подобные требования? — спросил он.

— Я делаю это ради сестры, — спокойно ответил Финудел. — Не говори мне, что не задавался такими же вопросами. Или ты настолько поглощен своими кровожадными планами, что считаешь, будто Атиелль просто свяжет свое будущее с твоим, каким бы оно ни оказалось?

Алит зарычал от бессилия. Он злился не на Финудела, а на себя самого. Эллирионский князь озвучил сомнения, которые поселились в душе Алита, как только он увидел Атиелль.

— Ты ставишь меня перед выбором, который я не могу сделать, — сказал Алит. — По крайней мере сейчас.

— Ты уже сделал выбор, — возразил Финудел. — Тебе просто нужно понять, к какому решению склоняется твое сердце. Я велел приготовить для тебя комнаты, можешь оставаться во дворце сколько пожелаешь, при условии, что не будешь пытаться увидеть Атиелль. Жестоко разжигать ее надежды, если не сможешь их воплотить.

— Благодарю за гостеприимство, но не думаю, что смогу находиться так близко к Атиелли и не видеться с ней. Если я захочу встречи, я сумею найти княжну, несмотря на предосторожности и охрану. Я не хочу нарушать твои условия. Но я не доверяю себе, поэтому мне лучше уехать.

Алит вышел из зала и обнаружил ожидающего его Анельтайна. Обычно разговорчивый и любопытный, эллирионец при виде смятения на лице Алита прикусил язык и оставил вопросы при себе. Он приказал привести из конюшни лошадь Алита, и в молчании они дождались слуг.

Алит вскочил в седло, повернулся к Анельтайну и протянул ему руку. Эллирионец крепко ее пожал и похлопал князя по плечу.

— У меня такое чувство, что я долго не увижу тебя, Алит. Если мы вообще когда-нибудь встретимся, — произнес он.

— Может и так. Береги князя и княжну, да и себя тоже. Хотя я не могу назвать себя твоим другом, желаю тебе удачи в темные времена. Оставайся сильным и, когда будешь наслаждаться теплом и солнцем, вспоминай о тех, кто живет в темноте. Мне пора ехать. Мои Тени ждут меня.

Алит тронул коня. Он ни разу не оглянулся — ни на Анельтайна, ни на дворец, где скрывалась Атиелль. Может, она в этот момент смотрела из окна высокой башни и видела

его отъезд? Или стояла в дверях и глядела ему вслед, и даже не знала, что он никогда не вернется.

Вряд ли, с горьким смешком подумал Алит. Его привели сюда фантазии, осколки разбитой мечты, но Финудел оказался прав. Пока живы друкаи, он не выйдет из тени, и он не потащит Атиелль в темноту. В будущем Алита нет места любви.

Осталась лишь пустота.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Зов Курноуса

Алит несколько дней бездумно ехал на север: ему не хотелось возвращаться к нагаритскому войску, но в то же время он стремился уехать подальше от Тор Элира и Атиелли. Князь не торопился. Раньше он наслаждался бы ярким солнцем, свежим воздухом и просторами полей, но сейчас даже не замечал всего этого. Все его мысли были обращены внутрь: он пытался высечь искру правды из той тьмы, что окутала его сердце.

Когда Алит покидал Тор Элир, он уже знал, что не вернется к Атиелли. Финудел оказался прав, он не смог бы построить свою жизнь с княжной ни в Эллирионе, ни в Нагарите. За горами лежал сожженный дотла Эланардрис, друкаи уничтожили его семью, убили и вынудили бежать подданных. У Алита не осталось ни одного источника, откуда он мог бы черпать силы. Он превратился в качающийся лист на поверхности ручья — плыл по течению жестокости и раздора и не мог выбирать, куда его принесет.

День за днем он ехал на север, куда глаза глядят. Охотился на кроликов и оленей на равнинах и старался держаться подальше от гор — они напоминали горы Эланардриса, но в то же время отличались от родного дома.

Порой он не спал и продолжал ехать по ночам, а иногда кружил на одном месте несколько дней подряд, рыбачил и охотился. Князь не замечал рассветов и закатов и не знал, как много времени прошло после отъезда из Тор Элира. Все потеряло смысл.

В один из солнечных полдней Алит увидел на северо-востоке огромный лес и развернул коня к нему. Вдоль подножия Кольцевых гор он направился к Авелорну, владениям Вечной королевы.

На берегу извилистой реки Ардуил, что отмечала границу Эллириона, вздымались в небо высокие древние деревья Авелорна. По юго-западному берегу раскинулись эллирионские поля и равнины; на противоположной стороне реки до горизонта тянулись темные густые заросли. Вдали, за бескрайним пологом леса, едва проглядывали туманные вершины гор.

На берегу Алит натянул поводья и оглядел прозрачные воды, затем перевел взгляд на сумрачный лес. С ветки на ветку порхали яркие птицы. Их резкие крики показались князю враждебными. В зарослях кустарника в поисках корней и ягод мельтешили грызуны. В воздухе жужжали пчелы размером с палец; они собирали нектар с последних цветов на деревьях.

Алита захлестнула меланхолия. Чувство оказалось не таким острым, как отчаяние, которое часто посещало его после битвы в Темных топях. Он не ощущал горечи, только грусть, вызванную идиллической картиной, увиденной на том берегу. Авелорн не был ни светлым, ни темным — он просто был. Хотя за спиной Алита равнину обдувал порывистый ветер, деревья Авелорна стояли неподвижными и тихими, серьезными как вечность.

Родина всех эльфов, как называли его некоторые философы. Духовное сердце Ултуана; с благословения Иши там правила Вечная королева. У Алита не возникло ни малейшего желания встретиться с загадочной хозяйкой леса. В последнее время его жизнь и так изобиловала князьями, королями и княжнами. Прихоть привела его к границам Эллириона, но Алиту не хотелось идти дальше.

Тем не менее желания возвращаться у него тоже не было, потому что на юге ожидало смятение и упорно живущая в его мыслях Атиелль.

Остаток дня он сидел и смотрел на лес, наблюдая, как тот меняется по мере движения солнца по небу. Тени удлинились, сумрак под ветвями стал гуще. Блестящие в темноте глаза хищников пристально наблюдали за князем. Дневные птицы вернулись в гнезда и замолкли; их перекличка сменилась охотничьими криками сов и ночных ястребов. Густые кустарники ожили: мыши, землеройки и прочие мелкие зверьки осмелились под прикрытием темноты выйти из нор.

Завыл волк. По спине Алита побежали мурашки, скорее от радостного возбуждения, чем от страха. К одиноко воющему волку вскоре присоединились голоса сородичей. Хор доносился справа, с востока, и медленно приближался. Алит повернулся в том направлении, но не смог ничего разглядеть за темными стволами деревьев.

Его внимание привлек шорох листьев и хруст веток, и князь заметил какое-то движение. Белый зверь перепрыгнул через куст и скрылся за деревом. Алит проследил за ним взглядом и увидел, что это белый олень.

Тот быстро исчез из вида. Вой волков становился все громче. Алит не стал раздумывать — повинувшись внутреннему голосу, он спешился и вошел в реку, следуя за звуком. Вскоре ноги перестали касаться дна, и он поплыл мощными гребками. Лук и меч оставались в седельном мешке, но Алит даже не подумал об оружии. Его гнало вперед желание следовать за оленем.

Алит ухватился за свисающий над водой корень и выбрался на противоположный берег. Его сразу обдуло теплым ветерком. Волки подошли совсем близко: князь слышал их шаги по лесному ковру и тяжелое дыхание. Без промедления он пробрался через кусты на опушке и вошел в Авелорн.

Алит направлялся туда, где успел заметить оленя. Он легко бежал по извилистым звериным тропам, срезал повороты и перепрыгивал через корни. Откуда-то слева выл волк, ему отвечали сородичи справа. Но князь не обращал внимания на охотящуюся стаю и быстро и уверенно бежал вперед.

Солнце скрылось за горизонтом, лес погрузился в темноту. Глаза Алита быстро привыкли к ней, ему даже не пришлось сбавлять скорость. Острые чувства охотника позволяли ему лавировать между стволами древних деревьев не хуже, чем днем. Время от времени он замечал впереди белый проблеск и ускорял бег, пока не начинал выдыхаться.

Со всех сторон раздавалось рычание и вой, но Алит не замечал угрозы. Он ждал проводника, и олень пришел к нему. На сей раз князь твердо намеревался не упустить зверя, пока не узнает, куда тот его приведет.

Алит выскочил на небольшую поляну и едва успел остановиться. В десяти шагах замер с высоко поднятой головой олень — он чуял приближение стаи. Алит огляделся и увидел, что поляну окружили серебристые силуэты волков. Со всех сторон блестели желтые глаза и раздавалось тяжелое дыхание.

Стая подкрадывалась к краю поляны. Алит насчитал пятнадцать волков, но не все хищники вышли из-под прикрытия леса — часть стаи двигалась за темными деревьями. Олень вытянул голову с широко распахнутыми в панике глазами; мышцы под его шкурой дрожали от усталости. Он опустил голову и поскреб копытом усыпанную листвой землю.

Волки из кустов зло поглядывали на Алита и неуверенно расхаживали взад-вперед.

Некоторые уселись на задние лапы, вывалили языки и терпеливо ждали, что будет дальше. Темно-серый мех крупных волков переливался серебристыми вкраплениями. Алит чувствовал на себе пристальные взгляды опаловых глаз, способных мгновенно заметить любую слабость.

— Двуногий потерялся, — прорычал голос за спиной.

Алит развернулся и увидел выходящего на поляну огромного волка — ростом почти с оленя, его плечи приходились вровень с грудью эльфа. У волка была густая шерсть, черная полоса вдоль хребта и толстый пушистый хвост. Когда он заговорил, Алит увидел острые как нож клыки длиной с палец. Все это князь отметил мгновенно, но его внимание привлекли ярко-желтые глаза зверя, в которых сверкало оранжевое пламя.

— Чую рыбу, — сказал другой волк. Звери говорили на языке Курноуса — том самом, на котором Алит разговаривал с горными ястребами. — Пересек реку.

Вожак стаи — Алит не сомневался, кем был черногривый волк — сделал еще шаг и повел ушами.

— Наша добыча, — сказал волк.

Алит не сразу понял, что волк обращается к нему.

Князь бросил взгляд на оленя; тот как вкопанный стоял в нескольких шагах за спиной. Он выглядел спокойным и не сводил одного глаза с Алита.

— Моя добыча, — ответил Алит. — Олень мой. Долго бежал за ним.

Черногривый зарычал, обнажив острые зубы.

— Твоя добыча? Нет клыков. Нет добычи.

Алит вытащил из-за пояса охотничий нож и выставил перед собой.

— Один клык, — сказал он. — Острый клык.

Волки затявкали и удивленно завертели хвостами, а вожак подошел еще ближе и остановился в нескольких шагах от князя.

— Острый клык, да, — сказал он. — У нас много клыков. Наша добыча.

Шорох листьев выдал приближение к поляне остальных волков — звери начинали вести себя увереннее. Алит сомневался, что сможет устоять против такого количества. Он снова оглянулся на оленя; мысли в голове метались. Ему вспомнились слова Эльтириора, что не нужно пытаться понять пути богов, надо просто следовать заложенным внутри инстинктам. Также он вспомнил святилище Курноуса, где впервые увидел белого оленя. Туда приносили жертвы и возлагали их на алтарь бога-охотника. Перед мысленным взглядом четко горела черная руна Курноуса на груди зверя.

Курноус бог охотников, а не жертв. И олень — его подарок Алиту.

— Моя добыча! — отрезал Алит.

Он прыгнул к оленю и обхватил левой рукой его шею, а правой вонзил нож в черную руну на груди. Лезвие вошло глубоко в сердце. Олень подпрыгнул и вырвался из хватки князя. Из раны хлестала кровь. Зверь пошатнулся, упал на бок и через миг умер.

Алита оглушила какофония рыка и лая, но он повернулся к вожаку с окровавленным ножом в руке.

— Один клык, острый клык. — Алит подошел к оленю, ухватил за рог и приподнял голову. — Много еды. Наша добыча.

Черногривый остановился, мускулы напряглись перед прыжком. Он переводил глаза с убитого оленя на нож.

— Наша добыча? — переспросил вожак.

Алит отпустил рог, наклонился над трупом, вырезал кусок мяса вокруг раны и кинул его Черногривому.

— Наша добыча, — повторил князь и отрезал мяса себе.

Он подождал, пока вожак примет предложенное мясо; тот проглотил его одним куском. Алит откусил от своей доли. По подбородку и рукам текла еще теплая кровь. Он ощущал, как сила оленя наполняет его, обостряет все чувства.

Волки осторожно приближались. Алит встал, отошел в сторону и вытер руки об одежду. В нем бушевал дух Курноуса, сердце колотилось от вкуса оленьего мяса.

Стая набросилась на оленя, а Алит поднял голову и завыл.

Алит проснулся от горячего дыхания на щеке и окружающего его тепла. Он открыл глаза и огляделся, обнаружив себя в полумраке пещеры, куда через вход проникали лучи раннего солнца. Вокруг развалились волки, их дыхание и всхрапывания разносились по пещере. По бокам от князя лежало двое из стаи — близко, но не вплотную.

Рот наполнил металлический привкус крови, и Алит облизал сухие губы. Внезапно юноша осознал, что он совершенно голый, и кожу покрывают высохшие пятна крови. Под ногтями и в складках на ладонях тоже запеклась кровь. На мордах и шерсти лежащих вокруг волков виднелись засохшие темные пятна.

Алит ничего не помнил о прошедшей ночи, за исключением красных вспышек, звука рвущейся шкуры и хруста костей. Он с трудом припоминал охватившее его возбуждение и ликование: они затмевали радость от любой удачной охоты, что ему доводилось испытывать раньше. Окружение, в котором он проснулся, казалось ему странным, но Алит не чувствовал ни угрозы, ни стеснения. Ни вины. Какая-то спящая глубоко внутри часть его естества пробудилась и впервые в жизни вырвалась на свободу. Сейчас от нее остались лишь отголоски — жестокая яростная радость, которая охватила его ночью, насытилась и заснула.

Алит медленно сел и обнаружил, что пояс с окровавленным ножом еще при нем. У входа в пещеру плотно росли деревья и шипастые кусты, и он ничего не мог разглядеть дальше дюжины шагов. Где-то недалеко шумел водопад. Звук пробудил в нем жажду.

Алит осторожно поднялся, чтобы не проснулись спящие вокруг волки. Пока князь пробирался между спящими хищниками, он заметил вольготно развалившегося рядом с крупной самкой Черногривого. Вид вожака вызвал воспоминания о вчерашней встрече, и князь содрогнулся — только сейчас он понял, что едва не разделил судьбу белого оленя.

Когда Алит вышел наружу, его очень удивило, что даже голым он не чувствует холода. Солнце едва пробивалось через кроны, но его согревало внутреннее тепло.

Алит повернулся направо, туда, откуда доносились звуки падающей воды. Земля вокруг пещеры была испещрена следами волчьих лап, разрыта, и в воздухе стоял тяжелый запах застарелой мочи. Сама пещера оказалась трещиной в утесе, которую скрывали от глаз заросли плюща и прочих ползучих растений. Высоко над головой, на вершине утеса росли деревья, и их корни занавесью свисали над обрывом. Алит обошел основание скалы и нашел неглубокое озерцо, куда по желобу на каменной стене падал ручеек.

Князь присел на краю озера и опустил руку в чистую воду. Вода освежала, от нее веяло желанной прохладой, и он поплескал из ладоней на лицо и обтер шею. По коже побежали восторженные мурашки. Хотя Алиту очень хотелось пить, сперва он смыл следы кровавого пиршества, и только затем зачерпнул горстью воды. Затылок обожгло горячее дыхание, и Алит развернулся так быстро, что капли полетели в стороны.

В паре шагов от него стоял Черногривый. За спиной вожака виднелось еще несколько волков. На морде Черногривого блестели капли воды. Он склонил голову набок и внимательно рассматривал Алита.

— Молодое солнце, рано проснулся, — прорычал Черногривый. — Двуногий уходит?

Шерсть на загривке волка встала дыбом, и он облизнул окровавленные после ночного пира зубы. Становилось ясно, что Черногривый все еще хочет убить его.

— Жажда, — ответил Алит и бросил взгляд на озерцо. — Не ухожу.

— Ты охотишься, ты убиваешь вместе со стаей. Один из стаи?

Алит замаялся, и Черногривый сделал шаг вперед. Алит не отступал, потому что знал — малейшее проявление слабости даст вожаку повод напасть. Прочие волки рассматривали его с любопытством, но он не чувствовал враждебности. Хотя, если Черногривый решит драться, он один станет достойным соперником князю.

— Один из стаи, — подтвердил Алит.

— *Кто* вожак стаи? — требовательно спросил Черногривый и сделал еще шаг.

— Ты вожак, — ответил Алит.

Черногривый щелкнул зубами и уселся на задние лапы, вздыбив плечи и подвернув хвост.

— Покажи! — прорычал он.

Алит поначалу не понял, чего хочет волк, но затем увидел, как другие звери упали на брюхо и прижали уши. Алит как мог последовал их примеру — встал на четвереньки, припал грудью к земле и уставился снизу вверх на Черногривого.

Вожак встал; теперь он возвышался над Алитом. Волк подозрительно сощурил глаза, и Алит замер, не осмеливаясь оторвать взгляда. Через внушительный промежуток времени Черногривый расслабился, повел ушами и отступил.

— Пей, — разрешил он, повернулся и ушел обратно к пещере.

Алит с облегчением выдохнул и с колотящимся сердцем присел на корточки. К нему подошла самка с серебристой полосой на морде. Князь снова напрягся в ожидании схватки. Но волчица неожиданно облизала тяжелым, шершавым языком его щеку и подбородок.

Алит повернулся к озерцу, снова зачерпнул воды и наконец напился. Сделал несколько глотков и выпрямился. Затем погладил по голове ближайшего волка и почесал его за ухом.

— Один из стаи, — завилял хвостом волк.

Другие звери собрались вокруг Алита и с дружелюбным фырканьем терлись об него мохнатыми боками. В сопровождении новых четвероногих друзей Алит вернулся к пещере.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Дитя волка и луны

Алит проспал с волками большую часть дня и проснулся, когда солнце уже спускалось к горизонту. Его охватило ощущение полного покоя, какого он не знал уже несколько лет. Алит потянулся и снова направился к озерцу, чтобы утолить жажду, пока стая просыпается, собираясь на ночную охоту.

Черногривый проснулся одним из последних и прошелся по пещере, все еще с подозрением поглядывая на Алита. Когда вожак прошел мимо него к воде, князь покорно опустил на четвереньки.

Через ветви деревьев струились лучи закатного солнца. Волки начали собираться вокруг Черногривого. Стая мерной рысцей направилась на север, и Алит без труда бежал наравне с ними. Недалеко от пещеры стая разделилась, некоторые волки разбились на пары, другие уходили по одиночке. Так они могли обследовать более широкую территорию в поисках добычи.

Алиту ничего не оставалось, как идти следом, поближе к старшей самке, что выбрала его в друзья утром. Ее лоснящуюся шкуру покрывали темные и светлые серые пятна, и Алит назвал ее про себя Серебрянкой. Он также дал клички другим заметным волкам: Снежный Хвост, Сломанный Клык, Серая Старуха, Одноухий, Шрам. Остальных членов стаи он пока не отличал друг от друга.

Насколько князь знал повадки волков, почти всю стаю составляло потомство Черногривого и Серой Старухи. Некоторые оказались такими же, как он, скитальцами, подобранными стаей. Большую часть составляли самцы разных возрастов, самым старшим был Черногривый, но со стаей бегало и несколько однолеток. Молодые волки игриво плясали и боролись, хлестали друг друга лапами по морде в притворной драке, покусывали за шею и ляжки, готовясь к настоящей охоте.

Алит натолкнулся на неожиданное препятствие в общении с новыми товарищами. Они редко разговаривали на языке Курноуса и предпочитали выражать мысли позами и движениями, которые ничего не значили для князя. Он уже научился не встречаться глазами с Черногривым: подобная наглость приводила к обнаженным клыкам и необходимости падать на живот и выпрашивать прощения. Алита очень смущала подобная несправедливость, ведь ни один из волков не вызывал у вожака настолько яростного гнева. Сейчас, пока они с Серебрянкой бежали по лесу, князь размышлял, почему Черногривый вообще позволил ему присоединиться к стае, если испытывал к двуногому пришельцу неприязнь. Он никак не мог получить ответа на этот вопрос, поскольку язык Курноуса не годился для передачи сложных оттенков чувств.

Вой на востоке дал знать, что добыча обнаружена. Серебрянка остановилась, села на задние лапы, подняла голову и завывала в ответ. Услышав подтверждение, она быстро побежала на восток. По лесу разносился многоголосый хор — так волки в стае находили друг друга. Вскоре Алита окружили почти неразличимые в призрачном свете луны серебристо-серые тени.

Добычу нашел Шрам. Самец сидел на небольшой возвышенности мордой к северу. Время от времени он издавал вой, чтобы остальные волки торопились к месту охоты. Стая почуяла запах добычи, хвосты в возбуждении вытянулись. На возвышенность трусцой

поднялся Черногривый, и Алит спрятался за спину Серебрянки. Волки встречали вожака радостным тьяканьем и подвыванием, пока Черногривый рыком не водворил тишину.

По обрывистому склону, заросшему шипастыми кустами, стаю повела подруга Черногривого — та самка, которую Алит назвал Серой Старухой. Движение стаи сопровождалось шорохом опавшей листвы и взлетающими в воздух облачками спор. Алит шел позади всех; ему пришлось пригнуться, чтобы не спугнуть издали добычу. По мере приближения к ней волки шли все медленнее и тише. Алит не знал, на кого они охотятся; плотно стоящие стволы деревьев не позволяли ему разглядеть зверя, которого давно унюхали остальные. Волки собрались вместе и целеустремленно двинулись через заросли кустарника. Князь снова постарался держаться позади Серебрянки.

И тут ветер донес до него запах оленя. Никогда еще Алит не чуял запах добычи так отчетливо. От этого у него быстрее забилося сердце, проснулось желание преследовать и убивать. Он сделал несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться, и взгляделся в лес в поисках добычи.

На дне лощины Серая Старуха повернула налево, вверх по течению мелкого ручейка. Местность начала подниматься — судя по всему, стая подходила к внешним отрогам Кольцевых гор. Алит внезапно осознал, что отошел на значительное расстояние от эллирионской границы и сейчас находится почти в центре Авелорна. Он никогда еще не подвергался такой опасности, ведь из оружия при нем имелся один-единственный нож, но князь не чувствовал тревоги. Бегать голым по лесам стало для него настолько же естественным, как когда-то идти по горам с луком в руке.

Несмотря на возбуждение от погони, в душе Алита царил покой. Он пробыл со стаей всего один день, но уже проникся неким чувством родства, поскольку делил с волками пищу и спал с ними в одной пещере. Со времен знакомства с Миландит он не ощущал подобной близости и добродушного дружелюбия.

Неподалеку на севере раздался вой, и Серая Старуха остановилась. Волки собрались вокруг Черногривого и неуверенно подвывали, а один или два начинали скулить. Вой прозвучал снова, но теперь ему отвечали другие голоса, все громче и громче. Шерсть Черногривого поднялась дыбом. Вытянувшаяся в струнку, дрожащая от напряжения фигура волка выражала внимание и ярость. Он издал долгий, глубокий вой. Стая подхватила, ответив на вызов невидимых соперников.

Вой чужой стаи доносился с разных сторон, но Алит уже достаточно изучил волков. Он знал, что они постоянно передвигаются, и поэтому создается впечатление, что их гораздо больше. Черногривый возглавлял крупную стаю. Вряд ли охотники за чужой добычей превосходят ее численностью. Как ни странно, только вожак не выказывал признаков страха. Голоса остальных волков то и дело срывались в тихое поскуливание, они прижимали в ужасе уши и напряженно вытягивали хвосты.

Состязание по вою продолжалось довольно долго. Черногривый не сходил с места, в то время как вой другой стаи раздавался все ближе и громче. Затем неожиданно наступила тишина, нарушаемая лишь дыханием ветра в листьях и журчанием бегущего по дну лесной лощины ручья. Стая разделилась, чуть больше половины волков спустились вниз по течению — скорее всего, нападения стоило ждать именно оттуда — а остальные рассыпались на небольшом расстоянии друг от друга. Черногривый взобрался на камень и рыком отдавал приказы, как генерал, расставляющий свое войско перед битвой. Серебрянка передвинулась к северному краю лощины. Алит успел сделать за ней несколько шагов, как тишину прорезал

голос Черногривого.

— Двухногий, иди сюда, — рявкнул старый волк.

Алит без промедления подчинился и скорчился рядом с камнем, на котором стоял вожак.

— Будет битва. — Черногривый уставился золотистыми глазами на князя. В его тоне не слышалось прежней злости; Алиту даже показалось, что в голосе вожака проскальзывает теплота. — Держись поближе. Острый клык быстро убил оленя. Острый клык не убьет быстро волка. Двухногий высокий, шея в безопасности. Защищай ноги. Кусай горло. Кусай шею.

Алит кивнул, но тут же осознал, что его жест ничего не значит для Черногривого.

— Кусать горло, кусать шею, — повторил он.

Черногривый отвернулся, Алит уселся на корточки и высматривал в быстро темнеющем лесу признаки движения. По ущелью проносились порывы холодного ветра.

Впереди раздался вой, в котором князь признал голос Серой Старухи. Он вытащил из-за пояса нож, но остался сидеть за камнем, переводя взгляд с Черногривого на стену деревьев. Вожак вытянулся в струнку, хвост подрагивал, а из глотки поднимался глубокий мерный рык. По телу Алита пробежала дрожь, кровь быстрее потекла по венам. Вблизи зашуршали листья — стая собиралась вокруг Черногривого и выстраивалась кольцом, чтобы защищать вожака.

Волчата чуяли исходящую от взрослых тревогу и начали поскуливать. Они улеглись в кустах, прижали уши и закрыли морды лапами, а старшие члены стаи встали над ними, готовые драться за потомство.

Первая волчица из вражеской стаи появилась справа. Она легко перепрыгнула через ствол поваленного дерева. Как только самка заметила Черногривого и остальных, она остановилась, оцетинилась, и вскоре к ней присоединилось еще пятеро волков, размером почти с Черногривого, но значительно старше.

Черногривый повернулся к ним и зарычал, оскалив сверкающие в свете заходящего солнца зубы.

— Уходите! — отрезал он. — Наша добыча!

Теперь, когда Алит научился лучше понимать волков, ему показалось, что чужие охотники проявляют некоторую неуверенность. Они скалили зубы и щурили глаза, но нервное подергивание ушей выдавало сомнения.

— Нет добычи, — ответила самка.

Алит заметил, что ее челюсти в крови, и она старается не наступать на левую заднюю лапу.

— Она ранена, — прошептал князь Черногривому.

— Наша добыча, — вожак не обратил на него внимания. — Уходите!

По шкуре противников пробежала дрожь страха, и они упали на брюхо, отказавшись от показного вызова. Только самка продолжала стоять и рассматривать стаю Черногривого. Наконец ее глаза остановились на Алите, она пораженно тьякнула и дернулась.

— Двухногий! — провыла она.

Самка заскулила и попятилась. Поскуливание тут же подхватила стая. Их реакция передалась волкам Черногривого — те вопросительно тьякали и поглядывали на вожака в поисках поддержки. Некоторые подозрительно рассматривали Алита и скалили зубы.

Черногривый тоже бросил взгляд на князя и обернулся к чужим волкам.

— Двуногий охотится с нами, — сказал он. — Один из стаи.

— Пришло много двуногих, — ответила самка. — Охотятся с длинными ножами.

Многих убивают. Не едят.

— Двуногие не охотятся на волков, — возразил Черногривый. — Уходите!

— Двуногие убивают волков, — настаивала самка. Она даже решила сделать шаг вперед. — Длинные клыки и острые клыки. Друг мертв. Много стай убили.

— Близко? — спросил Алит и выпрямился.

Черногривый наградил его рыком. Чужие волки снова заскулили, но князь не обратил на них внимания, засунул за пояс нож и подошел к волчице.

— Где двуногие?

— Мы бежали два солнца, — неохотно ответила самка. — Много длинных клыков. Много острых клыков. Двуногие дерутся с другими двуногими.

Алита ее рассказ совершенно сбил с толку. Сначала он решил, что с юга через горы перешли беженцы из Крейса. Но выходило, что друкаи добрались и до Авелорна.

— Все двуногие убивают волков? — спросил он.

— Черные двуногие убивают волков, — ответила самка. — Черные двуногие принесли шум. Черные двуногие принесли огонь. Черные двуногие сжигают других двуногих.

У Алита желудок свело судорогой отвращения при мысли о появлении в этом лесу друкаев. Значит, им удалось наконец захватить Крейс, и теперь нагаритская армия штурмовала Авелорн.

— Двуногие идут сюда? — спросил Черногривый. Волчица заскулила и поджала уши. — Придут двуногие, будем драться.

— Не надо драться, — провыла самка. — Двуногие придут с длинными клыками. Они убивают, а не дерутся.

— Наша добыча! — прорычал Черногривый. — Не будем убегать!

— У нашего двуногого есть острый клык, — добавила Серая Старуха.

— У двуногого нет длинного клыка, — возразил другой волк. — Острый клык не убьет длинный клык.

Только сейчас Алит понял, что «длинным клыком» волки называют лук. Скорее всего, они имели в виду многозарядные арбалеты гномов, которые друкаи привезли из колоний в Элтин Арване. Волки не смогут сражаться с охотниками, вооруженными арбалетами, а друкаи будут убивать на своем пути все живое ради удовольствия.

— Мы убежим. — Алит повернулся к Черногривому. Вожак зарычал и клацнул челюстями, но Алит не сдавался. — Не будем драться с длинными клыками. Длинные клыки убьют много волков. Волки не убьют длинные клыки.

На миг Алиту показалось, что Черногривый бросится на него. Вожак напряг мускулы, хвост выпрямился палкой.

— Мы убежим, — сказала Серая Старуха. — Длинные клыки убьют волчат. Мы убежим. Найдем новую добычу.

— Нет! — развернулся к подруге Черногривый. — Двуногие придут снова и снова. Стаи бегут, стаи будут бежать. Лучше сражаться сейчас. Заставить двуногих уйти!

— Не бежать, спрятаться, — сказал Алит. — Черные двуногие охотятся на других двуногих. Не охотятся на волков. Волки спрячутся, двуногие уйдут.

Он знал, что лжет; при любой возможности друкаи огнем и мечом пройдут по

Авелорну. Единственным шансом выжить для стаи будет залечь в убежище, пока Вечная королева и ее подданные сражаются с натиском друкаев.

Волки продолжали спорить, но Алит их не слушал. Его смутила собственная горячность. Почему его волновало, выживут волки или нет? Если им удастся убить хоть одного друкая, разве это не станет победой? Алит недоумевал, что случилось за два дня с горящей внутри ненавистью. Почему ему не хотелось убивать друкаев?

Один взгляд на взволнованную стаю дал ему ответ. Он увидел прячущихся волчат, услышал поскуливание их защитников. Стая была семьей. Пусть она состояла не из эльфов, волки заслуживали участи очередных жертв друкаев не больше, чем жители Эллириона или прочие создания Ултуана. Друкаи ненавидели все, что сопротивлялось их воле. Они войдут в Авелорн с плетями и цепями, чтобы покорить дикие леса. Морати жаждала власти над всеми, не только над эльфами. Алит подозревал, что Морати ненавидит Вечную королеву даже больше, чем Каледора, — та была воплощением чистоты и чести, которое Морати сможет покорить только силой.

— Мы будем охотиться, — внезапно прервал споры князь. — Не драться, охотиться! Убивать в темноте. Охотиться на двуногих.

— Охотиться на двуногих? — переспросила Серая Старуха. — Плохо. Мы убьем двуногих, придут еще двуногие и убьют нас.

— Я двуногий, я знаю двуногих, — сказал нерешительно переминающимся с ноги на ногу волкам Алит. — Черные двуногие плохие. Черные двуногие убивают, убивают и убивают. Другие двуногие дерутся с черными двуногими, и волки охотятся на черных двуногих. Двуногие боятся.

Черногривый пристально уставился на Алита. Напряженная поза вожака немного расслабилась.

— Двуногие охотятся с длинным клыком. Он острее клыка, острее острого клыка, — произнес вожак.

— Да, — признал Алит. — Не будем сражаться с длинным клыком. Охотиться на двуногих. Охотиться ночью. Убивать двуногих и прятаться. Возвращаться и снова охотиться на двуногих. Не драться.

— Двуногому нужен длинный клык для охоты, — заявил вожак. — Длинный клык острее, чем острый клык.

— У меня нет длинного клыка. — Алит оставил все свои пожитки, за исключением охотничьего ножа, на границе леса.

— У воды есть длинный клык, — сказал Черногривый. — Двуногий возьмет длинный клык и будет охотиться.

Алит не понял, о чем говорит вожак. Эльфа охватило разочарование, что он не может общаться с волками на равных.

— У воды есть длинный клык? — переспросил Алит.

— Старый длинный клык, — вмешался Шрам, потрепанный волк с седой мордой и рваным, давно зажившим шрамом на правом плече. — Длинный клык в воде стар как лес, даже старше. Волкам не нужен длинный клык. Длинный клык нужен двуногому. Длинный клык прячется от двуногого. Светлое лицо ночи покажет длинный клык.

Слова Шрама звучали бессмыслицей, но произносил он их низким, почти благоговейным тоном. Алит перебрал в уме обрывочные фразы, но по-прежнему не мог разгадать иносказаний волка.

— Да, — согласился Черногривый. — Вода прячет длинный клык. Скоро взойдет светлое лицо ночи. Двуногий возьмет длинный клык. Будет охотиться на черных двуногих. Стая тоже.

— Покажи мне длинный клык. — Алит понял, что волки говорят о реальном предмете.

— Светлое лицо ночи покажет длинный клык, — повторил Шрам. — Еще шесть солнц до прихода светлого лица ночи.

Алит сложил в уме обрывки повествования, и на него снизошло понимание. «Солнце» означало день, и через шесть дней луна Сариюур станет полной: светлое лицо ночи. То, о чем говорят волки, можно увидеть только в свете полной луны.

— Хорошо, — произнес Алит, и Шрам одобрительно завилял хвостом. — Спрячемся на шесть солнц. Светлое лицо луны покажет длинный клык.

— Спрячемся на шесть солнц, — повторил Черногривый, подчеркивая каждое слово рыком. — Наблюдаем за черными двуногими. Двуногий возьмет длинный клык. Охотимся за черными двуногими.

Черноголовый принял в стаю скитальцев, что бежали от друкаев, и волки направились на восток искать место для логова. Во время путешествия до них доносился вой других стай — те тоже двигались на юг или на восток, подальше от гор. Все звери бежали от вторжения друкаев. Стада оленей забыли о свойственной им осторожности и предпочитали привлечь внимание волков, нежели попасться на глаза завоевателям. Стая нуждалась в пище, и перепуганные олени оказывались легкой добычей. На закате Алит снова наелся до отвала сырого мяса, и его переполняла полученная от охоты и убийства энергия.

На следующий день стая вошла на чужую территорию. Теперь каждый восход солнца сопровождался многоголосым воем, поскольку обе стаи пытались заявить о своих правах. Ни одной из сторон не хотелось признать себя ниже соперников. Хотя другие волки оказывались в явном меньшинстве, они не отступались и вызывали Черногривого на поединок. При первой встрече Алит ожидал кровопролития, но Черногривый удивил и его, и всю стаю. Он предупредил волков об опасности и посоветовал уходить на восток. Рассказ о происходящем вызвал в них страх, и они принялись умолять Черногривого о помощи. Старый вожак собирался отказать, но Алит уговорил его взять их в стаю.

Три следующих встречи окончились так же. Теперь стая насчитывала уже около полусотни зверей. Алиту все это напоминало сбор отрядов в Эланардрисе. Разросшаяся стая столкнулась с теми же проблемами, что и анарцы в свое время. Чем больше ртов приходилось кормить, тем дальше уходили волки на поиски пищи, поскольку добыча тоже бежала под натиском друкаев. Стая передвигалась медленнее. Однажды ночью Алит унюхал костры лагеря друкаев, и ветер донес звуки буйной оргии.

Тогда Черногривый запретил охотиться и велел бежать со всех ног. Волки двигались на восток, не сворачивая, но на подходах к сердцу Авелорна обгоняли друкаев всего на день пути.

Пока стая шла вперед, от нее отделялись волки и по одиночке или парами отправлялись на север следить за друкаями. Они возвращались с новостями, что друкаи сжигают много деревьев и убивают лесных зверей сотнями. Алит пытался узнать о численности друкаев, но лучшее описание, которое смогли подобрать волки, было «стадо» или «много стай». На восьмую ночь после прихода в Авелорн Алит убедил Черногривого позволить ему собственными глазами оценить силы врага.

Алит быстро привык к звукам и ритму леса, поэтому уверенно чувствовал себя в темноте. Он выступил на закате и направился в обратную сторону по уже пройденному волками пути. Когда зашло солнце, и лес залило бледным звездным светом, он повернул на север и побежал быстрой, уверенной рысцой. Алит двигался почти всю ночь, лишь иногда останавливаясь, чтобы попить. Луны поднялись и опустились, и наконец он почувствовал ползущий между деревьями дым.

Алит разглядел вдали оранжево-красные всполохи огня и перешел на шаг. Легкий ночной ветер доносил вонь жертвенных костров — удушающую смесь запахов горящего дерева и обугленной плоти. Надежно укутанный темнотой, Алит направился к лагерю с ножом в руке.

Среди отбрасываемых кострами длинных кольшущихся теней он выследил несколько часовых. Алит выжидал. Он наблюдал за частотой и маршрутом их обходов. Несмотря на поклонение развратным богам, друкаи отличались организацией и дисциплиной. Поначалу князь не мог придумать, как ему обойти стражу. Только после довольно длительных наблюдений он заметил, что часовые следят лишь за подходами по земле; ни один из них не всматривается в кроны деревьев. Казалось бы, зачем? Насколько они знали, сверху им ничего не угрожало.

Алит мрачно усмехнулся и бесшумно вскарабкался на возвышающееся над одним из патрульных маршрутов дерево. Там он терпеливо замер на ветке, не двигая не единым мускулом. Алит, дышал ровно и медленно и оглядывал землю внизу в ожидании врага.

Как он и надеялся, вскоре среди деревьев появился один из часовых с копьем и щитом наготове. Он прошел мимо дерева, где затаился Алит, и даже не поднял глаз.

Алит бесшумно спрыгнул на землю за спиной друкая и вонзил нож ему в шею. Часовой умер мгновенно. Алит стянул с него одежду и доспехи и оттащил тело в кусты, чтобы его не обнаружили.

Затем в одежде убитого солдата Алит направился в лагерь друкаев.

Последний князь дома Анар вошел в лагерь развязной походкой, какую часто наблюдал у друкаев. Он знал, что нагаритские черты лица позволят ему не выделяться среди солдат, и он привлечет меньше внимания, если не станет прятаться в тени. Как он и ожидал, его никто не остановил, и большинство эльфов даже не удостоили его взглядом. У Алита мурашки бежали по коже от сознания того, что он дерзко расхаживает среди врагов. Ему нравилось притворяться одним из них; невидимый враг, готовый нанести удар в самое сердце.

Силы друкаев оказались не настолько велики, как он опасался. По размерам лагеря Алит предположил, что там находится около трех или четырех тысяч солдат, причем половину из них составляли фанатики Каина. Последнее его крайне удивило — походило на то, что поклонники этого бога начали набирать власть. Он заметил несколько тотемов Салтита и слышал молитвы, посвященные Эрет Кхиали, но подавляющее большинство церемоний проходило на жертвенных кострах Повелителя убийств.

Пока Алит расхаживал между черными и красными палатками и пробирался среди лежащих в наркотическом ступоре еретиков, его поразил общий дух отчаяния. Он не выражался ни в чем конкретном, но Алит различал напряжение в голосе жрецов, когда те испрашивали милости у китараев. На жаровнях шипели не внутренности эльфов, а сердца оленей, медведей и волков. Алит не увидел ни одного пленника-эльфа.

Алит запоминал, что и где расположено в лагере. Палатки фанатиков находились в центре, их окружали шатры солдат. Видимо, командиры Морати не желали рисковать и держали ненадежных союзников под бдительным присмотром.

Алит вспомнил о том, что на равнинах Эллириона не видел ни одного последователя культов. Неужели Морати наконец устала от заигрываний с сектами? Они принесли немало пользы во время завоевания власти, но сейчас их присутствие скорее создавало помеху.

Алит сравнил по памяти нынешнее войско с армиями Анлека тех времен, когда Тени прятались в городе в ожидании Малекита. Сейчас он видел много молодых солдат, не старше трех сотен лет. Раньше такие юнцы и мечтать не смели о том, чтобы попасть в нагаритскую армию. Их вид принес Алиту надежду. Каждый год, пока друкаи сталкиваются с сопротивлением, их ряды тают. Расчет Морати заключался в том, чтобы захватить Ултуан прежде, чем князья сумеют собраться с силами после смерти Бел Шанаара. Возможно, действия анарцев смогли в какой-то мере помешать ее планам. Алит сомневался, что история запомнит храбрые деяния его дома или трагедию в Темных топях, но сейчас воспоминание о них наполнило его гордостью. В первый раз после побоища он смог мысленно вернуться к нему без ненависти и отчаяния.

Он увидел достаточно, чтобы понять, что друкаев можно победить. Если они продолжают двигаться одним войском, рано или поздно их обнаружат и уничтожат крейсйцы или воины Вечной королевы. Если друкаи разделятся... их будет поджидать Алит и его новые друзья.

Алит неспешной походкой срезал путь через лагерь. Он положил копьё на плечо и перекинул щит за спину. Князь прошел мимо костров и направился в темноту, где на конечнике копья и кольцах кольчуги лишь изредка отблескивал свет костра. В стороне от других эльфов он завидел одинокого часового и подошел к нему, напевая себе под нос боевой гимн дома Анар. Часовой держал в руках лук, на поясе у него висел длинный меч.

Алит нарочно наступил на сучок, и ничего не подозревающий страж повернулся на хруст.

— Тебе стоит взглянуть на поклонниц Атарты, — пошло осклабился Алит. — Они узлом изогнутся и даже не вспотеют.

— Я бы не отказался заставить кого-нибудь попотеть, — с видом знатока ответил часовой.

— С меня уже хватит, а ты сходи, отдохни на празднике, — предложил Алит и повернулся к лагерю. — Я выпил отвар из лунного листа, так что сна ни в одном глазу. Постояю вместо тебя. А то вдруг на нас нападут бобры или еще кто-нибудь.

— Даже не знаю. — Часовой переводил взгляд с манящих огней на палатку грозного капитана и обратно.

— Ну ладно, если хочешь, стой и дальше в темноте. — Алит сделал шаг в сторону света костров.

— погоди! — шепотом прошипел часовой.

Алит улыбнулся про себя и снова повернулся к нему.

— Я никому не скажу, если ты не расскажешь, — подмигнул князь.

Он наслаждался, глядя на сморщенное в сомнениях лицо стража. Его нерешительность вызывала у Алита ощущение власти. Он сам не знал, зачем играет с эльфом, когда легко мог подобраться и убить его незамеченным. Но вид друкая, который пляшет под дудку анарца, приносил князю немалое удовлетворение.

— Не думаю, что командир разрешит им остаться надолго, — добавил Алит.

Про себя он представил, будто подсекает рыбу. Так просто. Слишком просто.

— Я тоже слышал, — закивал часовой. — Командир говорит, что они плохо влияют на дисциплину или что-то в таком духе.

— Да, это немного отвлекает, — подтвердил Алит.

Быстрый, как змея, князь проскользнул за спину солдата и ухватил его за шею. Тот успел издать несколько придушенных вздохов и обмяк в руках Алита.

— Ужасно отвлекает, — прошептал Алит, взвалил находящегося без сознания эльфа на плечи и потащил в лес.

Тармелион пришел в себя и ощутил бушующую боль в голове и отбитую грудную клетку. Его мутило, поэтому он не рискнул открыть глаза сразу же. Когда он немного оправился, на смену растерянности пришел страх. Он ничего не чувствовал, за исключением пульсирующей рези в запястьях и лодыжках и острой боли в груди. Он замерз. На лице засохло что-то липкое.

Тармелион открыл глаза и обнаружил, что смотрит с высоты на усыпанную листьями землю. Он не сразу понял, что висит на дереве, на нем нет одежды, а из пореза на груди капает кровь.

— Как думаешь, скоро ты истечешь кровью до смерти? — спросил сверху голос.

Вес на суку переместился, и Тармелиона начало раскачивать. Он вытянул шею, чтобы разглядеть мучителя, но не смог запрокинуть голову. Ему мельком удалось заметить укутанную тенями фигуру на суку, но та сразу же отодвинулась за пределы зрения.

— Кто ты? — умоляюще спросил Тармелион.

Боль в груди нарастала — сердце колотилось сильнее, из раны толчками выплескивалась кровь.

— Зачем вы здесь? — спросил голос. — Что вам надо в Авелорне? Сколько отрядов идет за вами?

— Я не знаю, — прорыдал обезумевший от испуга Тармелион. Он не знал, как очутился на дереве. Последнее, что он помнил — разговор с одним из часовых на окраине лагеря. — Кто ты?

Он снова и снова со слезами повторял вопрос; по лицу растекалась кровь из пореза над сердцем. Лес молчал. Тишину нарушал лишь нежный плеск капель крови, падающих на листья далеко внизу.

Скрипнула ветка. Перед Тармелионом появилось ужасающее видение — перевернутое вниз головой испачканное кровью лицо.

Лицо улыбалось. Тармелион вскрикнул и попытался отшатнуться, но в результате лишь дернул веревку и закачался из стороны в сторону. Лицо следовало за ним, так близко, что он чувствовал запах крови изо рта. Улыбка пропала, и неизвестное создание оскалило окровавленные зубы.

— Ты расскажешь мне все, что знаешь, — прорычал незнакомец.

Когда Алит узнал все, что хотел, он ударил друкая по голове и подождал, пока тот потеряет сознание. Затем обрезал веревку, отнес его обратно к лагерю и оставил в кустах около тропинки. Об Авелорне ходило много странных историй и темных мифов. Алит хотел, чтобы часового нашли живым, и он рассказал товарищам об ужасной встрече с кровожадным

обитателем леса. Пусть в сердцах друкаев поселятся сомнение и страх перед заколдованным местом.

Алит с радостью скинул друкайскую одежду, поскольку она пахла огнем и смертью. Он избавился от нее не только ради удовольствия, но и затем, чтобы запах друкаев не сбивал с толку волков. Если он подойдет к стае в таком виде, волки набросятся на него, как только учуют, и поймут ошибку слишком поздно. Лучше ходить в том виде, каким его создала природа, решил Алит. Но лук, стрелы и меч князь оставил при себе.

Рассвет застал Алита на бегу. Хор воющих голосов указал направление, в котором переместилась стая. Они уже вышли на охоту и ловко скользили по сумрачному утреннему лесу в поисках добычи. Алита тоже охватила жажда погони, он наложил на лук стрелу и принялся высматривать следы. Вскоре он вышел на заячью тропку. При мысли о добыче внутри поднялось возбуждение, и Алит подавил его усилием воли. Лук в руке дрожал; князю хотелось отбросить его и охотиться при помощи ножа и зубов.

Что разбудила в нем кровь убитого им оленя Курноуса?

Алит догнал стаю только на закате — волки устроили логово в редкой роще рядом с широким озером. Серебрянка встретила его первая — в ответ на лай и вылизывания Алит потрепал ее мех и почесал грудь. Их прервал Шрам.

— Пошли, двуногий, — сказал волк и отвернулся, не дожидаясь ответа.

Алит погладил на прощание Серебрянку и отправился следом за Шрамом к кромке воды. Озеро было довольно большим, в один полет стрелы в ширину и раза в два длиннее. Оно тянулось с севера на юг. Вода оказалась удивительно чистой; в ней как в зеркале отражалось в обрамлении деревьев охваченное закатным пожаром небо. Шрам повернул на север и пошел вдоль поросшего травой берега, который полого спускался к воде.

В сумерках Алит разглядел сидящего на северном берегу Черногривого. Вожак внимательно уставился на середину озера. Алит проследил за его взглядом, но ничего не заметил. Даже ветер стих, ничто не нарушало спокойствия воды.

— Вода прячет длинный клык, — сказал Шрам, когда они подошли к Черногривому. — Двуногий возьмет длинный клык, будет охотиться на других двуногих.

Шрам сел справа от вожака стаи, и Алит присел на корточки с другого бока. При их приближении Черногривый не пошевелился, но затем повернул голову и посмотрел на Алита.

— Долгое время, много жизней, с тех пор как в лес пришли двуногие, — тихо, с уважением произнес Черногривый. — Длинный клык в озере старше двуногих. Длинный клык стар как лес.

Вожак вернулся к созерцанию воды; его неподвижная поза отражала полнейший покой, что окружал озеро. Алит скрестил под собой ноги и ждал. Тишина его не смущала. В голове проносились обрывки мыслей, перемешанные с чувствами. На глади воды ему начали мерещиться какие-то картины.

Он всегда хотел мира и покоя. Поскольку у него не было братьев и сестер, Алит часто находил местечко, где мог укрыться от других эльфов и прислушаться к своим мыслям. Он вспомнил банкеты в большом зале и на лужайках. Долгие дни, проведенные в библиотеке, где он должен был внимать наукам, но голоса преподавателей сливались в монотонный шум, пока юный князь думал о горах. Ему нравилась компания друзей, но он встречался с ними, только когда сам того желал. Если ему хотелось общения, он находил общение, а когда его

манило одиночество, он шел в дикие места.

Алит позволил себе войти в состояние, близкое к медитации. Его чувства обострились. Он слышал игривые визги и лай стаи на другом берегу, чириканье птиц на деревьях. Черногривый дышал медленно и ровно, в то время как Шрам пыхтел от возбуждения. Вечерний воздух приятно охлаждал кожу. Он ощутил вес колчана на спине и вспомнил, что все еще носит отобранный у друкая лук. Темное оружие выглядело здесь чуждым, поэтому Алит встал и пошел к деревьям на опушке. Там он снял меч, лук и нож, сложил их под деревом и запомнил место, чтобы вернуться за ними позже. Совершенно голый, князь вернулся и сел рядом с Черногривым.

Он легко окунулся в прежнее медитативное состояние. Теперь, когда смятение покинуло его, Алит почувствовал нечто другое. Магию. Со времен Аэнариона и Каледора ветра магии затягивал портал Ултуана. В детстве и юности Алит никогда не замечал пролетающих по родным горам потоков, хотя и знал о них. Он чувствовал, как они сворачиваются и обтекают его, когда благодарил Курноуса, и ему нравилась их бурлящая энергия, когда он взывал к магии, чтобы укрыться от посторонних глаз или направить стрелу в цель.

Здесь, в Авелорне, магия отличалась от ветров его родины. Она принадлежала к более древнему порядку. Она жила в корнях деревьев, покоилась в земле и пронизывала воды озера. Когда Алит сосредоточился на этом открытии, он заметил, что озеро содержит особо сильную энергию. Она напоминала серебристо-серый дождь, прозрачную росу осеннего утра и запах весеннего цветка. В озере пряталась жизнь, древняя и вечная. Вот что представляла собой магия Вечной королевы, источник ее власти. Вот что хотела уничтожить Морати. Друкаи никогда не смогли бы подчинить себе подобную силу, вот почему они стремились лишить своих врагов возможности пользоваться ею. В этом заключалась цель их жизни — уничтожить то, что нельзя отобрать, осквернить то, что способно к созиданию.

Резкий перепад в магии озера пробудил Алита ото сна наяву. Он медленно открыл глаза, чувствуя себя отдохнувшим. Сумерки кончились, на чистом звездном небе всходила полная луна. Алит повернулся к Черногривому и с удивлением увидел, что вожак и Шрам покинули его. Он сидел на берегу озера один.

Не успел он задуматься, зачем волки привели его сюда, как заметил переливы на середине озера. Сперва он решил, что там отражается луна, и встал. Но нет, источником переливающегося света была не луна — как ни странно, она вообще не отражалась в воде. Свет шел со дна озера, из глубины.

Алита охватила неуверенность, и он огляделся. Ночью деревья выглядели по-другому, да и озеро казалось страшным. Оно превратилось в сплошное черное пятно, даже звезды не отражались на его поверхности. Поляну освещало лишь сияние со дна озера; оно заполняло берег, стволы и ветви деревьев серебристыми бликами.

Князь смирил испуг доводами разума и подавил животные инстинкты, что пробудились в нем за время жизни с волками. Поляна навевала не страх, что-то другое искало отклика в сердце Алита. Чье-то глубокое горе, долгая скорбь. Он чувствовал, что очень давно здесь случилась великая трагедия. Он не мог бы назвать это чувство воспоминанием или дать ему определение, но что-то в блеклом пейзаже вокруг говорило о пустоте и потере надежды, которые мог понять лишь он. Что-то одинокое, как он сам, взывало к нему из глубины озера.

Алит вошел в теплую воду. Ему казалось, будто он входит в скользкую, упругую ртуть. Князь поплыл к странному свету медленными, размеренными гребками. Ни единая волна не

нарушила гладь озера, ни единый всплеск не осквернил тишину. Алит поплыл быстрее. Озеро оставалось спокойным, как в тот момент, когда он впервые его увидел.

Он не чувствовал движения и течения времени и не знал, как долго плывет к свету. Тот не разгорался и не гас, но заливал все вокруг равномерным сиянием. Будь озеро обычным водоемом, Алит сумел бы переплыть его дюжину раз без малейших усилий, но сейчас он уже начинал задыхаться, руки дрожали от усталости. Князю казалось, что он плывет вечность, но он упорствовал и не обращал внимания на горящую боль в мышцах и давление в груди. Свет окружал его и манил к себе.

Когда Алит понял, что находится над источником света — он не знал, откуда пришла уверенность — то остановился и какое-то время держался на плаву. Затем глянул вниз, но увидел лишь заливающее все вокруг серебристо-белое сияние.

Алит сделал вдох полной грудью и нырнул к затонувшему лунному свету.

Он погружался все глубже, легкие начало жечь огнем. Но и тогда он продолжил плыть вниз; весь мир превратился в серебряный пузырь. У него мелькала мысль остановиться и вернуться на поверхность, пугала возможность утонуть. Но в то же время Алита тянуло к забвению, что обещал свет. И тут он различил голос.

Женский голос. Алит узнал его, будто слышал когда-то давно, но не смог понять, исходит он из воды или звучит в его голове. Тембр его навевал ощущение безопасности и уюта, и пока Алит плыл, голос начал рассказ. Слова всплывали в голове будто прямо из памяти, но Алит не думал, что слышал это раньше.

Во времена, когда еще не было эльфов, боги жили в гармонии с миром и небесами. Они играли, строили заговоры и сражались между собой. И любили. Самыми известными влюбленными стали Курноус Охотник и Лилеат, богиня луны. Целую вечность Курноус ухаживал за Лилеат, но они не могли встретиться, потому что Курноус обитал в бескрайних лесах на земле, а Лунная богиня жила на небесах. Чтобы показать Курноусу, что его чувства не остались безответными, Лилеат попросила Ваула Кузнеца сделать подарок для бога-охотника. Она вложила в подарок свою любовь и душу и попросила Ваула передать его Курноусу в качестве знака ее внимания. Каин Воин, который завидовал любви Курноуса и Лилеат, перехватил Ваула, когда тот возвращался с луны. Он потребовал, чтобы Ваул отдал ему подарок, но Кузнец воспротивился, сказав, что подарок предназначен не Каину. Тогда Каин разозлился и принялся угрожать пытками хромому Кузнецу, если тот не отдаст ему подарок. Ваул снова отказался и передал подарок Ише, чтобы та спрятала его от Каина. Иша, Мать Мира, заявила, что никто, кроме Курноуса, не сможет найти знак любви Лилеат. Со слезами она бросила подарок вниз, на землю. Ваул претерпел великие мучения от рук Каина, но бог-кузнец не знал, где спрятан подарок. Когда Каин отпустил его, Ваул рассказал обо всем Курноусу. Не было такой вещи, какую не смог бы найти бог-охотник, но подарок Лилеат ускользал от него. Каждый месяц она сверху заглядывала в мир и смотрела на свой подарок, чтобы Курноус смог проследить за ее взглядом. Охотник так и не нашел его, а затем пришли эльфы, и боги вынуждены были переселиться на небеса. Вот почему Курноус и Лилеат обречены вечно жить порознь, а дети Курноуса каждое полнолуние воем выражают любовь к Лилеат.

Алит почувствовал что-то в руке, твердое, но в то же время гибкое. Он крепче сжал кулак и погреб к поверхности воды. Сияние вокруг постепенно затихало. Усталость и недостаток воздуха играли с сознанием шутки, то вызывая обрывки воспоминаний, то оглушая какофонией звуков. Сердце колотилось, все тело кричало от пронизывающей боли.

С зажатой в руке находкой Алит рвался наверх. Силы покидали его, сквозь сжатые зубы вырывались последние пузырьки воздуха.

С мощным вдохом, в фонтане брызг Алит вынырнул на поверхность. Звездное небо кружилось, луна плыла перед глазами. Тело онемело, и только в правой руке отдавалась боль от сжатых намертво пальцев. Алит жадно глотал воздух. Боль и головокружение в конце концов отступили, и князь снова почувствовал прикосновение воды к коже. Только тогда он посмотрел на свою добычу.

Он никогда в жизни не видел столь красивого лука — выкованного из серебристого металла, в котором сиял лунный свет, с украшенными полумесяцами концами. В воде лук оставался сухим, а его тонкая, тоньше волоса, тетива казалась невидимой. Он весил как воздух и прекрасно подходил для руки Алита. Теплый на ощупь металл излучал ауру покоя и любви.

С берега озера доносился шум. Алит поднял голову и увидел, что луна почти скрылась за верхушками деревьев. В сумраке он различил высypавшую на берег волчью стаю. В темноте за ним наблюдало несколько дюжин пар светящихся глаз. Алит поцеловал лук и триумфально поднял его над головой, удерживаясь на плаву одной рукой.

Волки вокруг озера завывали — так дети Курноуса выражали свою любовь к Лилеат.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Укрощение волка

Алит, задыхаясь, бежал по лесу. Когда он оглядывался, то видел гонящихся за ним рыцарей; те подныривали под ветки и с трудом направляли неповоротливых коней в тяжелых пополах между деревьями. Погоня насчитывала около дюжины солдат. Они гнались за Алитом после того, как тот подстрелил их капитана на южных окраинах лагеря. Топот копыт эхом отражался от крутых склонов заросшей лесом лощины, по которой Алит вел их к ожидающей в засаде стае.

Князь сделал рывок, свернул влево и скрылся с глаз рыцарей. Он вскочил на камень и оттуда с ловкостью белки перепрыгнул на ветку дерева, легко пробежал по ветке и присел на корточках у ствола, высматривая сквозь листву приближающихся рыцарей.

Первый всадник, проезжая мимо укрытия Алита, подал сигнал замедлить бег. По телу князя пробежала дрожь страха; колонна перешла на шаг и проехала под ним, внимательно осматривая деревья в поисках добычи.

— Стоять! — крикнул рыцарь и поднял руку. — Он перестал бежать.

Алит затаил дыхание, сердце отчаянно заколотилось. Он глянул на землю внизу, но и так знал, что не оставил никаких следов. Он понимал, что его нелегко заметить в лесу. Князь натер бледную кожу грязью и кровью и, оставаясь неподвижным, полностью сливался со стволом дерева.

Алит осторожно передвинулся, внимательно наблюдая за первым рыцарем, чтобы понять, каким образом тот почуял его присутствие. Как и прочие всадники, этот рыцарь носил тяжелый серебристый доспех, а темно-серого жеребца защищал чепрак из легкой кольчужной брони и черный наголовник с руной Анлека. Лицо рыцаря пряталось под высоким боевым шлемом с плюмажем из черных перьев. Перья качались из стороны в сторону, пока всадник поворачивал голову и осматривал лес. Но его шлем отличался от шлемов его товарищей — золотой обруч удерживал на нем маску, которую Алит не мог разглядеть, пока рыцарь не повернулся и не посмотрел на него. Алит задохнулся от ужаса.

Золотая маска изображала оскалившееся лицо с тонкими чертами, резкими скулами и изумрудными глазницами. Однако Алита поразило вовсе не яростное выражение боевой личины. Над глазницами к маске крепилась пара настоящих глаз; блестящие глазные яблоки пронизывала тонкая золотая сеть, которая соединяла их с металлом шлема. Глаза двигались и жили собственной жизнью. По щекам маски стекали тонкие струйки крови, а глаза продолжали вращаться в поисках беглеца. И вдруг они оба повернулись к Алиту, и всадник удивленно вздрогнул.

На миг пронизывающий взгляд магических глаз приковал Алита к месту. Князя охватил ужас, вовсе не потому, что — а потому, как его обнаружили!

— Вон там, на дереве! — крикнул всадник и указал на него обнаженным мечом.

Выкрик рыцаря вывел Алита из транса, и он одной рукой принялся карабкаться выше, на ходу доставая из-за спины лунный лук. Дар Лилеат пульсировал в руке в такт биению сердца. До князя долетали злобные выкрики. Он наложил стрелу, затем натянул немислимо тонкую тетиву, причем ему потребовалось не больше усилий, чем если бы он просто вел рукой по воздуху. Алит нашел глазами рыцаря с чудовищной маской, и лук принялся нашептывать. Юноша не мог разобрать слов, да и вряд ли сумел бы их осмыслить. Но тон

голоса успокаивал, помогал расслабить руки и унять дрожь.

Алит выпустил стрелу. Она слетела с лунного лука всполохом белого света, пробила насквозь грудную пластину доспеха и воткнулась в усыпанную листьями землю за его спиной. Рыцарь с дырой в груди завалился на бок и безжизненно рухнул в грязь. Алит не переставал изумляться мощи лунного лука с того момента, как впервые опробовал его: он без труда пробивал ствол дерева, и в то же время почти ничего не весил. Алит мог удержать его на кончике пальца.

Князь подстрелил еще одного рыцаря. Стрела вошла в плечо под углом и раздробила позвоночник коня. Животное рухнуло на землю вместе с всадником. Рыцари никак не могли ответить на его выстрелы, поэтому им пришлось развернуться и бежать, но последняя стрела Алита догнала еще одного друкаря на выезде из лощины.

С лунным луком в руке Алит спрыгнул на землю. Когда он сделал шаг к телу в золоченой маске, его накрыла волна отвращения, но Алит перевернул труп за ногу и уставился на жуткое устройство из плоти и золотой нити. Он наклонился, чтобы лучше разглядеть его, и увидел, что удерживающая глаза проволока насквозь пронизывает шлем и углубляется в само лицо рыцаря. Тот был мертв, но глаза продолжали следить за Алитом и двигались, когда он менял положение.

Хотя князя переполняло чувство брезгливости, он заставил себя взглянуть. Что-то во взгляде без век показалось знакомым. И тут он вспомнил: он смотрел в глаза часового, которого допрашивал около лагеря друкаев. Один из нагаритских колдунов наложил на его глаза заклятие, которое видело Алита, где бы он ни спрятался.

Алит вытащил меч и рассек золотую сеть. Глаза упали на землю и покатались по опавшей листве, не сводя с Алита обвиняющего взгляда. С подступающей к горлу тошнотой князь взмахнул мечом и разрубил их на множество кусочков. Когда Алит выпрямился, он на миг задумался, жив ли еще незадачливый часовой. Друкаи вполне могли ослепить его в наказание за ошибку и лишить милосердия смерти.

Алит убрал лунный лук и меч, вынул из тел драгоценные стрелы и направился вниз по лощине туда, где в засаде ожидала стая. Придется им сказать, что сегодняшняя охота не удалась.

Уже дюжину дней после находки лунного лука Алит и волки охотились на друкаев, но возможность напасть на ненавистных врагов предоставлялась редко. Друкаи неустанно наступали, и стае приходилось отходить под их натиском. Волки попытались взять севернее, а затем вернуться кружным путем. Через день они столкнулись с другим друкайским войском; оно шло на юг, к эллирионской границе.

Черные отряды маршировали на восток и, сами того не зная, гнали перед собой Алита и стаю к Айен Ишайну, святилищу богини Иши и дому Вечной королевы.

Алит не считал дни и судил о времени по фазам луны, но сейчас он снова начал волноваться. Как близко они подошли к пристанищу Вечной королевы, и как быстро передвигаются друкаи? Знает ли духовная правительница Авелорна о грозящей ей опасности?

Последний вопрос Алит отбросил, как только тот пришел ему в голову. Друкаи находились на землях Вечной королевы, с которыми она была связана гораздо теснее, чем князь со своей родиной. Она должна чувствовать смерть деревьев и зверей, как Алит чувствовал порезы и царапины на коже. Нет, Вечная королева не нуждается в

предостережениях о надвигающейся на Авелорн опасности.

Алит ничего не мог сделать, чтобы остановить наступление друкаев. Он не мог придумать план действий. Когда Черногривый увидел силы врага, он захотел бежать еще дальше на восток, скрыться в чащах Авелорна и уйти в Гаенскую лощину. Старый волк считал, что там его стая будет в безопасности, хотя так и не сказал Алиту, почему.

В следующие дни Алит заметил, что лес изменился. Деревья стали выше и старше тех, что он видел во внешних лесах. Путь часто преграждали завалы из веток и сухостоя, и не раз Алиту приходилось ползти за волками через проделанные природой туннели в терновнике. Стены шипов заставляли сворачивать то на север, то на юг, и князь начал убеждаться, что сам лес старается удержать их от похода на восток.

Через шестнадцать дней после находки лунного лука стая Черногривого вышла к границам Гаенской лощины. Никто из эльфов, за исключением сводного брата и сестры Малекита — и самой Вечной королевы, — не заходил в Гаенскую лощину, хотя о загадочном месте ходило множество легенд. Некоторые утверждали, что там расположено духовное сердце не только Авелорна, но и всего Ултуана — ведь именно там Иша пролила последние слезы перед тем, как навсегда отправиться на небеса. В других мифах говорилось, что в Гаенской лощине родилась первая Вечная королева, смертное воплощение богини.

И никто не спорил с тем, что в Гаенской лощине обитали странные духи. Лес в темных глубинах обладал собственным разумом. Пропитанные жизненной энергией Иши деревья могли ходить и разговаривать. Легенды гласили, что эти духи защитили Морелиона и Иврейну, первенцев Аэнариона, от нападения демонов. Сама Вечная королева советовалась с бессмертными стражами леса, и Алит не сомневался, что друкай им не понравятся.

Князя не заботили легенды об Ише, но он понимал, что стае необходимо надежное убежище. Гаенскую лощину соединяла с Ултуаном узкая полоска земли, и ее будет легко защитить от нападения друкаев. Поэтому Алит последовал за Черногривым. Стая бежала к безопасным землям, на пятки им наступало друкайское войско.

Стая вышла к северному концу перешейка на тридцатую ночь пребывания Алита в Авелорне. Небо затянули густые облака, лес купался в белом свете стареющей Сариюур и в болезненно-зеленых отсветах луны Хаоса. Волков охватило плохое предчувствие, и Алит полностью разделял его. В воздухе висел странный привкус. Вопреки доводам разума князь опасался, что друкаям удалось заразить Авелорн темной магией. Волки старались держаться вместе, терлись друг о дружку в поисках ободрения, тишину нарушали их поскуливание и всхлипы. Черногривый уверенно прохаживался среди своих подопечных. Его отрывистый лай немного утешал перепуганную стаю.

Алита не покидало чувство, что за ним кто-то наблюдает. Он внимательно осмотрел деревья, но никого не заметил. Затем его внимание привлекло движение в лесу, и волки заскулили громче. Теперь Алит что-то чувствовал. Ветер нес с собой странный запах осенней гнили и заплесневевших листьев. Краем глаза князь заметил, что тени зашевелились, но когда он обернулся, то увидел лишь кусты и деревья. Воздух наполнил жутковатый скрип и шорох листьев. Под ногами раздавался постоянный шелест, который доносился со всех сторон одновременно. Хотя Алит ничего не видел, он не сомневался, что лес двигается.

Деревья становились ближе.

Стая собралась вокруг Черногривого. Алит встал рядом с вожаком. Эльфа и волков окружила сплошная стена деревьев, их ветки сходились высоко над головами и полностью закрывали тусклое небо. Вокруг деревьев тернистой изгородью выросли густые кусты.

Алит вытащил лунный лук и наложил стрелу, нервно оглядываясь по сторонам. Даже яростное достоинство Черногривого испарилось, и вожак сторбился рядом с князем с поджатыми в страхе ушами.

Справа от Алита что-то шевельнулось, и он повернулся со вскинутым наготове луком.

— Вам не рады, — прошлогодней листвой прошелестел голос на ветру.

Одно из деревьев, огромный узловатый дуб с тяжелой кроной, стояло чуть ближе остальных. Дерево содрогнулось, и желуди с громким стуком посыпались на землю.

— Оставьте нас.

— Пришли черные двуногие. — Черногривый выпрямился и сделал шаг к энту. — Убивают. Жгут. Мы бежим.

Энт развернулся к Черногривому, хотя движение могло оказаться всего лишь игрой призрачного света луны.

— Волки могут пройти, — произнес голос. — Двуногий нет.

— Почему вы отказываете в убежище союзнику? — спросил на эльфийском языке Алит. — Я буду сражаться, чтобы защитить эти земли от друкаев.

— Подойди, — сказал энт и призывно наклонил ветку.

Князь с осторожностью приблизился, не опуская лунного лука. Он остановился в нескольких шагах от энта и разглядел неровное лицо на коре, намного выше головы эльфа. Короткие сучья служили глазами, а трещина в коре выглядела грубой пародией рта, хотя она не шевелилась, когда энт говорил.

— И что за эльф бежит с волками? — спросил энт.

— Я Алит, последний из дома Анар. — Князь гордо выпрямился. Энт промолчал, и Алит продолжил: — Я сын волка и луны.

Деревья задрожали, их ветки стучали друг о друга, листья колыхались. Алит не знал, является этот жест признаком веселья или злости, но сохранял спокойную позу.

— Я прошу разрешения войти в Гаенскую лощину, чтобы найти здесь убежище от тех, кто охотится за мной и при первой возможности убьет. — Алит снял стрелу с тетивы, убрал ее и лук в колчан. — Или сделает что похуже, — добавил он.

Одна из веток опустилась и легко, как перышко, коснулась листьями-пальцами его лба. Через миг она со скрипом вернулась на место.

— Нет, — ответил энт глубоким рокочущим голосом. — Для тебя нет места в Гаенской лощине. Ты несешь с собой тьму. В тебе кроется смерть. Здесь есть место только для жизни. Ты должен уйти.

— Тьма идет за мной, но ее породили другие. — Алит решил, что речь идет о преследователях-друкаях. — Я помогу вам сражаться!

— Тьму притягивает к тебе, а тебя влечет к ней. — Энт медленно выпрямился. — Ты не можешь войти в Гаенскую лощину.

Алит ощущал на себе внимание волков, и особенно — пристальный взгляд Черногривого. Они не могли осознать смысл слов, но прищуренные глаза Алита и напряженная поза говорили им достаточно.

— Мы идем? — спросил Черногривый. — Прячемся?

— Да, — ответил Алит. — Вы прячетесь.

— Двухногий идет.

— Нет. — Алит отвернулся от деревьев и обвел взглядом волков. — Двухногий не идет.

Двухногий будет охотиться. Волки спрячутся.

— Нет! — прорычал Шрам, отделяясь от стаи. — Двухногий охотится, волки охотятся.

— Волки охотятся, — подтвердил Черногривый.

— Волчатам грозит опасность, — возразил Алит. — Волчата не охотятся. Скоро придут черные двухногие. Волки спрячутся.

— Волчата спрячутся, волки охотятся, — сказал Черногривый. — Стая охотится с двухногим.

Алит хотел спорить, но ему не хватало слов, чтобы рассказать все, что он понял. Друкаи придут сюда, и их будет все больше. Волкам надо бежать, скрыться в неприступном убежище Гаенской лощины. Но Алит никак не мог убедить их в грозящей опасности. Ему придется расстаться со стаей.

— Двухногий не бежит, — присоединилась к Шраму Серебрянка. Казалось, что хитрая самка читает мысли Алита. — Двухногий останется со стаей. Стая защитит.

— Черные двухногие убьют стаю! — крикнул Алит. Серебрянка шарахнулась от крика, будто ее ударили. Князя кольнуло чувство вины, но он продолжал, потому что волки должны были понять грозящую им опасность. — Много, много черных двухногих. Убьют много, много волков. Волкам надо бежать!

Под хор воя и визга Алит повернулся спиной к волкам. Он не обращал на шум внимания и направился на запад, прочь от Гаенской лощины. Но не успел он сделать несколько шагов, как за спиной раздался топот лап. Алит оглянулся и увидел, что Шрам, Серебрянка, Черногривый и еще около двух дюжин волков следуют за ним.

— Нет! — закричал Алит. Он нагнулся, подхватил горсть земли и с беззвучным криком швырнул в волков. Затем развернулся и ринулся к открывшемуся в тернистой баррикаде проему.

— Не дайте им идти за мной! — через комок в горле выкрикнул он.

— Мы защитим их, — ответил голос дерева.

Шипы зашевелились, и через миг проем закрылся.

Среди деревьев метался рык и вой. Они следовали за Алитом, пока тот со слезами на глазах пробирался по темному лесу.

Алит проплакал остаток ночи, сидя на корнях огромного дерева. Он не понимал, почему боги так жестоки к нему. Они дразнили его обещанием мира и покоя, а затем отбирали то, к чему он стремился и чего желал: Ашниель; Миландит; семью; волчью стаю. В горе ему вспомнились слова Эльтириора: *«Одиночеству могут предаваться лишь те, у кого есть на это время. Некоторые заполняют пустоту бессмысленной болтовней с окружающими. Другие выбирают служение высокой цели, и оно утешает их больше, чем компания смертных».*

Когда Алит попал в Авелорн, он решил, что нашел цель в жизни, но все обернулось по-другому. Может, ему не стоило убивать оленя? Он так не думал. Разве Курноус не желал, чтобы он присоединился к стае? Скорее всего, да. И если так, то что это принесло Алиту кроме горя?

Алит услышал нежный шепот, инстинктивно потянулся к колчану на спине и вытащил

лунный лук. Провел пальцем по серебристому металлу, наслаждаясь его теплом. Прижал к щеке, и по луку покатались его слезы. Прикосновение оружия успокаивало князя.

Вот зачем судьба привела его в Авелорн.

Алит прижал лук к груди, встал и сделал глубокий вдох. Он сам должен найти свою цель. Пусть остальные ругают судьбу, богов или удачу. У Алита не осталось сил кого-то винить, у него есть лишь ненависть к тем, кто принес Ултуану столько бед.

Его судьбу решали не Курноус, не отец и дед и даже не Бел Шанаар. Все, что случилось с Алитом, происходило по вине друкаев — и никого больше.

Он был листком на поверхности воды, который несет куда угодно течению. Его вынуждали сражаться. Вынуждали бежать. Вынуждали прятаться. Теперь все поменяется. Олень бежит, и за ним охотятся. Волк сам выбирает свою добычу. Пришло время действовать, а не метаться. Слишком долго друкаи заставляли его плясать под свою дудку. В груди разгорелась пробужденная Курноусом первобытная страсть к охоте.

Он бросил взгляд на север, где друкаи разбивали свои лагеря и оскверняли лес. С лунным луком ему удастся убить многих. Они начнут погоню, а он будет ускользать от врагов, как делали когда-то Тени. Но этого мало. Даже с лунным луком он не сможет убить столько, чтобы друкаи остановились и война повернула вспять. Одинокий волк не угроза целой армии.

С лунным луком в руках Алит повернул на юго-запад, к Эллириону. Он не сможет охотиться один, но он знал, где найти свою стаю.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Исполненная клятва

Подгоняемый азартом охоты, Алит много дней бежал через Эллирион, на юг. Совершенно голый, за исключением пояса и колчана, он обходил стороной эллирионские табуны и путешествовал и днем, и ночью. Он даже не останавливался для охоты, только изредка делал передышки, чтобы утолить жажду, — настолько его захватило видение новой войны против друкаев. Его солдаты будут охотиться стаей, как Тени в старые времена.

Под покровом ночи Алит взобрался на вершину холма и осмотрел южный горизонт. На востоке блестели на водах Внутреннего моря огни Тор Элира. Князь замешкался — при виде города, где жила Атиелль, он ощутил укол вины и сожаления. Но через миг все прошло. На юге тускло горели прикрытые кожухами фонари нагаритского лагеря.

Вблизи лагеря Алита остановил окрик часового с требованием назвать себя. Только когда князь увидел выражение изумления на лице стража, он осознал, насколько странно выглядит. Он назвался, и нагаротт долго его разглядывал, разрываясь между радостью и изумлением.

— Передай Хиллраллиону и Тариону, что я хочу видеть их немедленно, — приказал Алит и без стеснения направился в лагерь.

— Князь, где вы были? — спросил солдат. Он шел немного позади правителя. — Мы боялись, что вы погибли или попали в плен.

— Такого никогда не случится, — с мрачной улыбкой ответил Алит. — Друкаи ни за что не сумеют поймать меня.

Алит отослал часового вперед, чтобы тот оповестил капитанов, и направился к грубой землянке, что служила штаб-квартирой. Из домиков и палаток выходили нагаротты и во все глаза рассматривали вернувшегося князя. Алит не обращал внимания на вопросительные взгляды, хотя он заметил, что многих смущала отнюдь не его нагота. Половина солдат не отрывали глаз от лунного лука.

Когда Алит подошел к сторожке, его настиг окрик бегущего через лагерь Тариона.

— Князь Алит! — В его голосе звучала равная смесь облегчения и удивления. — Я не сразу поверил в ваше возвращение!

Командир засыпал его вопросами о том, где он побывал и что с ним произошло, но Алит не стал на них отвечать. Пережитое в Авелорне касалось лишь его одного, этим он не собирался ни с кем делиться. Все, что требовалось знать его людям, — их князь вернулся, и у него появилась новая цель.

Хиллраллион привел с собой нежданного гостя, Каратриля. Присутствие Каратриля удивило Алита не меньше, чем вид самого Алита изумил герольда. Они прохладно поздоровались, не зная, как обращаться друг к другу.

— Что привело герольда Короля-Феникса в мой лагерь? — спросил Алит, когда все вошли в главную комнату домика.

Он осторожно положил лунный лук на длинный стол, затем снял ремень с колчаном и пристроил их сбоку. С внимательным, полным достоинства видом Алит уселся во главе стола и жестом пригласил присаживаться остальных.

— Каратриля позвал я, — ответил Тарион и обменялся встревоженным взглядом с Хиллраллионом. — Когда вы пропали, мы не знали, что делать. Поэтому обратились к

королю Каледору с вопросом, как мы можем помочь его армии. Мы обсуждали совместные действия с войском короля во время следующей кампании.

— Этого не потребуется, — ответил Алит. Он повернулся к Каратрилю. — Тем не менее твое путешествие прошло не зря. Возвращайся к своему господину и сообщи ему, что огромные силы друкаев вторглись в Авелорн. Сейчас они должны подходить к границе Гаенской лощины.

В ответ на его слова Каратриль нахмурился.

— И откуда тебе это известно? — спросил герольд.

— Я побывал в Авелорне и видел друкаев своими глазами. Боюсь, что Крейс захвачен полностью, и восточным княжествам следует готовиться к новому нападению Морати.

Алиту чудилось, будто он видит, как в головах эльфов загораются вопросы, но вслух они ничего не сказали.

— Плохие новости, — произнес Каратриль. — Я передам их королю Каледору. Тем не менее причина моего нахождения здесь не изменилась. Я бы хотел обсудить то, как вы можете помочь Королю-Фениксу в войне против друкаев.

— Оставьте нас с герольдом Короля-Феникса наедине, — невыразительным тоном попросил Алит.

— Может, вам... э-э-э... принести одежду, князь? — предложил Тарион.

— Да, было бы неплохо, — рассеянно согласился Алит, не отрывая взгляда от Каратриля. Когда лейтенанты вышли из комнаты, князь наконец дал волю гневу. — Я не собака, которую можно призвать к ноге! Я сражаюсь за свои земли и наследие, но не за трон Феникса. Я буду вести войну с друкаями так, как посчитаю нужным, и не потерплю вмешательства и вопросов. Защищайте Ултуан и его жителей, но помните: Нагарит принадлежит мне.

— Ты хочешь выступить против трона Феникса? — пораженно переспросил Каратриль. — Ты утверждаешь, что Нагарит твой? В чем тогда разница между тобой и Морати? По какому праву ты так заявляешь?

— Я наггаротт. В моих жилах течет холод зимы. В моем сердце бьется наследие Аэнариона. Мой отец и дед отдали жизни за Нагарит, не ради славы и почестей, но из чувства долга и любви. Я не ищу способа захватить Нагарит для себя, но я хочу защитить его земли от амбиций других. Дед Короля-Феникса решил покинуть Анлек и основал княжество на юге. Тем самым он отрекся от права претендовать на власть над Нагаритом.

— Ты никому не обязан верностью, — грустно склонил голову Каратриль. — Ты станешь королем, но будешь править голыми пустошами, где нет подданных. Ты превратишься в Короля Теней.

Выбранный Каратрилем титул заставил Алита улыбнуться и напомнил ему о сказанных давным-давно словах Эльгириора: *«Она послала меня в горы, искать дитя луны и волка, наследника Курноуса. Того, кто станет Королем Теней — и будет держать в руках грядущее Нагарита».*

С самой первой встречи вороный герольд настаивал, чтобы Алит сам выбирал свою судьбу и безропотно следовал ей. Теперь Алит видел заключенную в его словах истину. Он стал главным охотником, вожаком стаи. Друкаи — его добыча, и он никогда не устанет их преследовать.

Все еще улыбаясь, Алит посмотрел на Каратриля. Герольд не разделял его веселья, и князь кивнул:

— Да, ты весьма точно предсказал мое будущее.

Алит кратко попрощался с Каратрилем, и тут вернулись капитаны с обувью, мантией и плащом. Они также принесли кувшин с водой и мыло, но Алит лишь отмахнулся.

— Мы не сможем победить друкаев в открытой войне. — Князь натянул мантию и застегнул на талии широкий пояс. — По-крайней мере своими силами. Нас слишком мало.

— Тогда следует сражаться вместе с эллирионцами или каледорцами, — сказал Тарион.

— Нет! — прорычал Алит. — Мы продолжим сражаться там же, где и раньше — где друкаи наиболее уязвимы: в Нагарите. Пройдут годы, прежде чем Каледор наберет достаточно сил, чтобы выступить на север, и что там обнаружат освободители? Непригодную к жизни пустыню, выжженную тьмой и битвами, и разрушенный до основания Анлек. Если Каледор войдет в Нагарит, он уничтожит все, чтобы выбить оттуда друкаев — все, ради чего мы готовы отдать жизнь. Мы будем вести другую войну, разъедать друкаев изнутри. Когда друкаи ослабеют, они начнут проигрывать сражения в других княжествах, и тогда мы сможем предъявить претензию на власть в Нагарите.

— Вы хотите, чтобы мы все стали Тенями? — догадался Тарион.

— Хочу, — подтвердил князь. У него возникло желание выглянуть наружу, но в комнате не было окон. Вместо этого он уставился на пылающий в очаге огонь. — Эланардриса больше нет; нашим домом станут тайные закоулки и полумрак. Темные леса, болота и холмы укроют нас. Ни один друкай не сможет расхаживать по Нагариту, не оглядываясь через плечо. Ни одно войско не сможет маршировать по дороге, не опасаясь поворотов и укромных мест. Это проверка силы воли, и мы не позволим себе отступить. За каждую смерть в наших рядах сотни друкаев с воплями отправятся в Мирай. За каждую каплю крови мы прольем реки крови.

— Обучение займет время, — предупредил Хиллрalliон. Он присел на одну из скамей. — Многие солдаты служат в армии всю жизнь и привыкли к дисциплине и искусству открытой войны. Они не обладают навыками и опытом Теней.

— Мы поделим войско между Тенями, это составит примерно по пятьдесят солдат на каждого, — решил Алит. — В Ателиан Торире они научатся жить в лесу и постигнут мудрость Курноуса. В горах они узнают секреты камней и снега.

— А как же оружие? — спросил Тарион. — У нас едва наберется тысяча луков на три тысячи солдат. Такому количеству Теней потребуется целый лес стрел.

— Я узнаю, чем нам смогут помочь эллирионцы. Но нашим воинам придется научиться самим изготавливать себе оружие, либо забирать его у мертвых врагов. Только так мы сумеем сражаться в Нагарите. Святилища Курноуса часто служат охотникам в качестве складов припасов. Мы устроим по всему Нагариту хранилища и скроем их от глаз врагов заклинаниями. Помните, что мы станем Тенями, бездомными и неуловимыми. Войско должно научиться охотиться, незаметно передвигаться и не оставлять следов.

— Вы слишком многого хотите, — произнес Хиллрalliон.

— Мы не будем тащить за собой тех, кто не желает учиться, — отрезал Алит. Он вызывающе уставился на своих капитанов в ожидании возражений. На миг он даже оскалил зубы и прищурил глаза, как делал Черногривый, чтобы навести порядок в стае. — Я ваш князь, и таковы мои приказы!

Хиллрalliон молча кивнул, в то время как Тарион в ужасе отшатнулся от дикой ярости Алита. Князь смягчился и примиряюще поднял руку.

— Мы должны стать сильными. Сильнее, чем когда-либо раньше.

— Как пожелаете, господин. — Тарион поднялся и склонился в церемониальном поклоне. — Я давал клятву верности вашему отцу и деду, но до сих пор мне не представилось возможности принести ее вам. Клянусь служить дому Анар и его князьям до конца моих дней. Я буду действовать так, как прикажет мой господин. Именем Азуриана и Иши, Каина и Эрет Кхиали я связываю этой клятвой свою судьбу с вашей.

Алит не сводил глаз с Тариона, пока тот не вышел из зала, и только тогда перевел взгляд на Хиллраллиона.

— Два года, — сказал князь. — Через два года, весной, мы вернемся в Нагарит и начнем Войну Теней. В подготовке я полностью полагаюсь на тебя. Мне не нужен в помощники другой капитан.

— И я не собираюсь следовать за другим князем, — подмигнул Хиллраллион, но сразу посерьезнел. — Дважды я думал, что потерял тебя, и ты возвращался. Тем не менее оба раза вернулся другой князь, совсем не похожий на того, кого я знал с детства.

— Недолго мне осталось быть князем. Когда мы вернемся в Нагарит, я стану Королем Теней.

Почти год наггаротты учились новому способу ведения войны. Алит послал Финуделу письмо, прося оружия, и князь Эллириона в меру своих возможностей выполнил его просьбу. И никто из них почти не упоминал Атиелль. Финудел в одном из писем между прочим сообщил, что она слышала новости об исчезновении Алита, но что о его возвращении ей говорить не стали. Алит заверил Финудела, что будет лучше, если княжна продолжит считать его пропавшим без вести, иначе она может покинуть город и приехать в лагерь наггароттов. Подобная встреча только навредила бы им обоим.

Следующей зимой войско Алита просто исчезло с глаз эллирионцев. Всадники доложили Финуделу и Атиелли, что проезжали на рассвете мимо лагеря наггароттов и нашли его пустым, хотя прошлым вечером в нем кипела жизнь. Им не удалось обнаружить никаких следов. От обитателей лагеря ничего не осталось: ни наконечника стрелы, ни плаща, ни забытой фляги с водой. Почти три с половиной тысячи эльфов исчезли в один миг.

Алит увел своих воинов в Ателиан Торир и рассеял по лесу и горам. Каждую из групп возглавлял один из бывших Теней — солдаты с уважением называли их Идущими по Тени за умение ходить, не оставляя следов. Сам Алит не стал брать учеников. Он передвигался между отрядами, наблюдая за успехами и делясь своим горьким способом понимать мир.

Еще год они тренировались в глуши, без поддержки и припасов. Будущие Тени оттачивали мастерство стрельбы из лука, умение незамеченными подкрадываться к добыче и изучали слова Курноуса для разжигания огня и призыва ястребов, способных передавать послания. Они спали на деревьях или в выемках под корнями, разбивали логовища в пещерах и обходились камнями вместо подушек. По замыслу Алита, ни одна из групп не знала, где находятся другие, и все отряды получили приказ избегать друг друга, как волчьи стаи избегают соперников. Если кого-то из воинов замечали солдаты из чужого отряда, Идущие по Тени наказывали его изнуряющими заданиями по искусству выживания. Кому-то такой подход мог показаться жестоким, но Алит настаивал, что его войско должно уметь обходиться своими силами, не только в физическом смысле, но и духовном.

Алит укреплял умы своих воинов, а не только их навыки. Когда он навещал один из отрядов, он долго разговаривал с солдатами, напоминал о нанесенных друкаями обидах,

внушал жажду мести и будил темные страсти, что жили в каждом нагаротте под тонким слоем цивилизованности. Он хотел, чтобы его Тени стали не просто умелыми бойцами, но еще и дикими, безжалостными, неутомимыми, как волки.

— Когда вы смотрите на врагов, вы не должны видеть перед собой эльфов, — говорил он. — Вы видите создание примитивнее зверя. Помните, что враги повинны во всех причиненных вам бедах. Это они выгнали вас из дома, они мучили ваших друзей и резали ваши семьи. Даже капли сочувствия не должно зародиться по отношению к тем, кого вы убиваете, потому что это приведет к провалу. Промешкать значит умереть, засомневаться — проявить слабость. Друкаи отняли у вас жизнь, сожгли ее на жертвенном костре и изукрасили своих жрецов кровью ваших родственников. В Мирае бродят призраки погибших, плачут от причиненной несправедливой обиды и взывают к живым о мести. Не желайте мира, потому что он не наступит, пока по земле ходит хоть один друкай. Любите войну, она станет искуплением и поможет смыть очернившее наш народ пятно. Принесите клятвы мести — не мне или товарищам, не безразличным к вашим бедам богам, а убитым матерям и отцам, сестрам и братьям, сыновьям и дочерям. Примите созданную друкаями тьму и обратите ее против них. Вы станете клинком, который ударит по убийцам. Вы станете Тенями, безликими орудиями правосудия.

Когда красно-желтые листья засияли под лучами последнего осеннего солнца, Алит собрал все отряды у подножия гор на восточной стороне Орлиного перевала. Ночью они разбили лагерь и молча собрались вместе в умирающем свете Сариюур и алом сиянии луны Хаоса.

— Мы готовы. — Тишину нарушал лишь тихий голос Алита. — Ожидание позади, борьба снова начинается. На восходе мы выступим к Тираноку и начнем войну. Я не прошу вас следовать за мной, поскольку вы все уже доказали верность нашему делу. Я не поведу вас на подвиги. То, что вы здесь собрались, уже говорит о вашей храбрости. Скажу лишь, что настал момент истины. Пусть восточные князья сражаются в великих битвах и жертвуют жизнью своих подданных ради бесполезного сопротивления. Война будет выиграна здесь, на западе. Мы сражаемся ради потерянных любимых. Мы сражаемся за светлое будущее. Мы сражаемся за то, чтобы вернуть себе земли, которые когда-то затмевали величием все остальные. Мы сражаемся за Нагарит.

— За Нагарит, — шепотом воскликнуло войско.

Тени таяли в темноте, направляясь вдоль перевала на запад. К Алиту подошел Тарион и зашагал рядом с князем.

— Господин, разве разумно выступать на пороге зимы? — спросил он.

— Верно, войска не начинают походы зимой, но мы не обычное войско, — ответил Алит. — Не забывай, что мы охотники. И в дождь, и в ветер, и в снег, и под палящим солнцем мы будем преследовать добычу по горам и долинам, по рекам и болотам. Пусть друкаи беспокоятся о том, как передвинуть обремененные обозами армии по льду. Пусть стоят и беспомощно смотрят, как мы сжигаем их города и убиваем их народ — как когда-то подобное видели мы, стоя перед легионами Анлека.

Тарион понимающе кивнул, и Алит увидел, как в глазах старого ветерана зажегся темный огонь. Похожий взгляд князь видел каждый раз, когда решался посмотреть на свое отражение в озере или в затянутой льдом луже.

Нападение Теней поразило весь Ултуан. Среди друкаев и их врагов стали расползаться

слухи. Поначалу Алит держал всех Теней вместе; они захватили восточные наблюдательные башни Орлиного перевала, уничтожили друкайские патрули на дорогах и перехватили несколько гонцов. Гарнизонам друкаев, отрезанным от мира подступающим снегом, ничего не оставалось, кроме как прятаться в лагерях и со страхом вглядываться в ночь. Среди солдат шепотом передавались рассказы: будто армия Теней состоит из духов тех, кого принесли в жертву Эрет Кхиали, и сейчас они вырвались из подземного мира и жаждут мести.

Новости дошли до Алита, и он посмеялся над суеверием врагов. Он использовал их страхи как оружие и при любой возможности не давал друкаям покоя. Перед нападением его воины прятались в тенях и выли, чтобы испугать врагов. Они выкрикивали подслушанные имена и обвиняли друкаев в убийствах. Завывающие подобно волкам воины ходили вдоль границы света лагерных костров. Часовые успевали лишь заметить какое-то смутное движение, прежде чем анарцы исчезали. Произнесенные шепотом заклинания Идущих по Тени гасили костры, что вызывало панику среди солдат.

И только после этого Тени делали первые залпы. Ливень черных стрел накрывал лагерь, и каждая стрела находила цель. Друкаи с криками ужаса умирали сотнями, так и не увидев нападающих. И всегда Тени позволяли нескольким врагам выжить и сбежать, чтобы те смогли рассказать товарищам о пережитом страхе. Тени вытаскивали стрелы из мертвых и оставляли трупы на поживу стервятникам и воронам. Каждый новый рассвет встречал столб дыма — это горел лагерь или караван друкаев, а те смотрели на горы и гадали, станет ли следующая ночь для них последней.

На вершине Кориль Атира, в верхней точке перевала, друкаи построили форт, чтобы наблюдать за подходами с востока и запада. Два дня большая часть Теневого войска собиралась вокруг лагерей и фортов вдоль перевала. Алит выслал несколько отрядов, чтобы они тревожили гарнизоны друкаев у эллирионской границы и отвлекали внимание врагов от истинной цели.

В полночь Тени собрались на склоне под Кориль Атиром. Выступающие укрепления форта неровным рядом возвышались над долиной; белая луна Сариюр садилась на западе и заливала их серебристым светом. На флагштоках развевались тонкие вымпелы. Порывистый горный ветер не доносил никаких звуков, кроме уханья сов и редкого рыка охотящихся зверей.

На данный момент форт представлял собой самую сложную из их целей, и Алит чувствовал тревогу своих последователей. Одно дело налеты на плохо защищенные лагеря, и совсем другое — штурм крепости. Но Алита переполняла уверенность в своих силах. Он не собирался нападать в лоб, с боевыми кличами и военными машинами. Неожиданность и хитрость обеспечат Теням более весомую победу, чем могло бы добиться эллирионское войско. Алит намеревался не только оставить друкаям послание, что им нигде укрыться и что никакая крепость не сможет защитить их; Алит хотел, чтобы восточные князья — и особенно Король-Феникс — поняли, насколько опасной может стать армия Теней. После этой победы больше никто не будет недооценивать анарцев.

Когда луны скрылись за горизонтом и воцарилась тьма, Алит повел отряды к цитадели. В узких окнах башни горели фонари, но вокруг оставалось достаточно теней для укрытия. В свете фонарей Алит видел прохаживающихся по стенам часовых — их выдали красные отблески на шлемах и наконечниках копий.

Алит возглавил первую волну Теней. Они обошли вокруг стен и двинулись на крепость с севера, вдоль выступа, на котором она стояла, по горному склону. Каменная кладка башни была плотной, не оставляющей опоры для ног и пальцев. Тени без лишнего шума вбивали крепкие ножи в цемент между огромными камнями и взбирались по ним. Алит с пятью десятками воинов медленно поднимался по стене башни; они замирали каждый раз, когда над головой раздавался звук шагов, и продолжали осторожный подъем, когда опасность отступала.

Алиту их восхождение напомнило о том времени, когда он карабкался на стену цитадели Аэнариона в Анлеке. Сейчас он гадал, защищают ли Кориль Атир какие-нибудь заклинания. Князь ничего не чувствовал, кроме летящей над Кольцевыми горами энергии портала, но он не обладал даром магии. Тем более что темное волшебство отличалось скрытностью и сложностью в обнаружении. Если тут стояли магические барьеры, придется искать способ одолеть их; а пока Алит был готов к любой неожиданности.

Он взобрался к зубцам и переждал, пока пройдет пара часовых. Затем проскользнул в бойницу за их спиной и начал красться следом с ножом наготове. Сзади раздалось тихое кряхтение — это Хиллраллион перелез через стену. Алит встретился с ним взглядом, и они оба метнулись вперед, одним движением перерезали часовым шеи и скинули тела на камни далеко внизу.

Алит перегнулся через стену и подал своим воинам сигнал поторопиться. Когда весь отряд добрался до зубцов крепости, князь приложил руки ко рту и издал крик снежной совы. Через несколько мгновений с дальней стороны башни, с юга, донеслись крики: ожидавшие там в засаде Тени перешли в наступление. В ночное небо взмыли горящие стрелы, и вскоре по деревянной лестнице внутри башни затопало множество ног.

Солдаты дюжинами выскакивали на стену. Отряд Алита встречал их мечами и стрелами, убивая друкаев одного за другим, как только они появлялись. Предсмертные вопли мешались с выкриками анарских воинов с другой стороны башни, что лишь прибавляло смятения. Затем они оттащили тела, и Алит повел свой отряд в залитые красным светом внутренние помещения крепости. Снизу доносился характерный треск многозарядных арбалетов; защитники стреляли сквозь узкие, как щели, бойницы. С ними необходимо было покончить, причем быстро. Алит знаком приказал Хиллраллиону взять половину воинов и избавиться от стрелков. Сам он с остатком отряда направился к главным воротам.

Совсем как в Анлеке, с довольной улыбкой подумал князь.

Когда розовый свет восходящего солнца залил цитадель, Алит приказал своим воинам снести к главным воротам тела убитых друкаев и осмотреть арсенал в поисках копий и другого оружия. В темницах форта Тени нашли несколько избитых, окровавленных эллирионцев. Алит раздал им одежду и оружие и отослал на восток верхом на лошадях, ранее предназначавшихся для гонцов крепости.

— Когда вас спросят, кому вы обязаны свободой, скажите, что Королю Теней, — на прощание приказал эллирионцам Алит.

Анарский князь стоял у ворот. Вокруг него лежало семь сотен друкайских тел. Он бросил на своих воинов многозначительный взгляд, ухватил один из трупов за лодыжку и подтащил к открытым воротам. Там перехватил труп за рубашку и прислонил к окрашенной в черный цвет створке.

— Копье, — крикнул князь и протянул руку Хиллраллиону. Идущий по Тени подал ему

оружие и отступил. — Просто убить врагов недостаточно. Они боятся своей госпожи в Анлеке гораздо больше, чем смерти. Необходимо оставить друкаям послание, понятное даже их ограниченному уму: сама смерть не спасет их от мести.

С этими словами Алит двумя руками поднял копьё и пронзил наконечником горло трупа, пригвоздив его к створке. Затем подергал древко, чтобы убедиться, что копьё крепко вошло в дерево.

Он вытащил из-за пояса нож и вырезал на лбу убитого друкая руну Талуи, знак ненависти и мести. После он разорвал на груди мертвеца рубаху и добавил вторую руну — Аркаин, руну ночи и теней. Осмотрел свою работу, вытер лезвие об одежду друкая и убрал нож за пояс.

Затем Алит оглядел своих воинов, ожидая увидеть на их лицах выражение отвращения или ужаса. Но Тени бесстрастно наблюдали за происходящим, некоторые даже с живым интересом.

Князь кивнул своим мыслям и указал на гору трупов.

— Оставьте послание, — велел он Теням.

— Мрачные новости, мой князь, — произнес Леотиан и передал свиток лорду Тор Анрока.

Каентрас не обратил на герольда никакого внимания и обернулся к его спутнику, лейтенанту из гарнизона Орлиного перевала. Нагаритский князь ерзал по трону Бел Шанаара, настолько неудобным оказалось сидение. Огромный зал давил на троицу эльфов своей пустотой. Голоса холодным эхом разносились между голыми стенами и высоким потолком.

Скамьи для посетителей убрали, и все просители теперь обязаны были становиться на колени перед новым правителем. Эта перемена — одна из немногих перемен в Тор Анроке — доставляла Каентрасу радость; по приказу Морати смиренным придворным Тиранока оставили жизнь, но теперь они знали свое место.

— Скажи мне, Керланрин, почему мне стоит оставить тебя в живых, — тяжело произнес Каентрас.

Воин бросил быстрый взгляд на Леотиана и снова уставился в пол.

— Я с радостью буду сражаться в открытой битве, но я не могу победить этих врагов, как я не могу пригвоздить тени к земле, — тихо выдавил Керланрин. — Наши солдаты просыпаются и находят мертвых командиров. Их внутренности развешаны на деревьях вокруг лагеря, в то время как остальные воины и часовые целы и невредимы. В лагерь возвращаются лошади с привязанными к седлам трупами разведчиков. Рты и глаза мертвых всадников зашиты нитками, а запястья связаны шипастыми стеблями горных роз. — Керланрин содрогнулся и продолжил: — Я видел эскадрон рыцарей, который шел из Артрин Атура в Элантрас. Им перерезали горло и гвоздями прибили к лицам упряжь их лошадей.

— Мы не можем допустить повторения подобных случаев, — заявил Каентрас. — Анлек требует результатов. Я дам тебе еще десять тысяч солдат, больше выделить не смогу. Как только снега начнут отступать, ты поведешь их на перевал и принесешь мне головы мятежников. Я хочу знать, кто их возглавляет, и лучше всего будет, если я пойму это, глядя на его мертвое лицо. Понятно?

Эльфы кивнули и быстро удалились, как только Каентрас отпустил их взмахом руки. Ситуация сложилась крайне постыдная. Наступление на Авелорн остановилось, потому что

командиры Каентраса боялись идти через перевал. Таким образом эллирионцы получили возможность поддержать Авелорн с юга. Каентрас не знал, сколько еще продлится милость Морати, но намеревался приложить все усилия, чтобы его голова не легла первой на плаху, когда терпение королевы иссякнет.

Свежим весенним днем Алит разглядывал с отвесного уступа извивающиеся черные колонны. Хиллраллион стоял рядом с князем.

— Они будут искать нас весь сезон дождей и солнца, — произнес Идущий по Тени. — Друкаи разделят силы, чтобы прочесать перевал, а мы ударим по каждому отряду по очереди.

— Нет, у меня другие намерения, — с мрачной улыбкой отозвался Алит. — Подкрепления идут с запада. Командиры Морати опустошили лагерь, чтобы поймать нас, а Тиранок остался практически без охраны. Они считают, что мы не сумеем проскользнуть незамеченными мимо стольких глаз, но они ошибаются.

— Мы идем в Тиранок?

— Более того, мы идем в Тор Анрок, — заявил Алит.

Через десять дней после прихода подкрепления друкаев Алит находился уже далеко на западе. Он прятался в пещерах, где в свое время искал убежища с Лириан, Сафистией и Хейлет. С собой он взял лишь Идущих по Тени и оставил прочее войско на востоке, разрешив издеваться над друкаями по своему усмотрению. Он выбрал бывших Теней потому, что его планы требовали гораздо большего искусства, чем то, которым обладали недавно обученные воины. Когда Алит рассказал остальным о своих намерениях, его встретило недоуменное молчание.

— Вы собираетесь подвергнуть себя огромному риску. — Хиллраллион решился высказать то, что было на уме у всех. — И ради чего?

— Ты не прав, если думаешь, что мной движут только личные счета, — ответил Алит. — Подумай о том, какое отчаяние охватит наших врагов, когда они поймут, что нигде не могут чувствовать себя в безопасности, даже во дворце. Мы поседем раздор в рядах друкаев, заставим их лидеров засомневаться. Подумай об их страхе, когда они поймут, что им не помогут даже легионы солдат, и никакие ворота и стены не остановят охотящихся на них Теней. Мы должны быть не только безжалостными, мы должны быть дерзкими! Мы испугаем и в то же время разозлим друкаев. Никакие замки и запоры не станут нам помехой! Мы украдем мечи у них из ножен и золото из их кошельков. Пусть они не только боятся нас, пусть возненавидят нашу смелость! Мы сведем их с ума, они станут гоняться за миражами, в то время как мы будем смеяться над ними из темноты.

— Не уверен, что ваша затея выполнима, — сказал Гилдоран.

— Она выполнима, и она будет выполнена, — спокойно ответил Алит. — Разве не мы открыли ворота Анлека под носом друкаев? Разве не я взобрался по цитадели Аэнариона и следил за Морати, пока она исполняла свои темные ритуалы? Тор Анрок ничто в сравнении с укреплениями Анлека.

— И вы просите нас рисковать жизнью ради такого сомнительного результата? — продолжал гнуть свое Гилдоран. — Можно подумать, что вами движет тщеславие.

— Я ничего не прошу! — прорычал Алит, теряя терпение. — Я приказываю, а вы подчиняетесь. Я Король Теней, и я изъявил свою волю. Если кому-то не нравится жить

подобным образом, он может отправляться на восток к эллирионцам, саферийцам или котикцам. Но истинные наггаротты последуют за мной!

— Простите меня, князь, — произнес Гилдоран. — Все будет так, как вы скажете.

Подобревший Алит похлопал его по плечу и оглядел Идущих по Тени. Впервые за много лет князь с удовольствием предвкушал завтрашний день.

— Отлично! — воскликнул он. — Смерть друкаям!

Каентрас сидел на троне Юрианата. Двери медленно открылись, в них неслышно проскользнула женщина в темно-фиолетовой мантии. С ее пояса на тонких цепях свисали медальоны в виде вытянутых черепов. Каентрас сразу же узнал Хейкир, одну из герольдов Анлека. Нагаритский князь зло уставился на эльфийку, пока та неторопливо шествовала по залу. Без сомнения, она пришла, чтобы сообщить очередные требования Морати.

— Я принесла новости от нашей королевы, — с поклоном произнесла Хейкир.

Она вела себя с должным почтением, но Каентрас чуял насмешку в ее подчеркнутой церемонности. Он знал, что при анлекском дворе его считают неудачником. Предательство Еасира окончательно подорвало его позиции. Князь мечтал о власти, но превратился в одну из кукол Морати и в свою очередь манипулировал безвольным рабом, Юрианатом. Хорошо хоть, что Палтрейн умер и оставил Каентраса единственным правителем Тиранока.

— И что же это за новости? — устало спросил Каентрас.

— Королева по-прежнему ждет доклада об уничтожении мятежников на Орлином перевале.

Каентрас пожал плечами.

— Я выделил на их поиски столько солдат, сколько смог. Если королева доверит мне командование войском, я поведу его в Эллирион. Эти нападения всего лишь досадные недоразумения.

— Эти нападения — прямое оскорбление королевы Морати, — отрезала Хейкир. — Разве ты не можешь послать на поиски еще несколько отрядов?

— Тогда мне придется ослабить позиции на границе с Каледором, — ответил Каентрас. — Возможно, королева могла бы прислать мне пару волшебников из своего окружения, чтобы я мог поймать мятежников при помощи магии?

— Король-самозванец сражается в Котике, какая опасность грозит тебе с юга? — Хейкир оставила его просьбу без ответа.

— Хватит, — отрезал Каентрас. — Как ты думаешь, Морати понравится, если драконьи князья свободно пролетят над Тираноком и нападут на Анлек?

Хейкир засмеялась, но в смехе не было и намека на веселье.

— Я передам королеве, что ты... стараешься.

У Каентраса не нашлось сил на споры. Не важно, что он скажет — Хейкир передаст своей госпоже тот ответ, который сочтет наиболее приятным для нее. Каентрас подумал было, что можно послать письмо, вещественное подтверждение его тревог, но он тут же отогнал эту мысль. С одной стороны, он слишком устал. С другой, он сомневался, что его письмо попадет к адресату.

— Что-то еще? — со вздохом спросил он.

Хейкир с лукавой улыбкой покачала головой и поклонилась. Каентрас полным ненависти взглядом уставился ей в спину, пока она шла к дверям, затем поднялся. Ему пришлось приложить некоторое усилие, настолько его отяготили тревоги. Князь повернулся

к левой двери, собираясь в свои покои, но замер на полпути. В тених перед дверью стояла закутанная в черное фигура.

— Кто ты? — требовательно спросил Каентрас. — Тебя послала Морати?

Незнакомец медленно покачал головой — Каентрас угадал его жест по движению капюшона.

— Ты приехал с Хейкир? Что тебе надо?

Вместо ответа эльф скинул капюшон. Поначалу Каентрас не узнал его, но затем в памяти всплыло нужное имя. Лицо не сильно изменилось, а вот его выражение стало неузнаваемым. Когда-то оно глядело на него с обожанием и надеждой, но сейчас выражало полнейшее презрение.

— Анар! — прорычал Каентрас. Его одновременно посетило несколько озарений: он понял, кто был вожаком мятежников Орлиного перевала; он подумал, что поимка Алита вернет ему милость Анлека; он решил, что получит удовольствие от смерти последнего представителя поганого дома Анар. Правитель Тор Анрока потянулся к ножнам на поясе и вдруг вспомнил, что оружия при нем нет — меч он оставил в спальне.

Алит не двигался и не сводил с Каентраса взгляда.

— Я позову стражу! — заявил Каентрас. Он потерял часть самоуверенности.

— И я тут же исчезну, — тихо ответил Алит. — Единственный шанс поймать меня — это убить собственными руками.

Каентрас оглядел зал в поисках любого оружия, но ничего не нашел. С гримасой он повернулся к Алиту.

— Ты собираешься убить безоружного врага? — спросил он.

— Я делал так сотню раз, — ответил Алит.

— У тебя нет чести.

— Я видел, что происходит в так называемых честных поединках. Тот, у кого есть честь, обычно проигрывает.

Алит достал из-за спины великолепный лук, сделанный из блестящего металла и украшенный лунными символами. Он наложил на невиданно тонкую тетиву стрелу и вскинул лук. Внутри Каентраса все перевернулось.

Князь взвесил свои шансы. Вряд ли он успеет пересечь зал и схватить Алита прежде, чем тот спустит тетиву. Спрятаться негде. Если он позовет на помощь, Алит выстрелит и скроется.

— С тобой поступили несправедливо, признаю. — Каентрас сделал шаг вперед. — И я в том числе.

— Несправедливо? — Каентрас отшатнулся от выражения лица юноши. — Из-за тебя погибла моя семья, мои подданные попали в рабство, мои земли превратились в выжженную пустошь. От твоей руки умерли тысячи истинных наггароттов. Это твои амбиции требовали гнусной войны и разнесли тьму по всему Ултуану. И ты говоришь, что поступил несправедливо?

— Пожалуйста, Алит, пощади меня, — взмолился Каентрас и сделал еще шаг.

— Нет, — ответил князь и спустил тетиву.

Алит убрал за спину лук и вытащил меч. Быстро подошел к телу Каентраса, выдернул из его левого глаза стрелу, одним ударом отсек голову и положил ее в плотный мешок. Затем направился к двери, через которую вошел в зал, но остановился. Вернулся к трупу и с силой

пнул его под ребра.

— Увидимся в Мирае, ублюдок, — прошептал Алит. — Я еще не закончил с тобой.

От беспокойного сна Юрианата подняли крики и звуки рога. Он проснулся и обнаружил, что его трясет за плечо одетый в ливрею слуга. Лица князь не узнал, но такое часто бывало. Наггаротт постоянно менял его слуг, чтобы не дать князю сговориться с ними.

— Что случилось? — спросонья выдавил Юрианат.

— Пожар, мой князь, — выдохнул слуга. — Дворец горит!

Юрианат немедленно вскочил с кровати и схватил протянутую другим слугой мантию. Теперь он чувствовал запах дыма, а когда двое слуг спешно вывели его из покоев, увидел отблески пламени в восточном конце коридора.

— В саду вы будете в безопасности, мой лорд. — Первый слуга почтительно подталкивал его к полускрытой за гобеленом винтовой лестнице. — Лучше пройти по черному ходу, так быстрее.

Юрианат позволил провести себя по винтовым ступеням и дальше по узкому коридору. Они миновали комнаты и проходы, которых он никогда раньше не видел, но князь даже не удостоил их взглядом. По пути им встретилось множество слуг, спешащих в другую сторону — тушить огонь.

Они прошли мимо одной из малых кухонь и оказались в просторном садике, где выращивали специи. Оттуда его сопровождающие повернули направо и провели князя через арку в изгороди. Юрианат оказался в еще одном саду, огороженном шпалерами и цветущим по ночам хизатиуном.

— Подождите тут, князь, — попросил один из слуг.

Юрианат не привык выслушивать приказы от подданных, но сейчас он не знал, что делать, поэтому остался стоять там, где его бросили. Слуги растворились в темноте.

Он немного подождал, всматриваясь в пламя, вырывающееся из окон, и затянутое черным дымом звездное небо.

— Ты о чем-нибудь сожалеешь? — спросил вдруг голос из темноты.

Юрианат резко обернулся и осмотрел ночной сад, но никого не заметил.

— Кто здесь?

— Может быть, твоя совесть? — ответил голос. — Как ты себя чувствуешь, зная, что на твоих руках столько крови? Как думаешь, что запомнит о князе Юрианате история?

— Меня обманули! Палтрейн и Каентрас заманили меня в ловушку!

— И ты поступил так, как велела совесть, и покончил с жизнью?.. Хотя нет, все произошло по-другому.

— Где ты? — спросил Юрианат. Он вертелся на месте, выискивая того, кто устраивал ему допрос. — Покажись.

— Ты чувствуешь вину?

— Да, чувствую! — вскрикнул князь. — Каждую ночь меня преследует стыд за содеянное мною. Я знаю, что поступил глупо и недальновидно. Я не хотел никому причинить зла!

— И что ты готов сделать, чтобы исправить положение?

— Что угодно, боги, я сделаю что угодно, чтобы все исправить!

Что-то блеснуло в темноте, и к ногам Юрианата упал кинжал в ножнах.

— И что мне с ним делать? — спросил князь. Он смотрел на нож, как на ядовитую

змею.

— Ты сам знаешь. Я советую перерезать горло, это быстрее всего.

— А что будет, если я не соглашусь? — Юрианат босой ногой брезгливо оттолкнул кинжал.

— Вот что будет, — произнес голос за спиной.

Зашелестела одежда, и затянута в черную перчатку рука закрыла рот князя, оборвав его крик. Юрианат почувствовал горячую боль в спине, тело онемело. Сознание поглотила тьма, и князь упал.

Алит отрубил голову князя и положил ее в мешок вместе с головой Каентраса. Он бы избавил Юрианата от бесчестия, если бы тот набрался смелости и сам покончил с жизнью. Но теперь он тоже послужит примером. Кинув быстрый взгляд на дворец, Алит убедился, что пожар в самом разгаре. Сад заливало алым неверным светом.

Держась в тени, Алит двинулся к ограждающей дворец стене.

Горы на востоке затянули облака; в свете восходящего солнца они отдавали кроваво-красным. Над Тор Анроком стоял столб дыма, обгорелые башни дворца вздымались над городом. Внутри еще тлели угли, и искры летели через окна с выбитыми стеклами.

На улицах царила паника, но командиры друкаев безжалостно раскидывали жителей Тор Анрока и убивали на месте любого, кто попадал им в руки, по обвинению в поджоге. Страх окутывал столицу Тиранока наравне с дымом.

— Я рад, что не стоял во дворце прошлой ночью, — сказал Тиндрин. Он оперся на зубец восточной сторожевой башни Тор Анрока и прислонил щит и копье рядом с собой.

— Это уж точно, — ответил его напарник, Иллурет. — Тем, кто погиб в огне, еще повезло. Когда Каентрас закончит бушевать, у каинитских жрецов прибавится пищи для жертвенных костров.

— Или он пошлет виновных на Орлиный перевал, на растерзание мятежникам, — добавил Тиндрин. Он перестал улыбаться и нахмурился. — Не знаю, кто хуже: колдуны или мятежники.

— Да уж, — снова согласился Иллурет и подавил зевок.

Он бросил рассеянный взгляд вниз, и что-то привлекло его внимание.

— Что это?

Тиндрин глянул на ведущую к воротам дорогу и заметил в рассветном сумраке расплывчатую фигуру, худую и высокую. Сперва он подумал, что видит эльфа, но быстро отбросил эту мысль. Вторая фигура, того же размера и роста, высилась по другую сторону дороги.

— Не знаю, — ответил он. — Стой здесь, я схожу и посмотрю.

Тиндрин подхватил копье и щит и торопливой рысцей направился к внутренней лестнице. Внизу он подал знак несущему стражу у ворот Култиру открыть вырезанную в створке маленькую дверцу. Тиндрин нырнул в нее и прошел несколько шагов. Слева и справа от мощеной дороги из земли торчали копыя, и сверху на них было насажено что-то округлое. Уже немного рассвело. Тиндрин подошел поближе и наконец разглядел загадочные предметы. Копье выпало у него из рук и со звоном покатилося по плитам.

Тиндрин с трудом собрался с мыслями и повернул к сторожке.

— Пошлите за капитаном! — крикнул он.

С копий смотрели пустыми глазами головы князей — Юрианата и Каентраса; на лбу первого была вырезана руна теней, на щеке второго — руна мести.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Клинки Анлека

Легионы Анлека несли по всему Ултуану страх и горе, а Тени Алита нагоняли ужас на друкаев. Они бесчинствовали в Тираноке и Нагарите, а порой даже забирались в сам Анлек, убивали несколько придворных и оставляли на виду их изуродованные тела с наводящими страх кровавыми символами — тени и мести. Тени редко собирались вместе в большом количестве, и нагаритское войско не знало, куда ему кидаться в погоню — на юг или на север, патрулировать горы или оставаться на равнинах.

Иногда Алит распорядился прекратить нападения на дюжину-другую дней. В первый раз друкаи решили, что загадочный Король Теней наконец-то попал в плен или погиб. Но они ошибались, и в одну прекрасную ночь Алит провел организованные атаки по захваченным землям, убивая командиров, поджигая лагеря и похищая припасы. В следующий раз, когда случилось затишье, друкаи боялись больше, чем в периоды постоянных нападений. Наполненное тревогой ожидание неизвестных бедствий, которые вскоре обрушит на них Король Теней, занимало их мысли во сне и наяву.

И Алит не обманул их ожиданий. В середине лета идущая по Орлиному перевалу на восток армия испарилась. Она вышла из Тор Анрока, но так и не добралась до гарнизона в Корил Атир. Высланные на поиски разведчики не нашли ни тел, ни следов нападения. Пять тысяч солдат просто исчезли с лица земли.

Плач эльфийки перешел во всхлипывания, а вскоре и вовсе затих. Из горла хлынула кровь и растеклась лужей по мраморному полу. Морати задумчиво рассматривала алое отражение — оно ей нравилось. Шесть лет постоянной войны сказывались на подчиненных королевы, но она сама оставалась такой же свежей и прекрасной, как в тот знаменательный день много столетий назад.

Королева улыбнулась собственной юной наивности, вспоминая волнение и предвкушение власти, которые она чувствовала при первой сделке. Тогда она даже представить не могла, насколько далеко заведет ее договор с демонами, но не жалела ни об одном шаге на пройденном пути. Правда, у нее не вышло одержать быструю победу, как она представляла себе несколько лет назад, но, тем не менее, война продвигалась неплохо.

Морати встряхнула головой, чтобы отогнать лишние мысли, и по телу побежали мурашки от прикосновения длинных локонов. Она подавила желание погрузиться в приятное ощущение и подняла окровавленный нож.

Морати легонько надрезала кончик большого пальца; одна-единственная капля крови упала в алую лужицу на полу. Когда кровь королевы коснулась жертвенного приношения, она медленно расплылась кругом более глубокого цвета. Тени по его краям принимали четкие очертания и, в конце концов, превратились в изображение гор. По красному небу скользили облака и нависали над алыми вершинами. Нужным словом Морати сдвинула видение к Орлиному перевалу. Магический глаз прошелся над колонной воинов и рыцарей, которые ехали на восток, чтобы вступить в схватку с самозванцем Имриком. Вряд ли они смогут победить, но их усилия отвлекут короля на время, пока Морати не приведет в действие остальные части плана.

Вдруг в помещении раздалось деликатное покашливание. В одной из ведущих в зал арок

стоял слуга в шелковой мантии. Он низко поклонился, и Морати поманила его пальцем, униженным кольцами.

— Гость ждет, когда вы пожелаете его принять, ваше величество, — сообщил слуга.

— Проводи его ко мне немедленно, — ответила Морати и повернулась к вещему озеру, сразу же позабыв о слуге.

— Кто там? — спросил голос из соседней комнаты. В хриплом шепоте звучала боль. — Хотек?

— Нет, это не он, — ответила Морати. — Он все еще трудится, хотя его работа скоро завершится. К нам пожаловал кое-кто другой, и он принес очень хорошие новости.

Звяканье подбитых металлом башмаков возвестило о прибытии гостя. В дверях появился эльф в поношенном, выдавшем виды доспехе со множеством царапин и вмятин. Черные волосы перехватывал серебряный обруч. По правой стороне лица тянулся длинный шрам; вместо правого глаза зияла пустая глазница.

— Князь Аландриан, рада тебя видеть, — с придыханием произнесла королева.

— Госпожа, — поклонился тот. — Для меня честь наконец-то приехать в Анлек и лично встретиться с вами после стольких лет.

— Да, но ты достоин этой чести, — ответила Морати. — Ты привез подкрепление?

— Я оставил сильный гарнизон в Атель Торалиене, поскольку осада там продолжается, ваше величество. — Аландриан невольно дотронулся до изуродованного лица. — Из остальных колоний я забрал все войска, и сейчас они плывут к Ултуану. Пять сотен самых храбрых и благородных воинов сойдут на берег еще до наступления зимы.

Морати улыбнулась в ответ.

— Это хорошо, — сказала она. — Пока ты ожидаешь прихода войск, я хочу поручить тебе небольшое задание.

— Как я понимаю, вы желаете избавиться от так называемого Короля Теней, — ответил Аландриан. — При поддержке войск Анлека я принесу вам его голову на кончике пики раньше, чем мой флот доплывет до Ултуана.

— Ты получишь всю необходимую поддержку. — Морати бросила взгляд на арку, откуда ранее доносился голос, и ее лицо неожиданно исказилось болью. — Нас сильно тревожит то, что дела в Нагарите идут неважно. Я ожидаю, что ты восстановишь здесь порядок, как сделал в свое время в Атель Торалиене.

— Я приложу все усилия, — снова поклонился Аландриан. — И собственноручно принесу вам голову Короля Теней.

— Надеюсь, так и будет.

— Еасир предал нас, — произнес из соседней комнаты хриплый голос. Он то дрожал, то поднимался и опускался, как в бреду. — Ты же не предашь нас, Аландриан?

— Еасир был силен, но когда настало время принести истинную жертву, он сдался, — добавила Морати. — Аландриан уже доказал свою верность, не так ли?

— Каин воззвал к моим дочерям, и они с радостью отдались ему, — ответил Аландриан. — К несчастью, их мать воспротивилась зову, ваше величество. Я сожалею о том, что ей не хватило мудрости, но я не сожалею о ее смерти.

— Мне докладывали, что твои дочери прилежно учатся и добились больших успехов в искусстве Каина, — подтвердила королева-ведьма. — Я помню, как старательно они прислуживали мне в Атель Торалиене много лет назад. Скажи, сейчас они так же обожают отца, как при нашей последней встрече?

— Теперь они преданы повелителю смерти. — По покрытому шрамами лицу Аландриана скользнула сдержанная улыбка. — Я очень горжусь ими и не сомневаюсь, что когда-нибудь весь Нагарит разделит мою гордость.

Морати сделала несколько шагов и нежно положила руку на изуродованную щеку командира.

— Я могу исправить это, дорогой, — сказала королева. — Ты станешь таким же привлекательным мужчиной, как при нашей первой встрече.

— Благодарю, ваше величество, но я вынужден отказаться. Шрамы напоминают мне о заплаченной за излишнюю самоуверенность цене. Я не повторю этой ошибки.

— Ты всегда... обладал здравым смыслом... больше, чем все остальные, — прошептал голос в перерывах между шипящими вздохами.

Аландриан ничего не ответил, но бросил на Морати быстрый взгляд. Колдунья, казалось, позабыла о нем и смотрела в соседнюю комнату, хотя так и не убрала руку со щеки командира. Аландриан чуть повернулся, чтобы проследить за ее взглядом, но Морати тут же заслонила ему обзор. Она медленно убрала руку и покачала головой.

— Еще рано, — тихо произнесла она. По щеке скатилась золотистая слезинка. — Вскоре ты сможешь его увидеть.

Крики чаек и плеск волн маскировали и без того практически бесшумное продвижение войска Теней. Незнакомый уроженцу гор привкус соли в воздухе напомнил Алиту о Тор Элире. Король Теней чувствовал себя неуютно. Земли Церин Хьюат лежали в дне пути к югу от Гальгира и выглядели слишком открытыми по сравнению с обычными охотничьими местами Теней. В дюнах на востоке могло укрыться две сотни воинов, но на голом скалистом берегу они будут видны как на ладони.

Несмотря на сомнения, Алита манила достойная добыча. До Короля Теней дошли слухи, что несколько придворных Морати, главы различных культов, что боролись за власть в Нагарите, собирались сесть в Гальгире на корабль и отплыть на север, к расположенной в Крейсе армии друкаев. Поскольку магистры понимали, что на прямой дороге из Анлека их может ждать засада, они выбрали обходной путь и сделали крюк на юго-запад, прежде чем направиться к побережью. Возможность убить или захватить в плен видных предводителей культов соблазнила Алита настолько, что он в спешке разослал приказы отрядам Теней присоединиться к нему на западе.

Два дня анарцы следили за прибрежной дорогой в ожидании процессии. Алит предполагал, что придворные отправятся в путь с малым количеством охраны, ведь выступающее из Анлека войско непременно привлечет ненужное внимание. Если двух сотен воинов окажется недостаточно для нападения, Тени просто отступят, прежде чем друкаи заметят их. Хотя дерзость Теней стала частью окружающей их короля легенды, на самом деле Алит был очень осторожным командиром и рисковал солдатами лишь тогда, когда обстоятельства складывались в его пользу. Или когда игра стоила свеч, как сейчас. С подобным подходом его потери с начала кампании составили лишь несколько дюжин воинов.

Алит рассудил, что еретики проявят осторожность и поедут быстро и налегке, чтобы их не выследили. Сам факт, что военное положение в Авелорне и Котике выманило их из Анлека, уже говорил о некоторой победе. Алит собирался по возможности развить ее. Исчезновение предводителей культов посеет смятение в рядах их последователей, в Анлеке

начнется борьба за власть и конфликты, и друкаи окажутся уязвимы для дальнейших нападений. Алита радовала возможность обратить страх и беспорядки, которые всегда служили орудием культов, против них самих и принести им столько же бед, сколько они причиняли князьям Ултуана в течение столетий. Как они жили, так и умрут.

Вскоре после полудня с юга прибежал один из разведчиков. Задыхаясь, он доложил Алиту и Хиллраллиону новости.

— Всадники, господин, быстро едут по дороге. Около тридцати эльфов.

— И это придворные? — спросил Хиллраллион. — Те, за которыми мы охотимся?

— Думаю, да, — ответил разведчик. — С ними около двадцати рыцарей. Остальные вооружены, но на них дорогие одежды. У одного длинные белые волосы с вплетенными черными розами, что совпадает с описанием Дириута Хилан-дрерина, магистра культа Атарты. Он командовал резней в Энен Айзуине и Лауреа-марисе. Второй едет под красным флагом с изображением кинжала Каина — такой несли воины Хорландира при первой осаде Лотерна. Остальных я не знаю, но на них много символов культов.

— Тогда это наша добыча, — заявил Алит. Лунный лук в колчане за спиной чуть слышно зашептал, и Алит наклонил голову. — Я чую тьму. Она волной катится перед ними.

— Приготовьтесь к нападению, — приказал Хиллраллион разведчику. — Когда отряд поравняется с твоим постом, пришлешь ястреба. Мы нападём на них с севера, востока и юга и загоним в ловушку.

Алит согласно кивнул; именно такой план он сам предложил Идущим по Тени несколько дней назад.

— Я хочу взять пленных, — напомнил он воинам. — Мы узнаем у них, что происходит в Анлеке, и расспросим о друкайских шпионах в других княжествах. К тому же они должны поплатиться за жестокость и причиненные страдания. Их смерть не должна оказаться слишком быстрой и безболезненной.

Разведчик бросился бежать к своему посту. Хиллраллион отправился оповестить о нападении других Идущих по Тени. Алит остался на месте, под прикрытием каменного утеса на обочине. Широкая, вымощенная белым камнем дорога шла вдоль берега на расстоянии полета стрелы от пенящегося прибоя. Князь выбрал участок дороги, где берег вздымался холмами и спускался к воде каменистыми откосами. На стороне нападающих будет не только неожиданность, но и хорошее знание местности. Тени тщательно прочесали отведенное под засаду место — несмотря на недостаток укрытий, большинство спрячется в нескольких сотнях шагов от дороги и ударит раньше, чем анлекцы их заметят. На востоке стоял резерв. Он выступит на помощь Теням, если те встретят слишком сильное сопротивление.

Алит вытащил их колчана лунный лук и с любовью погладил металл.

— Я угощу тебя кровью, — прошептал князь и наложил стрелу на тетиву.

Алит слышал всадников раньше, чем увидел. По плитам дороги застучали копыта — друкаи спешили сделать последний рывок до относительной безопасности Гальтира. Князь ждал, отгоняя напряженное возбуждение. Он бросил взгляд назад, чтобы убедиться, что никого из воинов не видно. В этом отношении Королю Теней оставалось только радоваться. Хотя он сам прекрасно знал, где лежит в засаде каждый из его солдат, посторонний глаз их не заметил бы.

Сначала Алит увидел отряд из десяти рыцарей. Серебристые доспехи блестели на ярком

летнем солнце, черные плащи и штандарты развевались на дуящем с моря ветерке. Алит позволил им проехать без помех. В нескольких дюжинах шагов за авангардом скакали остальные: еще десять рыцарей образовывали плотный заслон вокруг группки роскошно одетых придворных и слуг.

Когда магистры и телохранители почти поравнялись с Алитом, он поднялся из укрытия с лунным луком наготове. Он уже собирался спустить тетиву, когда его отвлек раздавшийся сзади крик. В ярости оттого, что один из его воинов выдал себя, Алит обернулся, желая узнать, что случилось. Но недовольство быстро сменилось тревогой, когда он увидел причину крика.

На холмах на востоке разворачивалось под длинными знаменами войско в черно-фиолетовых доспехах. На флангах стояли арбалетчики, основную часть строя составляли отряды копейщиков и мечников. Тысячи друкаев появились как будто из воздуха.

Алит не стал тратить время и задаваться вопросом, откуда здесь взялось столько воинов. Вместо того, чтобы метаться в поисках ответа, он переключил внимание на более насущную проблему: как скрыться?

Двадцать рыцарей на дороге сомкнули ряды, развернулись на восток и перегородили путь к городу. Их подопечные подстегнули лошадей и быстро скрылись из вида.

Бегущие с юга тревожно кричащие Тени дали знать Алиту, что искать спасения в том направлении тоже не стоит.

— Ко мне! — громко скомандовал Алит. — Собраться возле меня!

Король Теней смотрел, как наступает с востока волна воинов в черных доспехах. Быстрый взгляд на солнце подсказал, что друкаи хорошо выбрали время: они доберутся до дороги раньше, чем залягут первые вечерние тени.

— Нас заманили в ловушку, — торопливо сообщил Алит.

Тени сгрудились кругом — так, чтобы хоть частично укрыться в траве. Некоторые воины с отчаянием уставились на князя, другие бросали тревожные взгляды на рыцарей и войско на востоке. Всадники не хотели подъезжать на расстояние выстрела. Да и зачем? От них не требовалось рисковать жизнью, когда на подходе мощное подкрепление.

— Море — наше единственное спасение, — продолжил Алит. — Надо добраться до воды, плыть на юг и выйти на берег у Кориль Тандриса. Там мы разделимся и будем пробираться на восток, чтобы снова встретиться у Кардайна.

— Если мы попробуем пересечь дорогу, рыцари погонятся за нами, — сказал Хиллраллион. — Мы не сможем обогнать всадников.

— Тогда придется убить их, — пожал плечами Алит.

— Луки против тяжеловооруженных рыцарей? — спросил юный эльф по имени Фаенион.

— Их всего двадцать, — отрезал Алит. — Стреляйте в лошадей; пешие рыцари не представляют угрозы. Когда расчистим дорогу, направляйтесь вдоль берега на юг, там есть удобный спуск к морю.

— По дороге приближаются еще рыцари, — вставил разведчик, который приносил новости ранее. — По меньшей мере пятьдесят всадников. Не думаю, что мы сумеем добраться до моря прежде, чем они перекроют дорогу.

Алит зарычал от отчаяния. Его расстраивало не то, что их загнали в ловушку — им и так часто везло, не стоило рассчитывать, что удача всегда будет поворачиваться к ним лицом. Враги подобрали соблазнительную наживку и точно рассчитали, где он нанесет удар. Король

Теней испугался, что его действия стали предсказуемы, но тут же отбросил это предположение. Просто на сей раз тот, кто взводил капкан, оказался хитрее его.

— Будем спускаться по откосу, — наконец решил Алит. — Убьем рыцарей и добежим до склона. А там придется довериться удаче.

Тени обменялись тревожными взглядами, и среди них пробежал ропот недовольства.

— Враги не станут ждать, пока мы собираемся с духом! — зарычал Алит и указал на наступающее с востока войско. — Следуйте за мной или оставайтесь здесь и ждите смерти.

Князь встал и решительно направился к анлекским рыцарям, стоящим на дороге. Он вскинул лунный лук, прицелился во всадника во главе отряда. Стрела слетела с тетивы и ударила наггаротта в грудь; она пронзила металл доспеха, вышла из спины и проткнула горло рыцаря позади.

Всадникам потребовалось несколько мгновений, чтобы оправиться от неожиданности. За это время Алит успел уложить еще троих. Но потом анлекцы опустили пики и галопом поскакали на Теней. Алит холодно наблюдал за ними. На равнинах Эллириона и в лесах Авелорна он успел понять, что репутация нагаритских рыцарей намного превосходит их силы. Когда-то он трепетал при виде несущихся на него всадников в черных доспехах, но сейчас князь испытывал лишь презрение.

Пущенная из лунного лука стрела рассекла шею скачущей впереди лошади и вонзилась в грудь следующей, от чего обе рухнули на землю. Тени выпустили несколько смертоносных залпов. Все рыцари упали в траву мертвыми или ранеными, прежде чем одолели половину расстояния от дороги до отряда Алита.

Князь бросил взгляд через плечо. Войско быстро приближалось.

— За мной, к утесам, — крикнул он, закинул за спину лунный лук и бегом бросился к берегу.

Князь возглавлял отступление. Когда Тени добежали до дороги, он обернулся к армии друкаев. Враги быстро сокращали расстояние, но анарцы должны были достигнуть обрывистого берега раньше, чем они попадут под обстрел арбалетчиков. С юга скакали рыцари, но они тоже не успевали перехватить Теней, прежде чем те начнут спуск. Хотя ситуация выглядела суровой, сейчас Алит чувствовал себя более уверенно, чем когда заметил развевающиеся над холмами флаги. Однако, несмотря на проблеск надежды, он не позволил себе расслабиться.

— Не останавливаться! — приказал он, когда несколько воинов нацелились в приближающихся друкаев. — Мы не сумеем их задержать.

В дюжине шагов от обрыва Алит увидел море. На мгновение его поразила красота бесконечного темно-синего горизонта. Еще через несколько шагов перед ним раскинулись бескрайние воды. К Ултуану катились высокие волны, намного сильнее того прибоя, что он видел на Внутреннем море в Тор Элире. Вопреки собственному приказу Алит замер в благоговении перед увиденной картиной. Везде, насколько видел глаз, простирался Великий океан — по сравнению с ним эльфы выглядели карликами. Где-то далеко за его просторами лежали джунгли Люстрии. Там потомки слуг Древних еще цеплялись за остатки цивилизации. Разрушенные города и исходящие паром мангровые заросли, коварные болота и старинные сокровища ожидали дерзких путешественников и искателей приключений.

Алит только сейчас осознал, как мало повидал в жизни. Он никогда не бывал в Элтин Арване на востоке, в колониях Алитиса и в башнях эльфов далеко на юге. А если бы не гражданская война, он бы вряд ли посетил бы даже Эллирион или Авелорн.

Крики анарских воинов вывели его из задумчивости, и князь вернулся к насущным проблемам. Тени указывали на море, и увиденное моментально лишило Алита уверенности в благоприятном исходе задуманного: недалеко от берега стояли на якоре три черных корабля.

Алит подошел к краю утеса и глянул вниз, чтобы оценить сложность спуска. Берег обрывался не отвесно, по нему ярусами тянулись темные и светлые полосы выходов породы, скала пестрела множеством расщелин и уступов. Алиту доводилось совершать более сложные восхождения и спуски. Его воины доберутся до моря сравнительно легко, настоящие трудности ждали их внизу, где об острые камни ударял прибой и вокруг подводных валунов кружили сильные течения.

Что-то черное, тяжелое просвистело в воздухе рядом с Алитом, затем последовали еще выстрелы. Несколько Теней покатались по земле с торчащими из тел длинными копьями — это установленные на кораблях метатели сделали первый залп. Воздух наполнил свист копий. Следующий залп снова проредил ряды анарцев.

На утесе воины скидывали оружие, чтобы сбросить лишний груз, а некоторые снимали плащи и ботинки. Многие замешкались и в ужасе смотрели на поджидające внизу черные корабли или зачарованно уставились на тела погибших.

— Не останавливаться! — снова крикнул Алит, сорвал с себя плащ и кинул на землю.

Он быстро огляделся по сторонам — воины начинали долгий спуск по обрыву. Князь потянулся к колчану, чтобы выкинуть и его, но остановился. Лунный лук сверкал в солнечном свете. Он не мог бросить драгоценный, добытый тяжелыми усилиями дар. Алит вытащил лук из колчана, перекинул его за плечо, отбросил колчан и перебрался через край утеса.

Тени отличались ловкостью и умением карабкаться по горам, так что вскоре большинство уже достигло середины обрыва. Метатели с кораблей продолжали осыпать залпами серую скалу. Некоторые снаряды попадали цель, и тогда один из воинов срывался с откоса и падал в пенящиеся воды внизу. Стальные наконечники высекали из камня мелкую острую крошку; она изорвала одежду Алита и исцарапала кожу. Одно из копий пролетело в волоске от его ноги и в пыль раскрошило уступ, на котором стоял князь. Алит повис на одной руке, судорожно ища новую опору.

Крики страха и боли мешались с шумом волн. Алит продолжал перебирать руками, переносить вес с одной ненадежной опоры на другую. Его пальцы находили малейшие трещины, а ноги опирались на выступы шириной в палец.

Все больше анарцев падало жертвами боевых машин. Их крики тонули в рокоте моря, тела исчезали в кипящих волнах. Отряд потерял уже около четверти солдат.

— Они убьют нас всех! — крикнул Алит. — В воду!

Тени боялись прыгать навстречу верной гибели, но Алит все больше убеждался, что на утесе им долго не прожить.

— За мной! — крикнул он, отпустил руки и изо всех сил оттолкнулся ногами.

Ветер трепал волосы и обжигал лицо, пока он падал навстречу морю. Князь видел, как взлетает над острыми рифами пена, но больше всего боялся подводных камней. Он закрыл глаза, вытянулся в струнку и с безмолвной молитвой морскому богу Маннанину приготовился нырнуть.

Удар о поверхность воды оказался сравнимым с пинком лошади — из легких Алита разом выбило весь воздух. Он ушибся обо что-то твердое правой рукой, и она онемела. Князя окутал кокон из пузырей, его швыряло во все стороны и только чудом не ударило о камни.

Яростное течение переворачивало тело вверх ногами, вертело вперед и назад. От крови вода окрасилась в красный цвет. Свет и тьма кружились за закрытыми веками, пока князя метало между поверхностью и страшными глубинами. Кости заломило от холода.

Алит замахал руками и ногами, борясь с течением, которое грозило утащить его в глубину. Одной рукой он выгреб на пузырящуюся пеной поверхность, но и там его продолжали крутить и подкидывать волны. Дважды подводное течение хватало князя за ноги и утаскивало вниз, заставляя глотать соленую воду. Он кашлял и отплевывался, в какой-то момент его бросило на острый, как лезвие, край рифа — тот оставил на животе длинный порез, и князь завыл от боли. Течение вырывало лунный лук, тетива врезалась в руку. Лук пугался в ногах и бил по лицу, но Алит не хотел бросать драгоценное оружие.

Гребок за гребком Король Теней боролся с волнами. Он сумел собраться с мыслями и повернул на юг, подальше от кораблей друкаев. Брошенный назад взгляд показал, что друкайское войско добралось до обрывистого берега. Арбалетчики поливали дождем стрел тех, у кого не хватило смелости прыгнуть в море.

По воде расходились красные пятна. Алит не знал, как много воинов погибло при прыжке. Он видел как несколько солдат, в том числе Хиллраллион, цепляются за камни и тяжело дышат. Их укрывал каменный козырек, который торчал из утеса подобно огромной серой игле. Алит подплыл к ним и ухватился за трещину в каменной поверхности.

— Нам нельзя оставаться здесь, — выговорил он.

На большее у него не хватило дыхания.

Князь указал наверх, где собирались отряды друкаев. Хиллраллион понял его, кивнул и жестом приказал остальным следовать за князем.

Преодолевая усталость, Алит оттолкнулся от камня. Он не мог думать об идущих за ним. Ему потребуются все силы и упорство, чтобы выжить.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Ночь Темных Ножей

Мало кому удавалось пережить недовольство Морати, но пока Аландриан поднимался по ступеням дворца, он старался держать себя в руках. Он не смог убить или захватить в плен загадочного Короля Теней, однако подобрался к нему ближе, чем кто-либо еще за последние шесть лет. Командир не питал тщетных надежд, что Морати простит его промах, но он успел разработать новый план, как захватить ловкого мятежника. Этот план не только будет иметь успех, он на деле покажет раскаяние Аландриана. Командир даже позволил себе самостоятельно испросить аудиенции, не ожидая приказа королевы.

Когда Аландриан вошел в тронный зал, его поразила улыбка на лице Морати. Королева в просторной мантии из черного шелка с отделкой из белого меха сидела в кресле рядом с величественным тронном Аэнариона; обнаженные руки и ноги отливали в свете ламп бледным сиянием. На ее лице Аландриан увидел дружелюбное выражение. Искренность королевы тревожила командира гораздо больше, чем гримаса недовольства, которую он ожидал увидеть.

Аландриан подавил дрожь, когда почувствовал, как ползет по коже темная магия. Ему казалось, что краем глаза он видит мельтешащие в тенях призрачные фигуры. Отовсюду шептали что-то потусторонние голоса. Командир старался не обращать внимания на их насмешки и обещания и сосредоточился на Королеве-Ведьме.

— Ваше величество, — низко поклонился Аландриан. — Приношу свои глубочайшие извинения за неудачу в поимке преступника, который в последнее время тревожит ваши думы.

— Встань. — В голосе Морати он не услышал ни доброты, ни жестокости. Тем же безразличным тоном королева продолжила: — Мы потратим много времени, если я буду перечислять тебе твои неудачи, а ты — извиняться. Давай представим, что эта часть разговора осталась позади Аландриан содрогнулся от страха. Неужели ему не предоставят возможности оправдаться? Не исключено, что он переоценил свое положение и влияние.

— С учетом сказанного, я уверена, что твои оправдания завершатся желанием исправить ошибки. — Голос Морати смягчился.

Она встала и махнула группке приспешников, что пряталась в темном углу зала. На свет выступили трое волшебников — две женщины и один мужчина — в мантиях темно-фиолетового цвета, с вытатуированными на теле древними символами, от которых у Аландриана закрипели зубы. Командир никогда не любил волшебство, оно казалось ему слишком опасным оружием.

— Это мои самые многообещающие ученики, Аландриан. — Морати как по воздуху скользнула к князю.

Колдуны следовали за ней. Аландриан с трудом сглотнул, переводя взгляд с манящих глаз Морати на угрюмые лица ее подопечных.

Королева-ведьма остановилась перед ним, и только командир собрался заговорить, положила палец ему на губы. От прикосновения по телу побежала энергия, забило сердце и проснулось желание, подобного которому он не чувствовал после смерти своей жены.

— Тихо, князь, дай мне договорить, — бархатным голосом произнесла королева. — У тебя есть новый план, как поймать Короля Теней, если я проявлю великодушие и дам тебе

второй шанс, не так ли?

Аландриан глупо кивнул; он слишком растерялся, чтобы говорить. Темная магия и так затмевала его чувства, а близость Морати окончательно перепутала мысли в голове. Он не мог справиться с дрожью, одновременно вожделения и страха, причем оба ощущения были из одного источника.

— Хорошо. — Морати отступила на шаг и скрестила руки на груди идеальной формы.

Через разрез в платье королевы виднелось гладкое бедро. Аландриан заставил себя перевести взгляд на прекрасное лицо и подавил желание протянуть руку и погладить восхитительную кожу.

— Меня нельзя обвинить в излишнем милосердии или великодушии, но я не могу отказать тому, кто пользовался уважением моего сына и принес великие жертвы на службе Нагариту. Твои былые подвиги и твоя верность затмевают деяния многих моих подданных, поэтому можешь успокоиться. Ты все еще пользуешься моей милостью несмотря на постигшую тебя неудачу.

Чары Морати отпустили его, Аландриан привел мысли в порядок и только было собрался рассыпаться в благодарностях, как королева остановила его, легко качнув головой.

— Не унижайся, — сказала она. — Ты выше этого.

Она повернулась, по плечам темным облаком взметнулись волосы. Аландриану пришлось отвести взгляд, пока Морати шла, покачивая бедрами, к креслу. Он снова посмотрел на нее, только когда она уселась и приняла величественную, строгую позу.

— Скажи, как мои верные слуги могут помочь твоим усилиям?

— Боюсь, что теперь никакая наживка не заманит Короля Теней в ловушку, — уверенно ответил Аландриан. Он благодарил судьбу, что заранее подготовил речь, поскольку поведение Морати полностью сбilo его с толку. Сейчас он понимал, что ее намерение в том и заключалось. — Если мы собираемся убить скорпиона, придется найти его гнездо и вытащить его оттуда за хвост.

— Согласна. Как ты собираешься искать его, если никому еще не удавалось выследить мятежника?

— Я тщательно изучил прошлые нападения его воинов, — объяснил командир. — На первый взгляд они кажутся случайными: юг, север, запад, восток без какой-либо закономерности. Но закономерность есть, и я уже замечал ее ранее.

— Правда? — Морати с интересом наклонилась вперед и погладила свой изящный подбородок. — Где ты ее видел?

— В Элтин Арване я стал заядлым охотником. Леса там кишат дичью. — Аландриан сделал осторожный шаг вперед. — Кто-то охотился на кабанов, другие на оленей, но меня не интересовали подобные увлечения. Я предпочитал охотиться на охотников. Ведь если перехитрить охотника в его собственной игре — тогда победа действительно будет считаться победой.

— Мне очень нравится эта черта в тебе, особенно сейчас, — с улыбкой произнесла Морати. В ее глазах зажегся серебристый огонек. — Продолжай, прошу тебя.

— Король Теней охотится как волк, — с ухмылкой заявил Аландриан. — Трудно заметить, но это так. Нагарит его территория, и он регулярно ее патрулирует, оставляет метку в одном месте и переходит к следующему. В разные годы он нападает в разных местах, но прошло уже шесть лет, и я могу разгадать ход его мыслей. Засада под Гальтиром провалилась по нашей вине, ее нельзя учитывать в общей картине. После следующего

нападения мы узнаем, где он был и, что более важно, я пойму, куда он направится оттуда. Мы ударим быстро, пока он ни о чем не подозревает.

— Твое предложение звучит очень заманчиво, но какая помощь тебе требуется от меня? — спросила Морати.

— Нагарит слишком большой, чтобы твои волшебники смогли наблюдать за всеми его уголками, особенно если цель постоянно передвигается, — объяснил Аландриан. — Я могу предположить, где примерно окажется Король Теней, но большую территорию трудно обыскать обычными методами так, чтобы не спугнуть его. С помощью твоих волшебников мы сумеем проверить мои догадки и точно определить укрытие Короля Теней.

— И что ты собираешься делать, когда узнаешь, где он? — Морати откинулась на спинку кресла и снова скрестила руки на груди.

— Позвольте, я ненадолго отлучусь, ваше величество?

Королева ответила кивком, и командир вышел из зала. Вскоре он вернулся с двумя эльфийками, похожими как близнецы. Они носили нагрудные доспехи и золотые браслеты, украшенные рубинами. Вырезанные на них руны Каина отсверкивали кровавым блеском. Серебристые волосы были убраны в длинные косы, переплетенные сухожилиями и выдолбленными костяными ободками; с расписанных кровью лиц, как с масок, смотрели ярко-синие глаза. Каждая девушка имела при себе целый арсенал колюще-режущего оружия: кинжалы за поясом и в ботинках, длинные парные мечи на поясе, ятаганы за спиной, шипы и острые лезвия на подошвах и перчатках с обрезанными пальцами. Даже кольца украшали изогнутые когти из покрытого позолотой железа.

— Две подающих надежды убийцы Каина, — с гордой улыбкой объявил Аландриан. — Позвольте представить моих драгоценных дочерей, Лириет и Хеллеброн.

Морати снова встала, оценивающе осмотрела девушек и кивнула.

— Да, — промурлыкала королева. — Да, они станут прекрасным оружием. Тебе понадобится помощник, чтобы направить их к цели.

Королева повернулась к своим ученикам и жестом поманила одну из женщин. По сравнению с дочерью Аландриана эльфийка — невысокого роста, с короткими, до плеч, черными волосами — казалась совершенно невзрачной. Ее кожа была еще бледней, чем у королевы, а в волосах пестрели льдисто-серебряные пряди, от чего она казалась зимним духом. Эльфийка с поджатыми губами холодно оглядывала каиниток, не упуская ни одной мелочи.

— Моя лучшая ясновидящая, — заявила Морати. — Покажи ей примерное местонахождение Короля Теней, и она найдет его. Иди сюда, милая, представься князю.

Колдунья повиновалась и коротко кивнула.

— Я с удовольствием послужу тебе, князь Аландриан. — Холодный голос звучал под стать внешности. — Меня зовут Ашниель.

Смех Алита подхватили несколько воинов, но многие не разделяли его спокойствия при воспоминании о засаде на утесах. И Хиллраллиона, и Тариона тревожило то, что князь становится безрассудным, хотя они выразили свои опасения в более вежливой форме.

Алит отослал часть выживших Теней на восток, залечить раны и разнести новости о случившемся. Он понимал, что друкай попытаются выдать стычку за победу, и хотел, чтобы все знали о его спасении. Остальных он привел с собой в одно из укрытий, раскиданных по всему Нагариту, и созвал туда Идущих по Тени.

Алит держал совет в фермерском домике недалеко от городка Торесс на юге Нагарита. Когда-то там жило смешанное население из наггароттов и тиранокцев, но оно сильно пострадало при правлении князя Кераниона. За это время многих жителей убили или увели в рабство как «полукровок», а тех, кто осмеливался вслух возмущаться, жестоко наказывали солдаты.

Подобно прочим пережившим резню городам и деревням, Торесс стал одним из центров недовольства друкаями. Появление Короля Теней принесло жителям надежду на будущее. Хозяин фермы угощал гостей хлебом и жареной ягнятиной и бросал на князя полные благоговения взгляды.

— Я похож на крысу, которая кусает за пальцы тех, кто пытается ее поймать, — шутил Алит. Он перебирал бутылки с вином в поисках, чем бы наполнить свой кубок. — Нет ничего более досадного для наших врагов, чем украденный из-под носа успех.

— Наши враги могут считать смерть сотни воинов успехом, — тихо произнес Тарион. Он горестно покачал головой и уставился в свой опустевший кубок. — Нам долго везло, и мы потеряли бдительность. Решили, что мы неуязвимы.

Хорошее настроение Алита испарилось, он нахмурился и уставился на капитана.

— Любое дело требует жертв, — заявил Король Теней.

Тарион поднял голову и устало встретился с ним глазами.

— Бессмысленные жертвы не принесут пользы никакому делу. Спроси об этом у тысяч эльфов, сгоревших на кострах фанатиков.

— Ты сравниваешь меня с кровососами, что выпили жизнь из Нагарита? — зарычал Алит и отшвырнул кубок. — Я никого не прошу рисковать больше, чем рискую сам. Я не посылаю своих солдат умирать, сам тем временем отсиживаясь за безопасными стенами замка. Я всем дал выбор, и вы добровольно ступили на этот путь. Я повторю еще раз для тебя и для всех Теней. Если вы останетесь, то будете сражаться за меня, как за законного короля. Я знаю, что требую многого, но от себя я требую не меньше.

— Ты не понял... — начал Тарион, но Алит оборвал его.

— Пришло время нанести новый удар! — провозгласил он и отвернулся от Тариона к остальным Теням. — Пока друкаи хлопают друг друга по спине и рассказывают, как едва не поймали Короля Теней, мы заново унизим их в наказание за спесь.

— *Спесь?* — пробормотал себе под нос Тарион.

— Простите его, князь, — вмешался Хиллраллион прежде, чем Алит успел ответить.

Идущий по Тени взял Тариона под руку и силой поднял из-за стола.

— Его сильно расстроила мысль, что мы можем тебя потерять. К тому же он не привык к крепкому вину.

Тарион вырвал руку и разгладил рукав. Немного покачиваясь, он оглядел собравшихся воинов и обернулся к Алиту.

— Мы сражаемся за тебя, Алит, — пробормотал он. — Ты Король Теней, а мы твоя армия Теней. Без тебя не будет и нас. Или «не станет нас»? Не важно. Не дай себя убить, пытаясь доказать то, что ты и так уже доказал.

Тарион прошел через комнату; провожаемый взглядами Теней — одни смотрели на него со злостью, другие с сочувствием. Хлопнувшая дверь прекратила все разговоры, и воцарилась неловкая тишина. Многие смотрели на Алита, остальные прятали в смущении глаза.

— Он просто немного пьян... — начал Хиллраллион.

— Он начинает походить на наездку, причём назойливую наездку, — заявил Алит. — Я не беспомощный цыпленок, да и мои храбрые, очень храбрые воины — тоже. В этом и заключается суть охоты. Победы — и ешь, проиграй — и будешь голодать.

Алит со злостью развернулся к остальным.

— Или вы считаете, будто я хочу, чтобы мои последователи умирали? — воскликнул он. — Разве я просил, чтобы ваши семьи убили, а дома разрушили? Я не выбирал такую жизнь, она сама выбрала меня! Боги и друкаи сделали из меня того, кем я стал, и я не жалею об этом. Я нужен нашему народу именно таким. Я совершаю ужасные поступки, мы все совершаем ужасные поступки, чтобы их не пришлось совершать тем, кто придет после нас.

Алит разорвал шерстяную рубашку и оголил спину, где красовался шрам от полученного в Анлеке удара кнутом. Затем снова повернулся лицом, показал раны на руках и теле — они еще не успели зажить после погони на утесах Гальтира.

— Мои раны ничто в сравнении со страданиями, которые терпит наш народ! — бесновался он, раскидывая взмахами рук бутылки со стола. Алит поднял голову, но перед глазами возникли не балки потолка, а вечные небеса, где, по легендам, обитали боги. — Царапины, синяки ничего не значат. По-настоящему нас мучают лишь духовные терзания. Друкаи сокрушили дух целого поколения! Чем еще я должен пожертвовать, чтобы избавить эльфов от пережитого мною?

Алит нагнулся, подхватил с пола бутылку и разбил о край стола. Снова поднял лицо к богам, которых видел он один, и поднес отбитое горлышко к груди.

— Вы хотите еще крови? — закричал князь. — Или хотите моей смерти? Отправить меня к отцу и матери. Уничтожить последнего анарского князя. Такой исход вас устроит?

Хиллраллион схватил его за руку, отобрал разбитую бутылку и отбросил в сторону. Капитан молча обнял Алита за плечи и прижал к себе. Тот вырвался из объятия, но споткнулся и упал на колени.

— Почему я? — прорыдал Алит и уткнулся лицом в ладони. Из открывшихся ран потекла кровь.

Вокруг него столпились Тени; кто-то похлопывал князя по плечу, кто-то успокаивающе гладил по голове.

— Потому что ты Король Теней. — Хиллраллион опустился на колени рядом с другом. — Потому что больше никому.

На следующее утро никто ни полусловом не вспомнил о выходке Алита. После того, как князь ушел с трапезы, все стали говорить о солидарности с ним. Тени понимали, что им не под силу разделить его ношу, и заново прониклись верой друг в друга и в Короля Теней. Некоторые заметили, что теперь проще думать о Короле Теней, а не об Алите Анаре — едва переступившем порог зрелости юноше, который потерял все и решил стать духом мести.

После завтрака Алит созвал воинов и повел их на юг. К полудню они вышли к Наганату. Из укрытия за каменистым бугром князь указал на запад, на перекинувшийся через реку изогнутый мост с укрепленными башнями на обоих берегах. Русло в этом месте сужалось до пары сотен шагов, и река бежала довольно бурно.

— Мост Этруина, — с озорной улыбкой сообщил Алит. — Прямая дорога между Анлеком и Тор Анроком. Летом ближайшие переправы — в двух дня пути на западе и в полутора на востоке. Зимой разлив в Итин Анроре становится непроходимым, это, считайте, еще день пути по восточной дороге. Представьте себе раздражение Морати, когда

марширующее на юг войско обнаружит, что моста нет.

— Раздражение, князь? — переспросил Тарион. — Две охраняемые башни — довольно крепкий орешек. Возиться с ним для того, чтобы вызвать раздражение?

— Ты не понимаешь, Тарион. Я *хочу*, чтобы друкаи пришли за мной. Мы едва не погибли в Гальтире, но я усвоил урок. Наши враги готовы выделить немалые силы, чтобы поймать *меня*. Они привыкли к нападениям Теней, но Король Теней — именно он источник их досады и неудач. Я хочу поиздеваться над ними. Я хочу разозлить их настолько, что они пойдут на все, лишь бы поймать меня. И когда они это сделают, они совершат ошибку, и мы воспользуемся ею, в чем бы она ни заключалась. Представь, что им придется удвоить гарнизоны на всех переправах Нагарита. Каждый склад и амбар будет нуждаться в охране. Пока они гоняются за Королем Теней, остальные наши воины получают свободу действий и устроят хаос.

— И ты считаешь, что, дергая по мелочам, ты разозлишь их еще сильнее? — спросил Тарион.

— Я хочу, чтобы они боялись нас. Недавний успех немного развеял их страх, по крайней мере, на время. Поэтому я должен выбрать другую стрелу для своего лука — ту, которая ударит легко, но зато много раз. Как настырный комар, я стану жалить их снова и снова, и пусть каждая рана в отдельности окажется несмертельной, но приведет их в ярость. Если они считают, что могут перехитрить Короля Теней, я докажу обратное. Они будут думать, что со мной покончено, но я стану возвращаться снова и снова, и я стану жалить их, пока они не заплачут. Пусть машут руками и кричат, пока не охрипнут, я все равно вернусь!

— Я понимаю, — сказал Тарион. — Но у меня есть еще один вопрос.

— Какой?

— Как мы уничтожим мост?

Алита тошнило от запаха рыбы. Рыбой пахла одежда, рыбой пахли волосы и руки. Князь сидел в тени паруса рыбацкой лодки, которая неторопливо плыла по Наганату к мосту Этруина. На пролетах стояли друкайские солдаты и проверяли идущие через границу телеги и повозки. Рядом с северной башней проходили учения нескольких отрядов из гарнизона моста.

Все шло по заведенному порядку, точь в точь как последние пятнадцать дней. Друкаи не препятствовали проходу по реке рыбацкой флотилии, которая промышляла здесь не первую сотню лет. Белые лодки настолько примелькались солдатам, что они редко достаивали их взглядом. Все лодки шли из Торесса. Их хозяева не знали, что замышляет Алит, но согласились помочь Королю Теней, если он доставит неудобства их мучителям.

Вот лодка подошла к мосту, рыбаки начали снимать мачту. Алит воспользовался суматохой, чтобы соскользнуть в воду вместе с прятавшимися среди команды тремя воинами. Они быстро доплыли до отделанных камнем опор моста и вылезли из воды. Там Алит вынул несколько закрывающих тайник камней, и достал оттуда замотанные шерстяной тканью свертки, где лежали широкие долота и обтянутые тряпками колотушки.

Четверо Теней взобрались по паутине из веревок: она свисала под мостом со вбитых в кладку между камнями крюков. Тени заняли свои места и продолжили работу — они висели над текущей внизу водой и скалывали соединяющий камни раствор. Тихий стук обмотанных тряпьем молотков терялся в журчании Наганата. Когда один из камней расшатывался, тени доставали деревянные клинья и вбивали в кладку, чтобы мост не рухнул раньше времени.

Кропотливым трудом Алит и его последователи разбирали мост камень за камнем, а клинья и естественное распределение веса в арочных пролетах не давали ему рассыпаться. Через отверстия в широких головках клиньев проходили веревки — когда придет время, их можно будет легко вытянуть.

Работающие по очереди от рассвета до заката команды Теней уже подготовили к разрушению две трети моста. Работа отупляла, от нее болели все мускулы. Тени неподвижно лежали во врезающихся в тело веревочных люльках и соскабливали раствор на участках в палец длиной.

Алит и его отряд отработали свое до полудня. Когда флот рыбацких лодок возвращался домой, их подобрали на борт, и другая команда заняла их место. Лодки причалили в Торессе, где Алит обнаружил ожидающего на пирсе Хиллраллиона. Идущий по Тени грустно посмотрел на князя.

— Плохие новости, друг? — спросил Алит.

— Возможно, — ответил капитан. Они свернули с ведущей в город дороги и пошли по заросшему тростником берегу реки. — Тарион пропал.

— Я видел его утром, когда мы отплывал из города. Он не мог уйти далеко.

— Я послал на его поиски нескольких воинов, но он хорошо изучил искусство Теней, хоть и начал учиться позже других. Он не оставил никаких следов.

— Иногда всем нам требуется уединение, — предположил Алит.

— Только не Тариону. Он не стесняется высказывать свои мысли и часто делится ими со мной. На нем сказывается возраст, и он чувствует неуместную вину за падение Эланардриса.

— Неуместную? Нашу вину нельзя считать неуместной. Мы все должны принять тот факт, что сыграли свою роль в падении дома Анар, несмотря на благие намерения.

— Я бы посоветовал не говорить подобного Тариону, если мы найдем его, — сказал Хиллраллион. — После Церин Хьюата его начало тревожить состояние анарской династии. В отличие от нас с тобой, он принадлежит к старшей породе, к поколению твоего деда. Мы все ненавидим беззаконие, что творится сейчас на Ултуане, но только старики, которые принимали участие в спасении острова от демонов, знают, что мы потеряли. Они уже проливали кровь ради нашего народа, и считали, что нам никогда не придется этого делать.

— Но почему он сломался сейчас? — Алит присел на берегу реки, и Хиллраллион опустился рядом с ним. — Мы сражаемся с друкаями уже шесть лет.

— Ты стал Королем Теней, но Тарион по-прежнему видит в тебе Алита Анара, сына и внука двух его ближайших друзей, последнего из рода. Для тебя Эланардрис превратился в воспоминание, твоим делом стала война Теней. Для Тариона ты — наследие анарцев, их традиции все еще живут в тебе. Ты не Король Теней, ты последний из дома Анар. Он не доверят каледорцам или крейсийцам и считает, что они не способны вернуть того, что потеряли наши земли. Но пока ты жив, он может тешить себя мыслью, что в Эланардрис вернется былая слава. Он боится, что, если ты погибнешь, с тобой умрет последняя надежда.

Алит молча размышлял над услышанным. Он мирился с упрямством и старомодными рассуждениями Тариона из уважения к ветерану. По правде говоря, князь старался не думать о стареющем эльфе, поскольку ему сразу вспоминался Эолоран — либо мертвый, либо, что еще вероятнее, гниющий в каком-нибудь застенке Анлека. В целом Алит пришел к выводу, что лучше не ворошить прошлое, а сосредоточиться на грядущей мести.

Он обдумал беспокойства Тариона, как их описал ему Хиллраллион. Возможно, он сам

слишком цеплялся за титул Короля Теней и забыл, кем является и без того. Но тот юноша, Алит Анар, жил в постоянных мучениях, его окружали мрачные воспоминания и чувство беспомощности. Наследник дома Анар не мог ничего; Король Теней был всемогущ. Этот титул тоже нес с собой горе и боль, но они и в сравнение не шли с мукой, которая ожидала его после исполнения данной клятвы. «И что тогда?» спросил себя Алит. Кем он станет, когда война Теней закончится? Возможно, Тарион поможет ответить на этот вопрос.

— Найди его, — тихо произнес князь и положил руку на плечо Хиллраллиону. — Скажи ему, что он нужен мне здесь, и у меня для него есть важное дело.

Когда настало время приступать ко второй стадии плана с мостом, Тариона еще не нашли. После засады в Церин Хьюате прошло тридцать дней, и Король Теней собирался доказать, что он жив. Алит и его воины спрятались в деревьях и кустах вдоль реки на востоке от моста. Рыбаки с лодками ждали в гавани Торесса сигнала отплыть вниз по течению.

С наступлением темноты на севере, в лесах у анлекской дороги, стали видны огоньки. Мигающие красные отсветы и тонкие столбы дыма выдавали присутствие нескольких костров. Они не прошли незамеченными наблюдателями на башнях. Вскоре затрубили тревогу, поднимая гарнизон. Под топот ног отряд вышел на разведку.

Когда они скрылись из вида, Алит и Тени выскользнули из укрытия с луками наготове. Конечно, башни не остались без присмотра, но князь знал, что у него хватит солдат, чтобы перебить оставшихся друкаев.

Король Теней повел своих воинов к северной башне. Они бесшумно подошли к мосту; на башенных укреплениях стояла группа друкаев, но они смотрели на север. Как и в Кориль Атире, Тени беззвучно вскарабкались по стене башни. Под зубцами друкаи развесили шипастые цепи, чтобы осложнить подобный штурм, но воины обмотали руки тряпками и по очереди отодвигали их в стороны, пропуская товарищей.

Когда они взобрались на стену, одного залпа из луков хватило, чтобы уложить часовых, хотя двое друкаев успели закричать от боли. Алит на миг задумался и перебежал на южную сторону башни.

— Быстрее! — крикнул он через реку. — Мы поймали нескольких мятежников Короля Теней! Остальные убегают! Быстрее сюда!

Затем он разделил своих солдат. Часть разослал проверить комнаты, а остальным велел быть наверху. Вскоре ворота второй башни открылись, и на мост выскочило несколько дюжин друкаев.

Когда они добрались до центрального пролета Алит кивнул своим Теням. Они встали над бойницами и выпустили дождь стрел, который выкосил половину врагов. Друкаи бросились бежать к противоположному концу моста, но там их встретил другой отряд Теней — они заранее переплыли реку, чтобы отрезать отступление.

Когда последний луч солнца исчез за горизонтом, Алит захватил контроль над обеими сторонами моста. На востоке князь видел смутные белые пятна на реке — паруса приближающегося рыбацкого флота. Лодки встали на якоря, их команды разбежались по мосту с длинными веревками. Они споро привязывали их к петлям свисающей под пролетами сети. Затем эльфы разошлись по обоим берегам, по дюжине на каждую веревку. Алит занял свое место и крепко ухватился за канат.

— Тяните! — проревел он и изо всех сил уперся в землю ногами.

Клинья сперва не шли, но эльфам достало сил — сначала выскочил один клин, затем

еще один. Алит подгонял свою команду, и следующим рывком они вытянули все веревки. С протяжным скрежетом опорные камни посыпались в воду, а за ними рухнул и весь мост. Эльфов на обоих берегах обдало мощным всплеском. У Алита промокли ноги.

Рыбаки прыгали в свои лодки, не отпуская веревок, и тащили за собой каменные блоки. Когда блок перетаскивали через борт, с него снимали узел, и камень падал на палубу. Рыбаки заверили Алита, что двенадцати лодок хватит, чтобы перевезти камни выше по реке, где их снова опустят в воду и надежно спрячут на дне.

Король Теней повернулся к воину за спиной — юноше по имени Тириан.

— Время поработать грузчиком, — подмигнул он.

Со смешанным чувством разочарования и облегчения Келтрайн вел своих воинов обратно по дороге. Тот, кто зажег костры, сбежал раньше, чем отряд добрался до места. С одной стороны, было жаль, что преступники скрылись; с другой, Келтрайн радовался, что ему не довелось-таки встретиться лицом к лицу с жуткими призраками, отнявшими жизни стольких нагаритских командиров. Он не хотел торчать в лесу, пока еще оставалась угроза нападения, поэтому быстро развернул колонну солдат и направился к башням, таким надежным. В хорошем настроении капитан шагал по дороге и мысленно составлял доклад в Анлек. Недавно он получил строгий приказ: сообщать о любой встрече с так называемым Тенями с точным указанием времени и места.

В звездном свете впереди замаячили силуэты башен, и мысли Келтрайна потянулись к постели. Жаль, что опять придется спать в одиночестве... все-таки хорошо устроились те ловкие мерзавцы, чьи гарнизоны стоят в городах и больших деревнях... С другой стороны, его пост находился далеко от основных событий и редко привлекал внимание столицы. Келтрайн никогда не страдал излишними амбициями, и средней руки должность полностью его устраивала.

Когда отряд подошел к северной башне, что-то показалось капитану странным. Келтрайн сначала не понял, что именно случилось. Он видел неподвижных воинов на стене над закрытыми воротами. И тут он понял: под башней вместо темной полосы каменного моста блестела вода!

Келтрайн замер. Шагавший позади воин врезался ему в спину, едва не опрокинув командира. Солдат помог капитану удержаться на ногах и вдруг выпрямился с распахнутыми в удивлении глазами.

— Капитан? — нерешительно спросил он. — А где наш мост?

На трех столах лежали развернутые карты Нагарита, не меньше дюжины. Аландриан расхаживал между ними с листом пергамента в руке.

— Тут, — он указал на деревню, откуда недавно украли предназначенную для лошадей пшеницу.

Босой слуга в набедренной повязке выступил вперед с пером и кувшинчиком красных чернил. Он осторожно пометил указанное на карте место — там красовалось уже много подобных крестиков.

— И тут, — продолжил Аландриан, указывая на местность, где случилось нападение на возвращающийся из Эалита патруль.

— Подожди-ка... — вдруг прошептал князь. Он остановился и перечитал лежащий рядом доклад, скинув на пол стопку документов. — Да. Ты хитрый мерзавец, не так ли?

— Князь? — переспросил слуга.

Аландриан не обратил на него внимания и подошел к карте окрестностей Наганата. Некоторое время он смотрел на нее, пока в голове крутились мысли. Затем провел пальцем вдоль реки на восток. Нет, не там. Король Теней не настолько предсказуем, чтобы затеять нападение еще на один мост. Но он пойдет на восток. Всегда после самых рискованных выходов он уходил на восток, к горам. Будто зверя тянуло домой, к логову.

Аландриан вытащил из кипы карт еще одну, где изображался район к северо-востоку от Торесса. Он рассмотрел расположенные там поселения, выискивая что-то важное. Внимание привлек желтый кружок.

— Что это? — он жестом подозвал слугу. — Около Атель Юрануира?

Слуга всмотрелся в карту и сморщил в задумчивости лоб.

— Это податный дом, князь, — наконец пояснил он. — Там складывают собранную пошину, а потом отправляют под охраной в Анлек.

— И когда должна произойти следующая отправка?

— Могу сходить узнать, князь.

Когда слуга ушел, Аландриан в задумчивости уставился на карту. Сведения слуги наверняка подтвердят его подозрения. Аландриан уже уверился в следующем ходе Короля Теней. Он отправится на восток, подальше от Гальтира, где потерпел поражение, подальше от шутки, устроенной в Торессе. Но, поскольку его переполняет восторг от удачной выходки, он вскоре снова нанесет удар, так что не успеет уйти далеко.

— Десятину, собранную с урожая, отправят в столицу через четыре дня, князь, — объявил вернувшийся слуга. — Завтра из Эалита выступает отряд рыцарей для сопровождения.

Аландриан прикрыл глаза и отрешился от всего, кроме собранных о Короле Теней сведений. Четыре дня — небольшой срок для подготовки. Сможет ли Король Теней за такое время собрать силы для нападения? Знает ли он вообще об ожидающей его возможности?

Не важно. Будь Аландриан на его месте, он направился бы именно туда. Князь твердо это знал.

— Оповести леди Ашниель и моих дочерей. — Аландриан открыл глаза. — Попроси их подготовиться к путешествию. Мы собираемся поохотиться на волка.

— Послать сообщение войску в Эалите и гарнизону в Атель Юрануире? — спросил слуга.

Аландриан посмотрел на него так, будто тот предложил ему раздеться и сплясать под детские песни.

— Не смей меня, — сказал он. — Зачем портить ожидающее нас веселье?

Контраст между красным и золотым дарил Алиту своеобразное эстетическое удовольствие: золото монет и красный цвет крови. Князь провел большим пальцем по аверсу монеты, размазывая кровь по отчеканенной там руне Нагарита. Кровавые деньги, подумал он и улыбнулся своей шутке.

Алит кинул монетку Хиллраллиону, который сметал со стола в тяжелый мешок кучки золота. Еще пять Теней делали то же самое в других комнатах хранилища, а двадцать пять солдат стояли на страже на крыше и у узких бойниц, что служили окнами.

Алит подошел к одной из амбразур и выглянул наружу. Солнце уже село, над горами вставала луна Хаоса: болезненный свет тяжелым пологом скользил по набегаящим облакам.

К хранилищу направлялись сборщики налогов — Алит узнал об этом из подслушанных разговоров охранников. Он перевел взгляд на их тела: лица и рты блестели от расплавленного золота, которое влили им в горло в наказание за жадность. Вряд ли рыцари придут ночью, так что у Теней достаточно времени, чтобы забрать все деньги и исчезнуть.

По вымощенной каменными плитами дороге застучал дождь, и Алит снова выглянул в темноту. Ему не давало покоя неясное предчувствие. С момента появления Теней в Атель Юрануире его не покидала тревога. Городок ничем не выделялся, разве что этим хранилищем, в нем не было сочувствующих Королю Теней, но и друкаи в нем не пользовались популярностью. Алит заметил, что дом старейшин украшают извращенные символы Каина — в арках стояли бронзовые жаровни, а на ступенях чернели пятна крови — но он не увидел других признаков засилия культов.

Нападение прошло в соответствии с планом. Ни один из Теней не получил и царапины. Алит не мог найти причин для тревоги, поэтому отбросил ее, списав на вполне понятное напряжение после пропущенной засады в Церин Хьюате. Ему даже нравилась придаваемая чувством неуверенности острота. Он давно не ощущал возбуждения от того, что жив.

Под темнеющим небом и усиливающимся ливнем Алит с трудом различал здания вокруг хранилища. Он оглядел рыночную площадь и едва различил дом старейшин на другой стороне. Слева стояли ряды мастерских и магазинов; их окна закрывали выкрашенные в синий цвет ставни. Справа находились конюшни и питейные дома. Последние пустовали, их хозяева при появлении Короля Теней наглухо закрыли двери. Жители Атель Юрануира не станут мешать его войнам, но и помощи от них ждать не приходилось — они попрятались, стоило начаться сражению с друкаями. Алит их не винил; большинство из них справедливо боялись наказания Анлека за содействие Теням.

— Мы почти закончили, — доложил Хиллраллион.

Алит повернулся и увидел, что тот несет полный мешок к собирающейся у двери куче.

— Хорошо, — ответил Король Теней. — В конюшнях должны быть лошади и повозки. Отправь Триндуира и Менейтона, пусть подгонят две телеги.

Хиллраллион кивнул и вышел из комнаты. Алит услышал, как он передал приказ, и снова повернулся к окну, терзаемый плохим предчувствием. Он зло уставился на завесу дождя, гадая, что скрывается за ней — чего он не может увидеть, но чувствует сердцем. Князь поднял взгляд выше, к вершинам хвойного леса, что окружал город и носил то же название. Отличное укрытие для Теней, если рыцари Эалита успеют подойти к городу. О чем волноваться?

— Ты уверена? — еще раз переспросил Аландриан.

Ашниель кивнула; по ее лицу пробежала гримаса раздражения. Аландриан отвернулся, не желая встречаться взглядом с колдуньей. Ее глаза превратились в блестящие черные озера, где отражалось искаженное лицо Аландриана — чудовищная, изуродованная шрамами маска.

— Он там, — спокойно ответила девушка. — Его коснулась рука Курноуса, и он оставляет след на ветрах. След быстро растворяется, но я чувствую его. Твои предположения оправдались.

— Мы его убьем? — спросила Лириет, обнажая заточенные и отделанные рубинами зубы.

— Я хочу попробовать его кровь. — Хеллеброн тяжело дышала от возбуждения. — Я

никогда не пробовала крови короля, ни теневого, ни обычного.

— Его кровь будет отдавать волчиной, — засмеялась Лириет. — Разве не так, волшебница?

Ашниель с презрительной гримасой отвернулась, а Аландриан улыбнулся энтузиазму дочерей. Они охотно приспособились к переменам, и командир не сомневался, что обеих ждет успех и власть, когда на Ултуане наступит новая эпоха. Сам он с трудом понимал последние веяния, так как принадлежал к старому поколению, но Аландриан умел не упускать возможность, особенно когда она сама шла к нему в руки, и намеревался выжать из грядущих перемен все до последней капли. Морати привезла в Атель Торалиен своих жрецов и колдунов. Своеволие матери не понравилось Малекиту, но князь отправился в путешествие на север. Аландриан же разглядел выгоду и мудрость в их присутствии и позволил им процветать. Он тщательно пресекал некоторые излишества — командир опасался, что колония погрузится в варварство, которое, по рассказам Еасира, охватило Анлек.

И предусмотрительность Аландриана принесла плоды. Культ Каина быстро разрастался и уступал по влиятельности лишь двору Морати. Командиру удалось пристроить дочерей на спину этому кровожадному жеребцу, что взбирался все выше по головам других сект Ултуана. Девушки овладели навыками, которые в нынешний момент оказались весьма полезными.

— Да, скоро вы его убьете, — произнес князь.

Хотя поимка Короля Теней живым имела свои преимущества, его смерть — наиболее безопасный выход для всех заинтересованных. Глупо приводить тренированных убийц-каинитов, чтобы брать пленных.

Начинался дождь, через хвою над головой падали первые капли. В темноте между деревьями сверкали огни Атель Юрануира. Негромкий голос Ашниели заставил князя обернуться.

— Я чувствую, что он готовится к отъезду, — сказала провидица. Она смотрела сквозь Аландриана в потусторонние дали. — Нужно торопиться.

Алит работал наравне с остальными, перетаскивая мешки с золотом к телегам на площади. Волосы прилипли к его лицу, одежда промокла и натирала кожу. Происходящее казалось ему довольно бесславным концом одного из достойных приключений Теней. Князь передернул плечами и улыбнулся Касадиру, с которым столкнулся в дверях.

— Дождь поливает и друкаев тоже, — заметил солдат.

— У них есть крыша над головой, — возразил Алит. — А нам придется ночевать в лесу.

— Я бы не стал... — Голос Касадира оборвался, и он прищурился.

Алит выглянул через его плечо на площадь, чтобы понять, что насторожило воина.

Четыре фигуры спокойным шагом приближались к ним под дождем. Алит не мог разглядеть лиц, но что-то в их поведении насторожило князя.

— Все внутрь! — прошипел он и жестом подогнал Теней к хранилищу.

Они заперли дверь, и Алит расставил солдат у бойниц, а часть отослал по винтовой лестнице на крышу башни.

— Ох, — произнес Хиллраллион, выглядывая в одно из окон. — Дела плохи.

— Что там? — Алит подошел к капитану.

— Лучше тебе не видеть, — с загнанным выражением ответил Хиллраллион и заслонил телом амбразуру.

Они с Алитом переминались с ноги на ногу, пока князь не отодвинул Хиллраллиона и не подошел к узкому оконцу. Он выглянул в ночь и наконец увидел то, что так напугало капитана.

На улице стоял друкай в узорчатом серебряном доспехе князя; в левой руке он держал меч, в правой — длинный кинжал. По бокам от него стояли две молодые эльфийки, судя по одежде и оружию, каинитки. На металле блестели капли воды, острые лезвия угрожающе сверкали в темноте. Но несмотря на их устрашающий вид Алит пока не понимал, что смутило Хиллраллиона.

Его взгляд метнулся к четвертой фигуре, которая расположилась немного позади остальных. Тяжелую фиолетовую мантию подпоясывал расшитый бриллиантами пояс. В свете луны Хаоса кожа женщины выглядела бледно-зеленой, а белые пряди в волосах выделялись росчерками молний. Ее лицо...

Алит знал ее. Сейчас глаза колдуньи вращались, а на лице застыло выражение холодного безразличия. Но эти губы, тонкий нос и аккуратный подбородок он помнил.

Алит с криком отшатнулся от окна — вид Ашниели подействовал на него, как свежая рана. Он упал на колени и застонал без слов.

— Я просил тебя не смотреть, — хрипло произнес Хиллраллион, схватил Алита за плечи и поднял на ноги.

В глазах Короля Теней металась паника, как у потерявшегося ребенка.

Алит сделал бессмысленный шаг к двери, и Хиллраллион оттащил его назад.

— Ты не можешь выйти наружу, — заявил Идущий по Тени. — Они разрежут тебя на кусочки.

— Я хочу видеть Короля Теней! — прозвучал с улицы глубокий голос. — Остальным будет оставлена жизнь.

Алит немного приходил в себя, но все еще пошатывался.

— Это она, правда? — прошептал он.

Хиллраллион кивнул. Ему было нечего сказать. Алит прикрыл глаза, собрал волю в кулак и снова выглянул в окно. Князь и Ашниель стояли на том же месте; каиниток он не увидел.

— Будьте начеку, — приказал Алит. Выработанные годами инстинкты брали свое. — Смотрите за дверью и крышей!

Воцарилась напряженная тишина, которую нарушал лишь стук дождя по черепичной крыше и плеск капель в лужах на площади.

Алит переходил от одной узкой бойницы к другой, пытаясь выяснить, куда пропали каинитки. Но вскоре Хиллраллион позвал его к окну на фасаде хранилища.

Каинитки снова стояли рядом с князем. Перед ними замерли на коленях двое детей, мальчик и девочка. Женщины держали пленников за волосы, приставив им к горлу кривые ножи.

— Мне нужен Король Теней, — снова крикнул князь. — Эти дети станут первыми жертвами, если он не выйдет.

Алит выхватил из колчана лунный лук и шагнул к двери. Хиллраллион бросился на него сзади, и они покатались по полу.

— Ты не можешь выйти туда! — повторял Идущий по Тени, но Алит вырвался и встал.

Его окружали Тени, отрезая путь к двери. На их лицах читалось полное согласие с Хиллраллионом.

— Пусть будет по-твоему! — донесся крик с площади.

Алит подскочил к окну и успел увидеть фонтаны крови и сверкающие под дождем кинжалы каиниток. Кровь смешивалась с лужами на земле; маленькие тела детей сложились тряпичными куклами.

— Привести еще парочку? — насмеялся князь. — Может, на этот раз прихватить детей помладше?

— Нет! — закричал Алит. Он с оскалом развернулся к своим воинам. — Мы не можем допустить еще смерти!

Воины у дверей смотрели на него с угрюмым выражением.

— Мы покончим с этим, — заявил КасаDIR и потянул тяжелый засов.

— Если им нужен Король Теней, они его получают. — Алит наложил стрелу на тетиву лунного лука. — Первыми убивайте каиниток. Колдунью оставьте мне.

Он бросил последний взгляд в окно, и тут дверь распахнулась. В темноту полетели стрелы. Каинитки прыгали и вертелись, отбивая стрелы в сверкающем кружении клинков. По кивку своего господина они бегом бросились вперед.

Сквозь дождь им навстречу полетел залп стрел. С невиданной скоростью пара каиниток уворачивалась и кувыркалась. Ни одна стрела не попала в цель. Они разогнались и уже подбегали к двери. Несколько Теней выпрыгнули из проема на площадь, чтобы встретить их там, и КасаDIR снова захлопнул дверь. Стук засова громом прозвенел в ушах Алита, будто заперли дверь камеры обреченного на смерть эльфа.

Алит кожей чувствовал каждый удар каиниток, когда те прорубали дорогу через четырех воинов. Они перерезали глотки, рассекали сухожилия и отделяли конечности от тел. Схватка закончилась в мгновение ока. Останки воинов Алита рухнули на землю, по плитам площади потекла кровь. Одна из каиниток поднесла ко рту кинжал и облизала лезвие. Затем с жестокой усмешкой повернулась к подруге.

— Больше похоже на собаку, а не волка, — сказала она.

Они заняли защитные стойки рядом друг с другом. Одна не сводила глаз с двери, вторая следила за воинами на крыше.

— Можно нам еще поиграть? — спросила каинитка с окровавленными губами.

— Мы должны положить этому конец! — Алит быстро направился к двери.

— Да, должны, — согласился Хиллраллион.

Он переглянулся за спиной Алита с другими Тенями, и те ответили ему понимающими кивками.

— Можно я оставлю одного из них себе? — спросила Лириет и бросила на отца быстрый взгляд.

— Принеси мне голову Короля Теней — и получишь все, что пожелаешь, — ответил Аландриан.

Он почувствовал холодок и обернулся направо. Рядом стояла Ашниель. Дождь вокруг нее превращался в снежинки. Вода замерзала на коже, с ресниц свисали крохотные сосульки, а волосы обметало инеем.

— Получается, что в Анлеке говорят правду? — спросил князь. — У тебя действительно ледяное сердце.

Ашниель наградила его вызывающей улыбкой, но промолчала.

Дверь хранилища распахнулась, из нее посыпались воины; одни держали в руках луки,

другие мечи. Лириет и Хеллеброн кружились друг вокруг друга, отбивая дождь стрел и отрубая на лету наконечники.

Ашниель выступила вперед и вытянула руку. Аландриан почувствовал, как утекает из тела тепло, а воздух вокруг наполняется льдом и чернотой. С кончиков пальцев колдуньи сорвался шторм белоснежных клинков и косою прошел по врагу. Ледяной ветер рассекал плоть, кожа синела от холода, на землю падали замерзшие капли крови. Онемевшие пальцы роняли луки, а стрелы трескались в воздухе.

Под прикрытием залпов лучников вперед ринулись остальные воины и скрестили мечи с сестрами-каинитками. Зазвенела сталь, но схватка закончилась, так и не начавшись. Лириет пригнулась и подсекала ноги врагов, в то время как Хеллеброн обезглавливала всех, до кого могла дотянуться. Когда резня завершилась, городская площадь напоминала двор мясника. Лириет нагнулась и ловким движением руки вырезала сердце одной из жертв. Затем убрала в ножны второй меч и перекинула еще теплое сердце в свободную руку. Подняла его над головой, сжала в кулаке, и кровь потекла по руке и плеснула ей в лицо.

— Слава Каину! — завизжала она.

В дверях кто-то шевельнулся. На площадь ступил укутанный в плащ эльф с серебристым луком в руке. Быстрее, чем мог уследить глаз, он выпустил стрелу. Она вонзилась в горло Лириет и отбросила ее на мокрые плиты мостовой.

Хеллеброн издала жуткий вопль ярости и бросилась вперед. В воздухе свистнула вторая стрела, но она отбила ее мечом. От следующей увернулась прыжком, из которого приземлилась уже рядом с врагом. Левая рука каинитки метнулась вперед, лезвия на кольцах прошли в волоске от лица эльфа. Но выпад правой руки оказался точнее — тонкий меч вонзился под ребра добычи. Клинок в красном фонтане вышел из его правого плеча. На губах эльфа вспенилась кровь, Хеллеброн выдернула меч, завертелась и отсекала ему голову.

Она смахнула капли крови с оружия, убрала его в ножны и вырвала из мертвых пальцев чудесный лук. Затем Хеллеброн повернулась и протянула трофей отцу, который одобрительно захлопал в ладоши.

— Думаю, лучше будет преподнести его в подарок Морати, — произнес князь, и плечи дочери разочарованно опустились. Аландриан указал на застывшие благодаря заклинанию Ашниели ледяные фигуры воинов. — Можешь делать с ними все, что пожелаешь.

Его взгляд привлекла пара эльфов, убегающих по затянутой тенями крыше. Ашниель вскинула руку, чтобы выпустить еще одно заклинание, но князь остановил ее.

— Пусть бегут, — сказал он. — Пусть донесут новость до остальных: Король Теней мертв!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Сила Эланардриса

Среди Теней воцарилось горе и отчаяние. По зову Тариона они сошлись на руинах Эланардриса — послушать, что готовит им будущее. Многие после смерти Алита ощущали себя потерянными, и по рядам ходил шепот, что армия Теней не сможет продолжать существование без своего короля.

Тарион предвидел изменения в положении дел на войне. Новости о смерти Короля Теней разлетались быстро. Баланс сил мгновенно изменился — почуввав слабость врагов, друкаи обрели былую уверенность в себе. Они настойчиво прочесывали леса в поисках отрядов Теней, а воины, которые прежде верили в свою неуязвимость, становились все более робкими. Войско Теней выживало и процветало благодаря отчаянной смелости, но сейчас они слишком часто упускали инициативу в руки врага. Ход войны менялся.

Тарион прекрасно понимал, что происходит: охотники снова становились добычей.

После смерти Алита командование перешло к Тариону. Он собрал анарцев на руинах Эланардриса, чтобы они вспомнили, за что сражаются. Сотни Теней сгрудились вокруг костров с вытянувшимися от усталости, полными безнадежности лицами.

— Мы не можем допустить, чтобы наши воины теряли боевой дух, — сказал Тарион. Он стоял на остатках стены, которая когда-то отделяла восточный сад от летней лужайки. — Если друкаи перестанут нас бояться, мы проиграем.

— Мы продолжим сражаться! — заявил Касадир — единственный переживший резню в Атель Юрануире.

Он оглядел остальных, но встретил лишь вялую поддержку.

— Как мы будем сражаться без Короля Теней? — раздался голос из темноты. — Враги становятся сильнее, а нас все меньше.

— Это правда, — согласился другой голос. — Я вернулся из Крейса, новости оттуда невеселые. На Ултуан прибыло свежее войско, Морати отозвала его из колоний. Я не знаю, сколько точно там солдат, но не меньше десяти тысяч, и все они закаленные в боях ветераны. Они сошли на берег в Котике. Боюсь, что к концу года Морати наложит лапу и на это княжество.

— Тогда нам нужно удвоить усилия в Нагарите, чтобы Каледор мог бросить свои силы на борьбу с новой угрозой, — возразил Касадир.

Тарион вздохнул и нахмурился.

— Все не так просто, — сказал он. — Если на восток пришло подкрепление, командиры Морати скорее всего отведут свои отряды в Нагарит, чтобы отдохнуть и пополнить запасы перед наступлением в следующем году.

— Значит, нам достанется больше добычи, — прорычал Касадир, и многие Идущие по Тени согласились с ним.

— В какой-то степени это так, — продолжал Тарион. — Но если вдуматься, солдат в Нагарите станет на несколько тысяч больше. Я сомневаюсь, что они будут сидеть без дела, пока мы нападаем на их товарищей.

Слушатели начали понимать, к чему он клонит. Среди Идущих по Тени побежал тревожный шепоток.

— И что ты предлагаешь делать, капитан? — спросил Анранейр. — Возвращающиеся

войска пройдут по Драконьему перевалу и перевалу Феникса; может, мы сумеем собраться и напасть на них на марше?

— Они будут готовы к такой возможности, — покачал головой Тарион. — Нас осталось меньше двух сотен, за шесть лет мы понесли немалые потери. Мы можем совершать вылазки на проходящие колонны друкаев и при этом беречь свои силы, но мало чего добьемся. Потеря нескольких сотен солдат для них суший пустяк.

— И все же мы можем по-прежнему вредить друкаям, я уверен, — возразил Анранейр. Юноша передернул плечами. — Пока я не могу сказать как. Если собрать все силы вместе, мы сумеем нанести еще один решительный удар, но, скорее всего, он станет последним.

— Нас все меньше и меньше, глупо это отрицать, — тихо произнес Тарион. — В прямом противостоянии у нас нет надежды на победу. Что еще происходит на востоке, Тетион?

— В целом, если мы не оттянем подкрепление друкаев на себя, расстановка сил останется такой же, — сообщил Идущий по Тени. — Враги владеют Нагаритом, Крейсом и Тираноком, а также большей частью Эллириона и Котика. Лотерн часто осаждают. В тех городах и княжествах, что еще не попали под власть Анлека, постоянно вспыхивают восстания культов. Ходят слухи, что маги Сафери сражаются между собой, поскольку в их рядах есть предатели, переметнувшиеся на сторону черной магии.

— Даже владения Каледора не избежали смуты. Пока Король-Феникс ведет войну, в его горное княжество проникли культы и сеют раздор. Многие каледорцы поддерживают короля, но в первую очередь они будут защищать собственное княжество, а не отдавать жизни за чужие. В начале года поймали нескольких жрецов Ваула, которые помогали Анлеку — делали для друкаев волшебное оружие и доспехи и контрабандой переправляли их через Тиранок. Главный жрец сбежал, прихватив с собой священный молот своего бога. Я уверен, что сейчас он трудится в Анлеке, кует новое оружие для нагаритских князей.

— Разве ни у кого не найдется обнадеживающих новостей? — спросил Тарион.

Эльфы вокруг костра тягостно вздыхали и качали головами.

— Тогда пора рассказать, зачем я собрал вас здесь, — продолжил командир. — Я разговаривал с Королем Теней перед тем, как он ушел в Атель Юрануир. Я поделился с ним своими сомнениями. Он внимательно меня выслушал и дал мне указания, которым мы и будем следовать. Армия Теней снова соберется вместе, — торжественно сказал Тарион. Ему ответом были обрадованные возгласы, но командир жестом оборвал их. — Не для сражений. Мы не сможем победить силой. Хитрость и обман полезны не менее, чем лук и меч, и при помощи хитрости и обмана мы должны поставить друкаев в выгодное для нас положение.

Некоторые эльфы закивали; на лицах других застыло непонимание.

— Друкаи полны уверенности в себе. И у них есть на это право. Если мы встретимся с новыми силами лицом к лицу, мы проиграем. Нет, мы не станем воевать подобным образом. Мы заляжем в укрытие и будем выжидать подходящей возможности. Пусть друкаи думают, что сокрушили нас. Мы позволим им наслаждаться иллюзией победы, ведь она заденет только нашу гордость. Они сосредоточат внимание на новых кампаниях на востоке и будут считать, что имеют полную власть над Нагаритом. Тогда, и только тогда мы нанесем удар, восстанем из тени, чтобы поразить врагов и заставить их снова бояться и ненавидеть нас.

— И где ты предлагаешь спрятаться? — спросил Касади́р. — Если мы укроемся среди населения, нас могут выследить культы, а если по-прежнему будем жить в лесах, то почему бы не продолжить сражаться?

Тарион встал и развел руки в стороны, будто обнимая руины. Покосившиеся камни Эланардриса светились в отблесках костров рубиновым цветом; их затянуло мхом и плющом, а когда-то ухоженные сады превратились в дикие заросли.

— Тут мы появились на свет, и тут мы возродимся снова, — провозгласил Тарион. — Я много думал о прошлом и будущем. Хотя землями Нагарита управляет Морати, многие страдают под ее гнетом. Некоторые жители сочувствуют нашему делу, и среди них есть те, кто работает на Морати и ее прислужников. Мы приведем сюда тех, кому можно доверять, и детей, и взрослых, и вырастим новое поколение Теней. Война закончится нескоро, надо глядеть в будущее.

Тарион принялся расхаживать вокруг костра, обводя взглядом своих воинов.

— Вы не должны сомневаться — что бы ни случилось, мы не сдадимся. Возможно, что никто из нас не доживет до победы, поэтому надо заложить основы, чтобы армия Теней продолжала сражаться и после нашей смерти. Пока в Анлеке жив дух сопротивления, друкаям не видать окончательной победы. Эланардриса больше нет, он стал горькой историей. От процветавшей здесь династии остались голые камни и воспоминания о лучших временах. Я не буду отстраивать заново особняк или высаживать сады. Не в камнях и цементе сила Эланардриса, а в крови его жителей и в силе земли. Это по-прежнему наша земля, и она нуждается в том, чтобы на ней жили. Пока мы дышим и боремся, Эланардрис не умрет.

Тайными путями до недовольных наггароттов — тех, кто служил из страха, а не из верности — дошел интересный слух. Им предлагали бежать из родных мест. До Эланардриса добирались немногие. Они приходили по одному и парами, исчезали под покровом ночи из домов и гарнизонов — и встречались в укромных местах с воинами Теней. Иногда через холмы и болота приходили в поисках убежища целые семьи.

Тарион опасался шпионов Анлека, поэтому лично опрашивал всех ищущих укрытия и убивал на месте каждого, кто вызывал подозрения. Он знал, что некоторые невиновны, но от соблюдения тайны зависели жизни многих эльфов. Крайне важно было держать друкаев в неведении насчет тоненького ручейка беженцев, которые прятались от тирании. Малейшее подозрение, что не все идет в соответствии с их желаниями, вызвало бы гнев Анлека.

Старые лагеря беженцев за прошедшие годы пришли в запустение, поэтому Тени и их подопечные выстроили новые. В пещерах и самом сердце горных лесов они прятали еду и одежду, одеяла и воду.

Под сплетенными из веток крышами, в укрытиях из камней, в гротах за завесами водопадов и в спрятанных в тростниках болот хижинах новые жители Эланардриса владели свое существование. Когда Тарион посещал их жилища, его охватывало странное спокойствие: бесшумные эльфы благодарили за спасение, но все отличались крайней осторожностью. Они мало говорили об оставленной в прошлом жизни, и лишь немногие осмеливались гадать о том, что их ждет. Даже дети вели себя на удивление тихо; от них нечасто можно было услышать выражение невинной радости, а смех и вовсе стал редкостью. Выживание превратилось в цель жизни; избежать внимания друкаев и увидеть новый рассвет считалось удачей.

Несмотря на предположения Тариона, друкаи не отозвали с востока потрепанные, уставшие войска. К уже имеющимся силам добавили подкрепление из колоний, и командиры Морати подгоняли своих солдат все жестче. Благодаря агрессивной политике

ведения войны, в Нагарите стало немного безопаснее, хотя остальные княжества Ултуана страдали от нее.

Тени патрулировали границы, но без необходимости не нападали. Тарион не хотел привлекать внимание к армии Теней, а бездействие подкрепляло уверенность, что смерть Короля Теней привела к ее развалу. Ветерана уязвляло то, что он позволяет друкаям злорадствовать, но гордость пришлось принести в жертву ради великой цели.

Весной восьмого года войны Теней в Эланардрисе родился ребенок, первый с начала сопротивления. Событие не праздновали, потому что оно вызвало у всех смешанные чувства. То, что в когда-то заброшенные земли пришла новая жизнь, можно было считать добрым знаком, но многие задумывались, какая судьба ожидает девочку, когда она вырастет.

В следующие годы новорожденных прибавилось. Тарион часто думал, кем им суждено стать. Он всем передал пожелание Алита, чтобы детей растили в традициях анарцев, а когда те подрастут, обучили искусству Теней. Они должны уметь ловить рыбу и охотиться, обращаться с мечом и луком, произносить заветные слова Курноуса. Хотя конца войны пока не было видно, Тарион не переставал надеяться, что указания Короля Теней окажутся ненужными. Он мечтал, чтобы дети Эланардриса росли в мире, сильными и гордыми.

Нового правителя Эланардриса также беспокоило, какие черты получают дети при таком воспитании. Его мучила совесть, когда он думал о том, что придется воспитывать детей в атмосфере ненависти к друкаям, но он обещал, что будет придерживаться заветов Короля Теней. Руны мести и теней стали гербом Эланардриса. Их рисовали на стенах пещер и вырезали на коре деревьев. Ими украшали амулеты и броши. Тариону они напоминали о кульгах, против которых сражались Тени, но он не мог запретить подданным выражать подобным образом страх и надежду. Многие после смерти Алита цеплялись за эти символы как за последнюю тростинку.

Годы текли медленно, и каждое короткое лето, пока войска друкаев находились на марше, несло тревогу; каждая зима давалась тяжелым трудом, еды не хватало, с севера дул холодный ветер, и снег собирался сугробами на крышах жилищ. Некоторые Тени обзавелись семьями, другие поклялись оставаться в одиночестве. Они несли стражу на анарских землях, и тайные наблюдатели были готовы поразить врага при малейшей опасности. Их отточенным навыкам редко находилось применение, негостеприимные горы пресекали интерес друкаев к Эланардрису не меньше, чем стена копий и лес луков.

Каждый год в память Короля Теней устраивали охоту. Тени гнали через горные леса оленя и подносили часть добычи Курноусу и погибшему королю.

С каждым годом Тарион старался меньше вспоминать о Короле Теней и больше — об Алите, но задача оказалась сложной. О похождениях Короля рассказывали у костров, сказки о его подвигах повторяли на ночь малышам. Он был легендой при жизни, а после смерти стал мифом. Многие из тех, кто теперь жил в Эланардрисе, даже не знали его имени и называли лишь по титулу. Тарион старался сохранить живыми воспоминания о стоящем за легендой эльфе, но порой ему казалось, что он плывет против течения. Его подданные жили в отчаянии, и сказочный персонаж утешал их гораздо больше, чем смертный из плоти и крови, который жил когда-то на землях, где теперь обитали они. Они чувствовали себя в безопасности, когда представляли, что его дух присматривает за ними. Более осведомленные заявляли, что Король Теней был волком, а не пастухом, и, скорее всего, мстит друкаям в Мирае, а не следит за своим стадом.

Народ Эланардриса влачил тяжелое существование, но выживал год за годом и следил

за новостями, будучи до поры в стороне от войны. В княжестве воцарилась своего рода стабильность. Теневое общество обростало собственными традициями и законами, верой и привычками. Никто не знал, кто первый назвал их аесанарцами — новыми анарцами, — но им помогало то, что теперь у народа есть имя. Тариону подданные дали титул первого князя аесанарцев, и он считался регентом до тех пор, пока не появится новый Король Теней. Практичные и находчивые аесанарцы залечивали раны и набирали силы в ожидании вожака и того дня, когда война Теней начнется заново.

Этот день наступил на тринадцатый год гражданской войны, он же — девятый после падения флага анарцев в Темных топях.

В тени старого особняка в свете костров снова встретились Идущие по Тени. Тарион созвал их по просьбе Касадира. Тот не хотел объяснять, зачем, и сказал лишь, что к нему прибыл гонец с важными новостями, которые следует знать всем. Касадир быстро повторил это собравшимся аесанарцам и призвал их к строжайшей секретности.

В круг света вошел закутанный в плащ из вороньих перьев эльф с конем в поводу.

— Это Эльтириор, вороний герольд, — представил его Касадир.

Среди собравшихся пробежал шепот; Эльтириор считался частью легенды о Короле Теней. Многие встречали его раньше, но далеко не все.

— Расскажи нам, что ты слышал, — попросил Касадир, сел и жестом указал на место справа от себя.

Эльтириор прошептал что-то своему коню, и тот побрел по бывшей лужайке летнего сада. Лишь тогда вороний герольд уселся со скрещенными ногами рядом с Касадиром.

— В Анлеке новая власть, — сообщил вороний герольд. Его заявление вызвало волну изумленных вздохов. — Друкаи говорят о новом правителе с почтением и называют его Королем-Колдуном.

— Кто такой этот Король-Колдун? — спросил Тарион.

— Я не знаю. Сколько я ни спрашивал и не подслушивал, никто не знает. Кое-кто считает, что это Хотек, жрец-отступник, который сбежал из Каледора несколько лет назад. Другие верят в то, что Морати приняла под свое крыло князя Аландриана и передала ему правление в благодарность за убийство Алита Анара.

— Говорят, что его благословили все китараи. Я слышал, что ни одно оружие не способно нанести ему вред, и что сама Морати обучала его колдовству. Некоторые друкаи утверждают, будто Король-Колдун станет тем спасителем, что сотрет с лица земли их врагов и принесет Нагариту великую победу.

Эльтириор обвел изумрудным взглядом Идущих по Тени — все они внимательно его слушали.

— Мы все знаем, что порой правда смешивается с легендами, но я слышал страшные свидетельства о Колдуне, — предупредил Эльтириор. — Пожалуй, правильнее спрашивать: «*что такое* Король-Колдун». Один из пленников сказал, что от его взгляда плоть сходит с костей. Другой — что в нем горит огонь ненависти народа друкаев. И все твердят одно: это великий правитель Нагарита, и вскоре он будет властвовать надо всем Ултуаном.

— Рассказни у лагерных костров, — возразил Тарион. — Возможно, Морати опасается, что война обернется против нее, вот и придумала Колдуна, чтобы припугнуть свои войска и заставить их слушаться.

— Хотя в твоих словах есть доля правды, боюсь, что стоит надеяться лишь на небольшое

преувеличение, — возразил Эльтириор. — Слух широко распространен, ему истово верят, поэтому я не сомневаюсь, что армию друкаев действительно возглавил новый лорд.

— Что мы можем сделать? — спросил Анранейр. — Тарион, ты поведешь армию Теней на войну с новым тираном?

— Если мы все сойдемся на том, что надо действовать, то поведу, — подтвердил правитель Эланардриса. — Но я не Король Теней. Я не берусь утверждать, что у меня хватит силы и хитрости, чтобы обмануть подобного врага.

— Разве без Короля Теней мы можем считать себя армией Теней? — спросила Юрайн. Она получила звание Идущей по Тени совсем недавно. Эльфийка с воодушевлением оглядела товарищей. — Король Теней обладает даром придавать отваги слабым и вселять страх в сердца друкаев. Разве имеет значение, кто носит этот титул?

— Имеет, если носитель не соответствует титулу, — произнес Касадир. — Я бы не стал примерять на себя его мантию. Быть лидером это одно, быть правителем — другое. Король Теней объединяет в себе больше, чем оба понятия по отдельности. Он должен стать гневом и мстью, неотступной и бесконечной. Стать живым символом, воплощением всего, за что мы сражаемся, во что верим...

— Среди нас есть эльф, способный на такое? — спросил Тарион.

Касадир улыбнулся, но его веселье тут же испарилось. Он покачал головой, точно отрицая невысказанное.

Все молчали. Идущие по Тени оглядывали друг друга, будто высматривая добровольцев. Некоторые качали головами: то ли от разочарования, то ли отвергая саму мысль о новом Короле Теней.

Эльтириор внезапно поднялся и потянулся к мечу. Его взгляд не отрывался от места за пределами света костра, рядом с особняком. Некоторые из Идущих по Тени тоже потянулись к оружию, другие принялись тревожно оглядываться.

Огни костра мигнули и побледнели. Один за другим языки пламени угасали, пока не остался последний — он отбрасывал слабый свет на Тариона и сидящих рядом эльфов.

— Что это? — прошипел Анранейр.

Из темноты доносился шорох и тяжелое дыхание. В звездном свете сияли золотые глаза. Идущие по Тени оборачивались во все стороны, высматривая призрачные видения, которые то появлялись, то исчезали, стоило только мигнуть.

Облака над горами разошлись, и поляну залил свет полной луны Сарииор. Там, где только что клубились тени и тьма, появился затянутый в черную одежду эльф. Его лицо скрывал глубокий капюшон. Эльф стоял неподвижно, со скрещенными на груди руками и склоненной головой.

Темнота вокруг лагеря взорвалась многоголосым волчьим воем.

— Кто ты? — спросил Тарион с мечом в руке. — Что тебе нужно?

— Я Король Теней, — ответил Алит Анар и откинул капюшон. — И мне нужна месть.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Возвращение в Анлек

Поднялся гам, недоверчивые выкрики мешались с возгласами удивления и радости. Идущие по Тени сгрудились вокруг Алита. На границе света костров расхаживали огромные волки, их лай и визг тоже добавляли шума.

Эльтириор стоял чуть в стороне и подозрительно наблюдал за происходящим. Он встретился глазами с Алитом, и Король Теней замахал рукой своим воинам, чтобы они расступились. Алит пошел по высокой траве к дальнему краю поляны, а Тени занялись разжиганием костров. Руины наполнились оживленной, радостной атмосферой.

— Обман? — спросил Эльтириор, когда Алит подошел к нему.

Король Теней пожал плечами и улыбнулся.

— Новый миф, — ответил он. — Только Касади́р знал правду.

— И какая она? — строго спросил Эльтириор. — Нечестно обманывать своих последователей таким образом.

Алит жестом пригласил вороньего герольда идти за ним. Они вышли за пределы лагеря и зашагали по заросшей, когда-то вымощенной мрамором дорожке к разрушенному летнему домику.

— Это был вынужденный обман. — Алит сорвал цветок лунного вьюнка, что разросся на обгорелой стене. — И не я его начал.

Эльтириор с сомнением приподнял бровь.

— Честно, — продолжал Алит. — В ту ночь я собирался сразиться с Аландрианом и каинитскими ведьмами, но Хиллраллион оглушил меня со спины. Я потерял сознание, он забрал лунный лук и выдал себя за меня. Когда я очнулся, Касади́р уже затащил меня на крышу. Хиллраллион и другие воины заплатили за мою свободу жизнью. Я не хотел пренебрегать их жертвой и делать ее напрасной, поэтому бежал вместе с Касади́ром. Он единственный, кто знает, что произошло.

— Это не объясняет, где ты пропадал последние семь лет, — возразил Эльтириор. — Ты бросил свой народ.

— Нет! — отрезал Алит. Он прикрыл глаза и заставил себя успокоиться. — События оборачивались против нас, и моему народу требовался спокойный, уравновешенный правитель. Еще до Атель Юрануира Тарион предлагал мне создать в Эланардрисе новое убежище, и я согласился. Я бы не смог построить того, что построил он. Он подарил анарцам такое будущее, которого я бы им не дал. Хотя я не планировал подобного исхода, моя смерть подарила Теням хотя бы видимость покоя. Друкай с готовностью поверили, что армии Теней пришел конец. Мое исчезновение дало анарцам время, чтобы собраться с силами и ступить на новый путь. Останься я живым, Аландриан продолжил бы охоту. Дважды он почти поймал меня, и оба раза обошлись во множество жизней — дорогих мне жизней. Я видел, как упал Хиллраллион, и понял тогда, что наибольшую опасность для своего народа представляю я сам и та ненависть, которую испытывают ко мне друкай. Я своего рода символ, но подобное положение вещей имеет две стороны. Я — воплощение сопротивления, и смелые наггаротты хотят примкнуть к моему делу. Но также сильно раздражаю друкаев, которые жаждут власти и полного подчинения. Я решил исчезнуть. Вернулся ненадолго в Авелорн и снова бежал с братьями и сестрами — волками. Должен

признать, я наслаждался беспечностью. Но долг напоминал о себе — шел год за годом, и я начинал понимать, что не обрету покоя. Хотя Король Теней должен был умереть, он не мог оставаться мертвым вечно. Я вернулся в Эланардрис и связался с Касадилом. Он рассказал мне обо всем, что здесь происходило, а сегодня утром сообщил о твоём прибытии.

— И почему ты вернулся именно сейчас?

— Ты и сам знаешь ответ. — Алит встал, подошел к обрушившейся стене летнего домика и уставился на запад.

— Король-Колдун, — произнес Эльтириор.

Не оборачиваясь, Алит кивнул.

— Я тоже слышал о нём. Даже в Котике и Крейсе его приход к власти представляют как грядущий расцвет Нагарита. Он вызывает у друкаев одновременно страх и восхищение. Я никогда не замечал среди них беззаветной преданности, если не считать безнадежных фанатиков культов. Никто из известных мне эльфов не смог бы добиться её, и тем не менее Колдун правит Анлеком, а Морати его поддерживает. Я должен узнать, кто он.

— Боюсь, мы все вскоре это узнаем. — Эльтириор встал рядом с Алитом. — Я рад, что ты жив, Алит Анар.

— Я тоже, — ухмыльнулся Король Теней.

Алит попросил, чтобы его возвращение держали в тайне. Он отказался рассказывать, что с ним произошло, и полностью игнорировал расспросы о смерти и воскрешении. Алит просто заверил своих последователей, что вернулся, чтобы вести их к новым победам, и по-прежнему жаждет наказать друкаев. Некоторые горели желанием разнести новость о его триумфальном возвращении по всему Нагариту, но Алит велел им придержать языки.

— Весь Ултуан вскоре узнает, что Король Теней жив, — сказал он с загадочной улыбкой, но подробностей никому добиться не удалось.

Алит также приказал, чтобы Идущие по Тени приступили к сбору войска и готовили солдат, но делали это под предлогом, что Тарион собирается выступить против Короля-Колдуна. Подготовку держали в тайне от остального населения Эланардриса. Алит должен был встретить армию Теней на развалинах особняка. На вопрос, когда произойдет встреча, Алит дал еще один загадочный ответ:

— Вы сами поймете, когда настанет время выступать.

Анлек еще никогда не выглядел таким грозным. Когда Алит впервые увидел цитадель, она показалась ему устрашающей. Друкаи расширяли и достраивали город в соответствии со своими извращенными, кровожадными представлениями о красоте и безопасности. Над сторожками у ворот на пиках торчали головы, бойницы выглядели рядами длинных клыков. Над городом постоянно кружили стаи ворон и падальщиков; время от времени они опускались и клевали выставленные напоказ трупы.

Среди фиолетовых знамен Нагарита на ветру развевались также черные и красные штандарты с символами китараев; их украшали черепа и кости тех, кто имел несчастье вызвать неудовольствие правителей города. В тысячах жаровен на стенах горел огонь, и всю цитадель затянуло плотным одеялом дыма.

Звуки города тоже ужасали. Непрерывному нестройному звону гонгов и колоколов, рокоту барабанов вторило карканье ворон и вопли стервятников — в храмах проходили кровавые ритуалы. В общем шуме то и дело слышались визгливые вопли радости и крики

боли. Ветер разносил запах горелой плоти. Темная магия струилась повсюду. Создаваемая ей завеса зла заставила Алита содрогнуться. Его разобрал неестественный холод, и князь плотнее закутался в простой синий плащ.

Он сделал глубокий вдох и направился к сторожевым будкам у восточных ворот.

Алит пришел искать ответы, он хотел узнать, кто скрывается за загадочным титулом Короля-Колдуна. Его вела и другая цель, более личная. Почти всю жизнь друкаи отнимали у него кого-то или что-то: семью, друзей, любовь, земли. Но потом они нанесли ему оскорбление, которое Алит не мог оставить безнаказанным. Они забрали лунный лук.

Длинными летними ночами в Авелорне лук нашептывал ему во сне. Когда Алит прятался в святилищах Курноуса в Кольцевых горах, в его голове отдавались крики боли. Алит не стал говорить Эльтириору, но главной причиной его возвращения стал лук. Он потерял семью. Его друзья погибли. Его земли превратились в пустоши. Все это пропало безвозвратно. Но лунный лук... У Алита еще оставалась возможность спасти его.

В городе к Алиту вернулась уверенность. Со спокойным видом он направился к дворцу Аэнариона. Он не знал, где хранят лук, но не сомневался, что тот находится в цитадели. Он выкрадет его из-под носа у Морати и таким образом объявит о возвращении Короля Теней.

Ведущая к главным воротам лестница пестрела пятнами крови. Через каждую пару ступеней на ней стояли часовые с шипастыми алебардами наготове. Несмотря на стражу, ворота были открыты, и постоянный поток друкаев двигался туда и обратно. Алит присоединился к тем, кто ожидал входа, и старался не обращать внимания на стоящих по бокам суровых воинов. Шаг за шагом очередь продвигалась вперед, и наконец Алит вошел в прохладный полумрак цитадели.

Большинство посетителей поднималось по центральной лестнице; скорее всего, они шли на аудиенцию к придворным Анлека. Алит свернул в сторону и принялся высматривать слуг. Проведенное в Тор Анроке время научило его тому, что черные ходы часто оказывались более быстрым и безопасным путем. Вскоре он заметил, как из-за гобелена с изображением Аэнариона верхом на драконе Индраугнире выскочил запыхавшийся паж. Алит на миг задумался, знал ли Аэнарион, на какой безумной женщине он женился, и догадывался ли о жестокости, которую невольно принес в мир.

Алит подошел к тайному проходу и взглянул на огромный портрет. Одетый в золотые доспехи первый Король-Феникс выглядел воплощением благородного лорда и воина — таким и описывала его легенда. И тем не менее в правой руке он сжимал меч Каина. Даже вышитое серебряной и красной нитью, мрачное оружие излучало смерть. Каледор Укротитель Драконов предсказал, что в тот момент, когда Аэнарион взял роковой клинок, он навлек на себя проклятие. Возможно, подумал Алит, он навлек его на всех нас.

Алит проскользнул за гобелен и обнаружил узкую арку. За ней начиналась ведущая наверх лестница. Алит начал подниматься по витым ступенькам — он не знал, куда направляется, но решил довериться чутью. Когда он поднялся примерно на две трети высоты башни, то свернул с лестницы в широкую галерею с множеством альковов. В них стояли мраморные изображения князей, что сражались на стороне Аэнариона. Лица некоторых статуй были стесаны, на их месте кровью написаны грубые слова. Изваяния князей, которые продолжали служить новым правителям Анлека, стояли нетронутыми. Большинство Алит не знал, но некоторые оказались знакомыми.

Одна из статуй заставила его остановиться. Мраморное лицо походило на его

собственное, и через миг Алит догадался, что видит изображение молодого Эолорана Анара. В глаза статуи вбили окровавленные гвозди. Эолоран погиб, и его смерть стала одной из многих, за которые мстил Король Теней, но напоминание о деде что-то всколыхнуло в душе Алита.

Он пришел забрать украденный лунный лук. Но, возможно, у него получится прихватить с собой еще кое-что? Вдруг настоящий Эолоран жив? Может, он заперт в темницах Анлека? Алит решил, что обязательно проверит. Он развернулся обратно к лестнице и начал спуск в подземелья цитадели.

Алит ожидал увидеть жуткую картину, полную мучений и боли. Но, в противоположность его ожиданиям, подземелья Анлека освещались золотистым светом фонарей, и там царила тишина. Он не встретил стражников и, побродив по узким коридорам, обнаружил несколько чистых и пустых застенков. Вокруг не оказалось ни души. Ничего не понимая, Алит направился к главной лестнице и принялся разыскивать крыло челяди — по его расчетам, оно должно было находиться на несколько уровней выше подвалов.

Там его ждала уже привычная по Тор Анроку обстановка, но с поправкой на образ жизни друкаев. Слуги и служанки сновали туда-сюда, многих украшали шрамы и прочие следы насилия. Некоторые носили амулеты темных богов, другие одевались в броские мантии культов удовольствия. Они рычали и огрызались друг на друга при встрече и корчились в страхе, когда мимо, выкрикивая приказы и размахивая кнутами, проходили дворецкие.

Алит ухватил за руку пробежавшую мимо молодую служанку с пустым подносом. Она со страхом уставилась на него, и Алит отвел ее в сторону.

— Только пальцем меня тронь — и будешь отвечать перед князем Келтрайном, — скорее с испугом, чем с угрозой заявила она.

Алит тут же отпустил девушку и поднял перед собой руки.

— Я тут новенький, — сказал он. — Не знаю, что делать.

Служанка успокоилась, откинула черные волосы и приняла важный вид. Очевидно, он был не первым новичком, который совершал ошибки.

— Кому ты служишь? — спросила девушка.

— Князю Аландриану. — Алит выпалил первое имя, которое пришло ему в голову.

Служанка кивнула.

— Хорошо устроился. — Она показала Алиту, чтобы тот следовал за ней.

Девушка провела его в пустую кладовку, с голыми полками и пыльным полом.

— Опасайся Эрентиона, он самый жестокий из всех старших, — посоветовала служанка, и Алит благодарно закивал. — И не переходи дорогу Мендиету. Он хитрый и с удовольствием вонзит нож в спину, даже не зная твоего имени.

— Меня зовут Атенитор, — с улыбкой представился Алит, но девушка только нахмурилась.

— Чем меньше людей знает, как тебя зовут, тем лучше. Имена привлекают внимание, а излишнее внимание может плохо сказаться на твоём здоровье.

— Боюсь, что я уже привлек внимание, — с волнением признался Алит. — Мне дали поручение, но я не знаю, как его выполнить.

— И что тебе надо сделать?

— У меня есть послание для... для Эолорана Анара, от князя Аландриана, — тихе произнес Алит. Он бросил пугливый взгляд на закрытую дверь. — Я ходил в темницу, но там все камеры пустые!

Девушка рассмеялась, но Алит не смог понять, что слышит в ее смехе — презрение или веселье.

— Пленников не держат в цитадели, — хихикала она. — Их отправляют в храмы для жертвоприношений.

— Тогда меня разыграли? — Алит подавил поднимающееся волнение. — Такого пленника нет?

— Тут есть Эолоран Анар, — возразила служанка, и Алит с облегчением закивал. — Не он не пленник. Его покои находятся в западной башне.

Не пленник? Алит отложил смятение до лучших времен, расспросил, как пройти к башне, и попрощался.

В западной башне Алита снова удивило отсутствие стражи. Он пришел к выводу, что по свойственной им наглости и самомнению друкаи считают, будто никто не рискнет проникнуть в сердце их столицы. Следуя инструкциям, полученным от служанки, он быстро поднялся на этаж, где жил Эолоран Анар. Там он оказался перед полуоткрытой, ничем не примечательной черной дверью. Алит постучался, но ему никто не ответил. Тогда он огляделся по сторонам, приоткрыл дверь и проскользнул внутрь.

Комната отличалась простой обстановкой. Через широкое, выходящее на балкон окно лился солнечный свет. В плетеном кресле кто-то расположился спиной к двери. Алит бросил взгляд в соседнюю спальню и тихо вышел на балкон.

Эолоран Анар сидел с закрытыми глазами, подставив солнцу лицо. На первый взгляд Алиту показалось, что дед спит. Он перенесся на много лет назад, в то время, когда еще не знал горя. Он вспомнил, как они сидели в саду, и дед так же дремал на летнем солнце. Алит с друзьями играли рядом, пока шум не будил деда. Тогда он мягко корил детей за то, что мешают старику, а потом вставал с кресла и присоединялся к играм.

Воспоминание растворилось в языках пламени и черном дыму, оставив картину выжженного Эланардриса и прибитых к стенам особняка тел его друзей. Алит невольно зарычал.

— Дед? — спустя какое-то время прошептал Алит и присел на корточки рядом с креслом.

Эолоран зашевелился и что-то пробормотал.

— Эолоран, — громче позвал Алит.

Дед повернул голову; брови сурово сошлись над закрытыми глазами.

— Кто здесь? — хриплым шепотом спросил он.

— Это я, Алит.

— Оставь меня в покое со своими трюками, — отрезал Эолоран. — Алит мертв. Ты убил их всех. Убери свои видения.

— Нет, дед, это действительно я.

Король Теней положил ладонь на руку деда и бережно сжат ее.

— Я заберу тебя отсюда, — пообещал он.

— Ты не обманешь меня, — ответил Эолоран. — Ты лишил меня зрения, но сделать из меня дурака не в твоих силах.

— Посмотри на меня, я действительно Алит.

Элоран повернул голову и открыл глаза — под веками оказались пустые, безжизненные бельма.

— Ты все еще наслаждаешься делом своих рук, демон? — сказал он. — Я лишил тебя удовольствия слушать мои крики, когда ты ослеплял меня, и сейчас ты не увидишь, как гаснет зародившаяся надежда.

— Я найду тебе лекарей, дед. — Алит потянул Элорана за руку, чтобы заставить его подняться с кресла. — Маги Сафери сумеют вернуть тебе зрение. Пошли, мне надо спешить.

— Ты же хочешь, чтобы я ушел, да? — Элоран отдернул руку. — Сколько душ она пообещала тебя за то, что я уйду? Тысячу и еще одну? Я не возьму их смерть на свою совесть. Ты можешь угрожать, издеваться, искушать меня, но я не дам тебе заключить адскую сделку.

— Ты должен пойти со мной, — со слезами на глазах взмолился Алит. — Пожалуйста, поверь мне, я действительно Алит!

— Я не собираюсь ничему верить. Мне и так достаточно мучений. Ты держишь меня в этом мерзком месте, где я чувствую запах жертвенных костров и слышу крики несчастных. Ты оставляешь мою дверь открытой и говоришь, что я могу уйти в любое время, но прекрасно знаешь, что я этого не сделаю. Моя душа останется чистой. Когда я попаду в Мирай, меня не будут преследовать тени убитых в обмен на мою свободу эльфов. Я проведу здесь тысячу лет и выдержу любые придуманные тобой страдания, но не сдамся.

Алит отступил назад; от горя и ярости его сотрясала дрожь. Он мог забрать Элорана силой, но если старый эльф говорил правду, то он не хотел платить назначенную Морати цену. Алит вытащил припрятанный за поясом мантии нож, чтобы избавить старика от страданий. Князь потянулся к горлу Элорана, но рука тряслась, и он отдернул ее. Он не мог убить деда. Хотя сердце Алита разрывалось, ему оставалось лишь одно: поступить так, как его воспитывали, а именно — уважить желания деда. Он наклонился и поцеловал Элорана в лоб.

— Прощай, дед, — сдавленным голосом прошептал Алит. — Умри с миром и достоинством.

Это было еще одно унижение, за которое следовало отомстить. Горе Алита оборачивалось холодной яростью, поддерживавшей его уже много лет.

При помощи тех же хитрых расспросов и притворства, что помогли ему найти Элорана, Алит узнал, что лунный лук выставлен напоказ вместе с другими трофеями, захваченными друкаями. Поиски привели его в полукруглую галерею над одним из главных залов. Помещение внизу пустовало, но по галерее расхаживали и рассматривали диковинки дюжины друкаев. Выставку охраняли несколько скупающих солдат.

Алит какое-то время шатался вместе с толпой. Он осмотрел сорванные со стен Тор Анрока знамена Бел Шанаара, плащ из шкуры белого льва, снятый с крейсийского князя, солнечное копьё, принадлежащее когда-то князю Эур Этану из Котика, обгорелую кору энта Авелорна. Алиту приходилось скрывать отвращение при виде мерзких реликвий, но в конце концов он вышел к лунному луку.

Тот лежал на фиолетовой подушке тусклым и безжизненным куском металла. Надпись на табличке гласила: «Лук так называемого Короля Теней, убитого Хеллеброн, жрицей Каина». Алит посмотрел на свое любимое оружие и покачал головой. Солдат неподалеку равнодушно рассматривал свои ногти. Алит протолкался через толпу и подошел к нему.

— Я позаимствую у тебя кое-что, — произнес Алит.

Молниеносно он выхватил меч из ножен на поясе солдата, воткнул клинок ему в живот, повернул и резким движением вытащил.

Поднялась суматоха, друкаи разразились тревожными криками. Некоторые пытались схватить преступника — Алит с наслаждением убивал их и отбрасывал в сторону тела, пробираясь к лунному луку. Другие пытались бежать, но Алит беспощадно рубил всех, до кого мог дотянуться.

Он добежал до лука и подхватил его с подушки — лук ожил при его прикосновении. По руке растеклось тепло, и на грани слуха запел хор нежных голосов.

Часовые приближались с обнаженными мечами. Алит вскочил на обрамляющую галерею деревянную балюстраду. Он собирался прыгнуть вниз, в зал, но тут кое-что привлекло его внимание.

В середине галереи лежал простой обруч из серебра и золота с выложенной драгоценными камнями звездой — корона Нагарита. Алит пробежал по балюстраде, перепрыгнул через пронесшийся мимо меч друкая и приземлился рядом с короной. Ловко развернулся, отбил следующий удар и проткнул противнику горло. Тут же с полуоборота князь ударил второго друкая ногой в лицо, перепрыгнул через него и вонзил меч в спину. Следующий удар он отбил лунным луком и прочертил по лицу солдата тонкую кровавую полосу мечом. Затем сбил воина с ног толчком плеча и добил уколom в бок, пока тот падал.

— Я прихвачу еще и это, — засмеялся Алит.

Он перекинул лунный лук через плечо, поднырнул под свистнувший над головой меч и свободной рукой подхватил корону Нагарита. Натянул ее на голову и отпрыгнул от целящегося в лицо клинка. От пинка по колену нападающий подался назад, но Алит продолжал теснить его, осыпая ударами, пока не нашел брешь в защите.

Прямым выпадом он прикончил последнего солдата и перепрыгнул через перила. Мягко приземлившись на ноги, он побежал к дверям в надежде, что они не заперты. Так и оказалось. Алит выскочил из зала в длинный коридор, где его ожидало неожиданное столпотворение. Слуги и придворные, толкаясь, пробирались к выходу, а отряд вооруженных солдат пытался прорваться в противоположном направлении. Алит заметил справа черный ход и запрыгнул на плечи одного из слуг. Эльф под ним пошатнулся, и Королю Теней пришлось спешно перескочить на голову визжащей аристократке. Затем он оттолкнулся и подпрыгнул к свисающему с потолка длинному полотнищу. Схватившись за него одной рукой, он пролетел над толпой и разжал руки только тогда, когда импровизированные качели перенесли его через головы стражей.

Алит сорвал скрывающий проход гобелен, швырнул его в преследователей и метнулся в темный коридор. Он помчался вниз по ступеням, наобум проскакивая в арки и перебегая через лестничные площадки. Князь все равно не представлял, куда направляется, так что ему было все равно, куда поворачивать — направо или налево.

Он ворвался в двойную дверь и обнаружил, что оказался в приемной со сводчатым потолком. На кушетке извивалась обнаженная пара. Через окно на дальней стене комнаты виднелись крыши Анлека.

Алит на ходу воткнул меч между лопаток мужчины и пригвоздил его к эльфийке снизу. За спиной раздался топот ног, но Алит не стал оборачиваться. Он отпустил рукоять меча, обмотал плотным плащом руку и голову, с разбегу проломил окно и рухнул на вымощенный плитками пол балкона.

Там он перепрыгнул через перила и повис под ними, выскивая ногами опору на стене дворца. Опоры не находилось. Алит разжал руки и камнем упал на балкон этажом ниже. Хоть он и пытался смягчить приземление перекатом, одна лодыжка болезненно подвернулась. Алит сдержал крик боли, спрыгнул еще ниже и затерялся в лабиринте крыш и башен цитадели.

Вскороности он спустился со стены и смешался с толпой анлекцев.

Капитан стражи вполз в покои Морати на коленях. Он не отрывал глаз от пола и дрожал, как побитая собака.

— Мы нашли записку, ваше величество. — Капитан протянул лист пергамента. — Она была пришпилена стрелой к груди одного из моих солдат.

Морати подошла и вырвала пергамент из трясущейся руки. Она было отвернулась, но на полушаге остановилась.

— Встань, — прошипела она через плечо. — Город оцеплен?

— Да, ваше величество, — прошептал капитан. — Поиск продолжается.

В глазах Морати засверкал темный огонь.

— Его уже нет здесь, идиот! — взвизгнула королева и отвесила капитану пощечину.

Не обращая больше внимания на нерадивого подчиненного, Морати повернулась к нему спиной и развернула записку. Капитан потихоньку пятился к двери; одну руку он прижимал к вздувшейся царапине на лице, оставленной кольцами королевы. Текущая из раны кровь чернела на глазах, и друкай в ужасе остановился в дверях. По его лицу расплзался синяк, кожа вздувалась, глаза заливало темной кровью. С влажным вздохом капитан упал на колени, схватился за горло, и тут же завалился на бок. С его губ стекала полоска черной слизи.

Морати прочла записку:

«Дорогая Морати,

Представь себе, я еще жив. Если осмелишься, пришли своего нового любимца в Эланардрис.

Алит Анар, Король Теней».

Вместо подписи стояли выведенные кровью руны теней и мести.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Король-Колдун

Снег тихонько хрустел под ногами; армия Теней собиралась у развалин древнего особняка. Руины выглядели омерзительно, почерневшие камни все еще были устланы костями друкаев, а обожженная земля в тех местах, где Алит в свое время велел разложить погребальные костры, оставалась мертвой. В центре бывшего главного зала росло дерево, спальню Алита затянуло плющом и тернистым кустарником.

Шесть дней Тени тренировались здесь под началом Алита и расходились только ночью, чтобы не выдать себя огнями. Алита не покидала уверенность, что настал последний день тренировок. Разведчики донесли, что у подножия холмов расположилась армия друкаев, такая огромная, какой никто не видел за последние десятилетия. Она могла принадлежать только Колдуну.

Семь дней назад до Короля Теней дошли слухи, что войска покидают Анлек. Сначала он решил, что друкаи выступают на юг, к Тираноку, где стоял лагерем Каледор. Но на следующий день Алит узнал, что армия направляется на восток, к горам.

Пришло время встретиться с новым врагом. Алит чувствовал звенящую в воздухе неизбежность столкновения. Шел редкий снег, над горами нависли серые облака. Леса и горы охватило странное спокойствие, и лишь обостренные чувства Алита улавливали отголоски темной магии. Да, сказал он себе, сегодня я узнаю правду.

Ближе к полудню с востока донеслись крики — разведчики заметили спускающегося с гор всадника. Алит передал часовым приказ пропустить его, поскольку твердо знал, что это Эльтириор. Идущий по путям Морай-хег не мог пропустить столь знаменательный день.

И верно, вскоре к руинам подъехал вороний герольд. Его конь ловко выбирал дорогу между раскатившимися камнями и холмиками земли, которые укрывали останки погибших. Эльтириор откинул капюшон, открыв бледное, напряженное лицо. В правой руке он держал копье, но к середине древка был привязан сверток из пропитанной воском ткани. На ней сверкали капли воды.

Эльтириор заметил Алита и направил коня к нему.

— Вижу, что выманил из укрытия не только врага, — произнес Алит, когда вороний герольд спешился.

— Пришло время кое-что вернуть. — Он протянул копье.

— Что это?

— Разрежь веревки, когда придет Король-Колдун, — ответил Эльтириор, — и увидишь.

— Ты знаешь, кто он такой? — спросил Алит.

Вороний герольд покачал головой.

— В твоём распоряжении больше глаз и ушей, чем есть у меня, — ответил он. — К тому же разве ты не ездил в Анлек, чтобы разузнать о нём?

— Меня отвлекли, — ответил Алит, хотя у него хватило совести покраснеть. — Я рад, что ты здесь.

— Нас осталось очень мало. Не думаю, что вороны герольды переживут эту войну, — ответил Эльтириор. — Наше время прошло.

Алит поневоле встревожился. Среди его метаний и бед одно оставалось постоянным — поддержка Эльтириора. Вороний герольд был ему наставником, союзником и компаньоном. Иногда Алиту хотелось назвать его другом.

— За Нагаритом теперь присматривает Король Теней, — с невеселой улыбкой продолжал Эльтириор. — Морай-хег уступила место Курноусу и обратила всевидящий взгляд на другие земли.

Алит не знал, что ответить. Они молча стояли рядом и смотрели на запад. Довольно скоро показалось войско друкаев — по холмам на северо-западе потянулись длинные змеи колонн. Алит осмотрел небо в поисках драконов или мантикор, но ничего не увидел. Вроде все шло согласно его плану — Король-Колдун решил встретиться с ним лично.

Несмотря на все, что довелось испытать Алиту, его охватила тревога, когда друкайская армия рассыпалась по холмам. Количество солдат превышало все ожидания. На первый взгляд он оценил войско в сотню тысяч. Где противнику удалось найти столько воинов, Алит не знал. Неужели Морати копила силы все эти годы в ожидании подходящего предводителя?

Войско остановилось за пределами выстрела машин-копьеметателей. Намерения противника были ясными: он не хотел пугать Алита и сгонять его с места.

Перешептывания и крики тревоги заставили Алита обернуться к своим солдатам. Те показывали на небо, где появился и медленно опускался к земле дракон. Алит никогда не видел такого огромного зверя — вполовину больше, чем тот, на котором летал Керанион. Алит уже собирался дать приказ отступить к холмам, но остановился, когда дракон повернул обратно к армии друкаев и приземлился перед ней.

Высокий эльф легко спрыгнул на землю рядом с чудовищем. Воздух вокруг него дрожал дымкой темного тумана и жара. Алит пристально наблюдал за приближающимся Колдуном.

Тот был выше любого эльфа и одет в закрытый черный доспех. На щите с золотым узором сверкала ненавистью руна. От взгляда на нее у Алита жгло глаза. Меч в правой руке от рукояти до кончика лезвия окутывало голубое пламя; оно отбрасывало на снег пляшущие тени.

Внимание Алита привлек доспех. Пока Король-Колдун уверенным шагом поднимался на холм, Алит заметил, что латы на самом деле не черные, а подсвечены изнутри рубиновым светом. Вокруг друкая поднимались завитки пара. Алит вдруг с ужасом понял, что пластины и кольчужные вставки доспеха пылают жаром, будто их только что выковали. Там, где ступал Колдун, оставался талый снег и опаленная земля, а воздух будто отшатывался от него и сворачивался крохотными вихрями.

Тени внимательно наблюдали за Колдуном с луками наготове. Алит велел им не нападать без приказа; он хотел узнать, кто же посмел объявить себя правителем Нагарита. Численность войска Короля-Колдуна не оставляла сомнений, что за ним стоит вся мощь Анлека.

Когда Колдун вошел в покосившиеся старые ворота, Алит не смог оторвать взгляд от его глаз. В черных колодцах горело темное пламя, пустое и в то же время полное энергии. Все лицо, за исключением глаз, скрывал черный с золотом шлем с обручем из шипов и рогов из тусклого серебристо-серого металла.

Алит вспомнил, что все еще держит в левой руке подарок Эльтириора, достал из-за пояса нож и перерезал стягивающие сверток веревки. Затем потряс копьё, чтобы стряхнуть с

него узелок из ткани, и тот затрепетал на ветру и развернулся. Золотой нитью к древку был привязан флаг.

Потрепанное, в пятнах и дырах полотнище с истлевшей вышивкой по краям.

Когда-то флаг был белым, но с годами посерел. Герб на нем истерся, но Алит все равно узнал золотое крыло грифона — знамя дома Анар.

Алит ощутил приток смелости. Нагоняемый Колдуном ужас пропал. Этот флаг развевался здесь со времен Аэнариона, и Алит впитывал в себя вековую силу, которую не смыла даже кровь анарцев. С высоко поднятой головой он уставился на врага.

— По какому праву ты явился на эти земли без разрешения Алита Анара, князя дома Анар, Короля Теней Нагарита? — спросил Алит и поднял потрепанное знамя над головой. — Если ты пришел угрожать мне, послушай клятву, которую я дал погибшим. Ничто не забыто, никто не прощен!

Колдун остановился в полудюжине шагов, и по коже Алита побежали мурашки от излучаемого им жара. Адские глаза уставились на флаг. Колдун убрал в ножны меч и шевельнул одним пальцем.

Черное пламя охватило знамя, и оно осыпалось обгорелыми хлопьями, которые тут же разметал ветер. В руках Алита осталось дымящееся древко. Ему пришлось разжать пальцы.

— Дом Анар мертв, — произнес Колдун. Его голос отдавался глубоким эхом, будто доносился из далекого пустого зала. — Только я правлю Нагаритом. Поклянись мне в верности, и я забуду о прошлом и прощу предательство. Я отдам тебе эти земли, и ты будешь подчиняться только мне.

Алит засмеялся.

— Ты сделаешь меня князем могил, хранителем пустоты, — сказал он. Затем прищурился и посерьезнел. — По какому праву ты требуешь моей верности?

Король-Колдун сделал шаг вперед, и Алит с трудом заставил себя не отшатнуться. На грани слуха шипели странные голоса — запечатанные в доспехе души жертв. Жар стоял невыносимый, на глаза наворачивались слезы, а кожа трескалась. Алит облизал губы, но во рту пересохло. Хуже всего на него действовали ползущие по коже щупальца черной магии — они высасывали жизнь и охладили сердце.

— Разве ты не узнаешь меня, Алит? — Колдун пригнулся ближе. Тихий голос окутывала аура огня и смерти. — Разве ты не послужишь мне снова?

Хриплый голос создания срывался, но Король Теней узнал его. Когда-то, в другой жизни, он произнес слова, на которых держались все мечты и надежды Алита. Когда-то, давным-давно, этот голос поклялся освободить Нагарит от тирании, и Алит поверил ему. Сейчас он приказывал ему сдаться.

Голос Малекита.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

ОБ АВТОРЕ

Гэв Торп уже много лет путешествует по мирам Warhammer и Warhammer 40,000 как автор и разработчик игр. Он отчаливает из притона не знающих закона разбойников, называющегося Ноттингем, и совершает набеги, оставляя после себя кровавый хаос. Во всем ему помогает механический хомяк по кличке Деннис, который сейчас занят планом переворота в небольшой южноамериканской стране.

Среди романов Гэва можно выделить любимившихся читателям «Ангелов тьмы» и первую часть трилогии о Расколе — «Малекит».